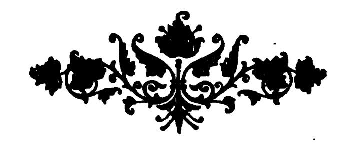

ЗАПИСКИ
СЕРГѢЯ АЛЕКСѢЕВИЧА ТУЧКОВА.

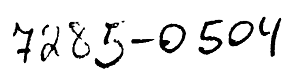
1766—1808.

Подъ редакціей и со вступительной статьею
К. А. Военскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва „Свѣтъ", Невскій, 136.
1908.

Ex libris
Чернявских

7285-0504

Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ.

(Біографическій очеркъ).

Авторъ Записокъ генералъ-лейтенантъ Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода и былъ вторымъ сыномъ *) Инженеръ-генерала Алексѣя Васильевича Тучкова, сподвижника Румянцева, Потемкина и Суворова, впослѣдствіи Дѣйств. Тайнаго Совѣтника и Сенатора при Павлѣ I. Три брата Сергѣя Алексѣевича, старшій Николай и два младшихъ Павелъ и Александръ, были героями Отечественной войны. Николай и Александръ Тучковы пали смертью храбрыхъ въ день Бородина; Павелъ Алексѣевичъ, впослѣдствіи Дѣйств. Тайный Совѣтникъ и Членъ Государственнаго Совѣта, въ Отечественную войну, послѣ геройской защиты, весь израненый взятъ въ плѣнъ подъ Валутиной горой и приведенъ къ Наполеону, который велѣлъ возвратить герою шпагу. Онъ оставилъ чрезвычайно интересныя «воспоминанія о 1812 годѣ», напечатанныя въ 1873 году въ «Русскомъ Архивѣ».

Вдова Александра Тучкова, извѣстная Маргарита Михайловна, рожденная Нарышкина, была основательницей и первой игуменьей (въ иночествѣ Марія) Спасо-Бородинскаго Монастыря, сооруженнаго ею на Бородинскомъ полѣ, на мѣстѣ гибели ея мужа, близъ такъ назыв. «Семеновскихъ или Багратіоновыхъ флешей.»

Къ этой-то семьѣ героевъ принадлежалъ и авторъ настоящихъ записокъ, свидѣтель четырехъ царствованій, принимавшій дѣятельное участіе въ главнѣйшихъ войнахъ Россіи конца XVIII и начала XIX ст: съ Швеціей, Польшей, Турціей, Персіей, на Кавказѣ, въ Отечественную войну 1812 года *) и въ турецкую кампанію 1828.

---

*) Въ эпоху Отечественной войны четыре брата Тучковы служили въ русской арміи и значились въ спискахъ генераловъ: Николай Алексѣевичъ Тучковъ I-й, Сергѣй Алексѣевичъ II-ой, Павелъ Алексѣевичъ III-ій и Александръ Алексѣевичъ IV-тый. Послѣ смерти старшаго брата Николая— Сергѣй Алексѣевичъ значился въ спискахъ Тучковомъ I-мъ.

**) Хотя въ 1812 г. С. А. Тучковъ былъ уже въ чинѣ Генералъ-Маіора и Георгіевскимъ кавалеромъ, но почему то не попалъ въ списокъ дѣятелей отечеств. войны, біографіи которыхъ составлены Михайловскимъ— Данилевскимъ въ его „Военной Галлереѣ Зимняго Дворца“.

Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ родился въ Москвѣ въ 1766 году. По обычаю того времени онъ съ малолѣтства зачисленъ унтеръ-офицеромъ въ артиллерію (въ артиллерійскую роту 2-го Фузилернаго полка) и отпущенъ въ родительскій домъ для «прохожденія наукъ». Въ это время отецъ С. А. только что вернулся изъ Турецкаго похода и, въ чинѣ инженеръ-полковника, былъ переведенъ въ Петербургъ, а затѣмъ въ Выборгъ, куда переселился со всей семьей. Здѣсь молодой Тучковъ (начавшій еще въ деревнѣ отца, на 4 году отъ роду обученіе грамотѣ по старинному букварю подъ руководствомъ дьячка) отданъ былъ на попеченіе грамотнаго солдата-артиллериста, а черезъ два года опредѣленъ въ школу мѣстнаго лютеранскаго пастора, гдѣ учился нѣмецкому языку. Между тѣмъ отецъ Тучкова былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ начальство надъ крѣпостями, расположенными по польской и турецкой границѣ. Мѣстопребываніемъ его назначенъ Кіевъ, куда онъ и переселился съ семьею. Въ Кіевѣ С. А. Тучковъ подъ наблюденіемъ гувернера занимался французскимъ и нѣмецкимъ языками, географіей и исторіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проходитъ здѣсь и ариѳметику, геометрію, фортификацію, черченіе и рисованіе подъ руководствомъ инженерныхъ офицеровъ, работавшихъ въ чертежной его отца. Эти же офицеры впервые знакомятъ юнаго Тучкова съ сочиненіями Ломоносова и масонскими пѣснями. Стихи такъ понравились впечатлительному 12 лѣтнему мальчику, что онъ самъ началъ сочинять ихъ «по слуху». Посѣщавшій домъ его отца, ректоръ Кіевской духовной Академіи, замѣтивъ дарованія молодого Тучкова, заинтересовался имъ. Онъ просмотрѣлъ и исправилъ нѣкоторыя его стихотворенія и отправилъ ихъ въ Москву для напечатанія въ Московскомъ университетскомъ журналѣ, и въ заключеніе предложилъ Тучкову брать у него уроки риторики, поэзіи и латинскаго языка. Въ тоже время С. А. началъ учиться игрѣ на флейтѣ. Занятія поэзіей и музыкой не нравились однако его отцу, предназначавшему сына къ военной службѣ и мечтавшаго сдѣлать изъ него инженера. Обративъ особенное вниманіе на математическія и военныя науки Тучковъ сталъ усиленно готовить сына къ офицерскому экзамену, который онъ и выдержалъ блестяще, будучи на 17 году произведенъ въ прапорщики артиллеріи съ назначеніемъ на должность младшаго адъютанта при отцѣ. Въ это время въ Петербургѣ умеръ начальникъ всѣхъ инженеровъ, извѣстный генералъ Ѳ. В. Боуръ, на мѣсто

котораго былъ назначенъ отецъ Тучкова, переведенный въ Петербургъ, семья же предварительно переѣхала въ Москву. Между тѣмъ юный С. А. Тучковъ, не потерявшій склонности къ литературѣ и поэзіи *), передъ отъѣздомъ изъ Кіева, заручился письмами отъ ректора духовной Академіи къ издателямъ Московскаго университетскаго журнала и по прибытіи въ Москву вступилъ въ число членовъ «вольнаго россійскаго общества, пекущагося о распространеніи наукъ.» Онъ вновь ревностно занялся словесностью и сдѣлалъ два перевода въ стихахъ, которые напечатаны были въ журналѣ общества. Но не долго пришлось ему пробыть въ Москвѣ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ семья переѣхала въ Петербургъ, гдѣ Сергѣй Алексѣевичъ назначенъ на должность старшаго адъютанта, каковой чинъ въ то время соотвѣтствовалъ капитану арміи. Въ Петербургѣ Тучковъ, вступаетъ въ «общество друзей словесныхъ наукъ», посѣщаетъ Академію Наукъ, знакомится съ извѣстными учеными Крафтомъ и Рожешниковымъ и слушаетъ лекціи по минералогіи, металлургіи, химіи и физикѣ благодаря чему прекрасно изучаетъ технику артиллерійскаго дѣла.

То была эпоха турецкой войны. Желая нанести ударъ туркамъ съ моря, Екатерина задумала отправить въ Средиземное море большую эскадру подъ начальствомъ адмирала Самуила Грейга изъ Петербурга. Между тѣмъ король Шведскій Густавъ III не только не пропустилъ русскій флотъ черезъ Зундъ, но безъ объявленія войны, выслалъ противъ Россіи армію и лично осадилъ русскую крѣпость Нейшлотъ

Шведская война 1788—1790 г.г. была началомъ боевого поприща С. А. Тучкова. Произведенный въ 1789 г. въ капитаны артиллеріи онъ назначенъ ротнымъ командиромъ сформированнаго имъ бомбардирскаго баталіона и, находясь въ эскадрѣ Вице-адмирала Круза, участвуетъ въ морскомъ сраженіи 13 авг. 1789 при Роченсальмѣ, при пораженіи шведскаго флота, гдѣ получилъ сильныя контузіи въ ногу, грудь и голову, проявивъ выдающуюся храбрость и заслуживъ репутацію опытнаго артиллерійскаго офицера и отважнаго воина. Въ декабрѣ 1789 года Тучковъ со своей ротой прибылъ въ Петербургъ: здѣсь только что разыгралась плачевная исторія съ извѣстной кни-

*) Въ 1820-хъ годахъ онъ издалъ собраніе своихъ сочиненій (стихотворенія и драматическія статьи) представляющее нынѣ библ. рѣдкость.

гой Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»: многія литературныя собранія и въ томъ числѣ «общество друзей словесныхъ наукъ» закрыты и члены ихъ подверглись преслѣдованію. Боевая репутаціи С. А. Тучкова, числившагося въ спискахъ общества, была повидимому причиной снисходительнаго къ нему отношенія Императрицы, которая на докладѣ ограничилась по отношеніи къ Тучкову милостивымъ каламбуромъ: «*на что трогать сего молодого человѣка, онъ и такъ уже «на галерахъ»*», намекая на блестящую боевую службу С. А. въ *галерномъ* флотѣ

Въ мартѣ 1790 года Тучковъ снова выступилъ въ походъ со своею ротою и, участвуя во многихъ дѣлахъ со шведами, въ качествѣ начальника артиллеріи осажденной Фридрихсгамской крѣпости, даетъ парламентеру, присланному отъ Короля съ предложеніемъ сдачи, достойный русскаго офицера отвѣтъ. Въ Маѣ того же года онъ участвуетъ въ морскомъ сраженіи при Транзундѣ на эскадрѣ Козлянинова, а затѣмъ В. Я. Чичагова и послѣ заключенія мира возвращается въ Петербургъ.

Съ тѣхъ поръ продолжается безпрерывная боевая дѣятельность Тучкова вплоть до отечественной войны. Въ войну 1792—1794 г.г. противъ польскихъ мятежниковъ 29 лѣтній Тучковъ покрываетъ себя славою и дѣлается лично извѣстнымъ Императрицѣ. Находясь въ 1794 году въ Вильнѣ во время предательскаго избіенія русскихъ въ пасхальную ночь, Тучковъ вывозитъ изъ города 16 орудій, спасаетъ знамена Нарвскаго и Псковскаго полковъ и собираетъ вокругъ себя оставшійся русскій гарнизонъ города. Онъ бомбардируетъ Вильну и беретъ въ плѣнъ польскій батальонъ полковника Теттау. За всѣ эти подвиги Тучковъ, въ чинѣ капитана, награжденъ орденами св. Владиміра и Георгія IV степени, особенно высоко цѣнившимися въ царствованіе Екатерины.

По вступленіи на престолъ Павла I Тучковъ безъ кровопролитія усмиряетъ крестьянскія волненія въ Псковской губ. за что награжденъ Коммандорскимъ крестомъ св. Анны II степени. Состоя при ген. Философовѣ, онъ исполняетъ цѣлый рядъ порученій, въ которыхъ проявляетъ и административныя способности, особенно сказавшіяся впослѣдствіи при управленіи имъ гражданской частью въ Грузіи (по присоединеніи ея къ Россіи въ 1802 году) и при основаніи цѣлаго города въ Бессарабіи, названнаго въ честь его «Тучковымъ».

Въ первые годы Александровской эпохи Тучковъ продол-

жаетъ свое блестящее боевое поприще на Кавказѣ и въ чинѣ генерала, подъ начальствомъ кн. Циціанова отличается въ въ Грузіи, Имеретіи и въ бояхъ съ Персами. Въ 1807 г., послѣ сформированія бригады 16-ой дивизіи, онъ прекращаетъ мятежъ въ украинской милиціи за что представленъ фельдмаршаломъ кн. Прозоровскимъ къ наградѣ, которой однако не получилъ. Съ 1808 по 1812 г. онъ оказываетъ рядъ подвиговъ въ Турецкой войнѣ, участвуя при штурмѣ Браилова, взятіи Мачина, Кюстенджи и при осадѣ Силистріи. Въ февралѣ 1812 года за успѣшные дѣйствія противъ Турокъ въ экспедиціи на правый берегъ Дуная, во время которой взялъ въ плѣнъ Пашу и болѣе 1000 чел. Турокъ, С. А. былъ представленъ Кутузовымъ къ Аннѣ I степени *дважды*—и снова награды не получилъ. Къ этому времени относится созданіе Тучковымъ близь Измаильскаго предмѣстья цѣлаго города, который въ силу высочайшаго указа Сенату 4-го сентября 1812 года названъ «Тучковымъ» въ честь его устроителя. Когда во главѣ Малдавской арміи поставленъ былъ адмиралъ Чичаговъ, Тучковъ, въ качествѣ дежурнаго генерала, участвовалъ съ ней во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ второй половины отечеств. войны противъ Австрійскихъ, Саксонскихъ и Польскихъ войскъ.

Въ концѣ этого года, находясь въ Минскѣ, Тучковъ внезапно устраненъ отъ должности и преданъ суду, вслѣдствіе жалобы Адама Чарторыжскаго и польской партіи, по обвиненію въ разграбленіи якобы войсками его корпуса имѣній кн. Радзивилла и захватѣ 10 милліоновъ злотыхъ. Дѣло это, длившееся болѣе 12 лѣтъ, закончилось оправданіемъ Тучкова въ 1826 году, причемъ было доказано, что всѣмъ вещамъ и деньгамъ отобраннымъ, по приказанію Чичагова, у Радзивилла, была составлена опись, которая, вмѣстѣ съ имуществомъ, представлена тогда же Тучковымъ командующему молдавской арміей. Между тѣмъ Чичаговъ почему то къ дѣлу привлеченъ небылъ и въ 1814 году эмигрировалъ за границу.

Въ Турецкую войну 1828 года С. А. снова принятъ на службу, состоя при главной квартирѣ 2-й арміи Виттгенштейна и въ мартѣ того же года назначенъ комендантомъ Бабадагской крѣпости. Въ 1829 году Тучковъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ слѣдующемъ году назначенъ градоначальникомъ Измаила, близь созданнаго имъ города «Тучкова». Памятуя боевыя заслуги престарѣлаго воина императоръ Николай Павловичъ въ 1834 году наградилъ его орденомъ

Бѣлаго Орла при милостивомъ рескриптѣ, послѣ чего удрученный годами и болѣзнями Тучковъ окончательно покинулъ службу и удалился на покой, проживая сначала въ Измаилѣ, а послѣдніе годы въ Москвѣ, гдѣ жилъ и младшій братъ его Павелъ Алексѣевичъ. Скончался Сергѣй Алексѣевичъ въ 1839 году въ преклонномъ 73-лѣтнемъ возрастѣ и похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьомъ монастырѣ.

Такова въ общихъ чертахъ жизнь автора настоящихъ «Записокъ», полныхъ глубокаго интереса*). Это не только цѣнный историческій документъ относящійся къ славнымъ царствованіямъ Екатерины и Александра, но и живая бытовая хроника общественной жизни и нравовъ этой эпохи. Въ своихъ «Запискахъ» Тучковъ даетъ чрезвычайно цѣнныя характеристики цѣлаго ряда дѣятелей трехъ царствованій: Румянцева, Потемкина, Суворова, принца Нассау-Зигенскаго, Мелиссино, Салтыкова, Кутузова, кн. Циціанова, Игельстрома, Репнина, Безбородки, Трощинскаго, Зубова, Зорича, шведскаго короля Густава III, императора Павла, цесаревича Константина и наконецъ императора Александра Павловича. Изъ текста «Записокъ» видно, что характеристика этого государя, котораго благодарная Россія почтила званіемъ Благословеннаго — писана перомъ неблагожелательнымъ, подчасъ мстительнымъ и жестокимъ. Корректный, безпристрастный въ своихъ отзывахъ о современникахъ — Тучковъ дѣлается совершенно нетерпимымъ и желчнымъ, какъ только рѣчь заходитъ объ императорѣ Александрѣ, выставляя этого Монарха въ самомъ непригляднымъ свѣтѣ, оттѣняя и подчеркивая одни его недостатки и какъ бы забывая о высокихъ его душевныхъ качествахъ, признаннымъ за нимъ исторіей.

Единственнымъ объясненіемъ, но отнюдь не оправданіемъ подобнаго отношенія автора, могутъ служить тѣ служебныя неудачи и подчасъ несправедливости, которыя постигли Тучкова въ царствованіе Александра.

Вотъ упрекъ, который можетъ сдѣлать автору «Записокъ» безпристрастный читатель. Во всемъ же остальномъ «Записки С. А. Тучкова» представляютъ драгоцѣнный документъ для историка и бытописателя и полный захватывающаго интереса литературный трудъ для любителя отечественной старины.

Сентябрь 1908.
гр. св. Петра.

К. Военскій.

---

*) Крайне интересны краткіе очерки, посвященные исторіи Финляндіи Польши, Малороссіи, войска Донского, описанію Грузіи, Кавказскихъ минер. водъ и т. п.

Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова.

ГЛАВА 1-я.

Родъ Тучковыхъ.—Первоначальное воспитаніе.—Переѣздъ въ Выборгъ и затѣмъ въ Кіевъ.—Воспитаніе въ Кіевѣ.—Стихотворныя упражненія.—О войскѣ россійскомъ при Екатеринѣ II.

Родъ Тучковыхъ.

Если найдутся еще таковые изъ читателей моихъ, для которыхъ древность дворянскихъ родовъ что-либо значитъ, то скажу я, что предки мои назадъ тому 570 лѣтъ поселились въ Россія въ достоинствѣ дворянъ (что можно видѣть въ исторіи сего государства) и почти всѣ по тогдашнему и нынѣ еще продолжающемуся обычаю служили въ военной службѣ. Отецъ мой*) въ семилѣтнюю войну служилъ противъ Фридриха II въ качествѣ инженернаго офицера, а по заключеніи мира, возвратясь, женился въ Москвѣ на матери моей дѣвицѣ, такъ же отъ древняго дворянства происходящей; но какъ отецъ ея, а мой дѣдъ, такъ же и всѣ предки ея служили больше въ службѣ гражданской.

Здѣсь скажу я нѣчто объ общественномъ воспитаніи учрежденномъ еще Петромъ I, которое получилъ отецъ мой. Такъ какъ все дворянство непремѣнно обязано было служить въ военной службѣ, то онъ еще малолѣтнимъ отвезенъ былъ родственниками своими въ Петербургъ и опредѣленъ въ школу инженеровъ. Въ его время тамъ ничему не учили, какъ только простой геометріи,

*) Алексѣй Васильевичъ, инженеръ, генералъ-поручикъ, потомъ дѣйств. тайный совѣтникъ и сенаторъ при императорѣ Павлѣ I.

военной архитектурѣ или фортификаціи и артиллерійскому искусству, прочія же науки, входящія въ начертаніе общественнаго воспитанія, равно какъ и иностранные языки вовсе не преподавались; даже самая грамматика природнаго языка была пренебрежена. Такова точно была и морская школа. Не доказываетъ ли сіе, что государь сей хотѣлъ имѣть только, такъ сказать, ремесленниковъ, а не ученыхъ или просвѣщенныхъ справедливымъ воспитаніемъ людей?

Я родился почти въ то время, когда отецъ мой долженъ былъ отправиться на войну противъ турокъ, происходившую подъ начальствомъ знаменитаго фельдмаршала Румянцева. Онъ отправился туда въ качествѣ инженера штабъ-офицерскаго званія, и оставилъ меня съ матерью моей въ домѣ отца ея.

Мать моя по домашнимъ обстоятельствамъ скоро поѣхала въ небольшое помѣстье ея мужа; а я оставленъ былъ на попеченіе дѣда и бабки моей.

Первоначальное воспитаніе.

Здѣсь начинаются первоначальныя стези воспитанія моего. Дѣдъ мой, бывшій тогда уже въ глубокой старости, продолжалъ еще заниматься обязанностями гражданской службы съ такою прилежностію, что большую часть дня всегда проводилъ въ присутственномъ мѣстѣ, однакожъ не упускалъ заниматься и мною. На третьемъ году возраста начали уже меня учить читать по старинному букварю и катехизису, безъ всякихъ правилъ. Въ то время большая часть средняго дворянства такимъ образомъ начинали воспитываться. Между тѣмъ не упускали изъ вида учить меня дѣлать учтивые поклоны, пріучали къ французской одеждѣ, изъ маленькихъ моихъ волосъ дѣлали большой тупей, нѣсколько буколь, и привязывали кошелекъ. Но сіе не долго продолжалось. Неискусные парикмахеры выдрали мнѣ всѣ волосы и принуждены были надѣть на меня парикъ; притомъ французскій кафтанъ, шпага и башмаки представляли изъ меня какую то маленькую карикатуру и дурную копію парижскаго жителя вѣка Лудвига XIV.

Едва исполнилось мнѣ четыре года, какъ отецъ мой возвратился изъ Турціи въ качествѣ полковника инженеровъ и поѣхалъ въ Петербургъ, взявъ съ собою мать мою, двухъ моихъ старшихъ братьевъ и меня.

И такъ, въ столь юномъ возрастѣ оставя Москву, мѣсто рожденія моего, привезенъ я былъ въ сію столицу Сѣвера. Другой климатъ, другое предназначеніе воспитанію моему и другое обращеніе со мною.

Отецъ мой былъ всегда занятъ предпріятіями по службѣ его, былъ нѣсколько угрюмъ и не всегда привѣтливъ; такова была большая часть военныхъ людей его времени; притомъ и не любилъ много заниматься дѣтьми своими въ малолѣтствѣ ихъ. Но онъ былъ совсѣмъ иначе къ нимъ расположенъ въ другомъ нашемъ возрастѣ.

Здѣсь отецъ и мать мои размышляли — отдать ли меня въ корпусъ кадетовъ, въ другое какое общественное учрежденіе, или воспитывать дома?

Наконецъ, рѣшились на послѣднее; вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ я былъ въ артиллерію унтеръ-офицеромъ и отпущенъ въ домъ отца моего, для обученія наукъ.

Мнѣ остригли начинавшій отрастать тупей, причесали въ малыя букли, привили длинную сзади косу, надѣли галстукъ съ пряжкой, кокетъ, тесакъ, узкое исподнее и сапоги—и такъ изъ французской одежды преобразился я въ маленькаго прусака.

Общественное воспитаніе, заведенное при императрицѣ Аннѣ, Елизаветѣ, и императорѣ Петрѣ III было нѣсколько исправлено Екатериной II, а особливо такъ называемый сухопутный кадетскій корпусъ. Тамъ больше идетъ наукъ, потребныхъ для общественнаго воспитанія и для военной службы, тамъ же французскій и нѣмецкій языки довольно хорошо тогда были преподаваемы. А особливо потому, что извѣстные ученостью своею люди не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, находились тогда тамъ въ качествѣ учителей. Но надлежало быть въ семъ корпусѣ до 18 лѣтъ, чтобъ быть выпущеннымъ въ чинѣ офицера. Столь долговременная разлука въ юномъ возрастѣ показалась слишкомъ чувствительной для матери моей, и потому рѣшили воспитывать меня дома.

Переѣздъ въ Выборгъ и затѣмъ въ Кіевъ.

Отецъ мой не долго пробылъ въ Петербургѣ, но, получа начальство надъ нѣсколькими крѣпостями, расположенными по шведской границѣ, взялъ меня съ собою и отправился въ Выборгъ.

Тамъ увидѣлъ я совсѣмъ иной образъ жизни, и впослѣдствіи узналъ, что нравы тамошнихъ жителей представляютъ смѣсь нѣмецкихъ съ шведскими. Почти не слышно было русскаго языка во всемъ городѣ. Тутъ отецъ мой обратилъ вниманіе на воспитаніе мое. Одинъ унтеръ-офицеръ, знающій хорошо читать и писать, но безъ грамматики и орѳографіи, училъ меня читать по псалтыри, а писать съ прописей его руки. Въ послѣднемъ онъ былъ довольно искусенъ. И такъ первый мой учитель былъ дьячекъ, а второй солдатъ. Оба они не имѣли ни малѣйшей способности съ пользою и привлекательностью преподавать бѣдныя свои познанія. Два года продолжалось сіе ученіе, послѣ чего отданъ я былъ въ школу одного лютеранскаго пастора. Сей почтенный мужъ зналъ хорошо латинскій, французскій, нѣмецкій, шведскій и россійскій языки, преподавалъ богословіе, исторію и географію. Но я учился у него только одному нѣмецкому языку, продолжая вмѣстѣ учиться по-русски. Чрезъ два года оказалъ я нарочитые успѣхи. Между тѣмъ отецъ мой произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и получилъ начальство надъ крѣпостями, расположенными на польской и турецкой границѣ. Мѣстомъ же пребыванія его былъ Кіевъ. Итакъ, съ

сожалѣніемъ разставшись съ любезнымъ моимъ пасторомъ, отправился я на девятомъ году жизни моей почти отъ одного полюса къ другому. Мы должны были проѣзжать чрезъ Петербургъ, гдѣ отецъ мой долженъ былъ на нѣкоторое время остановиться, какъ для полученія порученій по службѣ, такъ и для того, чтобъ найти тамъ хорошаго учителя для насъ. Вызовъ какъ всякаго рода людей для услугъ, такъ и учителей, дѣлается тамъ чрезъ газеты. Отецъ мой не преминулъ тотчасъ по прибытіи своемъ въ сію столицу объявить, чтобъ человѣкъ, знающій хорошо французскій и нѣмецкій языкъ, а также исторію и географію и желающій принять на себя должность учителя, явился къ нему. Всякій день приходило къ намъ въ домъ по нѣскольку человѣкъ иностранцевъ; но почти ни одинъ изъ нихъ не зналъ по-русски, и рѣдкіе соглашались на предложеніе отца моего, чтобъ въ требуемыхъ отъ нихъ ученіяхъ выдержать экзаменъ въ академіи, гдѣ имѣлъ онъ знакомыхъ. Притомъ ѣхать въ Кіевъ казалось имъ слишкомъ далеко. Наконецъ, нашелся одинъ датчанинъ, или лучше сказать природный французъ, котораго предки съ давняго времени удалились изъ отечества своего въ сіе государство изъ-за притѣсненія протестантской религіи. Этотъ человѣкъ согласился на все, и академія дала свидѣтельство не только въ требуемыхъ отъ него познаніяхъ, но и сверхъ того въ латинскомъ языкѣ и отчасти въ медицинѣ. Кажется, отецъ мой взялъ всѣ зависящія отъ него мѣры для выбора учителя дѣтямъ своимъ. Одинъ недостатокъ состоялъ только въ томъ, что онъ ни слова не зналъ по-русски. Но сіе могло быть замѣнено тѣмъ, что я и братья мои могли уже изъясняться съ нимъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Академія могла испытать познанія учителя. Но главнѣйшее, именно поведеніе, правила нравственности и способность преподавать науки, при подобныхъ испытаніяхъ остаются сокрыты. Учитель мой много путешествовалъ, былъ нѣсколько разъ въ Америкѣ, Индіи и въ Африкѣ. Два раза проѣзжалъ онъ экваторъ; одаренъ былъ острою памятью; но, казалось, былъ нѣсколько помѣшанъ въ разумѣ, что обнаруживалось странностью его поступковъ и нѣкоторыми предразсудками. Онъ былъ членомъ одного тайнаго общества и упражнялся иногда въ алхиміи, но не имѣлъ почти никакихъ познаній въ химіи, все время занимался онъ неудачными опытами, однакожъ никогда не терялъ надежды. Онъ былъ человѣкъ довольно кроткаго нрава и хорошаго поведенія и нравственности. Но имѣлъ самую трудную методу преподавать свои познаніи ученикамъ.

Вмѣсто того, чтобы родить охоту къ словесности иностранной, мучилъ онъ выписками изъ священнаго писанія и рѣчами своего сочиненія, которыя заставлялъ выучивать на память. На урокѣ географическомъ былъ онъ довольно привлекателенъ, ибо о многихъ городахъ разсказывалъ историческіе анекдоты, но прибавлялъ иногда и свои приключенія, въ нѣкоторыхъ изъ оныхъ съ нимъ послѣдовавшія, что очень казалось занимательнымъ для дѣтей моего возраста.

И такъ, отецъ мой, со всѣмъ семействомъ и наставникомъ отправился въ Кіевъ. Никогда не забуду я сколько дѣтскія мои чувства поражены были перемѣною климата, положеніемъ мѣстъ, пріятностью и чистотою жилищъ простыхъ поселянъ, ихъ одеждой и образомъ жизни. Вмѣсто полей, покрытыхъ глубокими снѣгами, или скучныхъ сосновыхъ лѣсовъ, болотъ и бѣдныхъ пажитей, между колосьевъ которыхъ проглядывали куски камней, глины или лѣсовъ, взору моему встрѣтились, при въѣздѣ въ Малороссію нивы, исполненныя изобилія, цѣлыя поля, засѣянныя арбузами и дынями, прекрасныя дубовыя рощи, между которыми попадаются плодоносныя деревья, и, наконецъ, сады у каждаго поселянина. Вмѣсто нечистыхъ и закоптѣлыхъ избъ сѣверной Россіи, въ которыхъ въ самые жестокіе морозы должно открывать двери и окна, когда топятъ печь, потому что оныя не имѣютъ трубъ, и гдѣ поселяне живутъ вмѣстѣ съ домашнимъ своимъ скотомъ, нашелъ я жилья чистыя, выбѣленныя внутри и снаружи, расписанныя разныхъ цвѣтовъ глиной, которой тамошній край изобилуетъ, чистые столы и лавки; самые потолки и углы украшены привѣшенными пучками разныхъ цвѣтовъ и благовонныхъ травъ. Вмѣсто мелкаго и едва дышащаго отъ изнуренія скота, увидалъ я ужасной для меня величины воловъ, коровъ и овецъ, пасущихся въ наилучшихъ пажитяхъ. Чрезвычайное изобиліе разныхъ вкуснѣйшихъ плодовъ еще больше меня удивило. Вмѣсто унылыхъ русскихъ пѣсней, раздирающихъ слухъ, и рожковъ и сиповатыхъ дудокъ, услышалъ я скрипки, гусли и цимбалы, притомъ пѣніе молодыхъ людей и дѣвокъ, совсѣмъ отличное отъ дикихъ тоновъ русскихъ пѣсней. Эти малороссійскія пѣсни, безъ всякой науки во всѣхъ правилахъ музыки сочиненныя, поразили мой слухъ.

Воспитаніе въ Кіевѣ.

По прибытіи въ Кіевъ, началъ я учиться французскому языку, продолжая изучать нѣмецкій и русскій, а съ тѣмъ вмѣстѣ исторію и географію. Но тотъ, кто преподавалъ мнѣ русскій языкъ, ни малѣйшаго понятія не имѣлъ ни о грамматикѣ, ни о правописаніи, а старался только научить меня бѣгло читать и чисто ставить буквы.

Отецъ мой имѣлъ въ домѣ своемъ большую чертежную канцелярію, въ которой занимались составленіемъ и отдѣлкою плановъ разныхъ инженерныхъ работъ многіе офицеры и унтеръ-офицеры сего корпуса. Онъ склонилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обучать меня и братьевъ моихъ ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, артиллеріи и рисованію. Одинъ нѣмецъ содержалъ тамъ пансіонъ и училъ танцовать—и сіе искусство не было забыто отцомъ моимъ, онъ заставилъ меня и тамъ брать уроки. Но фехтовальное искусство и верховую ѣзду почиталъ ненужными и говорилъ нерѣдко: „Я не хочу, чтобы дѣти мои выходили на поединокъ“, а о верховой ѣздѣ судилъ онъ такъ: „Наши казаки не знаютъ манежа, а крѣпче другихъ народовъ сидятъ на ло-

шадяхъ и умѣютъ ими управлять, не учась“. Физику и химію, а наипаче механику хотя и почиталъ онъ нужными, но не имѣлъ случая преподавать намъ сіи науки. Словесность, а наипаче стихотворство почиталъ онъ совершенно пустымъ дѣломъ, равно какъ и музыку.

Надобно сказать, что музыка у всѣхъ азіатскихъ народовъ въ большомъ пренебреженіи, и хотя многіе даже знатные люди любятъ слушать оную, но занимаются ею люди самаго низкаго состоянія, равно какъ и пѣніемъ. Я примѣтилъ сіе впослѣдствіи жизни моей въ Грузіи, Персіи, Арменіи, Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Турціи, въ нынѣшней Греціи, у татаръ и даже у калмыковъ и у башкирцевъ. Многіе слѣды татарскихъ обычаевъ и по сіе время остались въ Россіи, а наипаче примѣтно было сіе назадъ тому лѣтъ сорокъ. Почтенные люди даже стыдились брать въ руки музыкальныя орудія. А которые по природѣ любили музыку, тѣ или нанимали для удовольствія своего иностранцевъ, или обучали крѣпостныхъ людей. Не говорю о военной музыкѣ, которая всегда была и будетъ даже у варварскихъ народовъ. Мнѣ никогда не случалось слышать отъ стариковъ, чтобъ кто-либо изъ благородныхъ людей въ царствованіе Петра I-го, Екатерины I-й и даже Анны занимался музыкой: кажется, что сдѣлалось сіе обыкновеннѣе со временъ Петра III-го, потому что онъ самъ любилъ играть на скрипкѣ и зналъ музыку, и то можетъ быть изъ подражанія Фридриху II-му, котораго онъ до безразсудности почиталъ.

Отецъ мой не хотѣлъ такъ же, чтобы кто изъ насъ учился латинскому языку, и говорилъ, что онъ нуженъ только для поповъ и лекарей. О греческомъ мало кто имѣлъ тогда въ Россіи понятіе, да и теперь немногіе. Теологія и философія казались ему совсѣмъ неприличными науками для военнаго человѣка. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ дѣти его служили въ военной службѣ, въ чемъ и успѣлъ. Впрочемъ мнѣніе сіе и понынѣ господствуетъ между дворянствомъ россійскимъ.

Отецъ мой мало имѣлъ времени разсматривать склонности дѣтей своихъ и заниматься ихъ образованіемъ. Образъ жизни его былъ слѣдующій: вставалъ онъ довольно рано, разсматривалъ свои планы, прожекты, отчеты или ходилъ смотрѣть направленіе инженерныхъ работъ; это было занятіемъ его до обѣда. Послѣ сего отдыхалъ, а потомъ занимался письменными дѣлами, а иногда, особливо въ праздничные дни, принималъ у себя старыхъ своихъ сослуживцевъ, разговаривалъ съ ними о семилѣтней войнѣ и о туркахъ. Подъ старость же любилъ играть въ карты на малыя суммы въ коммерческія игры.

Нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ, составлявшихъ его чертежную канцелярію, въ которой получалъ я уроки поименованныхъ мною математическихъ наукъ, любили стихотворство. Они приносили съ собою разныя сочиненія и читали оныя вслухъ одинъ другому. Болѣе всего понравились мнѣ сочиненія Ломо-

носова и масонскія пѣсни, сочиненныя на русскомъ языкѣ. Я не только ихъ читалъ по нѣскольку разъ, но даже многое списывалъ своею рукою, такъ что и теперь помню наизусть. Сіи сочиненія родили во мнѣ охоту къ стихотворству; не взирая на то, что я совсѣмъ не учился сей наукѣ и только нѣсколько разъ прочиталъ Ломоносова грамматику и риторику, я началъ сочинять стихи по слуху. Мнѣ было тогда лѣтъ 12 отъ роду,—стихотворецъ ребенокъ. Но я не первый, и съ подобными мнѣ случается тоже самое, что съ людьми совершеннаго возраста: большая часть моихъ сверстниковъ надо мной смѣялись, а другіе хвалили мои стихи.

Одинъ монахъ, ректоръ академіи, съ давнихъ временъ учрежденной при одномъ монастырѣ въ Кіевѣ, извѣстномъ подъ названіемъ братскаго, посѣщалъ иногда домъ отца моего. Прочитавъ нѣкоторые изъ моихъ стиховъ, онъ поправилъ ихъ и отослалъ въ Москву для напечатанія въ издаваемомъ тогда при московскомъ университетѣ журналѣ, и сверхъ того, просилъ меня, чтобъ я бывалъ у него и бралъ уроки въ риторикѣ, поэзіи и въ началахъ латинскаго языка, чѣмъ и пользовался я всегда, когда онъ и я имѣли свободное время.

Стихотворныя упражненія.

Я не могу умолчать о томъ, что нѣкогда отецъ мой, смотрѣвшій всегда съ неудовольствіемъ на сіе мое упражненіе, одинъ разъ запретилъ было мнѣ вовсе писать стихи, и вотъ за что. Я былъ въ юности моей чрезвычайно предпріимчивъ, и никакой трудъ не могъ меня устрашить. Не зная по-гречески и не читая никогда въ переводѣ Гомеровой Илліады, я нашелъ случайно „Исторію о войнѣ Троянской", сочиненіе Дарія Фригія, переведенное на славянскій языкъ. Сія книга столько мнѣ понравилась, что вздумалъ я переложить оную въ стихи, и занялся симъ трудомъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ, смѣясь сему занятію, сказали мнѣ: „развѣ нельзя найти чего-нибудь повеселѣе изъ новыхъ происшествій"—и разсказали мнѣ въ смѣшномъ видѣ поступокъ одного стараго и почтеннаго генерала противъ нѣкоторыхъ офицеровъ, служившихъ подъ его начальствомъ. Мнѣ тотчасъ пришло въ мысль сдѣлать изъ содержанія сего маленькую комедію въ стихахъ, даже безъ перемѣны именъ дѣйствующихъ лицъ. Едва успѣлъ я написать только нѣсколько сценъ, какъ нетерпѣливая молодежь подхватила ихъ, отвезла въ свой лагерь и начала представлять между собой. Извѣстіе о семъ дошло до стараго генерала, онъ понялъ, на чей счетъ было сдѣлано начало сей комедіи. Авторъ былъ открытъ и наказанъ.

Я уже сказалъ, что масонскія пѣсни мнѣ очень нравились: многаго въ нихъ я не понялъ; но красоты стихотворства и нравоучительныя мысли были для меня весьма пріятны. Это было около 1780 года, когда узналъ я, что въ Кіевѣ существуетъ ложа, что нѣкоторые изъ почтеннѣйшихъ особъ сего города суть члены

оной, и даже мой учитель, который всякую субботу неизвѣстно куда ѣздилъ. Хотя я еще слишкомъ былъ молодъ, да и невозможно было бы несовершенному человѣку что-либо изъ сихъ пѣсень понять о таинствахъ сего общества, однакожъ изъ содержанія таковой пѣсни я заключилъ, что вредъ сей еще и прежде существовалъ между русскими, ибо пѣсня сія сочинена была въ честь братьевъ, воздвигшихъ храмъ дружества за Дунаемъ, во время войны съ турками, которая тогда давно уже была окончена.

Вмѣстѣ со склонностію къ стихотворству родилась во мнѣ охота и къ музыкѣ. Я началъ учиться играть на флейтѣ; но отецъ мой и то мнѣ запрещалъ, подъ предлогомъ, что я имѣю слабую грудь.

О войскѣ россійскомъ при Екатеринѣ II.

Воспитаніе мое приходило къ окончанію. Отецъ мой, желая, чтобъ я служилъ въ военной службѣ, началъ пріучать меня къ верховой ѣздѣ, но безъ правилъ, какъ я уже выше сказалъ. Я же, желая получить нѣкоторое понятіе о семъ искусствѣ, познакомился съ гусарскимъ офицеромъ, тамъ находившимся. Ихъ блестящій мундиръ, разсказы объ образѣ ихъ жизни, службѣ и самой войнѣ, которая была ихъ наукой, такъ мнѣ понравились, что я захотѣлъ быть непремѣнно гусаромъ. Отецъ же мой, напротивъ, хотѣлъ, чтобъ я служилъ въ инженерахъ, и для того говаривалъ мнѣ: зачѣмъ же терять то, чему ты учился; гусаръ долженъ знать только саблю и лошадь, какъ земледѣлецъ—плугъ и воловъ, прочія же науки вовсе для него непотребны. Но я, напротивъ, имѣлъ великое отвращеніе отъ службы инженерной. Отецъ мой былъ снисходителенъ и согласился на то, чтобъ вмѣсто инженерства сдѣлался я артиллеристомъ, что и послѣдовало.

Теперь скажу, въ какомъ видѣ было тогда войско въ Россіи, столь прославившее государство сіе военными своими дѣйствіями. Императрица Екатерина, какъ женщина, не могла заниматься устройствомъ во всѣхъ частяхъ онаго, да если бы и могла, то, конечно, не отвлеклась бы тѣмъ отъ важнѣйшихъ занятій, посвященныхъ управленію столь обширнаго государства, а потому попеченіе о войскѣ она предоставила своимъ генераламъ, генералы имѣли довѣренность къ полковникамъ, а полковники къ капитанамъ.

Всѣ военные люди, видѣвшіе тогда россійскую армію, согласятся, что пѣхота была въ лучшемъ видѣ, нежели конница. Она одѣта была по-французски, а обучалась на образецъ прусскій съ нѣкоторыми перемѣнами въ тактикѣ, достигнутыми путемъ опыта въ войнахъ противъ разныхъ народовъ. Но излишнее щегольство, выправка и стягиваніе солдатъ доведены были до крайности. Я засталъ еще, что голова солдата причесана была въ нѣсколько буколь. Красивая гренадерская шапка и мушкетерская шляпа

были только для виду, а не для пользы. Онѣ были высоки, но такъ узки, что едва держались на головѣ и потому ихъ прикалывали проволочной шпилькой къ волосамъ, завитымъ въ косу. Ружья, для того чтобы они прямо стояли, когда солдаты держатъ ихъ на плечѣ, имѣли прямыя ложа, что было совсѣмъ неудобно для стрѣльбы. Приклады были выдолблены и положено было въ оные нѣсколько стеколъ и звучащихъ черепковъ; а сіе для того, чтобы при исполненіи разныхъ ружейныхъ пріемовъ, чѣмъ больше всего тогда занимались, каждый ударъ производилъ звукъ. Сумы, перевязи и портупеи были подъ лакомъ, безрукавные плащи скатывались весьма фигурно въ тонкія трубки и носились на спинѣ сверхъ сумы. Весь мѣдный приборъ былъ какъ можно яснѣе вычищенъ, а гербы на шапкахъ вызолочены, я не говорю уже объ узкихъ для лучшаго вида мундирахъ; исподнихъ платьяхъ и сапогахъ. Сверхъ того каждый полкъ имѣлъ огромный хоръ музыки, и музыканты были одѣты великолѣпно. Во всемъ этомъ заключалось великое злоупотребленіе. Напримѣръ, полковникъ получалъ отъ казны весьма малое жалованье и почти всѣ вещи для полка получалъ изъ комиссаріата готовыми, кромѣ сукна на мундиры, подкладки и холста на рубашки и прочія потребности и кромѣ полотна на палатки и лѣтнее платье. Все отпускалось штуками или, какъ говорится, половинками по положенію. Цѣны на отпускаемыя въ готовности вещи были весьма низки, и потому принимали ихъ въ полки въ такомъ видѣ, что надлежало однѣ передѣлывать, а другія совсѣмъ вновь исправлять. Содержаніе музыки и другихъ украшеній стоило полковникамъ весьма дорого; но они нашли средство не только содержать все сіе въ наилучшемъ видѣ, но и самимъ жить въ совершенной роскоши и помогать бѣднымъ офицерамъ. И вотъ какъ это дѣлалось.

1) Экономія состояла въ остаткахъ суконъ, полотна и холста, употребляемыхъ на одежду солдатъ. 2) Экономія получалась отъ несодержанія полковыхъ лошадей подъ обозъ и полковую артиллерію, между тѣмъ какъ получались деньги за продовольствіе оныхъ. 3) Отъ солдатскаго провіанта, потому что въ сіе время полки каждый годъ въ маѣ мѣсяцѣ выходили въ лагерь и стояли тамъ до сентября, прочее же время года располагались въ деревняхъ по квартирамъ, и тамъ довольствовались они отъ жителей, провіантъ же оставался въ пользу полка. 4) Солдатъ отпускали въ отпускъ, а провіантъ и жалованье ихъ оставались у полковника. 5) Самое позволительное было то, что по нѣскольку лѣтъ не выключали умершихъ и получали на нихъ жалованье, провіантъ и аммуницію, и наконецъ, 6) они брали изъ полка людей въ свою услугу, сколько хотѣли, обучали разнымъ мастерствамъ и пользовались ихъ заработками. Вообще отпускаемые для собственной ихъ пользы на разныя работы солдаты должны были часть заработанныхъ ими денегъ отдавать въ полкъ. Но всего несноснѣе была безчеловѣчная выправка солдатъ; были

такіе полковники, которые, отдавая капитану трехъ рекрутъ, говаривали: „вотъ тебѣ три мужика, сдѣлай изъ нихъ одного солдата“.

Но должно сказать, къ удивленію, что полковые и ротные начальники не виноваты въ сихъ злоупотребленіяхъ: отъ нихъ требовали пышности и великолѣпія въ содержаніи полковъ, а денегъ не давали! Не значитъ ли сіе поставлять всѣ полки въ необходимость покушаться на злоупотребленія? Не подобіе ли сіе тому, какъ если бы кто поставилъ человѣка стеречь большой запасъ хлѣба, не давалъ однако ему ѣсть, а требовалъ бы притомъ, чтобъ онъ былъ сытъ и здоровъ. Виноватъ ли онъ будетъ, если изобрѣтетъ средство искуснымъ образомъ что-нибудь украсть для своего существованія? Таково-то россійское правительство, военная и гражданская служба. Чиновники малымъ жалованьемъ и лишеніемъ всѣхъ средствъ къ содержанію себя приводимы бываютъ въ необходимость дѣлать злоупотребленія. Вотъ что наиболѣе развращаетъ нравы всѣхъ состояній. Всѣ нуждаются, отъ всѣхъ много требуютъ и, наконецъ, всѣ поставлены въ необходимость обманывать одинъ другого, а чрезъ то наипаче въ нынѣшнее время и при нынѣшней строгости сколько несчастныхъ! Это тоже, что спартанское воспитаніе дѣтей—тѣмъ не давали ѣсть и заставляли красть, если же поймаютъ,—сѣкутъ немилосердно. Точная правда. Я знаю множество несчастныхъ; но знаю много и такихъ, которые, обкрадывая государство и притѣсняя другихъ, сдѣлали себѣ большое состояніе и сверхъ того награждены и почтены правительствомъ. Какое развращеніе, какой соблазнъ!

Но обратимся къ арміи тогдашняго времени. Пѣхота раздѣлена была на гренадерскіе, мускетерскіе полки и на баталіонъ егерей. Они различались между собою только мундирами; гренадеры не употребляли уже гранатъ, а мушкетеры дѣйствовали наравнѣ съ гренадерами. Каждый мускетерскій полкъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ и имѣлъ сверхъ того двѣ роты гренадеръ. При началѣ турецкой войны въ 1770 году были при полкахъ и егери по 120 человѣкъ. Искуснѣйшіе въ стрѣльбѣ люди выбирались изъ полка и составляли сей отрядъ; ихъ потомъ отдѣлили, составили баталіоны, которые впослѣдствіи наполнились рекрутами и наконецъ сдѣлались не лучше прочихъ въ знаніи стрѣлять.

Регулярная конница состояла изъ кирасиръ, карабинеръ, драгунъ, гусаръ и пикенеровъ. Кирасиры и карабинеры составляли тяжелую конницу, драгуны сверхъ обыкновеннаго кавалерійскаго вооруженія имѣли ружья со штыками. Гусары и пикенеры составляли легкую конницу, послѣдніе имѣли пики. Тѣ же злоупотребленія, тѣ же пустыя прикрасы существовали въ конницѣ, какъ и въ пѣхотѣ, исключая того, что конные полки приносили полковникамъ больше дохода, нежели пѣхотные, потому что имѣли больше лошадей, а вслѣдствіи этого началь-

ствованіе въ этихъ полкахъ и получалось чрезъ пріиски и покровительства.

Сверхъ того Россія имѣла тогда нерегулярную постоянную конницу, состоявшую изъ донскихъ, уральскихъ, гребенскихъ, запорожскихъ и малороссійскихъ казаковъ, калмыкъ и башкиръ. О сихъ войскахъ я буду имѣть случай подробнѣе говорить впослѣдствіи.

Артиллерія состояла изъ пяти полковъ, каждый изъ нихъ имѣлъ по десяти ротъ, въ ротѣ десять орудій.

Инженерный корпусъ имѣлъ только одну роту минеръ и другую піонеръ; впрочемъ достаточное количество по тогдашней арміи, штабъ, оберъ-офицеровъ, кондукторовъ и разныхъ мастеровыхъ людей. Но въ обоихъ сихъ корпусахъ гораздо меньше было злоупотребленій, нежели къ другихъ войскахъ, потому что меньше требовалось наружнаго украшенія и пустого блеска.

Гарнизоны артиллерійскіе и пѣхотные были размѣщены по крѣпостямъ и составляли особое отдѣленіе войска.

ГЛАВА 2-я.

Производство въ офицеры.—Фельдмаршалъ графъ Румянцовъ.—Фельдмаршалъ князь Потемкинъ.—Отмѣна тѣлесныхъ наказаній для дворянъ.—Преобразованіе Малороссіи.—Постановленіе о запорожцахъ.—Отнятіе деревень у монастырей.—Переѣздъ въ Петербургъ.—Москва и вольное россійское собраніе, пекущееся о распространеніи словесныхъ наукъ.—Тучковъ въ Петербургѣ.—Потемкинъ и Зубовъ.—Борьба съ Густавомъ III.—Потемкинъ и Головатый.

Производство въ офицеры.

Наконецъ и я на 17 году отъ рожденія, выдержавъ экзаменъ, произведенъ былъ въ офицеры артиллеріи. Между тѣмъ отецъ мой, получивъ чинъ генералъ-поручика инженеровъ и желая имѣть меня при себѣ для продолженія наукъ, взялъ меня къ себѣ въ должность младшаго адъютанта.

Въ сіе время приготовлялись къ войнѣ съ турками. Извѣстный подвигами своими фельдмаршалъ графъ Румянцовъ въ началѣ назначенъ былъ къ начальствованію арміей. Онъ зналъ отца моего еще во время семилѣтней войны съ прусаками, и потомъ имѣлъ его подъ начальствомъ своимъ въ славную его войну противъ турокъ, и потому онъ желалъ теперь имѣть отца моего при себѣ въ качествѣ начальника инженеровъ. Сей знаменитый вождь жилъ тогда въ деревнѣ своей Вишенки, въ 150 верстахъ отъ Кіева. Итакъ, отецъ мой, взявъ меня съ собою, отправился туда съ разными планами.

Фельдмаршалъ графъ Румянцовъ.

Здѣсь узналъ я нѣсколько ближе сего великаго мужа, хотя и до сего имѣлъ удовольствіе видѣть его нѣсколько разъ въ Кіевѣ въ домѣ отца моего. Онъ былъ въ обращеніи своемъ величественъ, но не гордъ, а напротивъ, привѣтливъ и учтивъ. Качества его извѣстны свѣту; мнѣ же остается сказать о немъ то, что я узналъ въ дальнѣйшей жизни моей. Онъ имѣлъ отъ природы пылкій разумъ, былъ довольно образованъ науками, для военнаго искусства потребными, зналъ хорошо французскій, а особливо нѣмецкій языкъ, много читалъ, былъ твердъ въ предпріятіяхъ, великодушенъ и не мстителенъ, хотя нѣсколько вспыльчивъ. Если что можно сказать противъ него, такъ это только то, что онъ

слишкомъ любилъ наружный блескъ войска и прусскіе обряды. Бывъ весьма богатъ, скупъ былъ чрезмѣрно.

Фельдмаршалъ князь Потемкинъ.

Предпріятія фельдмаршала Румянцова и отца моего кончились тѣмъ, что на мѣсто его назначенъ былъ къ начальствованію арміей фельдмаршалъ князь Потемкинъ. Сей также достойный наименованія великаго мужа, составлялъ совершенную противуположность въ характерѣ своемъ съ графомъ Румянцовымъ. Онъ былъ не столько свѣдущъ и опытенъ въ военномъ искусствѣ, какъ сей знаменитый и заслуженный воинъ, и не былъ столько образованъ науками; но былъ предпріимчивѣе его, притомъ хитрѣе и пронырливѣе. Можетъ, Потемкинъ лучшимъ былъ бы министромъ, нежели Румянцовъ. Стремясь къ предположенной цѣли, пренебрегалъ онъ всѣми принятыми системами, методами и порядками, поступалъ во всемъ самовластно, не придерживаясь ни правилъ, ни законовъ. А въ образѣ жизни своей былъ столь роскошенъ, что по справедливости можно назвать его сѣвернымъ Лукулломъ. Онъ былъ гордъ и съ презрѣніемъ обращался съ подчиненными ему, но со всѣмъ тѣмъ былъ неустрашимъ, великодушенъ, не мстителенъ и желалъ всякому добра, а особливо родственникамъ своимъ; словомъ онъ былъ добрый тиранъ.

Итакъ, отецъ мой, проживъ нѣсколько недѣль въ Вишенкахъ, возвратился въ Кіевъ къ прежней своей должности.

Потемкинъ, принявъ начальство, сдѣлалъ новое преобразованіе арміи. Онъ велѣлъ всѣмъ солдатамъ смыть пудру съ головы и остричь волосы, вмѣсто гренадерскихъ шапокъ и шляпъ изобрѣлъ особаго рода каски, довольно спокойныя, вмѣсто французскихъ мундировъ — короткія куртки или камзолы съ лацканами, довольно спокойныя, вмѣсто узкаго и короткаго исподняго платья—широкіе и длинные шаровары, обшитые снизу по самыя колѣна кожей, и легкіе сапоги подъ оными. У мушкетеръ отнялъ тесаки и вмѣсто оныхъ вложилъ штыки въ портупею: гренадерамъ же далъ короткія и широкія сабли. Сія перемѣна одежды весьма была выгодна для войска, исключая касокъ, которыхъ, если придать хорошій видъ по образцу его, нельзя почти держать на головѣ, а если сдѣлать ихъ спокойными, то онѣ никакого вида не составятъ. И такъ наконецъ замѣняли оныя, а особливо въ походахъ, особаго рода шапками.

Сія перемѣна послѣдовала какъ въ пѣхотѣ, такъ въ конницѣ и въ артиллеріи.

Вотъ уже приближается время оставить мнѣ Кіевъ и Малороссію. Смерть извѣстнаго генерала Баура [1]), бывшаго начальникомъ всѣхъ инженеровъ въ Россіи, была причиною того, что отецъ мой долженъ былъ оставить сіи мѣста и отправиться въ

1) Ѳедоръ Васильевичъ Бауръ. Род. 1731+1783. Инженеръ-генералъ, писатель. Строитель гранитной набережной Фонтанки.

Петербургъ для заступленія его мѣста. Но прежде долженъ я сказать о перемѣнахъ, послѣдовавшихъ во время пребыванія моего въ Малороссіи, какъ въ отношеніи всего государства, такъ и въ особенности земли сей.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній для дворянъ.

Первой перемѣной было постановленіе Екатерины II-й, повелѣвающее дворныхъ служащихъ въ военной и гражданской службѣ и не имѣющихъ еще оберъ-офицерскихъ чиновъ, не наказывать тѣлесно. Равно и все дворянство россійское избавлено было отъ онаго за какія бы ни было преступленія; и смертная казнь замѣнялась ссылкой. До сего же времени дворянъ за тѣ же вины сѣкли кнутомъ, а служащихъ въ войскѣ и гражданской службѣ и не имѣющихъ офицерскихъ чиновъ начальники могли за самыя даже ошибки наказывать военныхъ—палками, а гражданскихъ—плетьми. Къ сему присовокупить должно однакожъ, что дворяне мало служили нижними чинами въ гражданской службѣ, но почти всѣ въ военной. Гражданскія же должности не только съ семъ званіи но даже и въ секретарскомъ были по большей части занимаемы людьми низкаго происхожденія.

Кто бы подумалъ, что многіе высшіе чиновники, бывъ сами дворянами, были недовольны симъ постановленіемъ, а особенно военные; они говорили, что отъ того придетъ въ упадокъ порядокъ службы и повиновеніе. Отецъ мой былъ противъ ихъ мнѣнія, и я помню, что онъ разсказывалъ въ убѣжденіе ихъ одинъ случай, происшедшій въ царствованіе императрицы Елизаветы. „Тогда,—говорилъ онъ,—служили долго въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ, потому что не было отставокъ высшимъ; въ семъ званіи находились многіе знатнаго происхожденія и богатые люди. Правила или учрежденія объ экипажахъ никакого не было, и богатые унтеръ-офицеры внѣ службы могли пользоваться всѣми выгодами своего состоянія; между тѣмъ въ высшихъ чинахъ много уже было происшедшихъ изъ низкаго состоянія и изъ иностранцевъ, которые не могли найти для себя мѣста въ службѣ своего отечества. Итакъ одинъ унтеръ-офицеръ знатнаго происхожденія и человѣкъ богатый былъ обрученъ съ одной дѣвицей также знатнаго рода, которая притомъ была и богата. Капитанъ его, какой-то иностранецъ, также искалъ руки сей дѣвицы, но ему было въ томъ отказано. Когда дѣло приходило уже къ концу, унтеръ-офицеръ въ богатомъ экипажѣ отправился въ церковь. Случилось ему между тѣмъ проѣзжать мимо квартиры капитана своего, который, выславъ солдатъ, велѣлъ остановить экипажъ и вывести изъ кареты жениха и тутъ же дать ему пятьсотъ палокъ. Бѣдный женихъ, вмѣсто свадьбы, поѣхалъ домой лечиться, а капитанъ отвѣчалъ, что наказалъ его за неисправность по службѣ. Высшія власти россійскія отъ давнихъ временъ съ удовольствіемъ смотрѣли на притѣсненіе и обиды, чинимыя знатному дворянству и природнымъ сынамъ отечества“.

Преобразованіе Малороссіи. Второе постановленіе было о губерніяхъ, которому подпала и Малороссія, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожились всѣ привилегіи ея жителей. Изъ исторіи россійской извѣстно, что Малороссія, бывъ нѣкогда средоточіемъ Россіи, а Кіевъ столицей государей россійскихъ, отъ стеченія разныхъ несчастныхъ происшествій подпала во владѣніе поляковъ. Въ то время ревность къ религіи въ народахъ простиралась до высшей степени.

Малороссія еще въ X столѣтіи приняла христіанскую вѣру греческаго исповѣданія; а поляки чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ сдѣлались христіанами римскаго исповѣданія. Невѣжество тѣхъ временъ зависть и корыстолюбіе духовенства произвело то, что польское правительство, пренебрегая собственную пользу, всѣми мѣрами старалось обратить всѣхъ малороссіянъ въ католическую религію римскаго исповѣданія. Между прочимъ всѣми средствами сдѣлали они постановленіе, что тотъ, кто не обратится въ католическую религію, лишится правъ и преимуществъ дворянства. Что-жъ отъ того послѣдовало? Знатнѣйшіе и богатые дворяне всѣ удалились въ Россію, самая же малая часть бѣдныхъ осталась, лишась своихъ правъ, и поступила въ состояніе народное. Но съ народомъ не такъ было легко управиться, какъ съ дворянствомъ. Народъ, бывъ твердъ въ правилахъ греческой религіи, готовъ былъ на все. Отъ сего произошли всякіе заговоры и бунты. Польша, опасаясь вовсе потерять чрезъ то Малороссію, бывшую въ сосѣдствѣ съ Россіей, рѣшилась не только предоставить малороссійскому народу свободное исповѣданіе вѣры, но и даровала ему полную свободу и многія привилегіи. А такъ какъ малороссіяне были всегда военными людьми, то, обратя ихъ въ казаки, избавила отъ всѣхъ податей, раздѣлила землю на десять такъ называемыхъ малороссійскихъ полковъ и утвердила надъ ними гетмана, избираемаго казаками изъ ихъ рода. Онъ, предсѣдательствуя въ малороссійской канцеляріи, обще съ членами оной, управлялъ всею Малороссіей. За все это казаки обязаны были давать Польшѣ въ случаѣ войны войско на своемъ содержаніи.

Конституція казаковъ противна постановленіямъ дворянства; въ ней должны быть всѣ равны и свободны, начальника же выбирать всегда большинствомъ голосовъ; да къ тому же, какъ выше сказано, все дворянство или удалилось оттуда, или поступило въ состояніе народа.

Въ Малороссіи оставалось тогда много пустыхъ земель, принадлежащихъ войску, на которыя приходили и селились люди изъ Россіи, Польши и Молдавіи. Войско получало отъ нихъ плату деньгами, скотомъ и произведеніями земли. Чиновники должны были получать для содержанія своего жалованье. Но такъ какъ денежные доходы, потребные и на другія издержки, были для того недостаточны, то и сдѣлано было постановленіе о ранговыхъ деревняхъ, или деревняхъ по чинамъ. и всѣ чинов-

ники, пребывающіе въ званіи своемъ, имѣли соотвѣтственно чинамъ своимъ деревни, которыя переходили изъ рукъ въ руки. Но владѣльцы не только обязаны были не брать съ нихъ ничего свыше постановленія, но даже не имѣли права возбранять жителямъ переселяться изъ одного мѣста въ другое. На сихъ условіяхъ присоединились малороссы къ Россіи въ царствованіе царя Алексѣя, и сынъ его Петръ I-й подтвердилъ сіе право, которое продолжалось до временъ Екатерины и эпохи пребыванія моего въ сей странѣ.

Я уже сказалъ въ статьѣ о музыкѣ, малороссіяне вообще имѣютъ къ оной склонность и при томъ у нихъ есть хорошіе голоса. Итакъ императрица Елизавета, любившая музыку и словесность, притомъ желая имѣть хорошій хоръ пѣвчихъ въ придворной своей церкви, приказала выбрать изъ Малороссіи мальчиковъ и привозить ихъ къ ея двору.

Разумовскій. Въ Малороссіи былъ одинъ пастухъ, котораго жители его деревни за слабость разсудка въ ироническомъ смыслѣ прозвали Розумъ, или Разумъ. Сей пастухъ имѣлъ прекраснаго сына, одареннаго весьма пріятнымъ голосомъ. Еще до Елизаветы выбирали хорошіе голоса для придворной церкви, что поручалось архіереямъ, и сіи передавали приказаніе приходскимъ священникамъ. Молодой Разумъ, названный потомъ Разумовскій, попалъ въ сей выборъ и былъ въ числѣ пѣвчихъ. Но какъ судьба играетъ людьми! Императрица сильно полюбила его. И такъ какъ она была набожна, то, говорятъ, была вѣнчана съ нимъ. Оставимъ сіе, ибо многіе уже о томъ писали, скажемъ только, что сей Разумовскій имѣлъ графское достоинство и былъ фельдмаршаломъ.

Сей Разумовскій [1]) сдѣланъ былъ гетманомъ Малороссіи не изъ простыхъ казаковъ по выбору, но человѣкъ графскаго достоинства и фельдмаршалъ россійскій. Ранговыя гетманскія деревни поступили въ его владѣніе, сверхъ того имѣлъ онъ множество деревень въ великой Россіи, подаренныхъ ему императрицей Елизаветой.

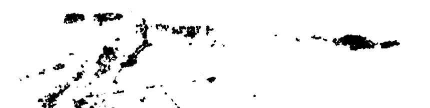
Вотъ новое начало дворянства въ Малороссіи. Гетманъ казаковъ не только дворянинъ, но и графъ; между тѣмъ родственники его, приближенные изъ малороссіянъ, получили всѣ дворянское достоинство. Вотъ первый ударъ конституціи малороссійскихъ казаковъ.

Разумовскій оставался въ семъ званіи и при Екатеринѣ II, имѣлъ свое пребываніе въ городѣ Батуринѣ, гдѣ и въ мое время существовала еще Малороссійская канцелярія. Онъ былъ человѣкъ весьма добрый и великодушный, хотя и не весьма образованъ воспитаніемъ, но имѣлъ довольно здраваго разсудка, и потому былъ любимъ своими соотечественниками.

По смерти Разумовскаго возведенъ былъ въ достоинство гет-

---

1) Не Алексѣй Разумовскій, а братъ его Кириллъ былъ гетманомъ.

мана Малороссіи фельдмаршалъ графъ Румянцовъ, который никогда не былъ ни казакомъ, ни малороссіяниномъ. Впрочемъ раздѣленіе Малороссіи на десять полковъ, состояніе казаковъ и поселянъ оставалось въ прежнемъ видѣ до извѣстнаго времени.

Наконецъ во время пребыванія моего въ Кіевѣ Екатерина II уничтожила всѣ ихъ привиллегіи, изъ всей Малороссіи сдѣлано было три губерніи на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ остальной Россіи.

Казацкое состоянье было уничтожено; ихъ чиновники всякими средствами выискивали себѣ дворянское достоинство; да и не трудно сіе было, когда по установленію Петра I всякій дослужившійся до офицерскаго званія пользуется преимуществами дворянства. Итакъ сдѣлались они всѣ дворянами, а ранговыя ихъ деревни остались за ними въ качествѣ крѣпостныхъ людей, которыхъ они имѣютъ право покупать и продавать по своему произволенью. Казаки же въ качествѣ казенныхъ крестьянъ записаны были въ подушный окладъ, и велѣно было брать съ нихъ подати и рекрутъ.

Въ одно мгновеніе вся Малороссія пришла въ великую унылость. Но мѣры были напередъ взяты. Цѣлая армія расположена была въ ихъ землѣ, отъ чего родилась великая ненависть малороссіянъ къ великороссіянамъ, которыхъ называютъ они москалями.

Не было ничего несноснѣе для вольныхъ казаковъ, какъ слово: подушный окладъ. Какъ, говорили они, и душа наша принадлежитъ уже не Богу, а Государю? Пускай бы одно тѣло... Многіе отцы семействъ симъ доведены были до такого отчаянія, что убивали собственныхъ женъ и дѣтей, а потомъ, приходя къ начальству, объявляли о своемъ преступленіи, чтобы умереть подъ кнутомъ. И что изъ сего послѣдовало? Малороссія лишилась множества жителей: всякій, кто имѣлъ только средства, бѣжалъ въ Польшу, Молдавію и Турцію.

Постановленіе о запорожцахъ. Третье постановленіе касалось запорожскихъ казаковъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ уничтожена была Сѣчь запорожскихъ казаковъ.

Сѣчь получила свое наименованіе отъ того, что селенія сихъ казаковъ, или какъ они называютъ, коши, окружены были засѣками, а запорожскою или запорогскою называется потому, что она находилась за порогами рѣки Днѣпра, на берегу его.

Сіе сословіе, или лучше сказать, общество людей, воспріяло начало свое тогда, когда Малороссія подпала подъ владѣніе Польши. Молодые и отважные люди, видя притѣсненія, чинимыя ихъ соотечественникамъ, удалились за днѣпровскіе пороги и составили между собою для собственной своей безопасности особаго рода военное общество. Они принимали къ себѣ всякаго, кто только согласится исполнять ихъ постановленія, то есть вести

холостую жизнь,—не имѣть въ жилищахъ своихъ женщинъ, имѣть все общее и зависѣть отъ власти кошевого или главнаго ихъ начальника, по очереди изъ общества выбираемаго.

Сіи начальники имѣли неограниченную власть надъ подчиненными, но за то и сами подвергались суду народнаго собранія, смотря по преступленію. Иногда казаки наказывали своихъ начальниковъ тѣлесно и принуждали потомъ опять принять правленіе, иногда же вовсе отрѣшали ихъ отъ правленія, а иногда наказывали и смертью.

Въ началѣ занимались они разбоями, потомъ помогали русскимъ и полякамъ въ разныхъ войнахъ, и до самаго уничтоженія сей Сѣчи не переставали дѣлать набѣги на земли крымскихъ татаръ. Всякую добычу, которую получалъ, казакъ долженъ былъ объявлять своему правительству. Одну часть оной получалъ кошевой; другая назначалась для общества, а третья оставалась въ пользу пріобрѣтателя. Они не знали никакой роскоши, ѣли и пили всѣ вмѣстѣ отъ перваго до послѣдняго, старшихъ называли батько или отецъ, сверстныхъ себѣ братьями. Они не хотѣли знать никакой учтивости и никому не говорили *вы*, но всегда *ты*, что примѣчено было даже въ представителяхъ отъ народа сего къ Екатеринѣ II. Она, не взирая на грубость ихъ, приняла сіе посольство и щедро одарила, скрывая намѣреніе свое о семъ народѣ до удобнаго времени.

Во время Петра I общество сіе столь увеличилось, что могло выводить въ поле до 30 тысячъ конницы. Въ семъ состояніи присоединилось оно къ Россіи на условіи не касаться правъ его; а оно съ своей стороны обязалось всегда давать опредѣленное число казаковъ для службы за малую плату,—и то только во время войны и похода.

Съ того времени перестали они заниматься разбоями, и только иногда дѣлали набѣги на татаръ.

Общество сіе показалось опаснымъ, и, чтобъ его вовсе уничтожить, предпріяли переселить всѣхъ на рѣку Кубань, протекающую чрезъ степь, прилежащую къ лѣвому берегу Чернаго моря. А какъ напередъ извѣстно было, что они добровольно на сіе не согласятся, то выбрали время, когда знатная часть оныхъ находилась въ походѣ противъ турокъ. Въ это время послали къ нимъ большой отрядъ войскъ подъ начальствомъ генерала графа *Теккели* *), который, не взирая на ихъ сопротивленіе, принудилъ ихъ переселиться въ назначенное имъ мѣсто.

Со всѣмъ тѣмъ многіе изъ нихъ успѣли уйти въ Турцію, гдѣ и понынѣ составляютъ особый родъ войска простирающагося до 10 тысячъ, подъ наименованіемъ запорожскихъ казаковъ и служатъ они туркамъ вѣрно въ войнахъ противъ Россіи. Прочіе же

---

1) Петръ Абрамовичъ. Генералъ-аншефъ. Род. 1720+1793.

должны были переселиться на Кубань, перемѣнить образъ жизни, имѣть женъ, не принимать бѣглыхъ, служить казаками при войскѣ россійскомъ. Вмѣстѣ съ переселеніемъ переименованы они были въ черноморскихъ казаковъ.

Отнятіе деревень у монастырей.

И, наконецъ, четвертымъ важнымъ событіемъ было отнятіе у монастырей деревень и земель. Монахи, хотя симъ огорчились и обѣднѣли, но перенесли сіе великодушно.

Я помню богатыя ихъ угощенія, великолѣпные столы, великое изобиліе разныхъ наилучшихъ плодовъ во всякое время года и все, что принадлежитъ къ роскошной жизни. Словомъ, сіи монахи съ стороны сей ни въ чемъ не уступали католическимъ въ самое лучшее время ихъ жизни.

Переѣздъ въ Петербургъ.

Въ семъ положеніи Малороссіи долженъ я былъ съ отцомъ моимъ оставить оную. По восьмилѣтнемъ пребываніи своемъ тамъ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ одинъ на почтовыхъ, а мать моя съ многочисленнымъ семействомъ, со мною и съ старымъ учителемъ отправилась на наемныхъ лошадяхъ въ Москву. Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Кіева не забылъ я взять отъ игумна и ректора братскаго монастыря письма въ Московскій университетъ, куда отсылалъ онъ иногда малыя мои стихотворенія.

Хотя я еще былъ очень молодъ, но успѣлъ замѣтить при въѣздѣ моемъ въ Малороссію и выѣздѣ великую противоположность. Вмѣсто веселостей, встрѣчалъ я вездѣ уныніе и неудовольствіе; вмѣсто великаго во всемъ изобилія, недостатки во многомъ; вмѣсто гостепріимства, должно было почти насильно вламываться въ дома, чтобъ переночевать; вмѣсто хлѣбосольства и щедраго угощенія, требовали отъ насъ за все вчетверо дороже противъ обыкновенныхъ цѣнъ.

Москва и вольное россійское собраніе, пекущееся о распространеніи словесныхъ наукъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву поѣхалъ я въ университетъ и отдалъ письма нѣкоторымъ членамъ онаго. Они приняли меня очень ласково и просили, чтобъ чрезъ пять дней въ извѣстное время непремѣнно пріѣхалъ бы я къ нимъ, что я и исполнилъ. По прибытіи моемъ тотъ же часъ предложено мнѣ было: желаю-ли я быть членомъ особаго общества, при семъ университетѣ, существующаго подъ наименованіемъ «вольное россійское собраніе, пекущееся о распространеніи словесныхъ наукъ“. Таковое предложеніе, конечно, было лестно для самолюбія молодого человѣка, начинающаго вступать въ свѣтъ. Я принялъ сіе съ благодарностью и въ тоже время препровожденъ былъ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ при томъ въ особую комнату. Вскорѣ потомъ пришелъ ко мнѣ одинъ членъ сего общества, прося, чтобъ я вступилъ въ залу собранія. Тотчасъ дали мнѣ

мѣсто между сидящими членами, и секретарь собранія объявилъ, что общество поставляетъ себѣ честью имѣть меня въ числѣ почетныхъ своихъ членовъ, и прочиталъ постановленія онаго, которыя я долженъ былъ потомъ подписать въ качествѣ почетнаго члена. Послѣ гг. члены начали читать свои сочиненія, а прочіе предлагали сужденія свои, какъ то обыкновенно дѣлается въ собраніяхъ такого рода. Во время пребыванія моего въ Москвѣ не упускалъ я посѣщать сіе собраніе и доставилъ оному два перевода стихами, одинъ—произведенія извѣстнаго нѣмецкаго стихотворца Клейста подъ названіемъ: „Пѣснь Богу", „Lob der Gottheit", а другой съ французскаго изъ сочиненія Жанъ Батиста Руссо подъ названіемъ: «Оставленная Цирцея". Оба сіи сочиненія приняты были съ благодарностью и напечатаны въ журналѣ сего общества.

Тучковъ въ Петербургѣ.

По письмамъ, полученнымъ изъ Петербурга, долженъ я былъ съ матерью моею ѣхать туда и оставить Москву, пробывъ въ оной только нѣсколько мѣсяцевъ. Я не забылъ предъ отъѣздомъ моимъ побывать въ университетѣ, чтобъ проститься съ моими сочленами, и получилъ отъ нихъ письма въ другое такого же рода общество, основанное въ Петербургѣ, подъ названіемъ друзей словесныхъ наукъ.

И такъ отправился я въ сію столицу Сѣвера.

Красота и великолѣпіе сего города, въ новѣйшемъ вкусѣ зодчества построеннаго, и блескъ двора Екатерины II суть предметы, о которыхъ много уже писали. Первымъ попеченіемъ моимъ было отыскать домъ собранія друзей словесныхъ наукъ и отдать имъ письма изъ университета московскаго; по исполненіи чего тогда-жъ принятъ я былъ дѣйствительнымъ членомъ сего общества и не оставлялъ посѣщать оное всегда, когда имѣлъ свободное на то время.

Между тѣмъ былъ я произведенъ старшимъ адъютантомъ, каковой чинъ равнялся тогда капитану арміи, и остался въ сей должности при отцѣ моемъ.

Я жилъ тогда съ нимъ вмѣстѣ на берегу рѣки Невы на извѣстномъ всѣмъ иностранцамъ Васильевскомъ островѣ. Тутъ познакомился я съ извѣстными ученостью своею людьми—подполковникомъ Ренованцемъ[1]), профессорами Крафтомъ[2]) и Рожешниковымъ[3]). Первый возбудилъ во мнѣ охоту къ минералогіи и металлургіи, второй къ физикѣ, а послѣдній къ химіи. Я слушалъ чтеніе ихъ курсовъ; но не съ потребною для того точностію, ибо не имѣлъ на то довольнаго времени.

Однакожъ сіи науки остались до сего времени моею склонно-

1) Ив. Мих. Ренофанцъ, начальникъ канцеляріи Императорскаго Кабинета. Ученый писатель. Род. 1744+1798.

2) Вѣроятно Георгій Васильевичъ, профессоръ физики и академикъ.

3) Никита Ивановичъ. Переводчикъ книги нѣмецкой Канкрина, „Основанія искусства горныхъ и соляныхъ производствъ". Спб. 1785.

стью и я съ охотой читалъ потомъ и слушалъ людей, разсуждающихъ о сихъ предметахъ.

Потемкинъ и Зубовъ.

Въ то время продолжалась въ Россіи война противъ турокъ. Славный Потемкинъ, облеченный всею довѣренностію Екатерины II, имѣвшій всѣ способы, не съ великимъ успѣхомъ продолжалъ оную. Довѣренность его у двора мало-по-малу начинала ослабѣвать, ибо графъ Зубовъ, облеченный потомъ въ княжеское достоинство, фаворитъ Екатерины II, искалъ его паденія. Слова людей, имѣющихъ великое значеніе, далеко достигаютъ. Въ то время какъ Зубовъ былъ въ Петербургѣ, а Потемкинъ осаждалъ безъ успѣха Очаковъ, что въ турецкой Бессарабіи, про него носились слухи, что онъ нездоровъ и скученъ; и на вопросъ тѣхъ, которые о томъ спрашивали его, онъ отвѣчалъ: „у меня болитъ зубъ и для этого надобно мнѣ ѣхать въ Петербургъ, чтобъ его вырвать". Эта аллегорія была довольно ясна.

Наконецъ, взятіе приступомъ Очакова, при которомъ погибло множество войска, поддержало нѣкоторымъ образомъ на время славу Потемкина. Онъ желалъ даже распространить свой подвигъ; но война съ шведами и волненія въ Польшѣ тому препятствовали.

Я былъ тогда въ Петербургѣ и не имѣлъ достойныхъ примѣчанія занятій, а потому имѣю время сказать здѣсь о нѣкоторыхъ особливыхъ учрежденіяхъ, касающихся войска и имѣвшихъ тогда вліяніе на всю армію россійскую.

Молодые дворяне, имѣвшіе нѣкоторое состояніе и воспитаніе, по большей части записывались въ полки гвардіи, чиномъ унтеръ-офицера. Нерѣдко начальникъ оной давалъ сей чинъ только что родившимся дѣтямъ и потомъ отпускалъ въ домъ родителя, для обученія наукамъ. Сіи дѣти, достигнувъ возраста, пріѣзжали въ Петербургъ и служили въ полкахъ гвардіи, раздѣляясь на три степени. Тѣ, которые по недостаточному состоянію своему не въ силахъ были поддерживать блескъ двора, служа офицерами въ гвардіи, выходили въ армейскіе полки изъ унтеръ-офицеровъ въ чинѣ капитана въ конницу и въ пѣхоту. Другіе дожидались производства въ офицеры гвардіи и служили въ оной до капитана; а изъ сего званія были они выпускаемы полковниками въ армію и получали конные и пѣхотные полки. Третьи же, не имѣвшіе большой охоты къ военной службѣ, оставались въ гвардіи капитанами и, наконецъ, брали отставку съ достоинствомъ бригадира, вступали тогда въ семъ званіи въ гражданскую службу, а по большей части оставались спокойно въ имѣніяхъ своихъ, пользуясь преимуществами сего чина.

Борьба съ Густавомъ III.

Во время сей турецкой войны, Екатерина II рѣшила произвести раздѣленіе турецкихъ силъ отправленіемъ флота своего въ Средиземное море. Она думала имѣть такой же, а можетъ быть и большій успѣхъ, какъ во время войны, подъ начальствомъ фельдмаршала

Румянцова, когда графъ Орловъ, отправясь съ флотомъ изъ Петербурга, достигъ туда и истребилъ весь турецкій флотъ при Чесмѣ.

Приготовленіе флота, назначеннаго въ Средиземное море, произвело великій шумъ въ столицѣ. Начальникомъ онаго былъ назначенъ адмиралъ Грейгъ [1]), родомъ англичанинъ, давно служившій въ Россіи и бывшій съ графомъ Орловымъ при истребленіи имъ турецкаго флота въ Средиземномъ морѣ.

Тогда родилось во мнѣ великое желаніе просить отца моего, чтобъ онъ позволилъ мнѣ участвовать въ сей экспедиціи въ качествѣ волонтера. Но онъ мнѣ строго въ томъ отказалъ,—можетъ быть потому, что былъ другомъ адмирала Чичагова [2]), искавшаго также славы и не великаго пріятеля Грейга; а можетъ быть и по другимъ причинамъ...

Сей отказъ повергъ меня въ великое уныніе, и я съ великимъ прискорбіемъ, едва не въ слезахъ, смотрѣлъ на гвардейскіе и армейскіе баталіоны, подъ окномъ моимъ при разсвѣтѣ дня садившихся на транспортныя суда, чтобы идти въ Кронштадтъ, а оттуда на линейныхъ корабляхъ плыть въ Италію и далѣе.

Съ какимъ восторгомъ солдаты, помня еще подвиги графа Орлова, восклицали: пойдемъ въ Средиземное море! Я сидѣлъ подъ окномъ до того времени, пока всѣ суда скрылись изъ глазъ моихъ.

На другой день, проснувшись довольно рано, подошелъ я къ окну, выходившему на берегъ Невы, и крайне удивленъ былъ, примѣтя множество парусовъ, идущихъ отъ Кронштадта, такъ что принялъ сіе за цѣлый непріятельскій флотъ, вступающій въ рѣку Неву. Но одно удивленіе разрушено было другимъ; я разсмотрѣлъ и узналъ флаги русскіе а вслѣдъ за симъ увидѣлъ тѣ же суда и тѣ же баталіоны, пристающіе къ тому же берегу и выгружающіеся. Солдаты намѣсто прежнихъ восклицаній, говорили между собою: „проклятый шведъ не далъ сходить въ Средиземное море“.

Король шведскій, (убитый потомъ своимъ подданнымъ), въ противность правилъ тогдашней политики, безъ объявленія войны, не только воспрепятствовалъ россійскому флоту пройти черезъ Зундъ, но послалъ войско свое и самъ, предводительствовалъ онымъ, осадилъ русскую крѣпость Нейшлотъ.

Гарнизонъ крѣпости сей былъ довольно слабъ и состоялъ по большей части изъ престарѣлыхъ и раненыхъ солдатъ; притомъ мало было запасовъ; но крѣпость имѣла нарочитыя укрѣпленія, а комендантомъ оной былъ такъ же старый штабъ-офи-

---

1) Самуилъ Козловичъ Грейгъ, адмиралъ, главный командиръ Кронштадтскаго флота. Год. 1736+1788.

2) Василій Яковлевичъ, отецъ Г. В. Чичагова, главнокомандующаго Молдавской арміей въ 1812 году.

церъ, лишенный въ войнѣ противъ турокъ правой руки. Король, приступя къ крѣпости съ значительнымъ войскомъ, послалъ коменданту письмо, въ которомъ безъ дальнѣйшихъ околичностей требовалъ чтобъ онъ отворилъ ему крѣпостныя ворота.

Комендантъ отвѣчалъ ему также въ короткихъ словахъ: *„Служа отечеству, имѣлъ я несчастіе лишиться на войнѣ правой руки; ворота крѣпостныя слишкомъ тяжелы, чтобъ могъ я ихъ отворить одной рукой; ваше величество моложе меня, имѣете двѣ руки и потому попытайтесь сами ихъ отворить"*.

Бомбардированіе, канонада и приступы, послѣдовавшіе за симъ отвѣтомъ, были безцѣльны. И такъ *безрукій комендантъ защитилъ сію крѣпость* и былъ потомъ щедро награжденъ Екариной II.

Потемкинъ и Головатый.

Другой анекдотъ состоялъ въ отвѣтѣ чиновника запорожскихъ казаковъ князю Потемкину, начальствовавшему все время надъ арміею противъ турокъ. Должно сказать, что при немъ находилось изъ войска сего два наѣздника, Чапега и Головатый; оба имѣли чины полковника; но Головатый былъ уже избранъ въ званіе кошевого, т. е. главнаго начальника войска запорожскаго, и имѣлъ при себѣ полкъ свой.

Князь Потемкинъ, неизвѣстно для какихъ видовъ, до такой степени ласкалъ запорожскихъ казаковъ, что самъ записался въ ихъ общество, въ званіи простого казака и, бывъ фельдмаршаломъ, съ благодарностью принималъ малое жалованье, присылаемое ему изъ полка, какъ казаку, на службѣ находящемуся. Сіе давало свободный къ нему доступъ многимъ чиновникамъ его войска, съ которыми любилъ онъ иногда шутить. Головатый по многимъ отношеніямъ былъ изъ числа таковыхъ. Въ одинъ день, придя къ нему, нашелъ онъ князя Потемкина весьма скучнымъ и ходящимъ по коврамъ въ глубокомъ размышленіи. Съ обыкновенной своей простотою и грубостью, Головатый спросилъ его:

— О чемъ ты такъ задумался?

Потемкинъ не отвѣчалъ ему. Головатый повторилъ вопросъ сей нѣсколько разъ, наконецъ, Потемкинъ сказалъ ему:

— Какъ же мнѣ не быть скучнымъ и не задумываться, когда я имѣю все, чтобъ кончить войну съ турками самымъ выгоднымъ образомъ для Россіи, и мнѣ въ томъ препятствуютъ.

— Кто-жъ тебѣ въ томъ мѣшаетъ?—спросилъ казакъ.

— Поляки,—отвѣчалъ Потемкинъ, — они сдѣлали великое возмущеніе и армія наша, оставя дѣла противъ турокъ, должна обратиться на нихъ тогда, когда предстоятъ мнѣ великіе успѣхи.

— Въ такомъ случаѣ не возвращайся, — возразилъ Головатый,—а продолжай здѣсь твои дѣла.

— Но кто же пойдетъ въ Польшу?—спросилъ Потемкинъ.

— Пошли меня,—сказалъ онъ ему.

— Съ чѣмъ? Развѣ съ однимъ полкомъ, въ которомъ едва 500 казаковъ.

— Довольно будетъ для меня, — отвѣчалъ Головатый, — я пойду отсюда съ 500 казаковъ, а приду въ Варшаву съ 500 тысячъ войска, но за то ни одного ксендза, ни одного ляха не останется въ живыхъ.

Это покажется загадкой для тѣхъ, которые не знаютъ хорошо Польшу. Ксендзами называютъ тамъ поповъ римскаго исповѣданія, а ляхами или панами—помѣщиковъ и дворянъ. Народъ изъ деревни былъ тамъ греческаго исповѣданія, къ которому больше и по сіе время оный привязанъ, потому что вѣра греческая позволяетъ отправлять всѣ молитвы и всякую церковную службу на томъ языкѣ, которымъ говоритъ народъ. Римское же, вопреки здравому разсудку, требуетъ, чтобъ все сіе отправлялось на латинскомъ языкѣ, вовсе невразумительномъ для народа польскаго. Сіе обстоятельство сдѣлало то, что едва съ великимъ насиліемъ успѣло римское духовенство обратить часть Польши въ римскую, а другую въ уніатскую вѣру, которая есть ни что иное, какъ вѣра греческая, церкви которой, однако, признаютъ главою своею папу римскаго.

Господа же польскіе, такъ называемые паны или ляхи въ простомъ смыслѣ, говоря безпрестанно о вольности и поддерживая оную всѣми мѣрами, самымъ тиранскимъ образомъ обращаются съ народомъ. Головатый зналъ сіи струны, былъ человѣкъ народный и потому, разрушая оныя, конечно бъ успѣлъ въ своемъ обѣщаніи, но Потемкинъ разсмѣялся, а политика государей тому воспрепятствовала.

Между тѣмъ, хотя не тѣми способами, какіе предполагалъ сей казакъ, но Екатерина II приступила къ исполненію сей мысли уничтоженіемъ уніи и раздачею польскихъ земель военнымъ и гражданскимъ россійскимъ чиновникамъ. Въ статьѣ о Польшѣ буду я имѣть случай пространнѣе о семъ говорить.

ГЛАВА 3-я.

Посѣщеніе Ревеля и Балтійскаго порта. — Начало войны со шведами 1789 г. — Генералъ Мелиссино. — Продолженіе войны нашей со шведами. — Морское сраженіе 14 августа 1789 года. — Сраженіе у берега и на сушѣ. — Постройка батареи на островѣ Роченсальмѣ и поднятіе изъ воды затонувшей шебеки.

Посѣщеніе Ревеля и Балтійскаго порта.

Предъ начатіемъ войны со шведами, поѣхалъ отецъ мой для осмотра укрѣпленій Ревеля и Балтійскаго Порта, или *Рогервика*, и взялъ меня съ собою.

Ревель; построенный нѣмецкими или тевтонскими рыцарями, получилъ наименованіе свое отъ нѣмецкаго слова Реефаль, то-есть паденіе дикой козы или серны, упавшей въ стремнину неподалеку сего отъ города тогда, когда гросмейстеръ сихъ кавалеровъ забавлялся охотой. Сей небольшой городъ состоитъ весь изъ каменнаго строенія въ нѣсколько этажей, хотя въ готическомъ, но довольно пріятномъ вкусѣ; здѣсь видны еще остатки огромныхъ стѣнъ, окружавшихъ оный. Я видѣлъ славящуюся довольно высокой колокольной тамошнюю лютеранскую, такъ называемую, Олай-церковь. При входѣ въ оную виситъ вверху кость превеликаго ребра, похожаго на человѣческое. Баснословятъ, будто бы это ребро мастера, строившаго колокольню и упавшаго съ высоты оной. Въ другой лютеранской церкви видѣлъ я тѣло какого-то принца де-Круа. Одни говорятъ, что онъ былъ губернаторомъ, а другіе — посломъ *) и сдѣлалъ великіе долги въ семъ городѣ; а такъ какъ наслѣдники не хотѣли заплатить оные, то городъ взялъ въ залогъ его тѣло и объявилъ, что до тѣхъ поръ не похоронятъ онаго, пока долги и съ процентами не будутъ уплачены. Уже прошло слишкомъ двѣсти лѣтъ, какъ никто не думаетъ уплачивать долги сего покойника. Тѣло его поставлено въ небольшомъ отдѣленіи церкви въ хорошо убранномъ открытомъ гробѣ и къ удивленію нисколько не повредилось, но высохло совершенно подобно многимъ мощамъ, хранящимся въ Кіевскихъ пещерахъ, о которыхъ буду я еще говорить. Тамошнее мѣщанство чрезъ нѣсколько лѣтъ пере-

---

*) Герцогъ де-Кроа Карлъ-Евгеній. Въ 1710 году перешелъ изъ австрійской службы въ русскую съ чиномъ полнаго генерала. Проигралъ Нарвскій бой 1702 г. и взятъ въ плѣнъ шведами.

мѣняетъ довольно богатое его платье и записываетъ на счетъ состоящаго на немъ долга [1]).

Начало войны со шведами 1789 г.

Нечаянное объявленіе войны шведской, или лучше сказать, безъ всякаго объявленія оной ночное вторженіе короля шведскаго въ предѣлы Россіи, потребовало значительнаго увеличенія войскъ, какъ въ конницѣ и пѣхотѣ, такъ и въ артиллеріи. Не считая гарнизонной и морской, Россія имѣла только пять полковъ полевой артиллеріи, каждый состоялъ изъ десяти ротъ и каждая рота имѣла десять орудій.

Потребность въ офицерахъ сдѣлала то, что я произведенъ былъ въ капитаны артиллеріи; мнѣ дали сперва роту въ новоформировавшемся второмъ бомбардирскомъ баталіонѣ. За неприбытіемъ изъ арміи, находившейся противъ турокъ, настоящаго баталіоннаго начальника, поручено мнѣ было командованіе и формированіе сего баталіона.

Въ сіе время отецъ мой обремененъ былъ многими должностями. Онъ начальствовалъ надъ всѣми крѣпостями и инженерами въ Россіи; по отъѣздѣ же и наконецъ по смерти генерала Миллера, убитаго при осматриваніи имъ турецкой крѣпости Киліи, получилъ онъ въ управленіе свое внутреннюю часть артиллеріи, состоящую въ снабженіи обѣихъ армій потребностями по сей части. Хотя любимецъ Екатерины князь Платонъ Зубовъ былъ уже тогда фельдцейхмейстеромъ, но бывъ занятъ важнѣйшими предметами, не имѣлъ времени входить въ подробности управленія артиллеріей. Сверхъ того, отецъ мой опредѣленъ былъ членомъ военной коллегіи, и при томъ предписано ему было засѣдать въ сенатѣ по межевому департаменту.

Съ производствомъ въ капитаны артиллеріи, каковой чинъ равенъ былъ преміеръ-маіору арміи [2]), поступилъ я подъ начальство артиллеріи генералъ-поручика Мелиссино, бывшаго тогда директоромъ артиллерійскаго и инженернаго кадетскаго корпуса и командовавшаго частію артиллеріи.

Генералъ Мелиссино.

Сей генералъ имѣлъ многія достоинства [3]). Онъ былъ родомъ грекъ и, начавъ воспитаніе свое въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ, окончилъ вступленіемъ въ Россіи въ такъ называемый тогда, сухопутный кадетскій корпусъ, изъ котораго перешелъ въ артиллерію и отличился на войнѣ противъ турокъ во время командованія арміей фельдмаршала графа Румянцова. Онъ зналъ многіе языки, какъ то:

---

[1]) Тѣло его предано землѣ въ царствованіе Императора Александра II.

[2]) Въ россійскихъ пѣхотныхъ и конныхъ полкахъ были премьеръ и секундъ-маіоры, но чины сіи уничтожены императоромъ Павломъ I-мъ и хотя было въ полкахъ по два, а въ нѣкоторыхъ и по нѣскольку маіоровъ, но оные различались только однимъ старшинствомъ по службѣ.

[3]) Петръ Ив. Мелиссано, впослѣдствіи генералъ-отъ-артиллеріи и генералъ-фельдцейхмейстеръ. Род. 1724†1797.

французскій, нѣмецкій, итальянскій, греческій новый, какъ грекъ, и отчасти эллинскій, русскій совершенно, и разумѣлъ по-латыни. Былъ великій любитель словесности, а особливо театра, зналъ онъ хорошо математику, артиллерію, физику и механику; алхимія же была его любимой наукой, въ которой успѣлъ онъ сдѣлать нѣкоторыя открытія и полезнѣйшее изъ оныхъ есть изобрѣтенный имъ составъ металла для литья пушекъ.

Генералъ Мелиссино любилъ роскошь, но не былъ довольно богатъ для того, что завело его въ долги. Сверхъ того онъ меньше привязанъ былъ къ наружному блеску; отъ того кадеты, подъ начальствомъ его находившіеся, меньше успѣвали въ наукахъ, нежели въ строевыхъ оборотахъ и въ пріемахъ ружейныхъ.

Въ 1789 году я занимался обученіемъ ввѣреннаго мнѣ артиллерійскаго баталіона, не только въ лѣтнее время, но и зимой, обучая стрѣльбѣ изъ пушекъ въ нарочно построенныхъ для того большихъ залахъ и имѣвшихъ окна наподобіе крѣпостныхъ амбразуръ

Продолженіе войны нашей со шведами.

Въ семъ году война противъ шведовъ на сухомъ пути продолжалась не съ великимъ успѣхомъ. А на морѣ генералъ Грейгъ, назначенный съ большой эскадрой въ Средиземное море, встрѣтилъ флотъ шведскій въ Финскомъ проливѣ, неподалеку отъ берега, у такъ называемой *Красной Горки*. Сраженье было жестокое и продолжалось цѣлыя сутки, такъ что окна во дворцѣ Екатерины II-й дребезжали, и она уѣхала въ *Царское Село*. Но адмиралъ Грейгъ одержалъ побѣду, и шведы отступили.

Галерный же флотъ нашъ едва смѣлъ показаться между острововъ Финскаго залива, какъ отступилъ назадъ къ своимъ портамъ безъ потери.

На другой годъ предписано мнѣ было сдать батальонъ, вступить съ моей ротой въ Кронштадтъ, гдѣ долженъ я былъ вступить во флотилію, состоявшую изъ парусныхъ и гребныхъ судовъ.

Выступя изъ Петербурга, пошелъ я сухимъ путемъ до загороднаго дворца Ораніенбаума. Тамъ успѣлъ я бросить взглядъ на дѣтскія укрѣпленія замка и маленькой гавани, снабженныхъ такими же пушками, въ которыхъ Императоръ Петръ III-й съ однимъ своимъ голштинскимъ полкомъ думалъ защищаться противъ всей гвардіи и войскъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ и присягнувшихъ уже Екатеринѣ II.

Едва пришелъ я туда, какъ нашелъ уже въ готовности перевозные баркасы для роты моей. Сѣвъ на оный, переправился я черезъ заливъ, составляемый рѣкой Невой и на семь верстъ въ широту простирающій, и прибылъ въ Кронштадтъ.

Тамъ явился я подъ начальство стараго адмирала Пущина [1]).

---

[1]) Иванъ Петровичъ Пущинъ, адмиралъ Балтійскаго гребного флота, герой Шведской войны 1790 года. Род. 1723+1812. Дѣдъ Ив. Ив. Пущина, декабриста, друга и лицейскаго товарища Пушкина.

Кронштадтъ былъ тогда уже укрѣпленъ, главная гавань была защищаема только однимъ Кронштадтомъ, небольшимъ замкомъ, построеннымъ на маленькомъ островѣ. Набережныя же его укрѣпленія были построены наскоро въ видѣ временной полевой фортификаціи.

Въ семъ городѣ пробылъ я болѣе мѣсяца, и хотя эскадра наша стояла уже на рейдѣ, но многое для отправленія было не готово. Главный же нашъ начальникъ адмиралъ принцъ Нассау находился тамъ съ другою и гораздо сильнѣйшей эскадрой при крѣпости Фридрихсгамѣ.

Въ концѣ іюля мѣсяца велѣно мнѣ было съ моей ротой, сѣсть на транспортныя суда и отправиться на рейдъ для размѣщенія оной на фрегаты и кононерскія лодки.

Я явился къ вице-адмиралу Крузэ [1]), флагману, командиру оной эскадры. Крузэ былъ родомъ англичанинъ, довольно искусный мореходецъ, отличившійся въ сраженіи при истребленіи графомъ Орловымъ турецкаго флота, и во многихъ другихъ морскихъ баталіяхъ. Онъ былъ недоволенъ своимъ мѣстомъ и жаловался на то, что онъ привыкъ командовать въ открытомъ морѣ линейными кораблями, а не лодками между острововъ.

Сей почтенный старикъ принялъ меня благосклонно, пригласилъ къ обѣду и роптал между прочимъ на неисправность морской артиллеріи и на малыя познанія офицеровъ оной. Послѣ стола представилъ онъ мнѣ капитанъ-лейтенанта морской артиллеріи и просилъ меня поговорить съ нимъ на предметъ артиллерійскихъ дѣйствій. Я спросилъ его сперва о родѣ и калибрѣ орудій, на эскадрѣ нашей находящихся; но достойны примѣчанія изъ всѣхъ были пятипудовыя мортиры и трехпудовыя гаубицы, находившіяся на двухъ бомбардирскихъ корабляхъ при сей эскадрѣ. Адмиралъ слушалъ нашъ разговоръ и такъ-же, какъ и я, удивленъ былъ тѣмъ, что сей офицеръ сказалъ мнѣ, что они кладутъ въ зарядъ пятипудовой мортиры до 30 фунтовъ пороху, а въ трехъ пудовую гаубицу отъ 16 до 20 фунтовъ, тогда какъ сильный зарядъ правильной пятипудовой мортиры не требуетъ больше 10-ти ф. Я сказалъ ему на то: можетъ быть, порохъ у васъ слабъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ на сіе, что они получаютъ порохъ съ тѣхъ же заводовъ, какъ и мы, той же пробы и къ тому-жъ онъ только что доставленъ на флотилію. Разговоръ сей окончился предложеніемъ адмирала ѣхать на бомбардирскій корабль и сдѣлать опытъ. Мы отправились съ нимъ туда. Я осмотрѣлъ мортиры и гаубицы и нашелъ ихъ совсѣмъ необыкновенной пропорціи; неизвѣстно, когда оныя были вылиты. Только мортиры почти не имѣли котловъ и едва малыя закругленія находились при началѣ каморъ, которыя слишкомъ были широки и оканчивались при запалѣ не конусомъ, а цилиндромъ, какъ въ обыкновенныхъ, такъ-же образованы были и гаубицы. Я призналъ, что

[1]) Александръ Ивановичъ Крузе. Род. 1727+1798

десяти фунтовъ пороха, конечно, недостаточно для такой мортиры, и велѣлъ положить 17. При выстрѣлѣ бомба упала на половинѣ обыкновеннаго разстоянія. И я принужденъ былъ согласиться на 30 фунтовъ въ мортиру и на 16 ф. въ гаубицу. Выстрѣлили полнымъ зарядомъ и бомба упала не далѣе обыкновеннаго, тоже было и съ гаубицами; прибавить должно, что болѣе 7 градусовъ не можно было имъ дать возвышенія, потому что порты или отверстія корабля, сквозь которыя выставлялось дуло, недовольно были велики, чтобъ дать симъ орудіямъ надлежащее возвышеніе. Всякій артиллеристъ знаетъ, что гаубицы требуютъ отъ 20 до 35 градусовъ возвышенія. Но что принадлежитъ до мортирѣ, то оныя вылиты были вмѣстѣ съ небольшими мѣдными станками, на 45 градусовъ возвышенія, утверждены были въ началѣ на дубовыхъ цилиндрахъ, имѣющихъ въ діаметрѣ до четырехъ футъ. Сіи цилиндры основаны были на самомъ кубрикѣ или брусѣ, служащемъ основаніемъ корабля, и выходили на поверхность палубы. Сверхъ сихъ дубовъ былъ вылитъ и утвержденъ свинцовый кругъ толщиною дюйма въ 4, а надъ онымъ такой-же изъ чугуна. Въ центрѣ была круглая скважина и таковая же въ станкѣ мортиры. Въ кругу утвержденъ толстый желѣзный стержень, который вкладывался въ станокъ мортиры, черезъ что можно было поворачивать оную во всѣ стороны, и для того винты на мачтахъ сдѣланы были на крючьяхъ, и при выстрѣлѣ въ стороны, который-нибудь должно было снимать и опять класть на мѣсто. Какое затрудненіе во время дѣйствія? При томъ нельзя было употребить ни штатира, ни отвѣса, а дѣйствовать глазомѣромъ.

Ударъ при воспаленіи пороха былъ столь силенъ, что корабль при всякомъ выстрѣлѣ опускался въ море на полтора фута, и не иначе можно было стрѣлять, какъ пальникомъ футъ въ 5 длиною, и причемъ раздавали всѣмъ артиллеристамъ и матросамъ хлопчатую бумагу, чтобъ затыкать уши. Вотъ сколь мало обращали тогда вниманія на морскую артиллерію. Сколь удобно облегчить всѣ сіи затрудненія, всякій артиллеристъ и мореходецъ можетъ самъ домыслиться.

По возвращеніи отъ сего опыта адмиралъ далъ мнѣ вѣдомость о числѣ судовъ, качествѣ, количествѣ и калибрѣ артиллерійскихъ орудій, на оныхъ находящихся, и велѣлъ по оной размѣстить мнѣ моихъ и морскихъ артиллеристовъ. Я же самъ долженъ былъ выбрать для пребыванія своего одинъ изъ бомбардирскихъ кораблей, въ эскадрѣ его находящихся. Эскадра же состояла изъ двухъ бомбардирскихъ кораблей подъ названіями „Перунъ“ и „Громъ“,—изъ шести гребныхъ фрегатовъ, одного прама, двухъ пакетботовъ, 25 канонерскихъ лодокъ и 6 полугалеръ. Я избралъ для пребыванія своего корабль „Перунъ“.

Въ семъ состояніи выступили мы въ море и, подойдя къ высотѣ острова Гогланда, спустились къ берегамъ Финляндіи. Не доѣзжая еще оныхъ. застала насъ въ концѣ іюля мѣсяца жесто-

кая буря, настоящій штормъ, какъ называютъ мореходцы. Мы стояли тогда на якоряхъ и только нашъ корабль могъ удержаться на своемъ мѣстѣ, прочіе же тащило на якоряхъ къ скаламъ, подводнымъ камнямъ и мелямъ. Буря продолжалась 24 ч., но благодаря Провидѣнію потеряли мы только одно судно, а именно прамъ «Гремящій“ о 40 пушкахъ большого калибра; онъ брошенъ былъ на мель. И тутъ-то въ первый разъ увидалъ я ужасное дѣйствіе морскихъ валовъ противъ корабля, стоящаго на твердомъ основаніи и получающаго всю силу ударовъ оныхъ. Почти всякая волна выбивала доску, чего нельзя произвесть ни изъ какихъ пушекъ, и чрезъ нѣсколько часовъ показались ребра корабля. Люди и потомъ пушки были спасены, а корабль погибъ.

Впрочемъ буря сія не сдѣлала большого вреда эскадрѣ нашей; мы исправились и пошли далѣе. Наконецъ, неподалеку отъ береговъ Финляндіи при островѣ Роченсальмѣ и многихъ другихъ мелкихъ островахъ, составляющихъ родъ архипелага, августа 9-го числа встрѣтили мы непріятельскій шведскій гребной флотъ въ далеко превосходнѣйшихъ силахъ, нежели наша эскадра. Адмиралъ сдѣлалъ сношенія сухимъ путемъ съ принцемъ Нассау, имѣвшимъ подъ начальствомъ своимъ большую часть гребного флота. Онъ находился съ этой частью флота въ томъ-же Финскомъ заливѣ неподалеку отъ крѣпости Фридрихсгама и чрезъ то самое оказывался позади непріятельскаго флота.

Нашъ адмиралъ сдѣлалъ планъ баталіи, по которому бомбардирскіе корабли расположены были за линіею, по флангамъ оной для бомбардированія непріятельскаго флота.

Мы совсѣмъ уже приготовились къ сраженію; но за два дня предъ онымъ вице-адмиралъ Крузэ смѣненъ былъ контръ-адмираломъ Баллэ [1]).

Баллэ былъ родомъ грекъ, давно служившій въ россійскомъ флотѣ; но находился по большой части при адмиралтействахъ, членомъ въ морскихъ канцеляріяхъ и даже къ сему начальствованію взятъ былъ отъ должности флота-интенданта. Всѣ морскіе офицеры говорили о немъ, что онъ мало имѣлъ опытности въ настоящемъ морскомъ дѣлѣ.

Морское сраженіе 14 августа 1789 г.

Какъ бы то ни было, принявъ начальство, сдѣлалъ онъ нѣкоторыя перемѣны въ планѣ его предмѣстника. Между прочими бомбардирскіе корабли и пакетботы, не имѣющіе веселъ, поставилъ онъ впереди линіи по флангамъ. Всѣ тогда же говорили, что эта была большая его ошибка, ибо при случаѣ отступленія или перемѣны мѣста, наипаче бомбардирскіе корабли, при противномъ вѣтрѣ или при безвѣтріи или, какъ говорятъ моряки, во время штиля, не могутъ имѣть ходу,—развѣ на заводѣ или вернѣ, что весьма медленно, или на

---

[1]) Иванъ Петровичъ Балле. Адмиралъ, впослѣдствіи сенаторъ. Родился 1741+1811 г.

буксирѣ,—но три 12-весельныхъ баркасовъ едва въ силахъ съ медленностію буксировать такой корабль.

Какъ бы то ни было, 1789 году августа 13-го дня въ 7 часовъ пополуночи началось первое для меня морское сраженіе. Флотъ непріятельскій занималъ почти все пространство пролива отъ одного берега до другого, а сзади имѣлъ цѣпь острововъ. Мнѣ приказано было открыть сраженіе бомбардированіемъ изъ мортиръ и гаубицъ на весьма дальнее разстояніе такъ, что бомбы мои едва до половины онаго достигали. Я не могъ вначалѣ понять, для чего приказано мнѣ было жечь напрасно порохъ и бросать бомбы въ море. Но это была военная хитрость г-на Баллэ. Онъ хотѣлъ чрезъ сіе извѣстить принца Нассау, приближавшагося уже къ тылу непріятеля, что онъ началъ сраженіе,—съ тѣмъ, чтобы и онъ открылъ огонь съ своей стороны. Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ ничего не было слышно, и мы принуждены были подойти ближе къ непріятельской линіи. Едва наши ядра и бомбы начали доставать до кораблей, какъ шведы, снявшись съ якоря, еще приблизились къ намъ и открыли столь сильный огонь, что нѣкоторые фрегаты наши должны были замолчать и выйти за линію. Сраженіе продолжалось до самаго вечера съ великимъ урономъ съ нашей стороны. Оба пакетбота были потоплены со всѣмъ ихъ экипажемъ. Бомбардирскій корабль „Громъ", имѣвшій предъ собою каменную отсыпь въ морѣ или рифъ, хотя много претерпѣлъ, но не столько, какъ нашъ „Перунъ". Мачты и даже борты были совсѣмъ сбиты, и онъ конечно бы пошелъ ко дну, еслибъ въ разсужденіи тяжелыхъ его орудій не имѣлъ такой наружной обшивки, или баргаута какъ большой линейный корабль, а потому ниже ватерлиніи ни одно ядро не могло его пронзить насквозь. Всѣ люди, составлявшіе экипажъ онаго, были убиты или тяжело ранены. При семъ случаѣ и я получилъ три сильныя контузіи обломками дерева и канатовъ въ ногу, въ грудь и въ голову. Всѣ посылаемые на помощь оному фрегаты возвращались съ большимъ урономъ, бывъ въ опасности сами погибнуть. Наконецъ адмиралъ, отступя еще нѣсколько съ своей линіей, прислалъ къ намъ шлюпку, чтобъ спасти живыхъ и легко раненыхъ людей,—а корабль оставить непріятелю.

Хотя я былъ очень слабъ, но хотѣлъ загвоздить пушки; но въ такомъ разстройствѣ нельзя было ничего найти, и такъ я, выстрѣля изъ заряженныхъ орудій, пустилъ въ запалъ каждаго по ядру. И сіе помогло намъ нѣсколько при отступленіи. Ибо шведы, примѣтя приставшую къ кораблю шлюпку, послали на нѣсколькихъ баркасахъ отрядъ пѣхоты. Едва успѣли мы сойти въ шлюпку съ одного борта, какъ шведы съ другого вошли на корабль, успѣли сдѣлать по насъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и ранили у насъ трехъ матросовъ.

Я привезенъ былъ на флагманскій фрегатъ и представленъ адмиралу, покрытый моею и подчиненныхъ моихъ кровію. Тридцатифунтовыя ядра поражали десятками людей въ тѣсности

около меня расположенныхъ, не говоря о щепахъ и отрывкахъ, толстыхъ корабельныхъ канатовъ. Онъ, разспрося меня въ короткихъ словахъ, предложилъ мнѣ отдохнуть. Матросы сдѣлали мнѣ тотчасъ постель у мачты изъ флаговъ. Но прежде, нежели я легъ, я увидѣлъ множество тяжело раненыхъ чиновниковъ, въ томъ числѣ былъ почтенный *бригадиръ Винтеръ*, отличившійся во многихъ морскихъ сраженіяхъ. Онъ лишился въ семъ дѣлѣ правой руки, отъ чего и умеръ на третій день. *Полковникъ Апраксинъ* былъ убитъ, и много другихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, о которыхъ не могу я вспомнить, были убиты, или тяжело ранены. По числу войска уронъ нашъ былъ весьма великъ. Начальствовавшій нашимъ кораблемъ капитанъ-лейтенантъ Синявинъ былъ столь тяжко раненъ, что мы не могли его взять съ собою, и онъ достался въ плѣнъ вмѣстѣ съ кораблемъ. Мы потеряли одинъ бомбардирскій корабль, два пакетбота, нѣсколько полугалеръ и канонерскихъ лодокъ.

Повидавшись съ ранеными моими товарищами, легъ я на приготовленную для меня постель и заснулъ. Но предъ полуночью разбуженъ я былъ пальбою съ непріятельской стороны, шумомъ и работою на фрегатѣ. Я всталъ и увидѣлъ приближающійся къ намъ непріятельскій флотъ, который могли узнать мы по фонарямъ и ночнымъ сигналамъ. Адмиралъ велѣлъ сняться съ якорей и уклониться къ берегу направо, шведы же пошли мимо насъ въ море при безпрестанной пальбѣ изъ пушекъ. Вслѣдъ за ними показались другія суда, и мы тотчасъ узнали, что то была эскадра адмирала принца Нассау. Онъ долженъ былъ, по сдѣланному плану, напасть на непріятеля сзади, въ превосходныхъ силахъ, тогда, когда мы были гораздо слабѣе непріятельскаго флота, должны были атаковать оный спереди и обратить на себя весь его огонь. Но непріятельскій флотъ, какъ я уже выше сказалъ, отдѣленъ былъ отъ принца Нассау цѣпью острововъ, на которыхъ были подѣланы шведами баттареи. Но сіе не воспрепятствовало-бы пройти судамъ его въ три или четыре пролива довольной глубины, если-бы шведы, предъ сраженіемъ не заградили оные затопленными судами. А дабы сильнымъ теченіемъ, извѣстнымъ между таковыми островами, не были они раздѣлены, то соединили ихъ тоненькими канатами, концы которыхъ укрѣпили на островахъ. Принцъ, услыша нашу канонаду, тогда-жъ снялся съ якоря, но, подойдя къ островамъ, нашелъ проливы оныхъ загражденными по вышесказанному. Цѣлый день тщетно трудился онъ сыскать проходъ и потерпѣлъ довольное пораженіе какъ съ сухопутныхъ батарей, такъ и съ судовъ, стоявшихъ предъ проливами. Наконецъ, одинъ нечаянный случай открылъ ему путь къ совершенной побѣдѣ надъ непріятелемъ. Нѣсколько гвардейскихъ солдатъ при унтеръ-офицерѣ высажены были на одинъ островъ для осмотра и набранія прѣсной воды. Сіи люди, ходя по острову, нашли мѣсто, гдѣ укрѣпленъ былъ конецъ каната, соединяющій затопленныя суда. Они отрубили оный и дали знать о томъ принцу, который, вос-

пользовавшись симъ открытіемъ, послалъ небольшіе военные отряды и на прочіе острова. Канаты удачно были отрублены, быстрое, между острововъ, теченіе разнесло затопленныя суда, принцъ съ эскадрою своей прошелъ въ проливы и напалъ на непріятеля съ тылу. Сіе послѣдовало во время самаго отступленія нашего. Утомленные сраженіемъ съ нами, шведы обращены были въ бѣгство; взятыя въ плѣнъ наши суда были возвращены, и непріятель лишился нѣсколькихъ фрегатовъ и шебекъ, взятыхъ въ плѣнъ принцемъ Нассау. Вотъ знаменитое сраженіе 13 августа 1789 года, за которое всѣмъ матросамъ и солдатамъ выданы были серебряныя медали съ надписью: *„за храбрость на водахъ финскихъ“*.

Герой священникъ.

Не должно умолчать о томъ, что въ эскадрѣ нашей больше всѣхъ показалъ неустрашимости нашъ морской священникъ. Онъ во все время плаванія нашего до сего сраженія проводилъ цѣлые дни, сидя на ютѣ и смотря на море въ подзорную трубу,—и только малѣйшее что примѣтитъ въ морѣ, кричалъ: „вотъ непріятель! Время готовиться къ сраженію“. Молодые офицеры смѣялись надъ нимъ, почитая сіе трусостью. Онъ былъ вдовецъ и нерѣдко съ слезами на глазахъ разсказывалъ намъ, что оставилъ семерыхъ малолѣтнихъ въ крайней бѣдности. Мы спросили его однажды, случалось ли ему когда бывать въ сраженіи противъ непріятеля. „Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—и молю Бога, чтобъ онъ избавилъ меня отъ сего непріятеля“. Сіи обстоятельства потомъ еще болѣе утвердили насъ въ мнѣніи о его робости. И мы не позабыли изъ разговоровъ его сдѣлать предметъ шутокъ.

Но предъ начатіемъ сраженія, облачася въ ризы, собралъ онъ всѣхъ бывшихъ на кораблѣ къ молитвѣ, послѣ которой сказалъ прекрасную проповѣдь насчетъ неустрашимости въ справедливой войнѣ за отечество. И въ продолженіе всего сраженія не сходилъ съ палубы, ободряя сражающихся, исключая того времени, когда требовали его въ трюмъ для исповѣди и причащенія умирающихъ отъ ранъ; но онъ всегда скоро возвращался на мѣсто сраженія. Тщетно капитанъ корабля и самъ адмиралъ просили его беречь себя, для себя, для семейства его. Онъ всегда отвѣчалъ имъ текстами изъ священнаго писанія, что пастырь не долженъ оставить овецъ своихъ во время опасности: и даже просилъ позволенія ѣхать для спасенія нашего корабля, въ чемъ однакожъ было ему отказано.

Плѣнные турки въ русскомъ лагерѣ.

Принцъ не оставилъ донести о семъ Екатеринѣ II, и онъ былъ награжденъ соотвѣтственно его сану и состоянію, при чемъ и дѣти его не были забыты. Другое обстоятельство на флотѣ нашелъ также достойнымъ примѣчанія. Князь Потемкинъ при взятіи Очакова взялъ также въ плѣнъ цѣлую флотилію, стоявшую по причинѣ

великихъ льдовъ въ проливѣ Очаковскомъ, при стѣнахъ онаго; а вмѣстѣ съ флотиліей взялъ онъ и турецкихъ матросовъ. Сіи турки отправлены были въ Петербургъ. Екатерина II за недостаткомъ людей послала ихъ на гребной флотъ дѣйствовать противъ шведовъ. Въ качествѣ матросовъ, по окончаніи сего сраженія, въ которомъ и они дѣйствовали съ довольною храбростью, увидали они, что всѣмъ нижнимъ чинамъ были выданы медали, а имъ вмѣсто того только по серебряному рублю. Они были крайне недовольны этимъ и просили, чтобы и имъ даны были знаки отличія. Екатерина прислала имъ *челенги* или серебряныя перья, съ надписью: за храбрость, для ношенія на челмахъ, потому что они и въ нашей службѣ одѣты были по-турецки. Говорятъ, что нѣсколько изъ нихъ по возвращеніи въ отечество свое, заплатили головами своими за сіи знаки отличія.

Сраженіе у берега и на сушѣ.

На другой день послѣ сего сраженія соединились мы съ эскадрой принца Нассау [1]). Канонерскія лодки, полугалеры и другія легкія суда посланы были на поиски за непріятелемъ. Много мелкихъ шведскихъ судовъ истреблено было между островами и при берегахъ, а нѣкоторыя взяты въ плѣнъ.

Наконецъ, принцъ Нассау узналъ, что остатки непріятельскихъ судовъ и большая часть сухопутнаго непріятельскаго войска, находившаяся на гребномъ ихъ флотѣ, пристала къ берегу финскаго залива въ границахъ нашихъ при деревнѣ Старкупицы, гдѣ укрѣпились они батареями и сильнымъ отрядомъ войскъ, присланнымъ изъ сухопутной арміи. Онъ рѣшилъ сдѣлать высадку на сей берегъ, но прежде должно было овладѣть батареями.

Одиннадцать дней приготовлялись мы къ сей экспедиціи. Я, отдохнувъ нѣсколько отъ полученныхъ мною контузій и узнавъ, что я за болѣзнію не назначенъ въ оную, поѣхалъ просить о томъ принца Нассау. Сперва онъ мнѣ въ томъ отказалъ потому, что рота моя не имѣла при себѣ сухопутныхъ пушекъ. Но я указалъ ему на то, что на фрегатѣ нашемъ есть сухопутныя трехфунтовыя пушки, принадлежащія полкамъ, находящимся на флотиліи, и сверхъ того таковыя же взятыя въ послѣднемъ сраженіи у шведовъ, которыя полезнѣе могутъ быть употреблены при высадкѣ, нежели оружія большого калибра. Принцъ согласился на мое предложеніе и велѣлъ мнѣ, принявъ оныя, приготовиться къ дессанту. Я послалъ оныя на плавучія батареи; но какія это были батареи? Ни что иное, какъ простые плоты съ небольшимъ возвышеніемъ по краямъ, притомъ и тѣхъ было недостаточно, для малой моей артиллеріи, такъ что я почти принужденъ былъ ставить пушку на пушку, и никоимъ образомъ невозможно было дѣйствовать съ оныхъ.

Какъ бы то ни было къ вечеру на 26-е число августа отпра-

---

[1]) Принцъ Карлъ Нассау-Зигенскій, адмиралъ русскаго флота. Род. 1743 + 1808.

вились мы къ сказанному мною мѣсту. Разстояніе было не дальнее, и мы прибыли туда часа за два до разсвѣта. Едва занялся день, какъ съ нашей стороны открыто было дѣйствіе стрѣльбою изъ пушекъ съ галеръ и канонерскихъ лодокъ противъ непріятельскихъ батарей. Шведы отвѣтствовали намъ съ довольнымъ успѣхомъ, и сіе продолжалось цѣлый день. Еще по утру принцъ, проѣзжая мимо моихъ плотовъ и видя, что я нахожусь совсѣмъ безъ дѣйствія, велѣлъ мнѣ, взявъ нѣсколько офицеровъ и бомбардировъ, сѣсть на галеру „Москву“, взять еще двѣ другія и расположиться за каменною отсыпью впереди главной непріятельской батареи и дѣйствовать черезъ оную навѣсными выстрѣлами. Я исполнилъ его приказаніе, но успѣху было мало. Потомъ, подъѣхавъ ко мнѣ, онъ сказалъ: дайте мнѣ изъ роты вашей надежнаго офицера. Я послалъ къ нему моего поручика. Онъ привезъ его на одинъ островъ, велѣлъ снять съ другихъ плавучихъ батарей два 24-фунтовыхъ единорога, поставить на ономъ и дѣйствовать во флангъ непріятельскихъ батарей. Хотя сіе распоряженіе имѣло лучшій успѣхъ, однако же непріятель держался на батареяхъ своихъ до самой темной ночи. За часъ до свѣта узнали мы, что непріятель, оставя свои батареи, ретировался; намъ велѣно было выйти на берегъ и преслѣдовать его сухопутными войсками, для того приготовленными.

При этомъ и я выгрузилъ на берегъ десять малыхъ моихъ орудій съ ящиками, но не имѣлъ ни одной лошади, а только 80 человѣкъ бомбардировъ. Я послалъ просить пособія, и мнѣ прислано было двѣ пѣхотныхъ роты, чтобъ везти сіи пушки на людяхъ.

Непріятель съ артиллеріей своей пошелъ къ селенію Питискирхе, лежащему на берегу *р. Кюменя*, которая составляла тогда границу Россіи съ Швеціей. Я причисленъ былъ тогда къ отряду войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ *бригадира князя Мещерскаго*. Между тѣмъ главнокомандующій россійскою арміею, по сношенію съ принцемъ Нассау, не оставилъ дать ему помощь конными полками его арміи, въ числѣ которыхъ были казаки и башкиры.

Придя въ селеніе Питискирхе, отстоящее на 30 верстъ отъ мѣста высадки нашей, нашли мы, что непріятель переправился уже черезъ рѣку и сжегъ за собою всѣ мосты на оной. Такимъ образомъ остались мы въ сей деревнѣ, ожидая дальнѣйшаго повелѣнія отъ главнаго начальства. И такъ стояли мы тамъ три дня безъ всякаго продовольствія.

Въ сіе время принцъ Нассау лишился лучшаго своего помощника, мальтійскаго кавалера *Ваража*: онъ пропалъ безъ извѣстія при сей высадкѣ. Отряды, посланные искать его, возвратились безъ всякаго успѣха: наконецъ открылось несчастное приключеніе, въ которомъ погибъ сей опытный и храбрый мореходецъ. Сойдя на берегъ, не могъ онъ слѣдовать пѣшкомъ за войскомъ, такъ какъ не имѣлъ привычки ходить столь далеко,

и потому пошелъ онъ въ одну чухонскую деревню, чтобы найти для себя лошадь. Не зная ни по-русски, ни по-чухонски и увидавъ въ полѣ пасущихся крестьянскихъ лошадей, онъ поймалъ одну, сѣлъ на оную верхомъ безъ сѣдла, а вмѣсто узды употребилъ карманный свой платокъ. Но, бродя въ полѣ за лошадью, потерялъ онъ дорогу, и такъ пробираясь черезъ лѣсъ, встрѣченъ онъ былъ башкирами, присланными изъ сухопутной нашей арміи. Сіи полудикіе воины, увидя на немъ знаки иностранныхъ орденовъ, подъѣхали къ нему поближе, и когда на вопросъ ихъ отвѣчалъ онъ имъ по-французски, то они приняли его за непріятельскаго офицера и хотѣли взять въ плѣнъ, то онъ, вынулъ саблю, началъ защищаться, при чемъ и былъ убитъ башкирами. Они сами разсказывали о томъ, принеся орденскіе его знаки къ принцу Нассау и требуя награжденія за то, что они убили знаменитаго шведскаго чиновника.

Черезъ три дня получено было повелѣніе, чтобы отрядъ нашъ возвратился на свои суда. Мы пришли на берегъ моря, увидѣли стоящій вдали флотъ нашъ, но не нашли ни одного перевозочнаго судна. Мы кричали, стрѣляли изъ ружей, зажигали огни; но со всѣмъ тѣмъ пробыли мы тутъ цѣлыя сутки, и въ такомъ положеніи пробыли бы, можетъ быть, еще и болѣе, еслибъ я случайно не примѣтилъ у берега лодку, на которой никого не было. Несмотря ни на что, взялъ я съ собою двухъ солдатъ, поплылъ къ флоту и присталъ къ первой, встрѣтившейся мнѣ галерѣ. На ней нашелъ я начальника галеръ *бригадира Слизова*, разсказалъ ему о жалостномъ положеніи отряда нашего, что слишкомъ двѣ тысячи человѣкъ уже пятый день находятся безъ хлѣба и довольствуются одними грибами. Въ тотъ же часъ отправилъ онъ шлюпки и баркасы, чтобы взять оттуда людей и пушки, а мнѣ предложилъ ночевать на его галерѣ.

На другой день сдѣлано было росписаніе по судамъ для нашего отряда и моей роты, и мое пребываніе назначено было на фрегатѣ „Осторожномъ“, какъ будто тѣмъ хотѣли сдѣлать молодости моей нѣкоторое нравоученіе.

Въ семъ мѣстѣ простояли мы нѣсколько дней. Принцъ Нассау увнавъ, что нѣкоторыя парусныя гребныя суда, составлявшія флотилію шведскую, успѣли удалиться къ шведской крѣпости Луньѣ, почему рѣшилъ идти къ оной, дабы истребить остатокъ непріятельскаго гребного флота.

Время года было уже довольно позднее и плаваніе для галеръ и мелкихъ судовъ было не безопасно, потому что около береговъ Луньи море довольно пространно. Однакоже, не взирая на сіе, пошли мы туда въ половинѣ сентября мѣсяца, и чрезъ нѣсколько дней прибыли къ шведской крѣпости Швартгольму, гдѣ стали на якорь. Но въ ночь на 21 число сентября поднялась преужасная буря, многія суда были сорваны съ якорей, и носимы по морю, нѣкоторыя погибли отъ подводныхъ камней, другія брошены были на мель. Нашъ фрегатъ потерялъ всѣ якоря;

мы, видя неминуемую почти опасность, принуждены были снять съ лафетовъ шесть пушекъ большого калибра, которыя, укрѣпя канатами, бросили въ море вмѣсто якоря, и къ неожиданному счастію удержались на оныхъ.

Буря продолжалась цѣлыхъ двое сутокъ, при семъ случаѣ потеряли мы двѣ галеры, три полугалеры и одинъ катеръ, прочія же суда претерпѣли довольное поврежденіе, наипаче въ снастяхъ или такелажѣ. Сіе обстоятельство заставило насъ возвратиться къ крѣпости нашей Фридрихсгаму. Всѣмъ судамъ назначено было зимовать въ оной гавани; а бригадиру Слизову съ восемью фрегатами остаться въ проливѣ Роченсальмскомъ, доколѣ не замерзнетъ море. Для большей же безопасности со стороны непріятеля, положено было построить на островѣ Роченсальмѣ батареи на двѣнадцать пушекъ большого калибра,—въ извѣстномъ пунктѣ, защищающемъ фарватеръ.

Принцъ Нассау, послѣ знаменитаго сраженія своего 13 августа, въ донесеніи своемъ къ Императрицѣ Екатеринѣ II-й написалъ, что онъ между прочимъ взялъ въ плѣнъ четыре фрегата и двѣ шебеки; но, къ несчастью, одна изъ оныхъ о 36 пушкахъ большого калибра такъ была разстрѣляна, что чрезъ нѣсколько дней потонула при самомъ островѣ Роченсальмѣ. Принцъ имѣлъ довольно непріятелей у двора и для того изобрѣталъ всякія средства, чтобъ достать оную изъ воды. Для сего совѣтовался онъ съ контръ-адмираломъ Балле, почти всю свою службу проводившимъ при адмиралтейскихъ работахъ. Но тотъ сказалъ ему, что для сего надо бы непремѣнно выписать изъ Англіи мастеровъ и механиковъ; а такъ какъ время уже позднее и, пока они прибудутъ, море замерзнетъ, то не останется никакихъ средствъ. Въ предпріятіи о построеніи батареи на извѣстномъ пунктѣ Рончесальма встрѣтилось подобное же сему затрудненіе.

Постройка батареи на островѣ Роченсальмѣ и поднятіе изъ воды затонувшей шебеки.

Мѣсто, на которомъ должно было строить батарею состояло изъ одного сплошного гранитнаго камня столь изглаженнаго морскими волнами, что ни земля, ни дернъ на пологости онаго никакъ не могли держаться. Всѣ иностранные инженеры, находившіеся на его флотѣ, отказались отъ сей работы, равно какъ морскіе офицеры—отъ поднятія потонувшей шебеки.

Бригадиръ Слизовъ, смотрѣвшій всегда съ негодованіемъ на преимущества, отдаваемыя принцемъ Нассау иностраннымъ офицерамъ, попросилъ меня въ одинъ день прогуляться съ нимъ на шлюпкѣ. Онъ привезъ меня на островъ Роченсальмъ, показалъ мѣсто, назначенное для батареи, и спросилъ: „Неужели нѣтъ никакого средства построить тутъ батарею“? Я, осмотрѣвъ оное, отвѣчалъ ему: „если дадутъ всѣ средства, то не будетъ невозможности. Слизовъ пересказалъ сіе принцу; а сей призвавъ меня, просилъ заняться симъ построеніемъ, обѣщая мнѣ дать все, что я для того потребую. Слизневъ искалъ также человѣка

который бы взялся достать потонувшую шебеку [1]). Одинъ русскій купецъ, по прозванію *Сторонкинъ*, торговавшій съѣстными припасами и нѣкоторыми необходимыми для офицеровъ товарами при нашей флотиліи, взялся за сіе предпріятіе. Надобно сказать о немъ, что онъ до сего много торговалъ на морѣ и упражнялся довольное время въ постройкѣ разныхъ купеческихъ судовъ у города Архангельска.

Слизовъ доносилъ и о немъ принцу, который съ радостью принялъ его предложеніе. И такъ я и Сторонкинъ должны были заняться работами, которыя почитали невозможными.

Мнѣ велѣно было съ ротою моей высадиться на островъ Роченсальмъ, и прислано было ко мнѣ по требованью моему достаточное число мастеровыхъ и рабочихъ людей. Учредя расположеніе батареи, приказалъ я отдѣльно рубить въ ближайшемъ лѣсу большія бревна, а другимъ выдалбливать по протяженію батарей въ назначенныхъ мѣстахъ ямы въ камнѣ. Хотя ямы эти не могли быть глубоко выдолблены, но я, поставя въ оныя потребное количество бревенъ, утвердилъ ихъ, хотя на первый разъ и слабо, съ одной стороны подпорами, а съ другой канатами къ камнямъ, выставленнымъ изъ моря, ибо мѣсто сіе имѣло предъ собой въ морѣ каменистую мель или натуральную отсыпь. Къ симъ довольно часто поставленнымъ бревнамъ началъ я укрѣплять не фашины, но связки толстыхъ и прямыхъ сучьевъ, вдвое или втрое толще обыкновенной фашины. И когда довелъ сего рода стѣну до желаемой высоты, тогда велѣлъ сыпать къ оной мелкій камень, сперва со стороны моря, натягивая всякій разъ сколь можно крѣпче канаты, которыми бревна привязаны были къ каменьямъ. Насыпавъ фута на три со стороны моря, приказалъ я тоже дѣлать съ вѣтренной стороны и такимъ способомъ сдѣлалъ каменное возвышеніе на пространство всей батареи, превосходящее высокіе камни, находящіеся предъ самой батареей въ морѣ. Послѣ чего на сей каменный хребетъ приказалъ я насыпать фута на полтора песку и земли; примѣтя же на островѣ моемъ множество терновыхъ кустовъ, велѣлъ оные рубить и плотно устилать ими обѣ крутости; потомъ покрылъ оный землею, пескомъ и дерномъ фута на три. На такомъ возвышеніи не трудно уже мнѣ было утверждать фашины, дернъ и все, что мнѣ потребно было для батареи. Но другое затрудненіе состояло въ томъ, что я по краткости времени не могъ сдѣлать валганка [2]), а насыпь моя или брустверкъ былъ слишкомъ высокъ. Къ тому-жъ прислали мнѣ пушки на морскихъ станкахъ безъ колесъ и станины оныхъ были вставлены въ толстыя доски съ желобами, по которымъ отодвигался станокъ послѣ выстрѣла; а для поворачиванія во всѣ стороны сдѣлана была въ каждой таковой подвиж-

---

[1]) Шебека—длинное, остроконечное, трехмачтовое судно для легкой службы и крейсированія, вооруженное отъ 12 до 40 орудіями.

[2]) Валгангъ—поверхность вала. Нѣмецкое Wallgang—крѣпостная улица.

ной платформѣ большая, круглая дыра. Таковаго рода орудіе должно непремѣнно быть поставлено на другой платформѣ, въ которой бы былъ утвержденъ перпендикулярно большой деревянный цилиндръ или бревно, на которомъ надѣта была бы сія подвижная платформа, вмѣстѣ со станкомъ, и переворачивалась бы на немъ во всѣ стороны. Для сего долженъ я былъ подъ каждое орудіе, во всю величину на станціи платформы, дѣлать деревянные срубы нарочито высоко и вставлять въ потребномъ мѣстѣ кругло отесанныя бревна и насыпать мелкимъ камнемъ и землей оные срубы до самаго верху. Симъ средствомъ въ продолженіе двѣнадцати дней батарея моя была готова и орудія поставлены. А такъ какъ Сторонкинъ работалъ надъ утонувшей шебекой недалеко отъ меня, и я съ нимъ каждый вечеръ видѣлся, то и согласились мы окончить вмѣстѣ работу нашу,—и въ одно почти время дали о томъ знать принцу Нассау. Онъ тотчасъ отправился на стоящую уже на якорѣ шебеку, на палубѣ которой находилось нѣсколько пушекъ,—и взявъ съ собой священника, приказалъ отслужить молебенъ. Потомъ, поднявъ россійскій военный флагъ, пошелъ на ней къ Фридрихсгаму, проходя же мимо моей батареи, велѣлъ салютовать изъ пушекъ; а я съ моей стороны отвѣтствовалъ ему также нѣсколькими выстрѣлами съ моей батареи. Принцъ остановился, сѣлъ на шлюпку, пріѣхалъ ко мнѣ, осмотрѣлъ мою работу, былъ весьма доволенъ оной и сказалъ мнѣ какъ бы въ шутку:

— Поздравляю васъ комендантомъ сего острова.

Въ самомъ дѣлѣ, по отъѣздѣ его, прислали мнѣ батальонъ пѣхоты въ прикрытіе и велѣли оставаться тутъ впредь до другого повелѣнія.

Между тѣмъ всѣ суда, исключая восьми фрегатовъ, оставленныхъ въ морѣ, подъ начальствомъ Слизова, пошли въ Фридрихсгамскую гавань, а принцъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Работа моя была совершена въ концѣ октября мѣсяца, весь ноябрь и до половины декабря стоялъ я лагеремъ при моей батареѣ, съ артиллеристами и прикрытіемъ. Всякій знаетъ о жестокой стужѣ, свирѣпствующей въ сіе время на берегахъ Швеціи. На всемъ островѣ не было никакого жилища; берега онаго состояли изъ голыхъ камней, а отступя нѣсколько отъ оныхъ, весь островъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ. И такъ, въ сіе ужасное время, притомъ въ столь сѣверномъ климатѣ должны мы были жить въ палаткахъ, почти не имѣя зимней одежды. Бригадиръ Слизовъ часто насъ посѣщалъ и для сохраненія здоровья людей велѣлъ отпускать имъ двойную морскую порцію водки и пива. Не забывалъ также и съ офицерами дѣлиться своимъ погребомъ. Короткіе зимніе дни на сѣверѣ проводили мы, бродя около батареи и лѣсу, гдѣ снѣгъ недовольно былъ глубокъ. Но для долгихъ зимнихъ вечеровъ велѣлъ я надѣлать большое количество деревянныхъ скамеекъ, такъ что офицеры и солдаты могли на оныхъ помѣщаться. Сіи скамьи поставлены подлѣ лѣсу въ боль-

шой кругъ, въ срединѣ котораго на всякій вечеръ приготовляли превеликій костеръ дровъ и каждый вечеръ зажигали оный. Офицеры разговаривали между собою, а солдаты, употребя двойную порцію, были довольно веселы, пѣли пѣсни, сказывали сказки и занимались разными шутками. Но отъ сихъ вечернихъ собраній не только всѣ мы, но и палатки наши такъ закоптѣли, что лагерь нашъ походилъ больше на цыганскій таборъ, нежели на станъ военный. Вечеръ былъ еще сносенъ, но по ночамъ холодъ жестоко давалъ себя чувствовать.

Жизнь такого рода скоро всѣмъ наскучила. Офицеры мои, по одиночкѣ отпрашиваясь на нѣсколько дней въ Фридрихсгамъ, присылали оттуда рапортъ о болѣзни, такъ что, наконецъ, изъ числа артиллерійскихъ остался я съ однимъ моимъ поручикомъ. Сей же, придя ко мнѣ въ одинъ день, просилъ у меня позволенія поѣхать на фрегатъ къ бригадиру; я понялъ его намѣреніе и сказалъ ему, что я самъ имѣю надобность быть у него сегодня, а онъ долженъ остаться здѣсь на моемъ мѣстѣ. И въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ я отпроситься у него на три дня въ Фридрихсгамъ, чтобы запастись теплой одеждой и потомъ возвратиться на несносную мою батарею. Бригадиръ позволилъ мнѣ туда поѣхать, и я, не заѣзжая въ мой лагерь, пустился на 12-весельной шлюпкѣ въ Фридрихсгамъ, отстоящій отъ нея на 28 верстъ. Вѣтеръ былъ попутный и мы шли на парусахъ, но вѣтеръ сдѣлался слишкомъ силенъ, притомъ ужасная снѣговая мятель по морскимъ волнамъ, и наступила ночь. Мы сами не знали, куда плывемъ, наконецъ, пристали къ неизвѣстному для насъ берегу. Я, взявъ съ собою двухъ солдатъ, пошелъ искать какого-нибудь пристанища. И вдругъ услышалъ голоса часовыхъ, отдающихъ сигналы; я пошелъ на голосъ ихъ и приблизился къ крѣпости Фридрихсгамской. Дороги всѣ были занесены снѣгомъ, и я шелъ иногда по колѣно а иногда и по поясъ въ снѣгу. Придя къ надолбамъ, окружающимъ гласисъ, должно было найти крѣпостныя ворота. Я пошелъ, придерживаясь за оныя, къ счастію моему, были оныя отъ меня недалеко, но заперты. Я началъ стучать, часовой окликалъ меня, спросилъ, что мнѣ надобно?

— Я хочу идти въ крѣпость,—отвѣчалъ я ему.

Онъ продолжалъ:

— Для проходу оставлены другія ворота, идите къ нимъ, а эти на всю ночь запираютъ.

Я не въ силахъ былъ идти вокругъ крѣпости въ жестокій холодъ, ужасную мятель и въ самую темную ночь.

— Отвори!—кричалъ я часовому.—Я курьеръ, присланный отъ Императрицы съ самыми важными депешами.

Часовой вызвалъ караульнаго офицера, который, впустивъ меня и двухъ моихъ солдатъ, спросилъ у меня:

— Къ кому имѣете вы депеши?

Я отвѣчалъ;

— Къ инженеръ-полковнику Лаврову.

Тотчасъ далъ онъ мнѣ солдата съ фонаремъ, чтобъ проводить меня до его квартиры.

Полковникъ Лавровъ былъ мнѣ знакомъ, ибо какъ до сего времени, такъ и теперь, находился онъ въ командѣ отца моего. Придя къ нему, нашелъ я его уже давно въ постели. Караульный солдатъ постучалъ у дверей и на вопросъ „кто тамъ" сказалъ:

— Курьеръ отъ императрицы.

Я вошелъ въ его спальню. Увидя меня, покрытаго льдомъ, онъ меня не узналъ и притомъ не могъ понять, зачѣмъ бы императрица послала къ нему курьера? Но онъ скоро выведенъ былъ изъ заблужденія разсказомъ о моемъ приключеніи. Стаканъ горячаго пуншу подкрѣпилъ мои силы, а чарка водки — моихъ солдатъ. Время было уже довольно позднее. Лавровъ велѣлъ приготовить для меня постель. Я легъ и заснулъ, какъ мертвый. Но исправный караульный офицеръ не упустилъ отрапортовать коменданту о прибытіи курьера къ полковнику Лаврову. Я еще крѣпко спалъ, какъ комендантъ, придя къ нему, спрашивалъ у него, какой курьеръ къ нему прибылъ? Полковникъ разсказалъ ему мое приключеніе, а комендантъ былъ на столько добръ, что не сдѣлалъ о томъ донесенія.

И такъ, пробывъ у полковника Лаврова три дня и исправя свои надобности, хотѣлъ я съ нимъ проститься, но онъ просилъ меня остаться у него на ранній обѣдъ; между тѣмъ велѣлъ приготовить сани, чтобъ отвезти меня на пристань, гдѣ уже давно находилась моя шлюпка. Квартира его показалась мнѣ раемъ и одно воображеніе опять ѣхать на батарею, терпѣть несносную стужу и довольствоваться соленой морской провизіею —повергло меня въ скуку. Послѣ обѣда хозяинъ мой вышелъ чѣмъ-то заняться,—а я, оставшись одинъ въ комнатѣ, сидя на стулѣ и облокотясь на столъ, крѣпко заснулъ. Слуга его, подошелъ ко мнѣ, разбудилъ меня и сказалъ, что унтеръ-офицеръ моей роты пришелъ ко мнѣ.

При мнѣ былъ на шлюпкѣ одинъ унтеръ-офицеръ, и я подумалъ, что онъ пришелъ сказать мнѣ, что оная готова къ отправленію, но, открывъ глаза, удивился, увидя моего фельдфебеля.

— Зачѣмъ ты здѣсь?—спросилъ я его.

— Вся рота слѣдуетъ сюда на перевозныхъ судахъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ.—По отъѣздѣ вашемъ велѣно было пушки снять и положить на фрегаты, а батарею сжечь.

Не можно себѣ вообразить, сколько я былъ обрадованъ для себя и для роты моей квартиры и расположился въ городѣ.

По прошествіи пяти дней получилъ я повелѣніе идти сухимъ путемъ въ Петербургъ, что меня еще больше обрадовало.

Итакъ симъ походомъ кончилась первая моя морская кампанія.

По прибытіи моемъ въ сію столицу, первымъ попеченіемъ начальства было укомплектовать мою роту, въ которой изъ 200 бомбардировъ осталось только 60 человѣкъ.

ГЛАВА 4-я.

Закрытіе общества любителей словесности.—О Радищевѣ.—О финнахъ.—Продолженіе войны со шведами.—Еще о финнахъ.—Отправленіе Тучкова въ заливъ Транзундъ.—Разбитіе шведовъ.—Миръ со шведами.—О начальникахъ войскъ нашихъ.

Закрытіе общества любителей словесности

Послѣ столь труднаго похода, прибылъ я въ домъ отца моего и, отдохнувъ нѣсколько дней въ моемъ семействѣ, вздумалъ посѣтить собраніе наше любителей совесности. Но пріѣхавъ въ домъ, гдѣ собирались мои сочлены, нашелъ оный пустъ, и дворникъ объявилъ мнѣ, что онъ не знаетъ почему, однако давно уже, какъ запрещено отъ полиціи этимъ господамъ собираться.

Во Франціи началась уже тогда революція, и духъ вольности началъ проникать въ Россію, а потому не только всѣ иллюминатскія, мартинистскія и масонскія собранія, но даже и собраніе любителей словесности были строго запрещены, потому что нѣкоторые члены первыхъ находились членами и въ послѣднихъ, чего никакъ не можно было избѣжать.

О Радищевѣ.

Нѣкто г. *Радищевъ* [1]), членъ общества нашего, написалъ одно небольшое сочиненіе подъ названіемъ: „Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества, или истинный патріотъ", и хотѣлъ помѣстить въ нашемъ журналѣ. Члены хотя одобрили оное, но не надѣялись, чтобъ цензура пропустила сочиненіе, писанное съ такою вольностью духа. Г. Радищевъ взялъ на себя отвезти все изданіе того мѣсяца къ цензору и успѣлъ въ томъ, что сочиненіе его вмѣстѣ съ другими было позволено для напечатанія. Въ то же время издалъ онъ и напечаталъ безъ цензуры въ собственной типографіи небольшую книгу его сочиненія подъ названіемъ: „Ѣзда изъ Петербурга въ Москву", въ которой съ великою вольностью, въ сильныхъ выраженіяхъ писалъ онъ противу деспотизма. Книга сія написана была прозою, но заключала въ себѣ оду на вольность, сочиненную имъ стихами. Оная начиналась сими словами:

---

[1]) Александръ Николаевичъ Радищевъ, извѣстный авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", за каковое сочиненіе первоначально осужденъ къ смертной казни, а затѣмъ помилованъ и сосланъ въ Сибирь. Род. 1749+1802.

О вольность! Вольность даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ...

и далѣе:

Да Брутъ и Телль еще проснутся,
Сидя во славѣ, да смутятся
Отъ гласа твоего цари.

Полиція скоро открыла сочинителя оной. Онъ былъ взятъ и отвезенъ въ тайную канцелярію, которая въ царствованіе Екатерины II самыми жестокими пытками дѣйствовала во всей силѣ. Нѣкто *Шешковскій*, человѣкъ облеченный въ генеральское достоинство, самый хладнокровный мучитель, былъ начальникомъ оной [1]). Радищевъ, выдержавъ тамъ многіе пристрастные допросы, сосланъ былъ, наконецъ, въ Сибирь.

Императрица велѣла подать себѣ всѣ списки членовъ, какъ тайныхъ, такъ и вольныхъ ученыхъ собраній, въ томъ числѣ представленъ былъ списокъ и нашего собранія. По разнымъ видамъ и обстоятельствамъ, большая часть членовъ лишены были своихъ должностей, и велѣно было выѣхать имъ изъ Петербурга. Я не могу умолчать о томъ, что она, читая списокъ собранія нашего и найдя въ немъ мое имя, сказала: „на что трогать этого молодого человѣка, онъ и такъ уже на галерахъ“.

Я надѣялся по крайней мѣрѣ пробыть до весны въ Петербургѣ; но едва успѣлъ укомплектовать роту мою, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1790 г. велѣно мнѣ было, присоединя еще другую, выступить сухимъ путемъ и идти чрезъ Выборгъ паки въ Фридрихсгамъ.

О финнахъ.

Но по случаю продолжавшейся еще зимы и мелкости чухонскихъ деревень, въ которыхъ должно было останавливаться квартирами во время похода сего, велѣно было одной ротѣ тремя днями выступить прежде, а я съ моей ротой пошелъ потомъ.

Вступя въ Финляндію, увидѣлъ я бѣдность, невѣжество, грубость и неопрятность сего народа. Они въ семъ жестокомъ климатѣ и по сіе время живутъ еще въ черныхъ избахъ, то-есть въ которыхъ печи не имѣютъ вовсе трубъ; и когда ихъ топятъ, то дымъ выходитъ въ отворенныя двери и маленькія окошки ихъ домовъ, отъ чего потолокъ и стѣны такъ закоптѣли, какъ бы покрыты были чернымъ лакомъ. Притомъ, не зная вовсе употребленія свѣчъ, освѣщаются они въ долгіе зимніе вечера лучиной, то-есть тонкими и длинными осколками сухого дерева. Я примѣтилъ, что не только многіе страдаютъ глазами, но довольно и слѣпыхъ, что весьма естественно; кромѣ того, что дымъ вреденъ для глазъ, они, сидя въ зимнее время въ черной и темной избѣ, часто принуждены бываютъ выходить оттуда, причемъ зрѣніе ихъ

---

[1]) Шешковскій, Степанъ Ивановичъ. Тайн. сов. Начальникъ тайной Канцеляріи при Екатеринѣ II. Род. 1720 † 1794.

поражается чрезвычайною бѣлизною снѣга, которымъ дома и поля ихъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ покрыты. Сіе пораженіе зрѣнія еще сильнѣе при яркомъ солнечномъ сіяніи, которое зимою нерѣдко въ странѣ ихъ случается.

Уже прошло слишкомъ сто лѣтъ, какъ провинція сія находится въ россійскомъ подданствѣ, но и слѣдовъ онаго тамъ не примѣтно. Почти никто не знаетъ по-русски, должно имѣть съ собою переводчика, и къ тому же *не только не терпятъ они русскихъ, но вообще великое имѣютъ отвращеніе отъ всего, что есть русское.*. Екатерина II начала стараться пріучать ихъ къ русскимъ обычаямъ, но внукъ ея Александръ I все уничтожилъ, какъ видно будетъ о томъ изъ дальнѣйшаго разсказа моихъ записокъ.

Суевѣріе финновъ или чухонскаго народа столь далеко простирается, что они больше боятся чорта, нежели Бога. Вѣрятъ колдунамъ или чародѣямъ; но что всего удивительнѣе, что сіи чародѣи не суть настоящіе обманщики, но сами твердо вѣрятъ, что имѣютъ сношеніе съ дьяволомъ. Столь велика сила воображенія полудикаго народа, живущаго въ глубинѣ сѣвера, среди ужасныхъ лѣсовъ, болотъ и преогромныхъ камней. Я полагаю сіе остатками древней ихъ языческой вѣры, которую лютеранскіе ихъ пасторы не успѣли еще истребить. Финны всякое воскресенье ходятъ въ церковь; но какъ литургія лютеранская весьма сокращена, то пасторы ихъ, какъ и вездѣ, занимаютъ больше народъ проповѣдями. Они почти всѣ нѣсколько учились въ школахъ, нѣкоторые знаютъ немного по-латыни и всѣ по-нѣмецки, служатъ же и говорятъ проповѣди на финскомъ языкѣ. Всегда начинаетъ пасторъ отъ богословія и христіанскаго нравоученія, въ продолженіе же проповѣди обыкновенно случается, что народъ, сидящій на лавкахъ, весь заснетъ. Проповѣдникъ, примѣтя сіе, произнесетъ громко: *Пегеля! Сатанъ!* Тогда весь народъ вдругъ проснется и съ тяжкимъ вздохомъ проворчитъ сквозь зубы сіи слова: *Іезусъ Христусъ юмаланъ пойга. Пегеля* на финскомъ языкѣ значитъ діаволъ или чортъ, а сатана есть общее его названіе у всѣхъ христіанскихъ народовъ. Слова же *Іезусъ Христусъ* и проч. знаменуютъ: *Іисусъ Христосъ Сынъ Божій.*

Приближаясь къ Выборгу, тщетно ласкалъ я себя надеждой увидѣть мѣсто, гдѣ началъ я воспитаніе мое. Все тамъ перемѣнилось, я не узналъ того дома, въ которомъ жилъ отецъ мой.

Не нашелъ уже болѣе въ живыхъ любезнаго моего пастора, а домъ, гдѣ я у него обучался, превращенъ въ какія-то лавки. Словомъ, Выборгъ показался совсѣмъ неизвѣстнымъ мнѣ городомъ. И я, пробывъ тамъ однѣ сутки, пошелъ далѣе къ Фридрихсгаму.

На всякомъ ночлегѣ получалъ я рапорты отъ поручика выступившей предо мною роты; но, пройдя Выборгъ, я не имѣлъ больше никакого отъ него извѣстія и не зналъ, чему сіе приписать? По дорогѣ нашелъ я множество чугунныхъ пушекъ

большаго калибра, которыя везены были изъ Петербурга на саняхъ, но по причинѣ испортившагося зимняго пути оставлены онѣ были на большой дорогѣ.

Придя въ Фридрихсгамъ, нашелъ я тамъ принца Нассау въ великомъ неудовольствіи; и когда явился я къ нему, то спросилъ онъ меня:

— Гдѣ другая ваша рота?

— Не знаю,—отвѣчалъ я,—ибо, слѣдуя отъ самаго Выборга, не имѣю о ней никакого извѣстія.

— Хорошо,—отвѣчалъ онъ,—я дамъ вамъ предписаніе, чтобъ безъ именнаго повелѣнія императрицы ни по чьему приказанію не смѣли вы отдать отъ себя ни одного солдата.

Продолженіе войны со шведами.

Причиною сего было то, что нѣкто генералъ *Нуммсенъ*, родомъ шведъ, служившій прежде въ своемъ отечествѣ и потомъ измѣнившій оному, хотѣлъ показать знаніе и храбрость свою противъ своихъ соотечественниковъ вторженіемъ въ предѣлы Швеціи. Но такъ какъ на берегу рѣки Кюменя, чрезъ которую необходимо должно было ему для того переправиться, шведы построили многія укрѣпленія и батареи, то онъ, дабы усилить отрядъ свой, именемъ императрицы захватывалъ въ начальство свое всѣ встрѣчающіяся ему войска, что послѣдовало не только съ ротою, бывшей подъ моимъ начальствомъ, но и съ однимъ фридрихсгамскимъ гарнизономъ. Взявъ къ себѣ этотъ гарнизонъ, онъ оставилъ въ крѣпости одного коменданта, такъ что, прибывъ туда, нашелся я въ необходимости занять крѣпостныя казармы моими бомбардирами.

Въ гавани фридрихсгамской находились тогда два фрегата, одна шебека и до тридцати канонерскихъ лодокъ, изъ которыхъ большая часть были строены тамъ и еще не совсѣмъ кончены. Не было на нихъ пушекъ, да и на парусныхъ судахъ не доставало много матросовъ и артиллерійскихъ снарядовъ. Хотя на мѣсто матросовъ было до двухсотъ вольнонаемныхъ мужиковъ, но и тѣхъ было недостаточно; а войска только шестьсотъ морскихъ гренадеръ. Симъ небольшимъ отрядомъ флотиліи командовалъ *бригадиръ Слизовъ*, къ которому опять поступилъ я подъ начальство.

Я простоялъ въ сей крѣпости нѣсколько недѣль безъ всякаго дѣла, между тѣмъ Слизовъ ожидалъ прибытія мастеровыхъ людей, матросовъ, солдатъ, вольнонаемныхъ рабочихъ, пушекъ и военной аммуниціи.

Между тѣмъ должно сказать, что Екатерина II, узнавъ о великихъ приготовленіяхъ короля шведскаго по флоту, послѣ кончины адмирала Грейга, поручила начальствованіе надъ карабельнымъ флотомъ старому адмиралу Чичагову. Въ то же время

---

[1]) Ѳедоръ Михайловичъ Нуммсенъ. Генералъ-поручикъ. При Павлѣ инспекторъ по кавалеріи Лифляндской дивизіи.

она была весьма обезпокоена помянутымъ извѣстіемъ и сомнѣвалась въ успѣхахъ Чичагова. Онъ, принявъ начальство, отправился сперва въ Кронштадтъ, а потомъ прибылъ въ Ревель, предъ которымъ соединилъ весь корабельный флотъ.

Наконецъ, получилъ я повелѣніе отъ бригадира Слизова, чтобъ раскомандировать роту мою на фрегаты и канонерскія лодки, по числу орудій, на оныхъ находящихся, оставивъ при себѣ только 25 человѣкъ при старшемъ офицерѣ. Сіе учинено имъ было на предметъ ожиданія другихъ судовъ и прибытія бывшей подъ начальствомъ моимъ роты.

Апрѣля 26-го исполнилъ я его повелѣніе, а 30-го приказалъ онъ мнѣ поѣхать и осмотрѣть мысъ, лежащій неподалеку отъ крѣпости и составляющій выходящимъ въ море угломъ правый бокъ залива фридрихсгамскаго,—для предполагаемаго устроенія на ономъ батареи на двѣнадцать орудій большого калибра. Коса, простирающаяся на семь верстъ отъ мыса сего, покрытая мохомъ и камнями, соединялась съ твердой землей подъ самой крѣпостью.

Исполнивъ повелѣніе и возвратясь къ нему, спросилъ я его: „во сколько времени желаетъ онъ, чтобъ батарея была готова“? „Въ три дня“,—отвѣчалъ онъ. „Съ 25 человѣками невозможно произвесть работу сію въ столь короткое время“,—продолжалъ я. На сіе сказалъ бригадиръ: „дайте мнѣ записку, сколько вамъ потребно мастеровыхъ и рабочихъ людей, такъ же инструментовъ и припасовъ; а между тѣмъ сдѣлайте расположеніе батарей и прикажите людямъ вашимъ перевозить на оную ядра и шанцевый инструментъ и самому вамъ быть тамъ“. Распорядясь въ полученномъ мною приказаніи, просилъ я его, чтобъ онъ велѣлъ дать мнѣ какую-нибудь лодку для сообщенія съ крѣпостью, ибо дорога сухимъ путемъ далека и затруднительна. На сіе далъ онъ мнѣ такой отвѣтъ, который изображаетъ характеръ русскихъ, обыкшихъ къ тираническому правленію. „Гдѣ я возьму для васъ лодку?“—„А я гдѣ?“--отвѣчалъ я.—„Тамъ же, гдѣ и я,—продолжалъ онъ, прибавя:—я принужденъ былъ украсть у жителей нѣсколько лодокъ, а чтобы не узнали, велѣлъ ихъ выкрасить. Неужели вы не догадаетесь сдѣлать того же“?—„А когда поймаютъ, кто будетъ за то отвѣтствовать“?—спросилъ я.—„Дѣлайте такъ, чтобъ не поймали“,—отвѣтилъ онъ и пошелъ отъ меня прочь.

Подавъ ему записку о моихъ потребностяхъ, возвратился я на свою квартиру и послалъ проворныхъ людей изъ роты моей красть лодки, выпрося напередъ для сего одну у бригадира. Люди отправились по вечеру въ тотъ же день.

По утру на другой день, то-есть 1-го мая, явился ко мнѣ по обыкновенію мой фельдфебель. Я спросилъ его: возвратились ли люди, посланные за лодками? „Возвратились,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—и привезли двѣ лодки, но едва сами не попали въ руки шведовъ“. Какихъ шведовъ?—спросилъ я его,—и гдѣ они“?

„Точно такъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—укравъ лодки и чтобъ не быть замѣченными съ береговъ, удалились они на довольное пространство въ море и, увидя фонари, почли ихъ за ожидаемыя изъ Кронштадта русскія суда и начали приближаться къ онымъ, но къ счастію шведы издалека окликали ихъ на своемъ языкѣ. Узнавъ свою ошибку, поворотили они назадъ, за ними пустилась непріятельская шлюпка, однако жъ темнота ночи помогла имъ спастись".

Я пошелъ тотчасъ къ бригадиру и пересказалъ ему сію повѣсть. „Не можетъ быть,—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, что около Карлскроны и Луизы ледъ еще не растаялъ. Какъ же могли они выйти въ море"? Между тѣмъ однакожъ приказалъ одному морскому офицеру на вооруженномъ катерѣ выѣхать изъ залива въ море и посмотрѣть, разошелся ли вдали ледъ, или еще стоитъ? А мнѣ совѣтовалъ переѣхать на мысъ, гдѣ назначена батарея. Я сказалъ ему, что не имѣю еще ничего по требованію моему. „Это сейчасъ будетъ", отвѣчалъ бригадиръ. И такъ остался я еще одинъ день въ ожиданіи рабочихъ людей, а между тѣмъ послалъ палатку мою и часть экипажа на помянутый мысъ.

Мая 3-го встрѣтился я на улицѣ съ бригадиромъ. Онъ спросилъ меня: „вы еще не поѣхали?"—„Я былъ тамъ,—отвѣчалъ я ему,—но рабочихъ по сіе время нѣтъ".—„Поѣзжайте же опять туда,—продолжалъ онъ,—рабочіе прибудутъ вслѣдъ за вами".— И такъ отправился я на мысъ, назначенный для построенія батареи, а между тѣмъ два фрегата и одна шебека выведены уже были на рейдъ и поставлены на всемъ пространствѣ широты залива. Одно судно по срединѣ, а два по флангамъ въ дальнемъ разстояніи. Офицеры морскіе, примѣтя на берегу мою палатку, пріѣхали меня навѣстить. И между тѣмъ какъ, сидя въ палаткѣ, занимался я разговорами съ ними, услышалъ я голоса солдатъ: „Это непріятель, точно непріятель!" Мы выскочили вонъ, стали смотрѣть на море и въ самомъ дѣлѣ примѣтили много судовъ, но не могли разсмотрѣть—какія, за неимѣніемъ подзорныхъ трубокъ. И для того поѣхалъ я на фрегатъ капитана Гамалѣя, стоявшій на срединѣ вмѣстѣ съ нимъ, тамъ посредствомъ трубокъ не только разсмотрѣли мы, что это шведскія военныя суда, но даже могли увидѣть синій флагъ съ тремя коронами, означающій присутствіе самого короля. Я поспѣшилъ возвратиться къ малой моей командѣ и нашелъ оную въ великомъ смятеніи. Люди торопились сѣсть на лодки и бросали привезенныя ядра въ воду, потому что непріятель сзади ихъ сдѣлалъ уже высадку на берегъ, примыкающій къ нашей косѣ. Увидя, что они всѣ помѣстились въ двухъ лодкахъ, которыя такъ были ими нагружены, что одинъ лишній человѣкъ могъ бы ихъ потопить, а яликъ, на которомъ прибылъ я съ фрегата, съ поспѣшностью удалился къ своему судну,—я велѣлъ имъ ѣхать на ближайшій фрегатъ, а самъ съ моимъ поручикомъ и однимъ унтеръ-офицеромъ остался

на берегу, въ надеждѣ по противному занятому непріятелемъ берегу лѣсомъ добраться до крѣпости пѣшкомъ. Звукъ барабановъ и крикъ непріятельскихъ солдатъ, раздававшіеся по лѣсу, принудили поспѣшать, отчего мы скоро такъ утомились, что едва могли идти. Но, къ счастью, приближась къ берегу, примѣтили мы небольшую лодку, въ которой никого не было; мы сѣли въ оную и поплыли къ крѣпости. Но едва отъѣхалъ я нѣсколько сотъ саженъ, какъ встрѣтилъ бригадира, ѣдущаго на шлюпкѣ. „Куда вы?"—спросилъ онъ меня. „Къ вамъ",—отвѣчалъ я ему. „Видѣли ли вы непріятеля, въ какихъ онъ силахъ?"—„Видѣлъ,—отвѣчалъ я ему,—но счесть судовъ его не успѣлъ, знаю только, что довольно". Вслѣдъ за нимъ шло 16 канонерскихъ лодокъ. И онъ, приближась ко мнѣ, сказалъ: „Поѣзжайте въ гавань, возьмите тамъ остальныя 15 канонерскихъ лодокъ, выведите ихъ за собою и составьте изъ оныхъ лѣвый флангъ линіи; за недостаткомъ же морскихъ офицеровъ, поручаю я вамъ его въ начальство".—„Слушаю,—отвѣчалъ я,—но, знаю, что на тѣхъ лодкахъ нѣтъ ни людей, ни пушекъ".—„Что принадлежитъ до людей, берите всѣхъ, кого встрѣтите въ городѣ, а о пушкахъ буду я стараться, — ведите ихъ безъ пушекъ. Сами же должны вы находиться на среднемъ фрегатѣ". Я исполнилъ его повелѣніе, привелъ лодки, устроилъ ихъ на лѣвомъ флангѣ, а самъ поѣхалъ на назначенный мнѣ фрегатъ къ капитану Гамалѣю. Остатокъ дня и ночь занимался бригадиръ нашъ постановленіемъ привязанныхъ къ лодкамъ пушекъ и раздѣленіемъ на суда снарядовъ. Приготовились мы къ сраженію противъ короля шведскаго, не имѣя больше 15 выстрѣловъ на каждую пушку. Людей у насъ было: одна моя рота до 200 матросовъ, 60 гренадеръ и до 150 человѣкъ вольнонаемныхъ мужиковъ.

Шведскій гребной флотъ весьма въ дальнемъ разстояніи расположился противъ насъ въ линію съ отдѣленными отрядами по флангамъ и съ резервомъ позади. Мая 4-го по утру въ 5 часовъ разбудилъ насъ шведскій зоревой выстрѣлъ, и черезъ четверть часа послѣдовалъ другой, по которому суда ихъ снялись съ якорей, приблизились къ намъ на дальній пушечный выстрѣлъ и открыли по намъ пальбу ядрами. Мы молчали, сберегая заряды, а непріятельскія ядра, хотя и достигали къ намъ, но не причиняли большого вреда. Сія стрѣльба съ ихъ стороны продолжалась болѣе $1^1/_2$ часа. Примѣтя сіе, непріятель подвинулся къ линіи нашей гораздо ближе и открылъ жестокій огонь ядрами и картечью. Мы начали также пальбу, но вскорѣ началъ оказываться недостатокъ въ зарядахъ, и огонь съ нашей стороны сталъ ослабѣвать. Въ сіе время бригадиръ, подъѣхавъ къ фрегату, на которомъ я находился, закричалъ: „господинъ капитанъ Т.! флангъ вашъ приходитъ въ смятеніе". И призвавъ меня на бортъ, сказалъ потихоньку: „Есть ли у васъ какой-нибудь яликъ"? „Есть"—отвѣчалъ я ему.—„И такъ,—продолжалъ онъ,—сядьте на оный. и осмотрите лодки ваши; если онѣ подлинно не имѣютъ

больше зарядовъ, то прикажите имъ ретироваться и при томъ стараться посадить всѣ лодки на мель, подводныя камни, прорубать дны и зажигать; а людямъ спасаться кто какъ можетъ, сами же поспѣшайте въ крѣпость". Едва успѣлъ я подъѣхать къ тремъ или четыремъ лодкамъ, какъ весь правый флангъ началъ отступать въ великомъ смятеніи, равно и мой лѣвый; не дождавшись еще моего повелѣнія, бросились всѣ къ мелямъ и подводнымъ камнямъ. Шведы пустили множество гребныхъ судовъ въ погоню за людьми спасающимися на мелкихъ лодкахъ, доскахъ, веслахъ и вплавь. Къ счастью погода была весьма тихая. За неимѣніемъ достаточнаго количества людей находились на яликѣ моемъ гребцами два молодые унтеръ-офицера моей роты и одинъ финнъ, тамошній житель, на рулю. Посреди града ядеръ и картечи устремился я къ крѣпости; но одинъ изъ моихъ гребцовъ былъ оглушенъ летящимъ ядромъ, которое сбросило съ головы его каску; хотя безъ большого вреда упалъ онъ въ лодку, но такъ поблѣднѣлъ, что не могъ больше дѣйствовать весломъ. Я принужденъ былъ занять его мѣсто. Тутъ скоро увидѣлъ я, что за мною гонится большая непріятельская шлюпка. Я велѣлъ держать на мель, примыкающую къ лѣвому берегу залива. Яликъ мой еще плылъ, какъ шлюпка непріятельская, требующая большей воды, нежели оный, въ довольномъ отъ меня разстояніи сѣла на мель. Скоро потомъ то же случилось и съ нами, и мы бросились въ воду, бредя иногда по поясъ, а иногда и по самое горло въ водѣ. Такимъ образомъ добрались мы до берега, но оный отдѣленъ былъ отъ крѣпости довольно глубокой рѣкой, впадающей въ помянутый заливъ; въ ней килевались или починялись наши суда, а для сообщенія съ крѣпостью построенъ былъ мостъ. Зная о семъ, пошелъ я къ оному, но нашелъ его сожженнымъ. Нѣсколько мастеровыхъ людей и одна женщина, жена погибшаго въ моихъ глазахъ морскаго офицера, присоединились ко мнѣ. И мы пошли всѣ въ лѣсъ искать дороги въ крѣпость. Открывъ оную съ одного возвышенія, прибыли туда въ великомъ изнуреніи. Тамъ нашелъ я превеликое смятеніе. Всѣ кабаки отворены, жители и спасшіеся съ флотиліи люди пьяны. А женщины, бѣгая по улицамъ, плакали и кричали. Встрѣтя одного барабанщика моей роты, приказалъ я ему бить сборъ, на который тотчасъ собралось до 60 человѣкъ моей команды. Изъ одного переулка появился бригадиръ нашъ и спросилъ меня; „Что вы дѣлаете?"—„Собираю людей",—отвѣчалъ я. „Хорошо",—продолжалъ онъ. Между тѣмъ собрались уже у меня комендантъ и нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ. — „Намъ надобно теперь составить военный совѣтъ о томъ, какъ поступить въ семъ случаѣ. Пойдемте со мною".

Надобно сказать, что въ крѣпости Фридрихсгамской былъ тогда большой госпиталь, въ которомъ находились люди разныхъ командъ, въ томъ числѣ одинъ унтеръ-офицеръ моей роты и нѣсколько бомбардировъ. Выздоравливающіе и слабые, въ томъ

числѣ и онъ съ семью человѣками моей роты, предъ началіемъ сраженія вышли на крѣпостной валъ, любопытствуя знать свою участь, безъ сомнѣнія отъ сраженія сего зависящую. Увидя же отступленіе наше и непріятеля, стремящагося войти въ гавань, зарядилъ онъ нѣсколько пушекъ и одну мортиру и началъ стрѣлять. Кто бы могъ подумать, что шведы подъ предводительствомъ короля своего, увидя сіе, остановились и стали въ линію подъ крѣпостью внѣ дальняго пушечнаго выстрѣла.

Между тѣмъ собрались мы на совѣтъ; комендантъ и начальникъ тамошней крѣпостной артиллеріи оба были нѣмцы и оба сказали, что они не имѣютъ никакихъ средствъ къ защитѣ крѣпости, комендантъ—по неимѣнію гарнизона, а начальникъ артиллеріи за недостаткомъ способовъ къ дѣйствованію оной. Тогда бригадиръ Слизовъ сказалъ: „гарнизонъ есть у меня, а дѣйствовать артиллеріей, надѣюсь я, найдетъ способъ г. капитанъ Тучковъ“. Тогда сказалъ я начальнику артиллеріи: „Пушки стоятъ на валу, неужели нѣтъ у васъ пороху и ядеръ“. „Есть, отвѣчалъ онъ,— но не изъ чего сдѣлать зарядовъ. Я нѣсколько разъ требовалъ нужной для сего матеріи, но мнѣ ничего не отвѣчали“. Обратясь къ бригадиру, я сказалъ: „За этимъ дѣло не станетъ, если только заблагоразсудите поручить мнѣ начальство надъ артиллеріей“. Весь совѣтъ на сіе согласился. И я испросилъ повелѣніе онаго, чтобъ послать людей во всѣ лавки, брать бумагу, полотно и всякую тонкую матерію; послать въ каждую лавку по одному артиллеристу и всѣхъ женщинъ заставить шить узкіе мѣшки для насыпанія въ оные пороху и употребленія вмѣсто картузовъ. Жители не только сему не воспротивились, но исполнили съ большою поспѣшностью. Вдругъ извѣстили насъ, что шведская шлюпка подъ бѣлымъ флагомъ приближается къ пристани. Я посланъ былъ для переговоровъ и встрѣтилъ на берегу адъютанта короля шведскаго, который, увидя меня спросилъ: „вы комендантъ крѣпости?“—„Нѣтъ—отвѣчалъ я ему,—я начальникъ артиллеріи“.—„Извините же меня, государь мой, продолжалъ онъ,—что я ничего вамъ не имѣю сказать; король мой приказалъ мнѣ говорить съ комендантомъ, а не съ вами.“ — Итакъ принужденъ я былъ возвратиться; а онъ остался ожидать на сіе отвѣта на берегу. Когда объявилъ я сіе совѣту, то приказано было мнѣ и еще одному морскому офицеру опять идти къ нему и сказать, что въ крѣпости начальствуетъ не комендантъ, а военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ бригадира Слизова, и мы посланы отъ имени совѣта. Тогда королевскій адъютантъ *г. Розенъ*, съ которымъ былъ я потомъ очень хорошо знакомъ въ Петербургѣ, сказалъ мнѣ: „Король мой велѣлъ мнѣ объявить, чтобы вы сдали эту крѣпость безъ всякихъ условій, для чего даетъ онъ вамъ два часа на размышленіе. И если въ продолженіе сего времени не будетъ съ вашей стороны никакого отвѣта, тогда предприметъ онъ высадку, возьметъ оную штурмомъ и не будетъ никому пощады. Впрочемъ весьма сожалѣетъ онъ, что

столь храбрые и неустрашимые воины, каковы вы, осмѣлившіеся безъ всякихъ способовъ еще сегодня показать ему столь рѣшительное и сильное сопротивленіе, должны будете погибнуть чрезъ сей несчастный для васъ случай". На сіе отвѣчалъ я ему: „именемъ совѣта прошу изъявить Его Величеству признательность нашу за столь хорошее о насъ мнѣніе, которое оправдать поставляемъ за честь—и всѣ средства къ тому употребимъ". Тогда вынулъ онъ часы свои, повѣрилъ съ моими, простился улыбнувшись, и пошелъ къ своей шлюпкѣ, а я возвратился въ крѣпость.

Когда донесъ я совѣту его слова, тогда всѣ единодушно подписались защищать крѣпость, исключая коменданта и начальника крѣпостной артиллеріи. Дарованное намъ отъ короля время употребили мы на распредѣленіе начальниковъ и людей на бастіоны и прочія крѣпостныя пристройки. По тѣснотѣ дома вышли мы на площадь, гдѣ продолжали дѣлать разныя предложенія, разсуждать и спорить. Какъ вдругъ пушечное ядро, пролетѣвшее черезъ наши головы, заставило насъ прервать разсужденія. Каждый изъ членовъ ухватился за часы и, взглянувъ, увидѣлъ что не два, но три часа уже протекло. Всѣ бросились къ своимъ мѣстамъ. Я побѣжалъ на назначенный для пребыванія моего, такъ называемый главный Фридрихсгамскій бастіонъ, лежащій противъ самаго фарватера. На немъ находилось 17 пушекъ большого калибра, да на равелинѣ его девять. Непріятель, устроя гребныя свои суда въ три колонны одна за другою, съ музыкой и крикомъ пустился прямо по фарватеру. Мы открыли сильный огонь какъ съ главнаго бастіона, такъ и съ двухъ сосѣдственныхъ, съ равелиновъ и батарей, въ плацдармахъ гласиса устроенныхъ. Сіе сопротивленіе остановило стремленіе непріятеля, и онъ, уклонясь къ противному берегу залива, началъ изыскивать способъ вдоль онаго пройти въ самую гавань, но по причинѣ множества подводныхъ камней ходъ его былъ весьма затрудненъ. Впереди ѣхала небольшая шлюпка, бросавшая безпрестанно лотъ или промѣръ въ воду. Между тѣмъ какъ главныя его силы занимались симъ медленнымъ ходомъ, поставлено было съ ихъ стороны противъ бастіона моего шесть бомбардирскихъ гальотовъ, которые начали бомбардировать оный изъ мортиръ. Шведы знали, что въ семъ бастіонѣ устроенъ былъ самый большой пороховой погребъ, но къ счастію ни одна бомба къ намъ не долетала, ихъ всѣ разрывало на воздухѣ. Удивительно, что шведы люди столь много бывшіе въ войнѣ, не догадались осмотрѣть бомбовыя трубки, составъ которыхъ, какъ это заключить можно, слишкомъ высохъ.

Въ сіе время прибылъ къ намъ одинъ пѣхотный баталіонъ, присланный изъ сухопутной арміи. А мы продолжали взаимную пальбу на дальнее разстояніе, почти безъ всякаго урона съ нашей стороны, потому что мы закрыты были широкими брустверами долговременной фортификаціи. Но собственная наша артил-

лерія причинила намъ несравненно больше вреда, нежели непріятельская. По всей крѣпости находились стариннаго литья чугунныя пушки, которыя отъ долговременности почти насквозь проржавѣли, а лафеты по большей части сгнили. И впродолженіе дѣйствія на бастіонѣ моемъ разорвало три большія пушки, да четыре лафета разсыпались. Было чѣмъ перемѣнить. Въ тамошнемъ арсеналѣ находилось множество пушекъ, но почти всѣ такія же. Отъ сего приключенія какъ на моемъ, такъ и на другихъ бастіонахъ, потеряли мы 25 человѣкъ убитыми и до 70 были тяжело ранены.

Не знаю, какой конецъ имѣло бы сраженіе, если бы не началась вдругъ возставшая жестокая буря и ужасный проливной дождь. Не только шведы, бывшіе на водѣ, но даже и мы, находившіеся на валу, не могли дѣйствовать изъ орудій сколько по причинѣ дождя, а болѣе по ужасной темнотѣ. Зажженные на непріятельскихъ судахъ фонари открыли намъ ихъ отступленіе, они удалились и стали на якоряхъ саженяхъ на 1,000 отъ крѣпости.

И такъ кончился для насъ столь трудный и опасный *день 3 мая 1790 года*, въ который былъ я въ морскомъ и сухопутномъ сраженіи.

По окончаніи сраженія прибылъ къ намъ генералъ-поручикъ *графъ Буксгевденъ* [1]) и, осмотря состояніе наше, въ ту же ночь уѣхалъ. А на другой день прислано было къ намъ еще два баталіона пѣхоты.

По утру нашли мы въ заливѣ предъ крѣпостью затопленныя четыре непріятельскія канонерскія лодки, но пушки съ оныхъ были уже сняты, а потому и рѣшились мы оныя сжечь.

4 и 5 числа мая непріятель не дѣлалъ никакихъ противъ насъ покушеній, а мы употребили сіе время на построеніе въ самой гавани батареи о 12 пушкахъ большого калибра, которую маскировали поставленными предъ оной деревьями. Исправили также лежащій на противномъ берегу близъ гавани давно оставленный редутъ и поставили въ ономъ 6 пушекъ.

Мая 6-го поутру въ 4 часа съ непріятельской стороны данъ былъ знакъ къ нападенію на крѣпость, а мы приготовились къ сопротивленію съ большей надеждой, имѣя несравненно болѣе средствъ къ оборонѣ. Мы дали пройти его судамъ поближе къ берегу, противоположному крѣпости, и когда приблизился онъ къ гавани, тогда съ новопостроенной батареи, изъ редута и съ другихъ пристроекъ произведенъ былъ такой сильный огонь, что шведы, потерявъ много людей, рѣшились отступить по самому фарватеру. Они прошли сквозь весь огонь крѣпости, потерявъ пять канонерскихъ лодокъ и много людей убитыми и ра-

---

1) Гр. Ѳед. Ѳед. Буксгевденъ. Род. 1750, † 1811 г. Петерб. военный генералъ-губернаторъ при Павлѣ I. Подъ Аустерлицемъ командовалъ корпусомъ и въ 1807 г. русской арміей въ Пруссіи. Въ 1808—назначенъ главнокомандующимъ въ Финляндіи.

ненными, послѣ чего гребной ихъ флотъ при благополучномъ вѣтрѣ скоро скрылся изъ нашихъ глазъ. Сіе сраженіе продолжалось съ небольшимъ три часа,

Послѣ сраженія пошли всѣ въ церковь и только что начали пѣть благодарственный молебенъ, какъ вошелъ въ оную курьеръ, прибывшій изъ флота нашего отъ адмирала Чичагова. Онъ подалъ депеши свои бригадиру, который, какъ скоро открылъ оныя, поздравилъ насъ съ большою побѣдой, одержанной адмираломъ Чичаговымъ надъ шведскимъ корабельнымъ флотомъ подъ Ревелемъ.

Можетъ быть, полученное королемъ о семъ извѣстіе было причиною скораго отступленія его отъ Фридрихсгама.

Реляція адмирала Чичагова въ тоже время прочитана была въ церкви вслухъ для всѣхъ солдатъ. Надобно было видѣть, какъ въ одну минуту большой образъ св. Николая освѣщенъ былъ великимъ множествомъ маленькихъ восковыхъ свѣчъ, поставляемыхъ предъ онымъ матросами и солдатами, такъ что оный казался весь въ пламени. Они не упустили обѣ сіи побѣды приписать чудесамъ и покровительству сего святого. Нынѣ мысль сія въ народѣ, а особливо въ войскѣ очень измѣнилась, что не весьма полезно въ народѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго понятія о нравственныхъ добродѣтеляхъ и боящемся только безконечной муки въ будущей жизни.

Черезъ нѣсколько дней привезли къ намъ на почтовыхъ изъ Петербурга полную одежду и вооруженія для солдатъ и матросовъ, потому что большая часть онаго брошена была людьми, спасавшимися съ флотиліи вбродъ и вплавь. Офицерамъ же, а равно и имъ, выдано было за потерянные экипажи не въ зачетъ третное жалованье. И болѣе никому никакого награжденія не послѣдовало. Причиною же тому, было, что принцъ Нассау, подъ начальствомъ котораго мы находились, имѣлъ уже при дворѣ много непріятелей.

Вслѣдъ за симъ велѣно мнѣ было, взявъ мою роту, присоединя къ оной всѣхъ матросовъ, солдатъ и вольнонаемныхъ мужиковъ, оставшихся отъ истребленной непріятелями флотиліи нашей, выступить сухимъ путемъ въ Выборгъ, слѣдуя чрезъ крѣпость св. Давида, а не прямой дорогой потому, что оная пресѣчена еще была нѣкоторыми непріятельскими отрядами.

Еще о финнахъ.

Въ семъ походѣ имѣлъ я случай ближе разсмотрѣть нравы и обычаи финскаго народа. Словомъ сказать оный находится почти совершенно въ варварскомъ состояніи: *злонравны, сердиты и не терпятъ русскихъ.* Живутъ бѣдно и нечисто, любятъ водку и табакъ, впрочемъ всѣ потребности ихъ жизни показываютъ еще начальное и нисколько не улучшенное состояніе варварской жизни. Повозки ихъ двухколесныя, на которыхъ они рѣдко ѣздятъ сами, а употребляютъ только для перевозки произведеній земли своей. Сами же. какъ мужчины

такъ и женщины, по большей части ѣздятъ верхомъ, для чего имѣютъ они сѣдла, составленныя изъ двухъ деревянныхъ дугъ, соединенныхъ дощечками, съ висящимъ на веревкѣ съ одной только стороны деревяннымъ стременемъ, помогающимъ садиться на лошадь. Мужчины сидятъ на такихъ сѣдлахъ обыкновеннымъ образомъ, а женщины—свѣся обѣ ноги на одну которую-нибудь сторону. Путешествуя такимъ образомъ, имѣютъ какъ мужчины, такъ и женщины маленькія трубки, вылитыя вмѣстѣ съ весьма короткими чубуками изъ мѣди. Онѣ пришиты на толстыхъ и короткихъ ремняхъ къ грубому ихъ платью съ лѣвой стороны на груди такъ, что только стоитъ ему немного наклониться, то конецъ чубука попадетъ ему въ ротъ. Въ дорогу берутъ они въ котомку, за плечами висящую, кусокъ чернаго хлѣба, и къ поясу привязываютъ маленькую деревянную кадочку съ коровьимъ масломъ; тутъ же укрѣпленъ и небольшой ножъ съ деревяннымъ черенемъ въ кожаныхъ ножнахъ. Вотъ весь ихъ запасъ.

Почва Финляндіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно хлѣбородна. Производитъ рожь, овесъ, ленъ, пеньку, картофель, рѣпу и другіе коренья, такъ же и огородныя овощи, какъ-то: капусту, горохъ, бобы и проч. Но обработываніе земли довольно затруднительно въ разсужденіи по большей части каменистыхъ и болотныхъ мѣстъ. Великое множество лѣсовъ производятъ въ изобиліи многіе роды ягодъ, какъ-то: малины, земляники, клюквы, морошки, черники и другихъ. Финляндія изобилуетъ также всякаго рода грибами; но чухны ихъ не ѣдятъ, не умѣя различать ядовитыхъ отъ полезныхъ.

Пастбища довольно хороши, но скотъ и лошади вообще мелки. Селенія ихъ малы и рѣдко можно найти деревню, въ которой было бы болѣе 20 дворовъ. Въ Финляндіи въ сіе время мало было дворянъ и господскихъ имѣній, и крестьяне принадлежали по большей части казнѣ. Не знаю, чему сіе приписать? Въ такомъ ли положеніи была она и подъ шведскимъ правленіемъ, или при завладѣніи оной Петромъ I удалилось дворянство въ свое отечество. Тамъ есть нѣкоторый особый родъ дворянства, или свободные люди, пользовавшіеся преимуществами онаго, которыхъ называютъ чухны саксами. Они всѣ говорятъ по-нѣмецки и по-шведски, даже мало знаютъ по-фински. Слово сакса означаетъ саксонца и потому не есть ли это остатокъ древнихъ тевтонскихъ кавалеровъ, владѣвшихъ нѣкогда Финляндіей. Надобно полагать, что не только со временъ Петра I, но можетъ быть еще и при шведахъ богатые удалились, а бѣдные остались. Русскіе называютъ ихъ мызниками; мыза же на финскомъ языкѣ означаетъ владѣльца землею, на вѣчномъ или временномъ какомъ правѣ пріобрѣтенною. Сіи мызники не имѣютъ крѣпостныхъ людей, но только домы, хозяйство, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, для чего нанимаютъ они чухонъ въ работники. Но въ послѣднія времена Императрица Екатерина II начала и финскія деревни раздавать своимъ чиновникамъ въ потомствен-

ное владѣніе; правда, что мало было охотниковъ на сіе, однакожъ начало было и тамъ умножаться дворянство россійское. Но со временъ Павла и Александра примѣтнымъ образомъ уменьшается, потому что первый не давалъ деревень въ Финляндіи, а послѣдній никому во всей россійской имперіи.

Отправленіе Тучкова въ заливъ Транзундъ.

И такъ чрезъ нѣсколько дней прибылъ я съ командою моею въ Выборгъ и явился къ коменданту, который сказалъ мнѣ, что имѣетъ повелѣніе отправить меня со всѣми людьми въ эскадру вице-адмирала *Козлянинова*[1]), и что перевозныя суда для меня уже готовы.

На другой день прибытія моего въ Выборгъ сѣлъ я съ командою моею на оныя и отправился въ заливъ, именуемый Транзундъ. Тамъ нашелъ я стоящую па якорѣ новую нашу эскадру и явился къ вице-адмиралу, начальнику оной. Команда моя распредѣлена была на разныя суда, а для пребыванія моего назначена была взятая у шведовъ шебека Рагвальда о 36 пушкахъ.

Сія эскадра состояла изъ 2 фрегатовъ, 6 шебекъ, 2 прамовъ, 4 большихъ военныхъ катеровъ, 2 полубатарей, 12 галеръ и 40 канонерскихъ лодокъ. На этой эскадрѣ находилось шесть армейскихъ, два *морскихъ баталіона* солдатъ. Оная расположена была въ устьѣ Транзундскаго залива, отдѣляемаго отъ другого, несравненно обширнѣйшаго, цѣпью большихъ и малыхъ острововъ. Лежащій же впереди большой заливъ также отдѣленъ былъ отъ открытаго моря нѣсколькими островами. На двухъ большихъ островахъ, по обоимъ флангамъ эскадры нашей лежащихъ, построены были двѣ большія батареи: на правомъ островѣ, именуемомъ Транзундъ и дающемъ имя всему проливу,—о 16 крѣпостныхъ пушкахъ, а на лѣвомъ о 12 таковыхъ же. У прочихъ же острововъ, отдѣленныхъ не столь широкими проливами, поставлено было по нѣскольку канонерскихъ лодокъ, исключая самыхъ мелкихъ почитавшихся непроходимыми и для самыхъ малыхъ судовъ.

Островъ Транзундъ, на которомъ была правая и главная наша сухопутная батарея, довольно обширенъ, имѣетъ лѣсъ, пашни, луга и источники прѣсной воды. На островѣ, кромѣ двухъ небольшихъ деревень, находится еще изрядный трактиръ, въ который сбирались иногда офицеры.

Въ этомъ положеніи стояли мы дней восемь. Полковникъ, командовавшій двумя морскими батальонами, составленными почти изъ рекрутъ, выпросилъ у адмирала позволеніе выйти съ оными на помянутый островъ и расположиться лагеремъ для обученія новыхъ его солдатъ стрѣльбѣ изъ ружей.

Дня три послѣ сего, однажды передъ вечеромъ, примѣтили мы какія-то суда впереди насъ на горизонтѣ. Мы смотрѣли въ

---

1) Тимоѳей Гаврилович Козляниновъ. Род. 1741, † 1798.

трубы, примѣчали и не могли догадаться, чтобы сіе значило. Но на другой день по утру, къ удивленію нашему, открыли весь шведскій корабельный и гребной флотъ, стоящій въ противолежащемъ намъ заливѣ. А около полудня примѣтили другую линію кораблей, стоящую за островами, отдѣляющими сей большой заливъ отъ открытаго моря. Въ тотъ же день узнали мы, что это былъ нашъ корабельный флотъ, а на другой день прибылъ къ намъ отправленный по берегу и пріѣхавшій къ намъ на рыбачьей лодкѣ курьеръ отъ адмирала Чичагова, который увѣдомилъ насъ, что большой нашъ флотъ имѣлъ еще одно сраженіе съ шведскимъ. Непріятель былъ разбитъ, потерялъ два линейные корабля и ретировался въ сей заливъ. Условясь о сношеніи нашей эскадры, курьеръ отправился обратно.

Съ того времени почти всякую ночь, а иногда и днемъ, непріятель не переставалъ насъ безпокоить, покушаясь на мелкихъ военныхъ судахъ пройти между островов и напасть на линію нашу сзади. Но всѣ предпріятія его были тщетны, между тѣмъ адмиралъ Чичаговъ держалъ оба непріятельскіе флота въ блокадѣ.

Въ одну ночь услышали мы на островѣ Транзундъ жестокую ружейную пальбу плутонгами и залпами, и вскорѣ увѣдомлены были, что большой отрядъ непріятельской пѣхоты, пройдя на мелкихъ лодкахъ неизвѣстными намъ проливами, сдѣлалъ высадку на сей островъ. Онъ намѣревался, — атаковавъ сзади, — овладѣть батареею, на семъ островѣ находившеюся, которая не имѣла никакого прикрытія. И безъ сомнѣнія сіе бы ему удалось, если бы не встрѣтился оный съ высаженными для обученія стрѣльбѣ морскими баталіонами. Какъ только о семъ мы узнали, отправился на помощь помянутымъ баталіонамъ генералъ-маіоръ Буксгевденъ съ тремя баталіонами гренадеръ сухопутной арміи. Я былъ посланъ съ четырьмя вооруженными барказами, на каждомъ изъ которыхъ находилось по двѣ пушки малаго калибра, дабы въ случаѣ отступленія шведовъ воспрепятствовать имъ садиться на ихъ лодки. Но это было напрасно: *три баталіона королевской гвардіи* были совершенно поражены, такъ что ни одна душа не могла достичь до лодокъ, которыя были ближе къ берегу, нежели я, и прежде, примѣтя пораженіе своихъ, ушли по столь мелкимъ проливамъ, что я не могъ за ними слѣдовать. Въ семъ дѣлѣ съ нашей стороны убито 2 офицера, ранено 6, нижнихъ чиновъ убито до 100 человѣкъ и ранено до 150—большей частью изъ морскихъ баталіоновъ, выдержавшихъ первое стремленіе непріятеля; въ томъ числѣ раненъ былъ и ихъ полковникъ. Шведы потеряли почти всѣ три баталіона убитыми, исключая 250 человѣкъ и 4 офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего сраженія король шведскій и *принцъ Зюйдерманландскій*, начальствуя обоими своими флотами находясь со всѣхъ сторонъ въ блокадѣ, рѣшились пробиться сквозь флотъ адмирала Чичагова, дабы уйти пока въ открытое

море. Адмиралъ Чичаговъ, свѣдавъ о ихъ намѣреніи, прислалъ къ командовавшему эскадрой нашей вице-адмиралу Козлянинову повелѣніе, въ которомъ написалъ ему слѣдующее: когда увидите вы первый маякъ, данный мною, снимитесь съ якоря и сильно устремитесь на непріятеля, идя даже на абордажъ, не дожидайтесь второго маяка; а если принудите вы меня зажечь третій, тогда строго будете отвѣтствовать за неисполненіе повелѣнія.

Повелѣніе сіе извѣстно стало всей эскадрѣ нашей потому, что прибывшій съ онымъ морской офицеръ, заѣхавъ на шебеку, разсказалъ вслухъ многимъ. По отъѣздѣ его, на другой день по утру часовъ въ пять, услышали мы сильную канонаду шведскаго и россійскаго флота. Сіе побудило многихъ и даже самого начальника нашего прибыть на главную батарею, находившуюся на островѣ Транзундѣ. Мы смотрѣли спокойно на жестокую пальбу съ обѣихъ сторонъ, продолжавшуюся около трехъ часовъ, послѣ чего примѣтили мы взрывъ большого шведскаго корабля, и вслѣдъ затѣмъ увидѣли мы маякъ, данный Чичаговымъ. Каждый изъ насъ съ поспѣшностью бросился на свое судно и мы приготовились къ снятію съ якорей. Но тщетно дожидались мы сигнала о семъ отъ нашего адмирала, болѣе трехъ часовъ стояли мы безъ всякаго дѣйствія, по прошествіи которыхъ увидѣли мы второй маякъ. И сіе ни къ чему не побудило начальника нашего! Въ четыре часа пополудни зажженъ былъ третій маякъ. Тогда адмиралъ намъ далъ знакъ сняться съ якорей и идти по фигурѣ,—то есть предписаннымъ порядкомъ о расположеніи судовъ. Форгелемъ же, или передовымъ судномъ, за которымъ должны были слѣдовать, назначенъ былъ большой прамъ о не тяжелыхъ пушкахъ. Это было судно, которое по конструкціи своей даже и на фордевиндъ медленно ходило, — между тѣмъ какъ мы имѣли самые легкіе, взятые у шведовъ фрегаты и шебеки, такъ же и галеры наши были довольно быстры въ своемъ ходѣ. Дабы выйти изъ пролива нашего въ предлежащій, въ которомъ находился шведскій флотъ, должно намъ было пройти сквозь узкій, глубокій и имѣющій сильное теченіе проливъ. Шебека наша, первая слѣдовавшая за прамомъ, по легкости своей почти не несла парусовъ; но при всемъ томъ нанесло ее теченіемъ и въ самомъ проливѣ сцѣпилась оная съ прамомъ. Адмиралъ, примѣтя сіе, велѣлъ всѣмъ судамъ лечь на якорь, а капитанамъ прибыть къ нему. Прежде, нежели капитанъ нашъ и прама успѣли сѣсть на шлюпки, оба судна уже были разведены, и нѣкоторыя перерванныя веревки были исправлены, но со всѣмъ тѣмъ должно было ѣхать къ адмиралу. Прибывъ къ нему и донеся, что онѣ уже исправились требовали повелѣнія слѣдовать; адмиралъ согласился, и тотчасъ данъ былъ сигналъ сняться съ якоря.

Вступивъ въ большой заливъ, едва могли мы видѣть вдали паруса бѣгущихъ непріятельскихъ кораблей и флотъ Чичагова, оные преслѣдующій. Мы шли довольно медленно, предъ захожденіемъ солнца вѣтеръ сдѣлался крѣпче, хотя и былъ попутный.

Адмиралъ нашъ далъ знакъ убавить парусовъ, а когда вѣтеръ началъ еще усиливаться, тогда, выстрѣливъ изъ пушки, выставилъ онъ флагъ на кораблѣ своемъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ судамъ по причинѣ сильнаго вѣтра уклониться за острова, стать на якорь, а съ галеръ и другихъ гребныхъ судовъ желающимъ сойти на берегъ и варить кашу.

Исполнивъ его повелѣнія, стояли мы за островами три дня, гдѣ узнали нѣкоторыя подробности въ сраженіи адмирала Чичагова съ шведскимъ флотомъ. Когда сей послѣдній вошелъ въ поминаемый заливъ, то Чичаговъ расположился съ кораблями своими между острововъ, раздѣляющихъ оный отъ открытаго моря. Всѣ вице и контръ-адмиралы его флота имѣли отдѣльныя части, самъ же онъ былъ посрединѣ залива на 100-пушечномъ кораблѣ. Адмиралъ принцъ Нассау, шедшій изъ Кронштадта, соединился съ нимъ съ большой своей эскадрой, изъ многихъ гребныхъ и нѣсколькихъ парусныхъ судовъ состоящей. Чичаговъ поставилъ и его эскадру въ одномъ изъ проливовъ, ведущихъ въ открытое море. Шведы, вознамѣрясь прорваться послѣ сильнаго дѣйствія изъ пушекъ, пустили противъ флота нашего четыре брандера. Прежде нежели оные могли приблизиться къ россійскимъ линіямъ и загорѣться, они были узнаны. Адмиралъ вызвалъ охотниковъ изъ морскихъ офицеровъ и матросовъ, которые, сѣвъ въ шлюпки и катера, обратили губительныя сіи суда въ шведскій флотъ. Они загорѣлись и зажгли у непріятеля четыре корабля. Король, увидя сіе, велѣлъ всѣми силами ударить въ проливъ, защищаемый кораблями вице-адмирала *Повалишина*. Но такъ какъ тамъ были оные отражены и принуждены возвратиться съ большимъ поврежденіемъ какъ въ корпусахъ, такъ и въ снастяхъ, а между тѣмъ другіе отряды усилили дѣйствіе артиллеріи, то оттого флотъ его пришелъ въ такое замѣшательство, что многія суда начали спускать флаги. Принцъ Нассау рѣшилъ воспользоваться симъ случаемъ и со всею своей эскадрой устремился въ средину непріятельскаго флота, оставя охраняемый имъ проливъ. Шведы, примѣтя сіе, бросились всѣ въ оный. Адмиралъ Чичаговъ, увидя сіе, три раза давалъ сигналъ вице-адмиралу Пушкину, стоявшему въ сосѣдственномъ проливѣ, но сей замедлилъ сняться съ якоря. Между тѣмъ шведы начали проходить проливъ, оставленный принцемъ. Тогда старый Чичаговъ, отрубя якорь корабля, на которомъ самъ находился, на всѣхъ парусахъ самъ устремился на нихъ; но сіе уже было поздно, и король съ главными силами своими вышелъ уже въ море. Тогда не оставалось ему болѣе ничего дѣлать, какъ преслѣдовать его, что онъ и исполнилъ. Гнался онъ до самой Карлскроны, на пути потопилъ четыре корабля и два взялъ въ плѣнъ, прочіе же въ совсѣмъ разстроенномъ состояніи успѣли уйти въ гавань Карлскроны... При началѣ преслѣдованія послалъ Чичаговъ повелѣніе къ принцу, чтобы онъ эскадрою своею занялъ шхеры, то есть собраніе малыхъ острововъ, въ окрестно-

стяхъ острова Роченсальма находящихся, о которомъ я уже писалъ, — на тотъ предметъ, чтобы шведскій гребной флотъ не успѣлъ воспользоваться симъ мѣстоположеніемъ прежде. Принцъ его не послушалъ и устремился съ гребной своей эскадрой за непріятелемъ въ открытое море. Между тѣмъ сдѣлался такой сильный вѣтеръ, что всѣ его канонерскія лодки и другія гребныя суда разбросалъ по берегамъ, такъ что нѣкоторыя попали къ Сестрсбеку, оружейному заводу, неподалеку отъ Петербурга находящемуся. А король, поруча командованіе корабельнымъ флотомъ принцу Зюйдерманландскому, пошелъ съ гребнымъ флотомъ въ шхеры и точно укрѣпился тамъ, какъ предвидѣлъ адмиралъ Чичаговъ.

Между тѣмъ погода утихла. Принцъ Нассау занялся собираніемъ разсѣянныхъ судовъ его эскадры; а мы, выступя изъ-за острововъ, пошли его искать; ибо еще и прежде сего сраженія имѣли мы повелѣніе соединиться съ нимъ.

Плавая трое сутокъ при благопріятномъ времени по морю, открыли мы вдали военныя суда, стоящія при входѣ въ шхеры. Это была эскадра принца, который также узналъ насъ и послалъ на встрѣчу къ намъ шлюпку съ повелѣніемъ, чтобы мы какъ можно наискорѣе спѣшили соединиться съ нимъ. Былъ вѣтеръ тихій, но нѣсколько противный; а потому парусныя наши суда не могли поспѣть за гребными, идущими на веслахъ и парусахъ. Повелѣніе получено было въ полдень, а подъ вечеръ паровыя наши суда начали приближаться къ эскадрѣ принца, который, не дождавъ оныхъ, началъ аттаковывать непріятеля, стоявшаго за островами въ пространномъ заливѣ и имѣвшаго по берегамъ сухопутныя батареи. Шведы дали сильный отпоръ, а предъ захожденіемъ солнца поднялась довольно сильная буря, отъ чего эскадра принца пришла въ замѣшательство. Въ самое сіе смятеніе соединилась съ нимъ наша эскадра, исключая восьми парусныхъ судовъ, которыя за противнымъ вѣтромъ не могли слѣдовать и стали на якоряхъ въ разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла. Соединившіяся съ принцемъ гребныя наши суда не знали, что дѣлать—за неполученіемъ никакихъ наставленій. Всякій начальникъ дѣйствовалъ по своему произволенію и умножалъ замѣшательство. Предъ наступленіемъ ночи буря до того усилилась, что почти всѣ гребныя наши суда разбросало по мелямъ и по берегамъ разныхъ острововъ, исключая 16 канонерскихъ лодокъ, спасшихся къ берегу неподалеку отъ того мѣста, гдѣ остановились наши парусные фрегаты. Почти всѣ галеры, большая часть канонерскихъ лодокъ и другихъ судовъ достались въ руки непріятеля.

На другой день съ остатками флотиліи нашей расположились мы между острововъ и укрѣпились батареями. Принцъ былъ въ отчаяньи. Но Екатерина II утѣшила его милостивымъ письмомъ, а особливо обѣщаніемъ скоро прислать къ нему сильную помощь и поправить дѣло. И въ самомъ дѣлѣ, *по прошествіи двухъ*

недѣль построено было въ Петербургѣ и Кронштадтѣ до 80 канонерскихъ лодокъ, собраны были всякаго рода военныя суда, остававшіяся въ Петербургской Галерной гавани и Кронштадтѣ, наняты купеческіе галеоты, въ которые нагрузили сухопутную осадную артиллерію: набрали людей всякаго званія,—а изъ военныхъ даже *конная гвардія, лейбъ кирасиры, сенатскій баталіонъ* и *петербургскій гарнизонъ* посажены были на суда. Въ ожиданіи ихъ прибытія, принцъ на новопостроенныя свои батареи велѣлъ привезти пушки изъ Фридрихсгама. На одномъ изъ большихъ островов сдѣлано было три батареи, одна о 16-ти пушкахъ, другая о 9-ти и третья о 7 пушкахъ. За оными расположенъ былъ лагеремъ весь нашъ бомбардирскій баталіонъ, потому что недоставало уже намъ дѣла на остаткѣ флотиліи.

Мы стояли спокойно. Принцъ, занимаясь разными предпріятіями, имѣлъ при себѣ множество иностранныхъ шарлатановъ, не столько по части морской, ибо тамъ нелегко: грубые наши мореходы требуютъ отъ всякаго иностранца совершеннаго познанія сферической навигаціи и астрономіи, а это не бездѣлица: поэтому при принцѣ находились иностранцы по части инженерной и артиллерійской. Онъ самъ былъ человѣкъ не весьма ученый, и потому нерѣдко вѣрилъ ихъ бреднямъ,—и преимущественно отличалъ ихъ отъ русскихъ офицеровъ.

Наконецъ, прибыла ожидаемая изъ Петербурга помощь. Назначенный начальствовать десантнымъ войскомъ *баронъ фонъ-деръ Паленъ*[1]) былъ лифляндецъ, облеченный потомъ въ графское достоинство; о немъ буду я имѣть случай говорить послѣ. Въ одинъ день, призвавъ меня къ себѣ, онъ сказалъ: „примите въ вѣдѣніе ваше галеоты, прибывшіе съ осадной артиллеріей; завтрашній день послѣ зореваго выстрѣла чрезъ полчаса послѣдуетъ другой, по которому должны вы будете немедленно сняться съ якоря и идти къ островамъ, на которые проводитъ васъ присланый къ вамъ морской офицеръ. Тамъ устроены уже нѣсколько батарей, и пристани готовы; вамъ останется только поставить на оныя находящіяся на галеотахъ пушки, и вы будете дѣйствовать брантскугелями и калеными ядрами во флангъ непріятельскаго флота. Желаю вамъ счастливаго успѣха и надѣюсь, что вы будете имѣть честь истребить оный. И я поѣхалъ къ галеотамъ. Весь тотъ день и большую часть ночи провелъ въ осматриваніи орудій и въ приготовленіи способовъ къ скорѣйшей выгрузкѣ оныхъ.

Миръ со шведами.

Утомясь отъ сего занятія, заснулъ я, не раздѣваясь, на палубѣ одного большого галеота. Выстрѣлъ зоревой пушки разбудилъ меня, но, въ ожиданіи другого, я опять заснулъ, какъ вдругъ разбуженъ я былъ великимъ крикомъ: „виватъ“! „ура“!—Сіи крики раздались и па

---

1) Извѣстный гр. Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ. Род. 1745, † 1726. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ событіи 11 марта 1801 г.

моемъ галеотѣ.—Я проснулся, протирая глаза и самъ себѣ не вѣрю, видя множество мелкихъ шведскихъ судовъ, на которыхъ сидѣли шведскіе офицера, матросы и солдаты; они плавали между судовъ нашихъ и кричали съ знакомъ радости: „виватъ, камерадъ", а наши кричали „ура"!.. Удивленный симъ, сказалъ я поручику моему: „поѣзжайте на яхту принца и узнайте, что сіе значитъ? И хотя впрочемъ нетрудно было понять, но я мыслилъ еще на двое,—или миръ, или только перемиріе заключено съ шведами. Поручикъ поѣхалъ, возвратился скоро и привезъ слѣдующее извѣстіе: въ самую полночь, на передовые посты наши прибыла шведская шлюпка подъ бѣлымъ флагомъ, на которой находился шведскій адмиралъ. Онъ, явясь къ первому офицеру, требовалъ, чтобъ тотъ велѣлъ проводить его къ принцу Нассау.— Офицеръ, слѣдуя военнымъ правиламъ, завязалъ ему глаза, далъ свой яликъ и, посадя его въ оный, отправилъ къ принцу. По прибытіи же на его яхту, просилъ онъ позволить ему говорить съ принцемъ. Онъ вышелъ на палубу, а адмиралъ, услыша его голосъ, еще съ завязанными глазами, бросился къ нему, началъ его обнимать, говоря: „Поздравляю, любезный принцъ! Поздравляю васъ"!—Надобно было видѣть, какъ принцъ вырывался изъ объятій его, и первое—велѣлъ развязать ему глаза. Тогда адмиралъ, вынувъ запечатанный пакетъ, отдалъ принцу, и они оба пошли въ каюту. Чрезъ нѣсколько минутъ велѣлъ объявить принцъ, что Екатерина II заключила миръ съ королемъ шведскимъ, и по просьбѣ адмирала позволилъ онъ приготовленнымъ уже невооруженнымъ судамъ прибыть въ нашъ флотъ.

Екатерина заключила миръ сей безъ посредства министровъ обѣихъ сторонъ, чрезъ взаимную переписку съ королемъ, и прежде всѣхъ его о томъ увѣдомила. И такъ кончилась сія шведская война безъ всякой выгоды для Россіи. Границы наши остались въ прежнемъ положеніи, шведскій корабельный флотъ въ продолженіе сей войны былъ почти совсѣмъ уничтоженъ; въ замѣну того претерпѣлъ большой уронъ нашъ гребной флотъ. Мы возвратились всѣ въ Фридрихсгамъ, а оттуда прибылъ я пока съ ротою моею въ Петербургъ.

Итакъ разстался я съ службою на морѣ, сдѣлавъ двѣ кампаніи. Остается мнѣ сказать нѣчто о начальникахъ нашихъ.

О начальникахъ войскъ нашихъ.

Въ началѣ войны командовалъ сухопутной арміей противъ шведовъ славный и толико извѣстный свѣту генералъ *Суворовъ*, потомъ баронъ *Игельштромъ*, о которомъ буду я имѣть случай говорить послѣ, а наконецъ генералъ *графъ Салтыковъ* [1]), человѣкъ знатнаго происхожденія, весьма богатый, довольно образованный нравственнымъ воспитаніемъ. Онъ почти всю жизнь свою проводилъ въ военной службѣ, но мало отличился знаменитыми подвигами, впрочемъ

1) Впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ Николай Ивановичъ Салтыковъ. Род. 1736, † 1816.

онъ былъ храбръ, великодушенъ и добръ, любилъ хорошо и пышно жить.

Корабельнымъ флотомъ начальствовалъ сперва адмиралъ Грейгъ, родомъ англичанинъ, славный мореходецъ, отличный своими знаніями, опытностью и храбростью. Онъ учинился извѣстнымъ еще подъ начальствомъ графа Орлова во время экспедиціи его въ Средиземномъ морѣ. По смерти же его принялъ главное начальство надъ флотомъ адмиралъ Чичаговъ, происшедшій отъ древней, но бѣдной дворянской фамиліи. Онъ не имѣлъ, что называютъ, блистательнаго воспитанія, зналъ только въ совершенствѣ искусство морское, имѣлъ столько опытности, что говаривали о немъ: онъ какъ чайка, состарился на водѣ. Одаренъ онъ былъ отъ природы твердымъ разсудкомъ, постояненъ, великодушенъ, рѣшителенъ, храбръ и хладнокровенъ. Вице-адмиралы Козляниновъ и Пушкинъ обязаны его великодушію, что не пострадали за поступки свои во время послѣдняго сраженія съ шведскимъ корабельнымъ флотомъ, мною описаннаго, равно какъ и принцъ Нассау, довѣренность къ которому двора послѣ сей войны весьма ослабѣла.

Съ начала до конца войны начальствовалъ гребнымъ флотомъ адмиралъ принцъ Нассау, и извѣстный въ свѣтѣ своею храбростью и великодушіемъ; онъ больше опытенъ, нежели знающій. Сколько могъ я примѣтить, то со стороны наукъ много недоставало въ немъ того, что требуется отъ великаго вождя въ образѣ нынѣшней войны. Храбрость его была больше храбрость гренадера, нежели генерала; онъ былъ скоръ и часто не довольно осмотрителенъ. Да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь, что изъ всѣхъ извѣстныхъ свѣту генераловъ знаю я только одного Суворова, котораго необыкновенная быстрота и храбрость соединены были не только съ осмотрительностью, но даже съ дальновидностью. Нассау отличилъ себя, начальствуя галерными флотами въ Европѣ и Америкѣ; но въ Россіи встрѣтились ему совсѣмъ другія обстоятельства. Русскій гребной флотъ почти всегда бываетъ смѣшанъ съ парусными, дѣйствіе же галерами совсѣмъ разнится отъ управленія парусными судами. Другая конструкція, другая оснастка, другія названія всякой вещи, другой порядокъ въ плаваніи и проч.; такъ что офицеръ, служившій довольно на корабляхъ, если вступитъ на галеру, долженъ учиться узнавать вещи, ихъ употребленіе и наименованіе. Не видавъ галеръ, всякій мореходецъ удивится, что для того, чтобъ остановиться на якорѣ, бросаютъ съ галеръ два якоря: одинъ съ носу, а другой съ кормы. Большую еще перемѣну встрѣтитъ офицеръ, привыкшій къ галерной службѣ, когда случится быть ему на кораблѣ, потому что, кромѣ разности въ вещахъ, ихъ употребленіи и наименованіи, несравненно больше потребны познанія математическихъ и другихъ наукъ, соединенныхъ съ морскимъ искусствомъ. Сей-то недостатокъ приводилъ нерѣдко принца Нассау къ великимъ ошибкамъ.

ГЛАВА 5я.

Возвращеніе Тучкова въ Петербургъ и занятіе его музыкой.—Проектъ раздѣла Польши.—Переходъ въ Псковъ.—Изборскъ.—Переходъ въ Польшу.—Дворянство польское.—Сходство языковъ русскаго и польскаго.—Духовенство польское.—Еврейское господство въ Польшѣ.—Крестьянство польское.—Православіе въ Бѣлоруссіи и Литвѣ.—Простонародный языкъ.

Возвращеніе Тучкова въ Петербургъ и занятія его музыкой.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, думалъ я остаться тамъ надолго. Въ семъ мнѣніи предпріялъ я посвятить свободное отъ службы время на пріобрѣтеніе большаго познанія въ музыкѣ и для того нанялъ извѣстнаго своею игрою и сочиненіями Ми. Онъ находился тогда въ числѣ музыкантовъ камерной придворной музыки и по приказанію Екатерины давалъ уроки внукамъ ея, Александру и Константину. Бывъ родомъ изъ Гессенъ-Касселя, онъ особенно привязанъ былъ къ тѣмъ своимъ ученикамъ, которые любили говорить съ нимъ по нѣмецки, хотя зналъ онъ и другіе языки. Тогда еще примѣтилъ онъ въ высокихъ своихъ ученикахъ многое, что ему не нравилось и, по словамъ его, *ничего добраго не обѣщало*. Приходя ко мнѣ по часамъ, всегда оставался онъ еще нѣсколько времени разсуждая со мной о музыкѣ и о разныхъ предметахъ. Одинъ разъ сказалъ онъ мнѣ: „Я напрасно беру деньги за обученіе великихъ князей, никогда не будутъ они не только знающими въ семъ, но даже любителями музыки. Старшій внукъ худо слышитъ аккордъ и кадансъ, и притомъ такъ нечувствителенъ, что хотя-бы и слышалъ, то самая трогательная музыка не имѣетъ на чувства его ни малѣйшаго дѣйствія. Притомъ такъ скрытенъ въ характерѣ своемъ, что настоящихъ его склонностей примѣтить нельзя, а это худо для государя,—прибавлялъ онъ. Младшій,—продолжалъ онъ,—хотя и имѣетъ изрядный слухъ, но нѣтъ у него никакой склонности къ музыкѣ, столько-же нечувствителенъ, какъ и старшій; но вспыльчивъ, горячъ и сердитъ, притомъ такъ вѣтренъ и разсѣянъ что всякая бездѣлица отвлекаетъ его отъ предпринятаго упражненія. А наипаче если услышитъ барабанъ, или увидитъ солдатъ, то, бросая все, безъ памяти бѣжитъ къ окну“. Вотъ первыя черты характера сихъ великихъ князей, примѣченныя музыкантомъ.

Проектъ раздѣла Польши. Смерть князя Потемкина, которую многіе приписываютъ разнымъ случаямъ; миръ, заключенный княземъ Репнинымъ съ турками, пріобрѣтеніе отъ Порты части Бессарабіи, торжественное ея отреченіе навсегда отъ права на островъ Критъ и наконецъ миръ со шведами перемѣнили видъ политики Европы и Россіи. Франція занята была внутренними мятежами, въ которыхъ Австрія показывала видъ участія. Екатерина II предпріяла внутреннія безпокойства Польши окончить раздѣленіемъ сего королевства между Россіею, Австріею и Пруссіей. Хотя на сей предметъ прибыли въ Петербургъ польскіе графы Потоцкій и Ржевуцкій и генералъ Косаковскій, но сіе въ началѣ было для насъ непроницаемой тайной.

Переходъ въ Псковъ. Я обманулся въ надеждѣ долгаго пребыванія моего въ Петербургѣ. Прибывъ туда осенью 1790 года въ концѣ зимы, 1791-го, то есть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, велѣно мнѣ было, взявъ четыре бомбардирскія роты безъ пушекъ, выступить сухимъ путемъ въ городъ Псковъ. Пятая же рота, составляющая полный баталіонъ съ прежними, отправлена была подъ начальствомъ другого капитана съ пушками для всѣхъ пяти ротъ, которыя везены были туда на саняхъ наемными лошадьми. Равно и другіе многіе конные и пѣхотные полки получили въ тоже время повелѣніе идти въ Псковскую и Полоцкую губернію. Никто не зналъ подлиннаго предмета назначенія нашего, и можетъ быть нарочно распущены были слухи, якобы мы назначены идти въ Пруссію.

Городъ Псковъ, составлявшій въ древности особую республику, какъ и Новгородъ, построенъ на выгодномъ мѣстоположеніи, при рѣкахъ Великой и Псковѣ, дающей оному свое имя. Еще видны тамъ остатки древнихъ стѣнъ, окружавшихъ оный, и хотя лишенъ прежняго своего величія, но имѣетъ еще довольное количество каменныхъ, хорошо построенныхъ церквей, домовъ и лавокъ. По прибытіи нашемъ въ оный, велѣно было расположить насъ по квартирамъ въ окрестностяхъ сего города, — и потому выступилъ я съ ротою моей въ Печерскую округу. Маленькій сей городъ и ничего незначущій получилъ наименованіе свое отъ одного монастыря, неподалеку находящагося, въ коемъ видны еще и понынѣ остатки древнихъ пещеръ, гдѣ скрывали себя пустынники, или какъ называются, затворники. Эти пещеры подобны кіевскимъ, о которыхъ буду я имѣть случай говорить послѣ, только гораздо меньше въ продолженіи своемъ, и многія уже обвалились.

Изборскъ. Неподалеку отъ Печерска находится древній, оставленный городъ Изборскъ, построенный, можетъ быть, гораздо прежде VII столѣтія, ибо въ половинѣ IX столѣтія былъ онъ уже удѣломъ князя Трувора, брата Рюрика, перваго русскаго государя. Сей городъ находится при рѣкѣ Исеѣ, что нынѣ называютъ Сливенскіе ключи, построенъ на горѣ, пологость ко-

торой окружаютъ три каменныя стѣны, идущія параллельно одна другой. Но должно полагать, что это былъ замокъ или цитадель, а не самый городъ, ибо третье окруженіе стѣны, на самой вершинѣ горы находящееся, не довольно обширно. Въ срединѣ построена каменная церковь, а внизу небольшое селеніе, въ которомъ живутъ государственные крестьяне. Каждая стѣна имѣетъ только одни ворота и, въѣхавъ въ первыя, должно объѣхать половину горы, чтобъ попасть во вторыя и такимъ же образомъ въ третьи. На каждыхъ воротахъ видны древнія украшенія, состоящія изъ разныхъ мраморныхъ и гранитныхъ плитъ, на которыхъ изображены всадники, звѣри, птицы и цвѣты. Но все сіе въ такомъ видѣ, какъ было въ тѣхъ вѣкахъ зодчество сѣверныхъ народовъ,—то есть весьма безобразно. Въ окружности сѣверной стѣны видѣлъ я много надгробныхъ камней съ украшеніями и надписями, которыя такъ изглажены временемъ, что я не только не могъ ничего прочитать, но даже разобрать, на какомъ языкѣ оныя вырѣзаны. Тамошній священникъ указалъ мнѣ одну большую мраморную доску и увѣрялъ, что это гробница Трувора. Сомнительно, — потому что древніе славяне были еще, какъ и Труворъ, въ идолопоклонствѣ, хоронили великихъ людей съ ихъ лошадью и насыпали сверху высокій холмъ, каковые и по сіе время еще видны во многихъ мѣстахъ Россіи. Но Труворъ былъ иностранецъ, и потому, можетъ быть, погребенъ былъ по обычаю отечества его инымъ образомъ. Съ большою прилежностью разсматривалъ я буквы, высѣченныя на сей плитѣ, и хотя оныя были весьма изглажены временемъ, но примѣтилъ я нѣкоторыя, похожія на славянскія. Славянскій же алфавитъ былъ извѣстенъ тогда русскимъ. Онъ изобрѣтенъ для перевода священныхъ книгъ двумя греческими епископами Кирилломъ и Меѳодіемъ. Исторія ничего не упоминаетъ, впрочемъ, во всякомъ алфавитѣ можно найти въ нѣкоторыхъ буквахъ нѣкоторое подобіе съ другими. Однакоже признаюсь я, что сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это была гробница Трувора, и не могу утвердительно сказать, на какомъ языкѣ сдѣлана надпись.

Переходъ въ Польшу.

Въ окрестностяхъ Пскова простояли мы около двухъ лѣтъ безъ приключеній, достойныхъ примѣчанія, кромѣ поиска моего на разбойниковъ. Еслибъ я намѣренъ былъ подражать г-жѣ Радклифъ, то многое могъ бы сказать о непроходимыхъ лѣсахъ, о древнихъ развалинахъ посреди оныхъ, подземныхъ жилищахъ, о встрѣтившихся намъ несчастныхъ молодыхъ дѣвкахъ и прочее. Но какъ таковые предметы почитаю я не заслуживающими особливаго вниманія, то скажу только, что маловажная сія экспедиція, десять дней продолжавшаяся, кончилась поимкою до 40 человѣкъ разбойниковъ. И когда началось слѣдствіе, примѣтилъ я великое злоупотребленіе земской полиціи и другихъ судей. Убійцы освобождены были на поручительства, а невинные люди, но такіе, отъ которыхъ надѣялись что-нибудь получить по оговору ихъ

въ пристанодержательствѣ и за то, что на земляхъ ихъ подъ снѣгомъ, ибо поискъ сей былъ зимою, нашлись мертвыя тѣла, посажены въ тюрьму.

Стоя въ зимнее время на квартирахъ по деревнямъ, нерѣдко посѣщали мы губернскій городъ, а лѣтомъ располагались лагеремъ предъ самымъ городомъ, въ которомъ находилась главная квартира, а главнокомандующимъ нашей арміи былъ генералъ *графъ Салтыковъ*, тотъ самый, который начальствовалъ сухопутной арміей противъ шведовъ въ бывшей предъ симъ войнѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ предъ выступленіемъ нашимъ изъ Пскова смѣненъ онъ былъ генераломъ *барономъ Игельштромомъ*.

Въ 1792 году въ мартѣ мѣсяцѣ вся армія наша приведена была въ движеніе, и я получилъ повелѣніе съ ротою выступить въ Полоцкъ. Онъ былъ тогда главнымъ городомъ губерніи сего имени, составляющей часть Бѣлоруссіи, въ недавнемъ времени отторгнутой отъ Польши. При вступленіи въ сію губернію открылось для меня много новаго. Повсемѣстный католицизмъ римскаго исповѣданія, соединенный со всевозможными предразсудками, ненависть къ русскимъ, крайняя бѣдность и совершенное невѣжество поселянъ, плутни и пронырства жидовъ, гордость и тиранское обращеніе помѣщиковъ съ ихъ подданными, — предметы, о которыхъ буду я имѣть случай говорить подробнѣе.

Я не зналъ ничего ни о какой войнѣ, и по содержанію даннаго мнѣ предписанія думалъ,что долженъ буду расположиться квартирами въ Полоцкѣ. Но во время приближенія моего къ сему городу встрѣтилъ меня посланный впередъ мой квартирмейстеръ. Онъ вмѣсто квартирной росписи подалъ мнѣ повелѣніе, по которому долженъ я, придя на берегъ рѣки Двины, составлявшей тогда границу Имперіи Россійской и Польши, тотчасъ переправляться на противный берегъ и расположиться только ночлегомъ въ части Полоцка, принадлежавшей Польшѣ, относясь во всемъ къ генералъ-поручику Косаковскому. Косаковскаго зналъ я по слуху. Онъ имѣлъ особую партію въ Польшѣ, чрезъ которую избранъ онъ былъ въ достоинство гетмана Литовскаго. Но такъ какъ противная партія отвергла сей выборъ, то онъ предался Екатеринѣ II и вступилъ въ русскую службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта и тогда же данъ ему былъ орденъ св. Александра Невскаго.

Придя къ берегу рѣки Двины, нашелъ я оною покрытою льдомъ, который не былъ уже довольно крѣпокъ, чтобъ могъ я перевесть по оному мои пушки, а для того прорублены были во льду канавы и приготовлены паромы. Я началъ переправляться и съ первыми двумя орудіями и ящиками переѣхалъ самъ на противный берегъ. Тамъ встрѣтилъ я стоящаго на часахъ польскаго солдата: онъ отдалъ мнѣ честь, а я спросилъ у него:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

Солдатъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я поставленъ при таможнѣ смотрѣть, чтобъ не провозили запрещенныхъ товаровъ.

— У меня все запрещенный товаръ,—сказалъ я ему,—пушки, порохъ и ядра.

— Вижу,—отвѣтилъ, улыбаясь, часовой.

А я, возвратясь на нашъ берегъ, нашелъ чиновника, присланнаго ко мнѣ отъ губернатора просить меня на обѣдъ. Я сталъ извиняться, что занятъ переправой и что обязанъ явиться къ моему генералу, котораго полагалъ быть уже на противномъ берегу. Тогда мнѣ посланный сказалъ, что и *генералъ Косаковскій* у губернатора и желаетъ меня видѣть. Я зналъ, что губернаторъ служилъ нѣкогда подъ начальствомъ отца моего, видалъ его въ нашемъ домѣ и потому пріятно мнѣ было, поручивъ дѣло старшему по себѣ, поспѣшить къ нему. Хозяинъ дома и генералъ, его гость, приняли весьма ласково, и послѣдній сказалъ:

— Вотъ, государь мой, какъ идутъ дѣла въ моемъ отечествѣ; едва перейдемъ мы за границу, какъ присоединятся къ намъ 20 т. конфедератовъ, противящихся конституціи 3-го мая (1791 года).

Я принялъ сіе за истину, и по окончаніи стола хотѣлъ поспѣшить къ моей обязанности. Но губернаторъ уговаривалъ меня побыть еще у него. Я, поблагодаривъ, сказалъ:

Далеко ѣхать и темно будетъ переѣзжать чрезъ рѣку.

— Далеко?—сказалъ онъ и, подведя меня къ окну, указалъ мнѣ на противной сторонѣ домъ и стоящія передъ онымъ пушки!—вотъ ваша квартира и артиллерія. Вы пойдете вмѣстѣ съ генераломъ черезъ ледъ, на которомъ для безопасности велѣлъ я положить доски.

Посидѣвъ еще нѣсколько, отправился я вмѣстѣ съ генераломъ. Сей тонкій и высокій старикъ шелъ впереди меня въ глубокой задумчивости и, войдя на ледъ, ступалъ то на доски, то шелъ по льду, что заставило меня сказать ему:

— Осторожнѣе, ваше превосходительство, ледъ слабъ и можетъ проломиться.

На сіе отвѣчалъ онъ мнѣ польской пословицей слѣдующаго содержанія;

— Кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ.

Я никакъ не могъ подумать тогда, чтобъ пророчество сіе сбылось съ нимъ черезъ два года послѣ сего, почти въ то же время, какъ я переходилъ съ нимъ чрезъ рѣку, о чемъ читатель увидитъ изъ послѣдующихъ моихъ записокъ.

На другой день присоединились ко мнѣ два россійскихъ полка пѣхоты и отрядъ конницы. Мы выступили далѣе и, оставя Вильну въ сторонѣ, пришли въ Гродно, не встрѣтя на пути своемъ никакого непріятеля и ни одного конфедерата, о которыхъ говорилъ мнѣ генералъ Косаковскій при первомъ со мною

свиданіи. Оттуда выступили мы въ Бѣлый-Стокъ, небольшой городъ, въ которомъ королевская сестра имѣла дворецъ, съ удивленіемъ прославляемый поляками. Тутъ мы остановились на нѣсколько дней, и я имѣлъ время оный осмотрѣть. Но не меньше, какъ они, удивился я ихъ хвастовству, найдя выгодно расположенный одноэтажный каменный домъ, довольно хорошо убранный. Въ немъ находилась изрядная библіотека, посредственнаго достоинства кабинетъ рѣдкостей природы, небольшая галлерея картинъ, составленная изъ копій извѣстныхъ живописцевъ. Въ нѣкоторыхъ покояхъ, гдѣ стѣны обиты были шелковой матеріей, находились зеркальныя двери, и въ одномъ небольшомъ кабинетѣ такой же потолокъ, что больше всего удивляло поляковъ. И я заключилъ, что они еще весьма далеки отъ понятія о совершенной роскоши и изящныхъ украшеніяхъ богатства. Садъ, въ коемъ находилась хорошая оранжерея, довольное количество иностранныхъ деревъ въ самомъ саду, и небольшіе пруды, канавы и водометы придавали оному изрядный видъ. Было тамъ и довольно статуй; но большая часть оныхъ столь худого рѣзца, что не стоитъ труда ихъ имѣть. Словомъ сказать, кто видѣлъ при Екатеринѣ II-й Царское Село, Петергофъ или въ Москвѣ Кусково, принадлежащее помѣщику графу Шереметьеву, тотъ почтетъ все сіе за бездѣлицу. Но болѣе всего понравилось мнѣ заведеніе фазаннаго сада,—птицъ, въ этомъ климатѣ не существующихъ. Онъ ни что иное, какъ паркъ или дикій лѣсъ, чрезъ который протекаетъ небольшая рѣчка, окруженный каменною стѣною, на верху которой подѣланы рѣшетки изъ толстой проволоки такой высоты, что фазаны не могутъ перелетѣть. Въ срединѣ на лужайкѣ, окруженной деревьями, находится небольшой трактиръ, а приономъ нѣсколько домиковъ для егерей, наблюдающихъ фазановъ. Они до такой степени тамъ размножились, что всякій, придя въ сей паркъ и заплатя червонецъ егерю, могъ застрѣлить пару фазановъ и велѣть приготовить въ упомянутомъ трактирѣ, или за ту же цѣну поручить трудъ сей егерямъ.

Чрезъ нѣсколько дней оставили мы Бѣлый-Стокъ и пошли къ мѣстечку Венгрову, не въ дальнемъ разстояніи находящемуся отъ Варшавы. Тамъ расположились мы лагеремъ и простояли нѣсколько недѣль. Между тѣмъ имѣлъ я удовольствіе увидѣться въ ономъ съ старшимъ братомъ моимъ подполковникомъ арміи, пріѣхавшимъ посѣтить меня изъ Варшавы. Я узналъ отъ него, что въ семъ году не будемъ мы имѣть никакихъ военныхъ дѣйствій. И подлинно, чрезъ нѣсколько дней получили мы повелѣніе идти къ Вильнѣ и тамъ, простоявъ съ мѣсяцъ времени въ лагерѣ, велѣно мнѣ было вступить на зимнія квартиры въ мѣстечко Новыя Троки. Сіе небольшое мѣстечко, и въ особенности находящееся при ономъ небольшое селеніе, именуемое Старыя Троки, подлѣ котораго видны многія древнія развалины, было нѣкогда столицей княжества Литовскаго, еще до построенія города Вильны. Достойно при-

мѣчанія, что жиды не только терпимые, но еще пользующіеся особливыми нѣкоторыми правами во всей Польшѣ, не могли имѣть права жить въ Трокахъ по причинѣ живущихъ въономъ такъ называемыхъ караимовъ. Это народъ также жидовскаго племени, но онъ имѣетъ разницу съ ними въ религіи. Она состоитъ въ перемѣнѣ нѣкоторыхъ наружныхъ обрядовъ, непризнаніи Талмуда, какъ прочіе жиды, послѣдованіе во всемъ только одной библіи, въ ношеніи одежды, употребляемой всѣми жителями того края, въ которомъ находятся, и въ соблюденіи большей опрятности въ домахъ своихъ. Они также, какъ и жиды, занимаются торговлей; но притомъ иногда земледѣліемъ и садоводствомъ, чего польскіе жиды никогда не предпринимаютъ. Запрещеніе жидамъ жить въ Трокахъ, говорятъ, сдѣлано было королями польскими къ награду караимамъ за храброе сопротивленіе и отраженіе непріятеля отъ помянутаго мѣстечка. Право сіе нынѣ уничтожено Имп. Александромъ I.

Стоя въ Трокахъ и потомъ въ Вильнѣ близъ двухъ лѣтъ, имѣлъ я время узнать характеръ народа польскаго. Народъ польскій, раздѣляется на дворянство, духовенство, поселянъ или земледѣльцевъ и жидовъ, въ великомъ множествѣ составляющихъ изъ себя купечество и ремеслениковъ.

Поляки вообще привязаны къ вольности и республиканскому правленію. Но, разсмотря прилежно образъ ихъ правленія, найдемъ, что Польша никогда не была подъ анархическимъ правленіемъ. Она имѣла королей, но достоинство сіе не было наслѣдственно, а подвергалось выбору. Законодательная власть зависѣла отъ сеймовъ и сената. Кто-жъ составлялъ народъ? Одно дворянство, поселяне же и земледѣльцы, равно какъ и прочія сословія, не имѣли сего права и не могли посылать на сеймы своихъ представителей.

Дворянство польское весьма многочисленно и пользовалось совершенной свободой; но нигдѣ не видалъ я такого неравенства, какъ въ ономъ. Рѣдко въ какомъ государствѣ можно найти столь богатыхъ дворянъ, какъ въ Польшѣ, которыхъ однакожъ не много, но большую часть сего состоянія составляетъ совершеннѣйшая бѣдность. Панъ въ переводѣ господинъ; а шляхтичъ— дворянинъ, титулъ же господинъ принадлежитъ всякому дворянину; но въ Польшѣ напротивъ, несмотря на старшинство родовъ, панъ значитъ богатаго, а шляхтичъ бѣднаго. При томъ бѣдное дворянство въ такой зависимости у богатыхъ, почти какъ русскіе крестьяне у своихъ помѣщиковъ. Бѣдное дворянство служитъ въ домахъ богатыхъ не только въ самыхъ низкихъ должностяхъ, какъ-то, конюхами и прочее, но даже работниками у жидовъ. Итакъ, въ дворянствѣ польскомъ примѣтны двѣ крайности: богатства и бѣдности, средняго же состоянія почти вовсе не видно, исключая нѣкоторыхъ, находившихся въ гражданскихъ должностяхъ. А потому, кажется мнѣ, что богатые люди, или вельможи польскіе, имѣли въ томъ политику свою, дабы не до-

пускать бѣдное дворянство до средняго состоянія и имѣть черезъ то оное въ своей зависимости. Право первостепенныхъ дворянъ было столь неограничено, что они бѣдныхъ людей того же сословія могли наказывать тѣлесно. А надъ крестьянами или земледѣльцами имѣли такую власть, что не только помѣщики могли ихъ заставлять работать по своему произволенію, брать всю ихъ собственность, наказывать тѣлесно, но даже за убійство своего мужика помѣщикъ виновный подвергался только легкому денежному взысканію.

Всякій зажиточный польскій помѣщикъ имѣлъ дворъ и всю услугу его составляла шляхта. У каждаго былъ маршалъ, управляющій домомъ, конюшій, комисаръ, экономъ во всякой малой деревнѣ, подскарбій *министръ финансовъ*, ловчій, лѣсничій и тому подобные, Если онъ былъ женатъ, то госпожа имѣла особый штатъ, составленный изъ женщинъ, какъ-то: госпожа или панья *гофмейстрина*, главная смотрительница, госпожи дѣвицы или *панны* резидентки, собесѣдницы, или служащія для компаніи, *панна гардеробянка*, имѣющая въ завѣдываніи платья. *Панна шафарка*, имѣющая въ смотрѣніи своемъ закуски и лакомства, и наконецъ также госпожи дѣвицы *панны служонцы* или услужницы. Не говоря о прачкахъ и служащихъ при кухнѣ, сверхъ того жены чиновниковъ, составляющихъ штатъ мужа, равномѣрно соединяютъ услуги свои сей особѣ.

Гражданскіе чины въ Польшѣ были больше уважаемы, нежели военные, и сіе уваженіе простиралось даже на дѣтей ихъ обоего пола, съ присовокупленіемъ титула. Напримѣръ, если отецъ былъ сенаторомъ, сынъ его называется панъ сенаторовичъ, а дочь сенаторовна. Если онъ былъ судья, по ихнему *сендзя*, то сынъ панъ сендзижъ, и дочь сенджанка. Тѣ, кто занималъ должности, дающія преимущества только во время отправленія оныхъ, какъ-то напр., маршалъ губернскій или уѣздный, въ достоинство которыхъ избираются люди, нигдѣ не служившіе и не имѣющіе никакихъ чиновъ, по оставленіи должности своей называютъ себя и подписываются маршалами по смерти, а дѣти маршалковичами и маршалковнами. Но всего смѣшнѣе то, что не только государственные чины, какъ-то: гетманъ, сенаторъ, маршалъ и прочіе, имѣли сіе титулы, но даже и слуги частныхъ людей, которыхъ они перемѣняли по своему произволенію, пользовались тѣмъ же. Напримѣръ, кто опредѣлитъ кого комисаромъ или экономомъ или конюшимъ въ домъ свой, хотя на короткое время, тотъ давалъ имъ право уже на всю жизнь пользоваться симъ наименованіемъ, а дѣти ихъ становились уже комисаровичи, комисаровны, экономовичи экономовны, конюшичи и конюшанки.

Самые богатые люди воспитывали дѣтей своихъ по большей части во Франціи, прочіе же пользовались школами, заведенными при монастыряхъ. Дворянство не все служило, а только нѣкоторая часть въ гражданской и военной службѣ. Чины военные покупались, а не получались по старшинству и достоинствамъ. равно

и гражданскіе пріобрѣтались по богатству и роду, а наипаче почетные. Прочіе же дворяне жили по деревнямъ въ своихъ домахъ, занимаясь хозяйствомъ, псовой охотой, волокитствомъ и пьянствомъ.

Въ Польшѣ было тогда только два кавалерственныхъ ордена не раздѣленныхъ на степени, какъ нынѣ, а именно: орденъ Бѣлаго Орла и св. Станислава. Одинъ король имѣлъ только право жаловать оными за отличныя заслуги. Сіи ордена кромѣ нѣкотораго уваженія и наружнаго украшенія, ничего съ собою не приносили. Но въ послѣднія времена въ раздачѣ оныхъ великоо было злоупотребленіе. Король, котораго финансы всегда были слабы, вмѣсто денегъ жаловалъ въ началѣ сими орденами за заслуги государственныя, какъ то дѣлалось и понынѣ дѣлается во всей Европѣ. Но наконецъ, ставъ еще бѣднѣе, не имѣлъ уже болѣе чѣмъ награждать своихъ приближенныхъ и слугъ, даже камердинерамъ своимъ не въ состояніи былъ платить. И такъ давалъ онъ имъ, вмѣсто денегъ, по нѣсколько рескриптовъ или грамотъ, на ордена Бѣлаго Орла и Станислава написанныхъ и подписанныхъ имъ по обыкновенной формѣ съ оставленіемъ въ строкахъ чистаго мѣста для вписанія имени и прозванья. Сіи люди продавали жидамъ, которые охотно и не дешево ихъ покупали. Жидъ, имѣя нѣсколько такихъ грамотъ, пріѣзжая на ярмарку, навѣдывается о богатыхъ и гордыхъ помѣщикахъ. Съ обыкновенною имъ скромностью и униженіемъ старается онъ найти доступъ къ господину, потомъ въ тайнѣ говоритъ ему: не желаетъ-ли онъ имѣть отъ короля, который нибудь изъ двухъ орденовъ, прибавя, что онъ имѣетъ у двора знакомство и можетъ ему оный доставить. Господинъ соглашается, условливается въ цѣнѣ и платитъ деньги, а жидъ, вписавъ его имя и прозванье въ имѣющуюся у него грамоту, вручаетъ ему оную. Тогда господинъ, купивъ въ лавкѣ орденскіе знаки, дожидается какого-нибудь праздника, увѣряя всѣхъ, что онъ имѣетъ надежду получить отъ короля орденъ. Въ праздникъ идетъ онъ въ церковь, слушаетъ мессу и потомъ проситъ священника купленный имъ у жида рескриптъ прочитать всенародно. Послѣ сего возлагаетъ на себя знаки, получаетъ отъ всѣхъ титулъ ясне-вельможнаго, а до того былъ онъ только вельможный, принимаетъ поздравленія и устраиваетъ большой пиръ. Не должно однакожъ думать, что они старались получать такимъ образомъ знаки отличія изъ единаго тщеславія. Нѣтъ, съ онымъ сопрягались другіе виды; человѣкъ, украшенный орденами, даетъ о себѣ мысль, что онъ имѣетъ покровителей у двора и потому преимущественнѣе предъ прочимъ поступаетъ онъ къ выбору въ маршалы и другія почетныя должности, соединяющія съ собою уваженіе, а равно позволительные и не позволительные, но терпимые доходы. И такъ весь обманъ падаетъ только на народъ. Жидъ извѣщаетъ того, у кого купилъ грамоты, кому онъ ихъ продалъ, а въ Варшавѣ вносятъ имя его въ кавалерскій списокъ.

Бѣдное дворянство, кромѣ службы у богатыхъ, занималось земледѣліемъ и часто по неимѣнію собственной земли нанимало у другихъ, или лучше сказать, платило подать, извѣстную подъ названіемъ чиншъ. Слово это взято съ нѣмецкаго Zinse, и оттого такихъ дворянъ называли и понынѣ называютъ „чиншовая шляхта".

Вельможи занимались интригами государства, каждый хотѣлъ быть королемъ или самъ, или доставить этотъ титулъ тому, которому онъ преданъ. Не только выборъ въ достоинство короля, въ которомъ всегда участвовали министры иностранныхъ дворовъ, но даже выборъ въ министры, сенаторы, маршалы и въ другіе государственные чины подверженъ былъ всегда согласію сейма или сеймика. Большіе сеймы назбачались въ извѣстныхъ городахъ; а сеймики или малые собирались въ каждомъ уѣздномъ городѣ для двухъ цѣлей; первое, для избранія представителей отъ дворянства того уѣзда къ составленію общаго сейма; второе для назначенія маршала и судей того уѣзда. Причемъ всякій изъ ищущихъ какого-нибудь назначенія имѣлъ свою партію на таковыхъ сеймикахъ. Они состояли изъ самой бѣдной и непросвѣщенной шляхты, одѣтой въ нижній кафтанъ и лапти, но при какой нибудь старой заржавленной саблѣ. Я шляхтичъ,— говаривали они, и имѣю право носить кусокъ желѣза при бедрѣ моемъ. Каждый изъ искателей привозилъ съ собой по нѣскольку десятковъ, а иногда и сотенъ подобныхъ дворянъ. Во время сейма жили они на его счетъ, онъ ихъ кормилъ и старался всегда поить допьяна, къ чему мелкое польское дворянство весьма склонно, впрочемъ и сами вельможи любили попить. Я сказалъ въ началѣ моей книги, что образъ правленія великое имѣетъ вліяніе на характеры и нравы наши, отъ-того-то въ то время пьянство по тремъ причинамъ весьма господствовало въ Польшѣ. Первое, всѣ не только сѣверные, но и прочихъ странъ непросвѣщенные и дикіе народы любятъ крѣпкіе напитки. И такъ, чтобъ составить для себя партію, должно дѣлать угощенія тѣмъ, на которыхъ надѣются, поить ихъ, пить съ ними вмѣстѣ. Второе, чтобъ узнать что-нибудь и отъ равныхъ себѣ, должно такъ-же съ ними знакомиться, угощать и, если можно, подпаивать въ надеждѣ что-либо отъ нихъ узнать, а сіе дѣлается иногда привычкой, и третье, духовенство, котораго самую большую часть въ Польшѣ составляютъ монахи, по уставамъ своимъ бывъ лишены всѣхъ пріятностей жизни и проводя ее въ великомъ единообразіи, непремѣнно должны подвергаться ужасной скукѣ и меланхоліи, для разогнанія которыхъ стараются они хорошо ѣсть и пить; но поляки больше склонны къ послѣднему. Итакъ, пьянство есть удѣлъ католическихъ монаховъ во всей Польшѣ. Между тѣмъ духовныя лица тамъ въ великомъ уваженіи, какъ по набожности народа, такъ больше потому, что всѣ школы находятся у нихъ въ рукахъ и они воспитываютъ все дворянство. Это послѣднее заимствуетъ отъ нихъ нѣкоторыя слабыя и ложныя познанія, а вмѣстѣ истинные ихъ пороки, изъ которыхъ пьянство занимаетъ первую степень.

Дворянство, прибывшее на сеймикъ для выборовъ, собирается въ назначенный для того домъ, въ которомъ двери и окна отворены; партіи же ихъ становятся на дворѣ, по большей части всѣ пьяны. Тутъ первые дворяне разсуждаютъ о предметахъ, до выбора касающихся, равно и другихъ относящихся до правленія. Въ подкрѣпленіе же голосовъ своихъ, каждый даетъ знакъ партіи своей, которая, не зная, о чемъ идетъ дѣло, кричитъ: *„згода“*! то есть согласны, или *„не позвалямъ“*!—не позволяемъ. Тутъ иногда одна партія кричитъ: „согласны“, другая „не позволяемъ“, отъ чего происходитъ не только великій шумъ, но часто драка и смертоубійство. Начальники партій выбѣгаютъ, стараются усмирить своихъ кліентовъ, а иногда, начавъ споръ другъ съ другомъ кончаютъ оный поединкомъ.

Всѣ дѣла на сеймикахъ кончаются большинствомъ голосовъ и потомъ выбранные въ какое-либо достоинство даютъ еще общія угощенія во вкусѣ земли сей.

Большіе или государственныя сеймы во всемъ подобны малымъ, исключая важности предметовъ, о которыхъ въ таковыхъ разсуждаютъ, и лицъ, оные составляющихъ.

Теперь на счетъ дворянства польскаго, единственно собою составляющаго націю и республику польскую, ибо простой народъ ничего не значитъ, остается мнѣ сказать нѣчто объ образѣ жизни онаго.

Дворянство польское по справедливости можетъ быть раздѣлено на три степени: Магнаты или вельможи, знатные и богатые люди занимаютъ первую степень. Среднее дворянство успѣвшее оградить себя отъ насилія вельможъ пріобрѣтенною ими чиновностію и составившее разными способами нѣкоторое состояніе, должны занимать вторую степень. Третью же составляетъ самое бѣдное дворянство, извѣстное подъ наименованіемъ шляхты. Люди двухъ первыхъ степеней называются панами, а третьей—просто шляхтой.

Дворянство первой степени, получивъ при воспитаніи своемъ нѣкоторыя познанія отъ своего духовенства и научившись французскому языку отъ иностранцевъ, по разнымъ причинамъ оставившихъ свое отечество, ѣдетъ путешествовать по большей части во Францію и Италію. Германія имъ не столь нравится, какъ потому, что мало имѣетъ разницы съ ихъ климатомъ, такъ по той причинѣ, что уже католицизмъ не столь силенъ; а равно и потому, что характеръ германцевъ не весьма имъ нравится. Полякъ высокомѣренъ, хвастливъ и расточителенъ, а нѣмецъ, напротивъ, кротокъ, скроменъ и бережливъ.

Дворянство второй степени, научась грамотѣ и ариѳметикѣ у поповъ, остаются въ своемъ отечествѣ, вступаютъ въ началѣ въ должности стряпчихъ и повѣренныхъ, потомъ дѣлаются судьями, а наконецъ по большой части живутъ въ своихъ имѣніяхъ. Они вообще гостепріимны, и любили въ то время угощать своихъ посѣтителей. Игра въ карты не весьма была употреби-

тельна межъ ними въ то время, но сытные столы, доброе вино, медъ, пиво и водка поддерживали бесѣды и разговоры. Кофе, шеколадъ и чай мало имъ были извѣстны; прочія же занятія состояли въ хозяйствѣ и въ ѣздѣ на охоту. Поляки, вообще, любятъ лошадей, и въ заводахъ находятся весьма изрядныя. Хотя они больше русскихъ любятъ верховую ѣзду; и въ запряжку стараются щеголять красивыми лошадьми, но имъ неизвѣстна была тогда охота къ бѣгу на рысакахъ и иноходцахъ, столь употребительная у русскихъ.

Третья степень дворянства—шляхта не имѣла тогда почти никакого воспитанія, рѣдкіе знали грамотѣ. Обитали они тогда, какъ и теперь, въ черныхъ избахъ, на подобіе простыхъ земледѣльцевъ, нерѣдко вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ, а особенно въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и сѣверныхъ провинціяхъ Польши. Они по способностямъ своимъ служили иногда экономами, слугами и кучерами у богатыхъ людей; вступали также въ военную службу рядовыми подъ названіемъ товарищей въ уланскіе польскіе полки. Но по большей части оставались въ домахъ своихъ, занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Сходство языковъ русскаго и польскаго.

Народъ польскій, въ особенности же дворянство, имѣетъ много сходства съ русскимъ какъ въ языкѣ, такъ въ нравахъ и обычаяхъ; но питаетъ и будетъ всегда питать величайшую ненависть къ оному. Причиною тому—религія, образъ правленія и взаимныя войны, не счастливыя для Польши въ послѣдніе вѣка. Извѣстны всему свѣту властолюбивыя свойства католическаго духовенства, и съ какою жестокостью устремляется оное въ гоненію прочихъ христіанскихъ вѣръ, наипаче греческой, исповѣдуемой россіянами. Я уже сказалъ, что всѣ школы и воспитаніе польскаго юношества находятся въ рукахъ духовенства. А оное для собственныхъ своихъ видовъ старается еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ поселять въ сердцахъ юношей ненависть ко всему тому, что не подлежитъ ихъ власти. Наипаче же—ненависть къ русскимъ, какъ къ ближайшимъ сосѣдямъ изъ греческаго исповѣданія, тѣмъ болѣе имъ противнаго, что греки были первые, которые низложили съ себя иго папской власти. Кто отъ кого отложился: папа ли отъ патріарха Константинопольскаго, или патріархъ отъ папы,—многіе еще о томъ спорятъ. Польша была всегда подъ республиканскимъ, или лучше сказать, демократическимъ правленіемъ; а Россія, напротивъ; подъ такимъ самодержавіемъ, которое превосходитъ образъ деспотическаго и тираническаго правленія. Страхъ подпасть таковому всегда питалъ въ полякахъ ненависть къ Россіи. Ненависть и злоба суть обыкновенныя слѣдствія взаимной войны а особливо въ побѣжденномъ народѣ. Но еслибъ можно было отнять двѣ первыя причины, то послѣдняя сама собою уничтожилась бы, и поляки съ россіянами составили бы одинъ народъ, такъ какъ они точно одного происхожденія.

Изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій языкъ польскій ближе подходитъ къ русскому и разнится только произношеніемъ и множествомъ латинскихъ и нѣмецкихъ словъ, введенныхъ въ оный.

Духовенство польское.

Господствующая въ Польшѣ вѣра есть римско-католическая, и духовенство все состоитъ изъ природныхъ жителей, въ которое вступаютъ люди знатнаго происхожденія. Первыя степени наполняются знатными, а прочія людьми разнаго состоянія, только не изъ народа, потому что крестьяне принадлежатъ по большей части помѣщикамъ и сверхъ того никто не можетъ вступить въ духовное состояніе, не зная латинскаго языка. Всѣхъ католическихъ орденовъ какъ мужскіе такъ и женскіе монастыри находились тогда въ Польшѣ въ великомъ множествѣ, не исключая и ордена іезуитовъ. Приходскихъ же церквей и свѣтскихъ священниковъ въ сравненіи съ монастырями и монахами было весьма мало. И сверхъ того почти въ каждомъ господскомъ домѣ были каплицы и монахи. Духовенство пользовалось великимъ уваженіемъ и преимуществами. Монастыри имѣли большія недвижимыя имѣнія для своего содержанія, не считая подаянія, и платы за обѣдни, молитвы, отпущеніе грѣховъ и проч. Но зато знатнѣйшіе изъ таковыхъ обязаны были содержать при монастыряхъ школы для обученія юношества. Католическое духовенство слишкомъ извѣстно свѣту, чтобъ его здѣсь описывать. И еслибъ вздумалъ я исчислять здѣсь всѣ ихъ пронырства и хитрости, влекущія суевѣріе народа, то долженъ былъ бы написать нѣсколько томовъ, сколько явленныхъ иконъ, мощей, чудотворныхъ статуй и проч. Однакожъ хотя Россія и греческаго исповѣданія, но не знаю, уступитъ ли въ семъ отношеніи Польшѣ? Итакъ, скажу я только о томъ, что я въ сіе время видѣлъ собственными глазами. Простоявъ нѣсколько времени въ Трокахъ, велѣно мнѣ было перейти съ Вильно. Тутъ, во-первыхъ, увидѣлъ я Чудотворную Икону Богородицы подъ названіемъ Остробрамской. Остробрамы въ русскомъ переводѣ значитъ Острыя ворота. Сіи ворота устроены въ городской стѣнѣ, какъ другія, и не знаю, почему называются Острыми. Надъ сими воротами построена каплица или часовня. Но каплица не то, что часовня въ греческой религіи; въ часовнѣ отправляются только молитвы, называемыя часы, а въ каплицѣ служатъ иногда литургіи. И такъ въ сей каплицѣ находится превеликій образъ Богоматери во вкусѣ старинной греческой живописи, то есть первыхъ христіанскихъ вѣковъ, когда наука и художества были въ совершенномъ упадкѣ. Сему образу приписываютъ разныя чудеса. И людъ всякаго возраста, пола и состоянія безпрестанно идутъ на поклоненіе оному. Сей образъ столько почитаемъ, что жидамъ запрещено было тогда проходить въ сіи ворота.

Другую чудотворную и явленную икону видѣлъ я въ урочищѣ или небольшомъ селеніи, Антаколь именуемомъ, лежащемъ близъ Вильны. Тамъ находится хорошей архитектуры церковь и из-

рядный трактиръ, въ которомъ собираются благородные люди для прогулки. Мнѣ сказали, что въ сей церкви ѣсть икона Іисуса Христа, у котораго на головѣ и бородѣ растутъ волосы, сколько бы ихъ ни стригли. Сіе побудило меня туда пойти. Надобно было дать нѣсколько денегъ монахамъ, чтобъ увидѣть сіе чудо. Войдя въ церковь, примѣтилъ я, что оная внутри весьма хорошо убрана лѣпной работы изъ гипса. Позади алтаря во всю широту и высоту стѣны построена досчатая стѣнка, покрытая образами и разными украшеніями. Посрединѣ оной, почти въ самомъ верху, нарисованъ образъ Іисуса Христа въ древней греческой царской одеждѣ, сидящго на креслѣ. Одинъ монахъ пошелъ въ маленькія двери устроенныя въ упомянутой стѣнкѣ, тамъ влѣзъ онъ по лѣстницѣ наверхъ и сперва отсунулъ доску, на которой написанъ былъ Христосъ. Появился малиновый занавѣсъ, который онъ также открылъ, и я увидѣлъ деревянную рѣзную статую Іисуса Христа въ томъ же видѣ, съ какимъ и на доскѣ. Онъ не оставилъ приподнять нѣсколько волосъ на головѣ и бородѣ, чтобъ показать, что оные совершенно похожи на человѣческіе. Когда онъ сошелъ внизъ, то спросилъ я его: „Можно ли ихъ стричь“?— „Нѣтъ!“ отвѣчалъ онъ мнѣ со вздохомъ, чудеса сіи прекратились слѣдующимъ образомъ. Монахъ, которому назадъ сто лѣтъ явился сей образъ, принесъ его и поставилъ здѣсь. И всякій разъ, когда стригли ему волосы, оные вновь выростали, набожные люди брали оные и давали вклады въ церковь. Сей монахъ ходилъ только одинъ туда. Почувствовавъ же приближеніе своей кончины, избралъ по себѣ преемника сей обязанности, и сей передъ смертью его дѣлалъ тоже. Это продолжалось до четвертаго, который, какъ видно, въ чемъ-либо согрѣшилъ и чудеса пресѣклись“.

Еврейское господство въ Польшѣ.

Я позабылъ упомянуть о третьемъ состояніи людей въ Польшѣ, называющихся мѣщанами и живущихъ по городамъ и мѣстечкамъ, потому что сословіе сіе не весьма велико и состоитъ изъ людей разныхъ націй, зашедшихъ и поселившихся въ Польшѣ. Они по большей части занимаются разными ремеслами, а нѣкоторые мелкой торговлей. Самое значительное сословіе въ Польшѣ составляютъ жиды. По сіе время не успѣлъ я еще заподлинно узнать эпоху ихъ поселенія въ сей землѣ.

Но утвердительно могу сказать, что во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ число ихъ далеко превосходитъ христіанъ. Торговля всякаго рода находится въ ихъ рукахъ. Всѣ откупы, аренды, корчмы и шинки въ ихъ же завѣдываніи. Многіе изъ нихъ въ мое время брали въ аренду и въ залогъ деревни и изнуряли бѣдныхъ поселянъ тяжкими и безпрестанными работами. Винокуренные и пивоваренные заводы, принадлежавшіе помѣщикамъ, находятся и теперь въ ихъ управленіи. Сверхъ того занимаются они всякаго рода ремеслами, такъ что рѣдко можно гдѣ-либо встрѣтить христіанскаго ремесленника. И хотя поляки ихъ не терпятъ, но они до такой степени сдѣлались необходимыми для

помѣщиковъ, что еслибъ ихъ выгнать изъ Польши, то оные не въ состояніи были бы платить и государственныхъ податей. При всей ненависти къ нимъ поляковъ пользуются они совершенною ихъ довѣренностію, такъ что ни одинъ помѣщикъ не можетъ безъ жида ничего ни продать ни купить. Жиды пользуются въ Польшѣ совершенною вольностью и свободнымъ исповѣданіемъ своей вѣры, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ видны многія синагоги. А какъ всѣ съѣстные и прочіе жизненные припасы исключительно продаются одними ими, то когда наступаетъ ихъ шабашъ или другіе праздники, по нѣскольку дней продолжающіеся, то христіанскіе жители, какого бы они званія ни были, принуждены дѣлать запасъ хлѣба и прочаго для жизни, не взирая на то, что первый можетъ зачерствѣть, а другіе испортиться. Мясо всякаго рода продаютъ также жиды, при чемъ лучшее оставляютъ для своего сословія, а худшее для христіанъ. Такъ поступаютъ они со всѣми жизненными припасами. Они женятся въ самой юности, ихъ не берутъ въ рекруты и отъ того они ежегодно умножаются. Польскіе жиды ходятъ въ бородахъ и носятъ природную свою одежду, сохраняютъ всѣ свои обычаи, и правительство не смѣетъ никого перемѣнить. Чиновникъ, какого бы высокаго званія ни былъ, не можетъ въ шабашъ приказать жиду что-либо сдѣлать, хотя бы крайне необходимо потребно было. Онъ его не послушаетъ и будетъ правъ; напротивъ того, еслибъ въ самый большой праздникъ христіанинъ отъ того отказался, то былъ бы наказанъ. Они имѣютъ свой судъ, свою расправу, свою казну, для платежа податей и на другія потребности и никакой надобности не имѣютъ до казенныхъ судовъ. Если жидъ обидитъ христіанина, то онъ долженъ идти и просить на него въ кагалѣ, то-есть въ судѣ жидовскомъ. Если кагалъ а паче рабинъ, согласясь съ онымъ, что-либо въ школѣ прикажетъ народу, то непремѣнно будетъ исполнено. Когда же нужно, чтобъ это осталось въ тайнѣ, то правительство никакими способами узнать того не можетъ. Хотя по сіе время ничего вреднаго для государства отъ нихъ не замѣчено, однакожъ они условливаются въ такихъ собраніяхъ и налагаютъ по своему произволенію цѣны на всѣ необходимѣйшія потребности и учреждаютъ курсъ денегъ. За разныя преступленія не исключая уголовныхъ, наказываютъ они своихъ въ обществѣ такъ, что никто изъ христіанъ узнать о томъ не можетъ. Рѣдко случается католическому духовенству обращать изъ нихъ въ христіянство, а если и случится, то жиды всячески тому препятствуютъ. Когда же не въ силахъ, то стараются таковаго новообращеннаго украсть, обратить снова въ жидовство, истребить или лишить его всѣхъ способовъ къ содержанію себя. Словомъ, жиды господствуютъ въ Польшѣ.

Крестьянство польское.

Разсмотримъ теперь состояніе самыхъ несчастныхъ людей, то есть польскихъ земледѣльцевъ или крестьянъ. Они раздѣляются на казенныхъ и помѣщичьихъ; но всѣ находятся въ одинаковомъ положеніи и управляются

одинакимъ образомъ потому, что казна отдаетъ ихъ въ аренду частнымъ людямъ. Сіи аренды или староства даются на разномъ основаніи, какъ-то: за отличіе разнымъ лицамъ, однимъ въ пожизненное владѣніе, другимъ—на 12, на 20, даже и на 100 лѣтъ, безъ всякаго платежа въ казну какой-либо подати. А иногда отдаются въ аренду съ платежемъ кварты, то есть четвертой части дохода, иногда же три части идутъ въ казну, а четвертая только остается въ пользу владѣльца. Впрочемъ, всѣ государственныя имѣнія отдаются въ откупъ или въ аренду желающимъ получить оныя на годъ или на пять лѣтъ. Причемъ объявляется доходъ имѣнія и дѣлается объявленіе, торгуются съ правительствомъ; и кто больше дастъ, за тѣмъ остается оное во владѣніе, не смотря на то, какія предприметъ онъ мѣры къ возвращенію съ приращеніемъ денегъ своихъ, вносимыхъ имъ въ казну. Всякій, получившій аренду на какомъ бы то ни было постановленіи, имѣетъ власть продать право свое, кому пожелаетъ, и этотъ пользуется симъ имѣніемъ, какъ и помѣщикъ, наслѣдственнымъ или благопріобрѣтеннымъ. Помѣщичьи крестьяне суть пріобрѣтенные или по праву наслѣдства, или покупкой, или залогомъ. Ихъ также отдаютъ владѣльцы, не желающіе сами заниматься распоряженіемъ своего имѣнія, въ аренду другимъ, на извѣстное время, и получаютъ готовыя за то деньги. Помѣщикъ, имѣющій во владѣніи своемъ одну или нѣсколько десятинъ, имѣетъ право заставлять мужиковъ своихъ работать для него по его усмотрѣнію. Есть такіе безчеловѣчные люди, что заставляютъ работать на себя по шести дней въ недѣлю, не платя ему за то ничего и предоставляя ему только одни праздничные и воскресные дни. Не только мужчины, но и всѣ женщины работаютъ на помѣщика, исключая престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, которые питаются подаяніемъ. Я знаю одного помѣщика, именно г. К., владѣющаго довольно большимъ имѣніемъ, точно такъ поступающаго съ своими людьми. Если же его спросить, какъ распоряжается онъ работою земледѣльцевъ въ свою и ихъ пользу?—тогда отвѣчаетъ онъ: они работаютъ три дня для меня и три дня для себя. Но какіе это три дня, предоставленные мужикамъ? Извѣстно, что въ сѣверной Польшѣ почти шесть мѣсяцевъ нельзя работать; сверхъ того всѣ полевыя работы имѣютъ опредѣленное время. И такъ то время, въ которое должно жать, сѣять или собирать, предоставляетъ онъ себѣ, а остальное имъ: собравъ ихъ труды, продаетъ, не заботясь нисколько о томъ, что бѣдные земледѣльцы нерѣдко умираютъ съ голоду.

Многіе помѣщики имѣютъ во владѣніи своемъ—мѣстечки; но что такое мѣстечко? Это селеніе, въ которомъ иногда не больше трехъ или четырехъ крестьянскихъ домовъ; есть церковь и корчма; а безъ того самая большая деревня не можетъ быть названа мѣстечкомъ. Мѣстечки приносятъ больше дохода, нежели деревни, потому что въ праздничные дни собираются жители окрестныхъ селеній въ церковь и пьютъ въ корчмѣ, за которую платитъ

жидъ иногда довольно значительную аренду. Сверхъ того въ храмовые праздники, то есть въ день того святого, которому посвящена церковъ, бываютъ небольшія ярмарки, стеченіе люда увеличивается. А если замысловатые католическіе попы имѣютъ еще въ церкви какую-нибудь явленную или чудотворную икону, тогда аренда корчмы несравненно возвышается, и при томъ ставитъ помѣщикъ не одну, а нѣсколько. Я видѣлъ такія корчмы, построеніе которыхъ стоитъ не болѣе ста рублей; но жидъ платитъ по двѣсти и по триста рублей на годъ.

Удивительно, что во время польскаго правленія какъ большія, такъ и проселочныя дороги не были измѣрены. Хотя разстояніе считалось тамъ на мили: но какія это мили? Отъ одной корчмы до другой. Проѣзжающій не можетъ удовольствоваться тѣмъ, когда на вопросъ его: далеко ли отъ такого то до такого то селенія ему скажутъ: одна миля. Онъ долженъ будетъ еще спросить: „какая?" Если полякъ скажетъ: „великая", то будетъ непремѣнно разстояніе отъ 10 до 12 верстъ. Въ иномъ случаѣ, если скажетъ онъ: двѣ мили, то нужно спросить его: большія или малыя? Онъ отвѣчаетъ иногда: легкія; прежде считали тутъ одну милю, но панъ посрединѣ поставилъ корчму и теперь почитается двѣ.

Помѣщики имѣютъ право гнать водку изъ разнаго хлѣба и продавать оную, по какой цѣнѣ они разсудятъ. И такъ отдаютъ оную на извѣстныхъ условіяхъ жидамъ, нанимающимъ корчмы въ ихъ имѣніи. А сіи всѣми способами стараются вытягивать послѣднее имущество ихъ крестьянъ. Сіи несчастные люди обоего пола, отъ притѣсненія, невѣжества и нищеты, чрезвычайно преданы пьянству. При отсутствіи у нихъ денегъ, жидъ даетъ имъ въ долгъ, записывая, какъ хочетъ, и потомъ, при наступленіи жатвы, беретъ у нихъ послѣднее пропитаніе.

Каждый помѣщикъ имѣетъ одного или нѣсколько экономовъ изъ шляхты, которые бьютъ, мучатъ и наказываютъ крестьянъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

Крестьяне не могутъ имѣть ни водяныхъ, ни вѣтряныхъ, ни другого рода мельницъ: сіе предоставлено однимъ помѣщикамъ. Помѣщикъ, построивъ мельницу, отдаетъ оную въ аренду жиду; а дабы онъ заплатилъ дороже, не позволяетъ своимъ крестьянамъ имѣть въ домахъ своихъ ручные жернова, и они по необходимости должны идти къ жиду на мельницу. А тотъ, по неимѣнію у нихъ денегъ, беретъ зато по своему усмотрѣнію нѣкоторую часть его муки или зерна.

Я не знаю, какъ бѣдные польскіе землевладѣльцы могутъ по сіе время существовать. Ежели исчислять всѣхъ пановъ, монаховъ, и монахинь, жидовъ обоего пола, военно-гражданскихъ чиновниковъ, пановъ или господъ съ превеликой ихъ услугой, престарѣлыхъ съ малолѣтними и прочихъ, не обработывающихъ землю, то по крайней мѣрѣ выйдетъ, что одинъ человѣкъ обязанъ доставить пропитаніе 25 или 30 душамъ, если не болѣе.

Въ россійской Польшѣ помѣщики имѣютъ право продавать

людей даже по одиночкѣ. Мужчину можно продать за 200 рублей, а женщину или дѣвку за 100, а иногда и менѣе, тогда какъ за посредственной доброты лошадь платится 500. Стеченіе всѣхъ сихъ несчастныхъ обстоятельствъ дѣлаетъ то, что мужики въ Польшѣ весьма вялы, нерасторопны, лѣнивы, глупы, пьяны и не имѣютъ никакой нравственности, женскій же полъ распутство совсѣмъ въ порокъ себѣ не ставятъ.

Православіе въ Бѣлоруссіи и Литвѣ.

Въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ провинціяхъ Польши римско-католическая вѣра не скоро утвердилась, греческая же и потомъ кальвинская были довольно сильны. Изъ фамиліи столь славныхъ въ Польшѣ князей Радзивилловъ были многіе греческаго и нѣкоторые кальвинскаго исповѣданія. Но кальвинизмъ никогда не былъ въ такой силѣ, какъ вѣра греческая, которая, какъ видно, прежде католической утвердилась въ сихъ странахъ. Доказательствомъ того служитъ слѣдующее обстоятельство. Почти весь народъ, исключая дворянства, а наипаче живущіе по деревнямъ, то есть крестьяне или земледѣльцы и по сіе время суть греческаго исповѣданія. Католическое духовенство, столь привязанное къ распространенію для собственной пользы исповѣдуемой ими вѣры, всѣ средства употребляло къ искорененію прочихъ христіанскихъ вѣръ въ Польшѣ а особливо греческой, боясь сосѣдства россіянъ, гдѣ оная господствуетъ. Напримѣръ, въ провинціяхъ, отторгнутыхъ отъ Россіи въ смутныя времена оной, всякій, какого бы состоянія ни былъ, лишался въ старину права дворянства, если не согласится принять католическую вѣру. Это не распространилось однако же на исповѣдующихъ кальвинскую и лютеранскую вѣру. И потому дворяне тѣхъ земель или удалились изъ оныхъ, или перемѣнили вѣру. Съ народомъ труднѣе было, нежели съ дворянствомъ. Ему нечего было терять. Онъ никакъ не соглашался видѣть въ церквахъ своихъ безбородыхъ поповъ, поющихъ и читающихъ на непонимаемомъ имъ латинскомъ языкѣ и слышать музыку, запрещенную въ церкви греческой. Употребленіе насильственныхъ мѣръ угрожало мятежами и опустошеніемъ значительнѣйшей части Польши. Предвидя сіе, оставили они народъ въ покоѣ, но принялись за духовенство, стараясь всѣми силами обратить оное въ католицизмъ. Въ книгѣ объ уніи, изданной на россійскомъ языкѣ, описаны всѣ ужаснѣйшія мученія, которымъ подвергали они греческое духовенство за вѣру. Читая оную, содрогаешься при этихъ ужасахъ. Я не хочу повторять здѣсь того, что написано въ оной, скажу только, что весьма малое число священниковъ согласилось перемѣнить вѣру; прочіе же, оставаясь въ прежней, терпѣли ужаснѣйшее гоненіе. Довольно того, что польскіе помѣщики отдавали греческія церкви на откупъ жидамъ. И вотъ какъ сіе происходило. Жидъ, заплативъ извѣстную сумму денегъ за церковь, запиралъ оную и бралъ ключи къ себѣ. Причемъ всякій разъ, когда священникъ обязанъ былъ по закону

своему служить литургію, или отправлять другія какія молитвы, онъ долженъ былъ идти къ жиду и за требуемое симъ количество денегъ получалъ ключи, по совершеніи же богослуженія возвращалъ ему оные. Сіе унизительное и постыдное для всего христіанства средство не сильно было поколебать народъ въ его вѣрѣ. А потому прибѣгнули они къ другому. Собравъ греческое духовенство, предложило, что имъ позволено будетъ отправлять богослуженіе по всѣмъ правиламъ греческой церкви на славянскомъ языкѣ безъ малѣйшаго притѣсненія, и возвращены будутъ имъ всѣ права и преимущества, если они только согласятся признать главою церкви папу римскаго и быть подвластными его епископамъ. Вотъ что значитъ унія или присоединеніе. Хотя большая часть священниковъ греческаго исповѣданія согласилась на сіе, однако же нѣкоторые не захотѣли и остались по сіе время, не признавая папу своимъ начальникомъ. Поэтому во всей Бѣлоруссіи и Литвѣ видны и по сіе время греческія церкви, большая часть которыхъ признала унію. Могилевская, Полоцкая и Минская губерніи имѣютъ грекороссійскихъ архіепископовъ; но количество находящихся въ завѣдываніи ихъ церквей не велико, потому что большая часть таковыхъ поступила въ унію.

Прозорливая и дальновидная императрица Екатерина II уничтожила унію слѣдующимъ образомъ. Она повелѣла предоставить духовенству и народу полную свободу быть римскокатолическаго или греческаго исповѣданія, сохранивъ какъ за тѣми, такъ и за другими равныя права и преимущества. Но унію совершенно уничтожила. Она знала напередъ, что уніатское духовенство не знаетъ по-латыни, безъ чего нельзя быть католическимъ попомъ, равно знала твердость и приверженность народа къ греческой вѣрѣ. Такимъ образомъ вовсе уничтожилась было унія, и всѣ сдѣлались паки греческаго исповѣданія. Но сынъ ея Павелъ I, вступивъ на престолъ и ненавидя все то, что сдѣлано было его матерью, паки позволилъ католическому духовенству возобновить унію. Всякій просвѣщенный человѣкъ, какой бы земли онъ ни былъ, не удивится ли, читая сіе, до чего простирается власть государей россійскихъ. Сынъ его Александръ I оставилъ сіе въ такомъ видѣ, какъ было оное при его отцѣ.

Простонародный языкъ. Языкъ, употребляемый простымъ народомъ и земледѣльцами или крестьянами, весьма разнится отъ настоящаго польскаго, употребляемаго дворянствомъ. Онъ ближе подходитъ къ русскому и не имѣетъ такого набора латинскихъ и нѣмецкихъ словъ. Мужикъ, не слушая никогда латинскихъ молитвъ и богослуженія, не знаетъ что значутъ слова *супликую*, *фатыгую*, *рекомендую* и пр. Равномѣрно, не выѣзжая почти изъ своего селенія, не имѣетъ онъ случая перенимать и вводить въ разговоръ словъ нѣмецкихъ, какъ то: *денькую* отъ ich danke благодарю; шацую, отъ ich schaetze—цѣню, и другихъ, въ великомъ множествѣ поляками употребляемыхъ,

ГЛАВА 6я.

Виленскія волненія въ 1794 году.—Тучковъ бомбардируетъ Вильну.— Рѣшеніе не сдаваться.—Отступленіе.—Предательскій заговоръ—Польскій шпіонъ – Дѣла подъ Гродной.—Побѣда Тучкова.—Награжденіе Георгіевскимъ крестомъ.—Суворовъ.—Князь Репнинъ и Суворовъ.— Осада Вильны.—Новый планъ осады Вильны.—Взятіе Вильны.—Поляки и русскіе—Переходъ въ конную артиллерію.

Виленскія волненія въ 1794 году.

Во время пребыванія моего въ Вильнѣ получено было извѣстіе о несчастной кончинѣ Людвига XVI, короля французскаго. Это произвело великую радость въ полякахъ; тотчасъ появились новыя моды, какъ-то фраки а ла Дюмуріе, трости съ булавками или шпильками, называемыя гильотинами, или деревянными набалдашниками, отдѣланными съ одной стороны видомъ мужскаго, а съ другой женскаго лица, подъ названіемъ голова короля и королевы, рулетка и тому подобныя мелочи. Но всѣ сіи бездѣлицы предзнаменовали революцію.

Въ 1794 году начало оказываться въ Вильнѣ довольно примѣтное неспокойствіе въ народѣ; а въ Варшавѣ еще больше. Удивительно, что начальство россійское не могло проникнуть въ ихъ заговоръ. Нѣкоторые осмѣливаются утверждать, якобы то была политика Екатерины II-й, чтобъ допустить поляковъ истребить въ ночное время корпусъ войска россійскаго, въ Польшѣ расположенный, дабы имѣть предлогъ къ окончательному раздѣлѣнію Польщи и совершенному уничтоженію сего государства.

Въ Варшавѣ надъ всѣми, находившимися тогда въ Польшѣ россійскими войсками начальствовалъ генералъ баронъ Игельстромъ, образованный воспитаньемъ и опытностью, но не въмѣру строгій, гордый и самолюбивый человѣкъ. О революціи варшавской не намѣренъ я ничего говорить, потому что я тамъ не былъ такъ и потому, что оная многими уже была описана.

Въ Вильнѣ, гдѣ я тогда находился, начальствовалъ отрядомъ войскъ генералъ-маіоръ *Арсеньевъ*. Хотя я его зналъ довольно, но могу сказать, что онъ не имѣлъ ничего особеннаго въ своемъ характерѣ; бывъ изрядно воспитанъ и, служа довольно, руководствовался онъ больше предписаніями главнаго начальства, нежели осмѣливался самъ на что либо рѣшиться.

Въ концѣ 1793-го года находилось въ Вильнѣ пять артилле-

рійскихъ ротъ, которыми начальствовалъ полковникъ артиллеріи *Челищевъ*. Но вскорѣ онѣ потомъ разосланы были по разнымъ мѣстамъ, и остались только въ Вильнѣ полторы роты при 15 пушкахъ. Весь же отрядъ генерала Арсеньева состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ, одного баталіона егерей и одного казацкаго полка. Они расположены были по деревнямъ въ окрестности города, въ который по очереди приходило по одному батальону для содержанія карауловъ и по нѣскольку десятковъ казаковъ для конвоя генерала и разъѣздовъ. Артиллеристы же расположены были всѣ въ городѣ; а орудія предъ самымъ городомъ такъ же, какъ и конюшни для ихъ лошадей.

Въ началѣ 1794 года нашъ полковникъ Челищевъ произведенъ былъ генералъ-маіоромъ и отправился къ назначенію своему въ Кіевъ. Я принялъ вмѣсто него начальство надъ артиллерію, оставшеюся въ Вильнѣ, и расположился на его квартирѣ въ предмѣстіи, примыкающемъ къ самымъ стѣнамъ города.

Пронырливые жиды не переставали тайно извѣщать нѣкоторыхъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и меня, что между поляками дѣлается заговоръ, который можетъ имѣть худыя послѣдствія для русскихъ.

Собравъ достаточныя о семъ свѣдѣнія, рѣшился я доложить о томъ генералу и предложить, не прикажетъ ли онъ для безопасности вывести войско и расположить въ лагерѣ подъ Вильной, тѣмъ болѣе, что наступилъ уже мартъ мѣсяцъ, и весна была довольно теплая. Но онъ обезоружилъ меня слѣдующимъ отвѣтомъ. „Не стыдно ли вамъ вѣрить больше жидамъ, нежели мнѣ, которому всѣ обстоятельства больше извѣстны; при томъ выходить въ лагерь въ сіе время здѣсь не безопасно въ отношеніи здоровья солдатъ, погода весьма можетъ перемѣниться“.

Въ одинъ день довольно рано выйдя по утру изъ своей квартиры для прогулки, я примѣтилъ, что на всѣхъ домахъ, гдѣ квартировали русскіе, написаны были на стѣнахъ краснымъ карандашомъ сіи буквы R. Z. Не трудно было догадаться, зная по-польски, какое слово изъ оныхъ составлено быть можетъ. Rz.—рзѣсацъ по-польски; а по-русски рѣзать. Я пошелъ тотчасъ къ генералу и доложилъ о томъ, что видѣлъ. На сіе сказалъ онъ мнѣ: „развѣ вы не знаете поляковъ! какой-нибудь пьяный повѣса написалъ ночью эти буквы, думая насъ тѣмъ обезпокоить. Впрочемъ, если-бы и подлинно что было, то зачѣмъ писать на стѣнахъ? Не значитъ ли это увѣдомлять непріятелей своихъ?“ И онъ велѣлъ тотчасъ полиціи стереть оныя. Но я, возвратясь домой, принялъ мѣры осторожности, велѣлъ моимъ солдатамъ ночевать не по одиночкѣ на отведенныхъ имъ квартирахъ, а въ сборныхъ домахъ по 20 и 30 человѣкъ вмѣстѣ. При всякомъ такомъ сборномъ мѣстѣ былъ часовой и слушалъ барабаннаго бою въ моей квартирѣ, по которому всѣ капральства, не дожидаясь никакого приказанія, бѣжали бы въ паркъ. А тамъ приказалъ, чтобъ при всѣхъ пушкахъ ночью горѣли фитили въ ночникахъ.

Осторожность сія продолжалась сутокъ трое, какъ однажды ночью русскій плацъ-маіоръ города Вильны, пріѣхавъ въ паркъ, велѣлъ загасить фитили. Я пошелъ опять къ генералу и доложилъ ему, что г. плацъ-маіоръ, по мнѣнію моему, мѣшается не въ свое дѣло. Начальство военной его полиціи не простирается за городъ, гдѣ стояли мои пушки. На это генералъ отвѣчалъ мнѣ: „Кто позволилъ вамъ истреблять такимъ образомъ фитили? Я велю ихъ положить на вашъ счетъ". „Это меня не разоритъ", отвѣчалъ я ему, и съ тѣмъ выйдя, подтвердилъ втайнѣ прежнія мои приказанія относительно осторожности въ ночное время. Занимаемая мною квартира была для меня слишкомъ обширна, а потому и пригласилъ я моихъ офицеровъ жить со мною вмѣстѣ, имѣя общій столъ. Въ одинъ день, именно 8 го апрѣля, поручикъ мой сказалъ мнѣ по вечеру, что онъ пойдетъ посѣтить казацкаго полковника *Кирѣева*. Я спросилъ его: „не будете-ли вы тамъ ужинать? Не заставьте насъ ожидать себя". Тотъ отвѣчалъ мнѣ: „я иду къ нему только на короткое время". Но вмѣсто того, пришелъ онъ домой уже на другой день поутру, вошелъ въ мою комнату тогда, когда я одѣвался, причемъ было нѣсколько нашихъ офицеровъ и постороннихъ людей. Я пошутилъ на счетъ его, какъ молодого человѣка, живущаго въ Польшѣ. Но онъ казался мнѣ нѣсколько задумчивъ и потихоньку давалъ знаки, что хочетъ говорить со мною наединѣ. Окончивъ одѣваться, вышелъ я съ нимъ въ садъ. Тамъ онъ сказалъ мнѣ: „что это дѣлаютъ? и для чего не приказываетъ высшее начальство быть намъ осторожными? Вчера, когда я былъ у полковника Кирѣева, пріѣхалъ къ нему адъютантъ генерала Арсеньева и отдалъ какую-то записку. Прочитавъ ее про себя, онъ сказалъ посланному: „доложите генералу, что все будетъ исполнено".—Лишь только адъютантъ вышелъ отъ него, то сказалъ онъ мнѣ:

Я получилъ повелѣніе, чтобы какъ можно наискорѣе, собравъ сколько можно больше казаковъ, немедленно отправиться въ имѣніе генерала *Косаковскаго*, гдѣ онъ съ женою своей теперь находится. Онъ отстоитъ въ трехъ миляхъ отсюда. Причиною же тому есть то, что конфедераты намѣрены напасть на него... Я мало имѣю при себѣ казаковъ и потому долженъ взять съ собою всю мою услугу до послѣдняго человѣка (извѣстно, что услуга казацкихъ чиновниковъ состоитъ всегда изъ лучшихъ казаковъ). И такъ прошу васъ сдѣлать мнѣ дружеское одолженіе,—остаться ночевать въ моей квартирѣ; а завтра рано надѣюсь я возвратиться". И подлинно поутру въ 7 часовъ былъ онъ дома и сказалъ мнѣ: „Я понапрасну ѣздилъ, конфедераты еще до прибытія моего успѣли захватить и увезти съ собой жену генерала и сжечь его домъ. Онъ же, какъ говорятъ, ускакалъ верхомъ въ лѣсъ въ одномъ шлафрокѣ, и неизвѣстно гдѣ теперь находится". Выслушавъ сіе, поспѣшилъ я къ нашему генералу, для полученія отъ него потребныхъ наставленій при таковыхъ обстоятельствахъ. Войдя въ переднюю, нашелъ я въ оной многихъ нашихъ военныхъ чи-

повниковъ, въ томъ числѣ полковника Кирѣева. И едва успѣлъ я осмотрѣться, какъ подъѣхала къ крыльцу карета. Я взглянулъ въ окно и, къ удивленію моему, увидѣлъ выходящаго изъ оной генерала Косаковскаго въ русскомъ мундирѣ и въ орденахъ всѣхъ государствъ. Онъ прошелъ мимо насъ прямо въ кабинетъ генерала,—а мы остались въ передней и дожидались больше двухъ часовъ. Наконецъ показались изъ дверей Косаковскій и генералъ Арсеньевъ, который, проводя его до крыльца и возвратясь къ намъ, сказалъ: „Души нѣтъ, души нѣтъ у поляковъ. Будьте спокойны, все это ничего не значитъ. Это малая толпа непріятелей Косаковскаго; мѣры взяты и скоро все придетъ въ порядокъ“. Съ сими словами удалился онъ въ кабинетъ, а мы разошлись по домамъ.

Уже приближалось 11 число апрѣля 1794 года, день, въ который греческая церковь должна была праздновать Воскресеніе Христово. По обрядамъ этой церкви всѣ христіане сего исповѣданія ночью собираются въ храмъ, гдѣ продолжается богослуженіе до самаго дня. Сіе обыкновеніе и въ войскахъ наблюдается непремѣнно. Между тѣмъ разнесся тайный слухъ, якобы поляки намѣрены въ сіе время сдѣлать на насъ нападеніе. Но и тутъ со стороны нашей не было взято никакихъ мѣръ осторожности. Однако же, къ счастію, случилось такъ, что и поляки должны были находиться въ сіе время въ своихъ церквахъ. Хотя поляки слѣдуютъ новому, а русскіе старому календарю, но поелику время праздника сего перемѣняется, такъ какъ считается оное по лунному обращенію, то и пришлось въ этотъ годъ такъ, что греческая и римская церковь должны были праздновать этотъ праздникъ въ одинъ и тотъ же день, что весьма рѣдко бываетъ.

На другой день, то есть 12 апрѣля, поѣхалъ я послѣ обѣда съ офицерами моими для прогулки въ Антоколь. Проѣзжая мимо тамошняго трактира, увидѣлъ я экипажъ генерала Арсеньева. Мы пошли въ рощу, окружающую церковь, тамъ мы увидѣли множество прогуливающихся особъ обоего пола. Между прочими одинъ мало мнѣ знакомый и какъ видно нескромный человѣкъ, офицеръ польскій, присталъ ко мнѣ съ разговорами. „Знаете ли вы новость?—сказалъ онъ мнѣ.—Здѣсь говорятъ о революціи; но можетъ ли это быть? Вы, я думаю, слышали, что случилось съ Косаковскимъ... все это ничего не значитъ. Правда, и здѣсь въ Вильнѣ есть довольно безпокойныхъ людей; но мы ожидаемъ прибытія преданнаго гетману нашему Косаковскому 7-го польскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ и я имѣю честь служить. Посмотрите, какъ все перемѣнится“. Такой разговоръ въ собраніи поляковъ, въ коемъ находилось со мною только нѣсколько человѣкъ, показался мнѣ неумѣстнымъ, и я съ товарищами моими удалился въ трактиръ, гдѣ нашелъ генерала Арсеньева, занимающагося разговоромъ съ дамами. Увидя меня, предложилъ онъ мнѣ партію на билліардѣ. Едва занялся я съ нимъ этой игрой, какъ примѣтилъ онъ человѣка въ артиллерійскомъ мун-

диръ, выглядывающаго изъ-за дверей. Тутъ сказалъ онъ мнѣ: „мнѣ кажется, что кто-то желаетъ говорить съ вами". Я оглянулся и узналъ моего фельдфебеля. Когда жъ вышелъ я къ нему, то сказалъ онъ мнѣ:—„наши бомбардиры поссорились съ польскими кононирами и сдѣлали драку. Но, къ счастію, случился близко ихъ капитанъ и я, мы укротили обѣ стороны и виновные посажены подъ арестъ". Когда возвратился я въ билліардную, то генералъ спросилъ меня, что говорилъ мнѣ мой фельдфебель. И только успѣлъ я на ухо ему о томъ пересказать, какъ онъ велѣлъ тотчасъ подать свою карету и поѣхалъ,—не знаю куда. Садясь въ карету, сказалъ мнѣ: „совѣтую вамъ быть при своей ротѣ".

Пріѣхавъ домой, нашелъ я моего фельдфебеля, который сказалъ мнѣ еще другую новость. Гренадерская рота 1-го польскаго полка пришла и расположилась на нашихъ квартирахъ. Я сталъ говорить противъ сего ихъ маіору; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что люди его чрезвычайно устали, перейдя въ одинъ день семь миль, что по причинѣ праздничнаго времени не могъ онъ отъ полиціи польской получить квартиръ, ибо не нашелъ ни одного чиновника, что онъ два раза ѣздилъ ко мнѣ и не засталъ дома. Наконецъ просилъ фельдфебеля отдать мнѣ письмо, которое тотъ мнѣ и вручилъ. Прочитавъ оное, нашелъ я, что командиръ сей роты *маіоръ Тетау*, изъясняясь на нѣмецкомъ языкѣ и прописывая всѣ сіи обстоятельства, проситъ меня позволить ему остаться на моихъ квартирахъ до другого дня. На все сіе сказалъ я моему фельдфебелю: „Оставь ихъ въ покоѣ, но только смеркнется, вели всѣмъ нашимъ потихоньку выйти въ сборные дома". Къ сему разговору присовокупилъ фельдфебель: „теперь праздничное время,—люди наши бродятъ по улицамъ и ссорятся съ поляками". Для прекращенія сего нашелъ я для нихъ занятіе; несмотря на праздникъ, собралъ я всю роту въ паркъ и подъ предлогомъ, что скоро будетъ исходъ, велѣлъ имъ размѣрить и разрубить новые канаты, недавно доставленные къ намъ изъ Москвы для оснастки орудій. Я поѣхалъ съ нимъ посмотрѣть сію работу, которая приходила уже къ концу. Начинало уже смеркаться, когда, окончивъ, пошли они на сборныя мѣста, а я возвратился домой. Въ тотъ вечеръ приготовился я принять собраніе въ моей квартирѣ, нѣсколько русскихъ офицеровъ и польскихъ обывателей пришли ко мнѣ на ужинъ. Но все, случившееся со мною въ сей день, препятствовало мнѣ быть въ веселомъ расположеніи духа. Я удалился на короткое время въ спальню, а вслѣдъ за мной пришли мои поручикъ и фельдфебель. Первый спросилъ меня о причинѣ моей задумчивости. И скоро разговоръ нашъ склонился на революцію и на мѣры, какія намъ взять должно. „Въ такомъ случаѣ велѣлъ уже я бить въ барабанъ сборъ въ паркѣ и въ моей квартирѣ",—сказалъ я имъ. „Правда,—отвѣчали они,—но въ такомъ случаѣ во всѣхъ мѣстахъ будутъ бить въ барабаны и оттого можетъ послѣдовать замѣшательство".

— „Такъ велите приготовить ракеты,—отвѣчалъ я имъ,—дать часовымъ, стоящимъ въ паркѣ.—Когда начнется тревога, пускай зажгутъ ихъ и по этому знаку прикажите поспѣшать людямъ въ паркъ“. Повелѣніе сіе было одобрено; но они не имѣли времени исполнить оное. И я, такъ же недолго занимаясь съ ними, возвратился къ моимъ гостямъ, которые послѣ ужина скоро разъѣхались.

Проводя моихъ гостей и раздѣвшись, едва успѣлъ я заснуть въ моей постели, какъ услыхалъ пушечный выстрѣлъ. Вначалѣ казалось мнѣ, что этотъ звукъ произошелъ отъ удара вѣтра въ ставни обширныхъ комнатъ замка, въ которомъ я квартировалъ. И въ сей мысли началъ я засыпать; но вдругъ совершенно разбудилъ меня ужасный стукъ у дверей моей спальни. Вмѣстѣ съ нимъ услышалъ я еще нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, ружейную пальбу, звукъ барабановъ и колоколовъ; а сквозь неплотныя ставни пожары освѣщали мою комнату. Тутъ убѣдился я, что возмущеніе возгорѣлось во всей его силѣ, и я подумалъ, что казаки ломятся ко мнѣ въ дверь, чтобы захватить меня въ плѣнъ или умертвить, какъ прочихъ, ибо о таковомъ распоряженіи ихъ былъ уже я наслышанъ. Одно мгновеніе истребило сію мысль: я узналъ голоса моихъ солдатъ ломающихъ дверь. Я поспѣшилъ отворить и спросилъ ихъ: откуда они? „Съ гауптвахты,—отвѣтили мнѣ бомбардиры.— Мы находились тамъ въ казармѣ при двухъ пушкахъ, и едва успѣли сдѣлать по одному выстрѣлу, какъ поляки, бросившись со всѣхъ сторонъ, изрубили гренадеръ и бомбардиръ, овладѣвъ пушками. Насъ спаслось только три человѣка. Мы видѣли, что квартиры генераловъ Косаковскаго и Арсеньева окружены польскимъ войскомъ, и что небольшія толпы солдатъ и жителей бродятъ по всѣмъ домамъ, ищутъ русскихъ и убиваютъ“. Слуги мои уже собрались ко мнѣ. Слушая сіи слова, поспѣшилъ я одѣться и, выбѣжавъ изъ дому, нашелъ у крыльца своего гусара съ двумя осѣдланными лошадьми , велѣлъ всѣмъ спасаться въ паркъ; а самъ поскакалъ вдоль улицы туда же.

Ночь была такъ темна, что въ трехъ шагахъ нельзя было различить даже цвѣта одежды; это немало послужило къ моему спасенію, ибо встрѣчалъ я на улицахъ толпы русскихъ и поляковъ, сражающихся межъ собою. Я скакалъ во весь духъ, имѣя въ рукахъ обнаженную саблю и кричалъ по-польски, чтобъ давали мнѣ дорогу. По мѣрѣ приближенія моего къ выѣзду изъ предмѣстія, улицы становились пусты, такъ что напослѣдокъ никого уже я не встрѣчалъ на оныхъ. Но, доѣхавъ до рогатки, нашелъ оную закинутою, и польскій часовой окликалъ меня на своемъ языкѣ. Я отозвался по-польски; но когда, началъ онъ спрашивать у меня пароль и лозунгъ, тогда, не зная, что отвѣчать, повернулся я назадъ. А часовой закричалъ: „Къ ружью!“—Между тѣмъ самъ приложился, но ружье его осѣклось, и я успѣлъ скрыться въ одинъ пустой переулокъ. Тутъ имѣлъ я я время нѣсколько подумать и предложить гусару моему ломать

вмѣстѣ плетневые заборы огородовъ, на которыхъ по раннему весеннему времени, не могъ никто находиться.—И такъ принялись мы за сію работу съ должной осторожнотсью; проводя лошадей своихъ въ поводахъ, выбрались мы такимъ образомъ, изъ предмѣстія и прибыли въ паркъ. Тамъ при тринадцати пушкахъ полевой артиллеріи (ибо двѣ были взяты вмѣстѣ съ гауптвахтой) и шести полковыхъ малаго калибра, нашелъ я только 6 человѣкъ бомбардиръ и 16 человѣкъ пѣхоты при одномъ офицерѣ и барабанщикѣ. Я велѣлъ тотчасъ зарядить пушки ядрами и картечью чрезъ орудіе. Всѣхъ шестнадцать человѣкъ пѣхоты поставилъ я часовыми, расположа вдоль по тремъ дорогамъ, ведущимъ къ городу, въ довольномъ разстояніи одинъ отъ другого. Я приказалъ самымъ дальнимъ часовымъ, на трехъ дорогахъ стоящимъ, приближающихся къ нимъ людей окликать по-русски. Если откроютъ своихъ, то указывать дорогу въ паркъ; а если примѣтитъ который-либо изъ нихъ поляковъ, то сдѣлать выстрѣлъ, по которому всѣ прочіе часовые должны бѣжать къ пушкамъ. Барабанщику же приказалъ бить сборъ съ разстановкою для слушанія въ тишинѣ приближающихся къ намъ людей.

Прежде всѣхъ явился часовымъ мой поручикъ съ 25 бомбардирами, однимъ барабанщикомъ и съ моими слугами. Потомъ прибыли еще два моихъ офицера съ 60 человѣками и вслѣдъ за ними 60 человѣкъ храбрыхъ егерей, всѣ съ непріятельскими ружьями. Ихъ было въ городѣ 120 человѣкъ и они отчаянно пробивались на штыкахъ сквозь ворота, занятыя непріятелемъ, имѣвшимъ съ собою небольшую пушку. Сорокъ человѣкъ и два офицера погибло, а прочіе при одномъ офицерѣ, изломавъ свои штыки и приклады, хватали ружья отъ убитыхъ ими непріятелей и съ оными вышли. Тридцать донскихъ казаковъ въ то же время присоединились къ намъ и прибыли ко мнѣ. Поставленные мною часовые еще стояли на своихъ мѣстахъ. Едва было одинъ изъ нихъ не выстрѣлилъ, издали примѣтивъ приближающуюся большую колонну, еслибъ отдѣлившійся впередъ офицеръ его не удержалъ. Это былъ *маіоръ Глазенапъ*, вышедшій изъ Вильны съ двумя ротами *Псковскаго пѣхотнаго* полка, успѣвъ захватить знамена своего *нарвскаго полка.* Столь сильная помощь весьма меня обрадовала. Только безпокоился я, что нѣтъ фельдфебеля моего съ цѣлыми тремя капральствами моей роты и лучшими людьми. Хотя число барабанщковъ у меня значительно увеличилось и всѣ они били сборъ по моему приказанію, но въ промежуткахъ, по нѣсколько минутъ продолжающихся, сохранялась у насъ великая тишина. Вскорѣ услышали мы стукъ колесъ, топотъ людей и лошадей. Часовые окликали и пропустили, къ намъ приближалось нѣсколько фуръ. Это былъ мой фельдфебель, который съ тремя капральствами бомбардиръ, до 40 человѣкъ составляющихъ, не могши пройти сквозь занятые мятежниками углы, вздумалъ ломать деревянные заборы. Такимъ образомъ, пробираясь изъ однаго двора въ другой, достигъ опъ

наконецъ квартиры комисаріатскаго начальника, у котораго хранились казенныя деньги въ золотѣ и серебрѣ съ запасомъ разныхъ мундирныхъ вещей на весь корпусъ войскъ, въ Литвѣ расположенный. При немъ было въ караулѣ 40 человѣкъ гренадеръ. Соединясь такимъ образомъ съ нимъ пришелъ онъ въ паркъ.

Между тѣмъ, разныхъ конныхъ и пѣшихъ полковъ и командъ офицеры и солдаты, находившіеся въ Вильнѣ для принятія амуничныхъ вещей и жалованья, успѣвшіе спастись отъ непріятеля, приходили по три и по четыре человѣка и присоединялись ко мнѣ. Отдѣляя особо офицеровъ и солдатъ *нарвскаго* и *псковскаго* пѣхотнаго полка, собралъ я отъ нихъ свѣдѣнія, въ какихъ именнно деревняхъ расположены ихъ баталіонъ и роты! Самымъ дальнимъ оказался нарвскаго полка баталіонъ и двѣ пушки *маіора Ротенштерна*. Онъ стоялъ въ мѣстечкѣ Новыхъ Трокахъ, разстояніемъ четыре мили отъ Вильны. Тогда, взявъ нѣсколько офицеровъ тѣхъ самыхъ командъ и давъ имъ лошадей, захваченныхъ нашими при выступленіи изъ предмѣстія, послалъ я ихъ въ селенія, для увѣдомленія начальниковъ расположенныхъ тамъ ротъ о семъ происшествіи и о томъ, что я принялъ на себя, по старшинству, главное начальство. Я былъ тогда еще капитаномъ артиллеріи; но сей чинъ равнялся старшинствомъ своимъ съ премьеръ- маіоромъ. При томъ всѣ старшіе офицеры, находившіеся въ Вильнѣ, были или убиты, или взяты въ плѣнъ. Главнѣйшій же предметъ сей посылки состоялъ въ предписаніи моемъ, чтобы съ полученія онаго всякій командиръ роты, захвативъ всѣхъ лошадей, буде это можно, съ хомутами, и посадивъ на оныхъ своихъ солдатъ, спѣшилъ соединиться со мною.

Всѣ сіи распоряженія окончены до разсвѣта дня. Я счелъ моихъ людей и нашелъ до 700 человѣкъ пѣхоты и конницы разныхъ полковъ, до 150 артиллеристовъ и 90 конныхъ казаковъ.

Тучковъ бомбардируетъ Вильну.

Имѣя великую потребность въ лошадяхъ, ибо остальныя отданы были посланнымъ отъ меня курьерамъ отрядилъ, я въ предмѣстье Вильны три колонны, каждая изъ 100 человѣкъ. Къ каждой колоннѣ присоединилъ я по чртыре казака для открытія и извѣщенія и по четыре бомбардира, умѣющихъ хорошо обращаться съ порохомъ и огнемъ. Пѣхота обязана была сколько можно болѣе захватить лошадей и съѣстныхъ припасовъ, артиллеристы же зажечь вездѣ пожары. Колонны выступили тремя разными дорогами. И едва онѣ дошли до предмѣстія, какъ болѣе не жели въ десяти мѣстахъ оказались пожары въ предмѣстіи. Между тѣмъ, выдвинувъ мои единороги на высоту, я началъ бамбардировать самый городъ. Вдругъ услышалъ я столь сильный ударъ въ предмѣстіи, что земля затряслась подъ ногами, и чрезъ нѣсколько минутъ покрыты мы были густою тучею пороховаго дыма. Не трудно было догадаться, что это былъ взрывъ пороховаго магазина. Всякій начальникъ во время военныхъ дѣйствій долженъ сберегать своихъ людей и безъ крайней необходимости оными

не жертвовать,—а наипаче я, имѣвшій ихъ столь мало. Мысль о томъ, чтобы какая нибудь колонна не претерпѣла опасности отъ сего взрыва и, съ другой стороны, боязнь, что можетъ быть, солдаты, ободренные успѣхомъ, ворвутся въ самый городъ и тамъ, разсѣясь, могутъ всѣ погибнуть,—заставили меня послать казаковъ ко всѣмъ тремъ колоннамъ съ повелѣніемъ возвратиться.

Начинало уже разсвѣтать, какъ примѣтилъ я возвращающіяся колонны, но, вмѣсто трехъ, было четыре. Я подумалъ сперва, не присоединилась ли къ нимъ какая-нибудь еще рота, пробившаяся изъ города, но въ одной колоннѣ не видно было ружей. Выѣхавъ къ нимъ на встрѣчу, узналъ я, что это былъ *польскій подполковникъ Тетау*, съ тремя офицерами, однимъ знаменемъ и цѣлой его ротой, расположившейся наканунѣ въ квартирахъ. Услыша стрѣльбу пушекъ изъ парка, онъ выступилъ изъ квартиръ и построился на улицѣ. Но, бывъ окруженъ тремя моими колоннами, принужденъ былъ сдаться военноплѣннымъ.

Отъ зажженныхъ пожаровъ и отъ взрыва пороховаго магазина сгорѣлъ соляной магазинъ и, наконецъ, все предмѣстіе. Посланныя колонны мало претерпѣли. Я продолжалъ бомбардированіе. Поляки, устроивъ въ бывшей моей квартирѣ батарею изъ черырехъ пушекъ малаго калибра, открыли по мнѣ огонь. Я, поставя шесть большихъ пушекъ, скоро заставилъ оную замолчать. Мѣжду тѣмъ, появились противъ меня цѣлыя толпы поляковъ. Передъ каждою шелъ взводъ регулярнаго войска, а позади были обыватели, съ оружіемъ разнаго рода, по сторонамъ же показывались конные люди въ разной одеждѣ, съ саблями и пистолетами. Малое число моихъ казаковъ выѣзжало противъ ихъ и извѣстными намъ способами, старались заманивать сію партію поближе къ моимъ пушкамъ. Всякій разъ картечные выстрѣлы обращали ихъ назадъ, съ урономъ. Таковыя ихъ покушенія продолжались не болѣе двухъ часовъ, и потомъ оставили они меня въ покоѣ.

Рѣшеніе не сдаваться.

Между тѣмъ, начали прибывать ко мнѣ изъ ближайшихъ деревень роты съ лошадьми, такъ что иной солдатъ, вмѣсто одной, имѣлъ двѣ. Наконецъ, въ восемь часовъ по утру, 20 марта, явились ко мнѣ изъ города для переговоровъ одинъ польскій офицеръ и одинъ плѣнный русскій офицеръ. Они подали мнѣ письмо отъ находящагося въ плѣну генерала нашего, которымъ тотъ увѣдомлялъ меня, что онъ арестованъ, что жизнь его въ опасности, что все россійское войско истреблено, и потому требовалъ, чтобъ я съ ротами моими не имѣлъ никакого непріятельскаго дѣйствія противъ войскъ польскихъ. Прочитавъ оное, показалъ и бывшимъ со мною штабъ и оберъ-офицерамъ. Они согласились на предложеніе мое отвѣчать ему, за общимъ подписаніемъ не только офицеровъ, но даже и нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ и солдатъ, письмомъ, которое я тутъ же написалъ. Содержаніемъ онаго былъ слѣдующій отвѣтъ:

„Я арестовать себя не дамъ, и мятежники не иначе могутъ получить мою шпагу, какъ вмѣстѣ съ жизнью моей. Не только я, но всѣ штабъ и оберъ-офицеры, а съ ними и нижніе чины и солдаты, которыми я нынѣ имѣю честь начальствовать, одного со мною мнѣнія“.

По окончаніи подписи, запечатавъ, отдалъ я письмо сіе посланнымъ. И съ возвращеніемъ ихъ, удвоилъ бомбардированіе города. Я имѣлъ двойной запасъ зарядовъ въ моемъ паркѣ, а потому имѣлъ средство не показывать слабости своей непріятелю.

Послѣ полудня того же дня, исключая баталіона, бывшаго въ Трокахъ, собрались почти всѣ роты, расположенныя въ деревняхъ около Вильны. Я сосчиталъ мой отрядъ и оказалось 2,200 человѣкъ пѣхоты, до 200 артиллеристовъ и до 70 человѣкъ казаковъ. Лошадей было достаточно для движенія всей артиллеріи, но мы не имѣли ни провіанту, ни фуража, и даже вода стоила намъ крови; при томъ не доставало еще конской упряжи. Сіи обстоятельства заставили меня собрать военный совѣтъ, на которомъ всѣ единогласно приняли предложеніе мое: съ наступленіемъ ночи отступить отъ Вильны, перейдя двѣ мили и, переправясь чрезъ рѣку Саку, расположиться на нѣсколько дней на выгодномъ мѣстѣ для сраженія. А какъ на берегахъ этой рѣки находится много деревень и мельницъ, то стараться запастись провіантомъ и фуражемъ. Оттуда же идти медленно, продолжая запасы, до рѣки и мѣстечка Мереча. „Въ продолженіи сего времени,—прибавилъ я,—можемъ мы отъ тѣхъ или другихъ людей узнать, что послѣдовало съ корпусами нашими въ Гроднѣ и въ Варшавѣ. Если корпусъ въ Гроднѣ взялъ надлежащія мѣры и уцѣлѣлъ при семъ возмущеніи, то пойдемъ на соединеніе съ онымъ. Если же, какъ увѣдомилъ насъ Арсеньевъ, все находящееся въ Польшѣ войско наше пропало, то, не переправляясь въ Меречѣ, пойдемъ въ мѣстечко Ковно, лежащее на границѣ прусской. Тамъ стоитъ только одна бригада польскихъ войскъ, о которой я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, что въ оной не болѣе 700 человѣкъ. Мы довольно сильны, чтобы преодолѣть сію преграду и войти въ Пруссію, гдѣ надѣялись мы получить все, что намъ нужно, потому что держава сія была тогда въ союзѣ съ Россіею“.

И такъ ожидали мы наступленія ночи для исполненія своего предпріятія. Между тѣмъ долженъ я сказать здѣсь, что плѣнный подполковникъ Тетау, родомъ прусакъ, давно служащій въ польскомъ войскѣ, былъ уже тогда приведенъ ко мнѣ: какъ отправилъ я унтеръ-офицера моего къ баталіону, стоявшему въ Трокахъ. Примѣръ, о чемъ идетъ дѣло, сказалъ онъ мнѣ „онъ можетъ встрѣтиться съ четвертымъ пѣхотнымъ польскимъ полкомъ, идущимъ къ Вильнѣ. И я бы совѣтовалъ вамъ написать письмо къ начальнику онаго *полковнику Мею*, онъ такъ же, какъ и я, прусакъ, весьма недовольный сей революціей, предпринятой поляками. Когда узнаетъ онъ, что вы здѣсь находитесь, то не замедлитъ

соединиться съ вами противъ нихъ". Я принялъ его предложеніе и отправилъ унтеръ офицера моего въ Троки.

Отступленіе. Въ продолженіе того дня занимались мы перестрѣлкою съ высылаемыми противъ насъ изъ города партіями и приготовленіемъ къ отступленію. Имѣя недостатокъ въ хомутахъ, думалъ я, какъ запречь лошадей безъ оныхъ. Хотя нѣкоторые лошади и приведены были съ хомутами, но много еще недоставало.

Размышляя о семъ, примѣтилъ я лежащіе на землѣ солдатскіе плащи, которые свертывали тогда, какъ и нынѣ, наискось и носили черезъ плечо, связывая по концамъ ремнемъ. Они имѣли совершенный видъ хомутовъ. Я велѣлъ надѣть оные на шею лошадямъ и привязать по обѣ стороны свитыя вдвое веревки, которыя могли бы служить вмѣсто постромокъ. Сдѣлали опытъ,— и выдумка оказалась удачна.

Когда окончился день и наступила столь же темная ночь, какова была наканунѣ, отрядилъ я четыре роты пѣхоты съ четырьмя малыми пушками для занятія, такъ называемой *Панарской горы*, находящейся на пути моемъ, въ трехъ мѣстахъ отъ меня. Подъемъ на сію гору продолжается слишкомъ двѣ версты, довольно крутъ, и дорога идетъ по столь узкому ущелью, что двѣ повозки не могутъ разъѣхаться. При томъ она съ обѣихъ сторонъ покрыта густымъ лѣсомъ, вершина же самой горы представляетъ открытую плоскость. И такъ, для прохода сей опасной дефилеи, велѣлъ я двумъ ротамъ, разсыпавшись, занять лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги; а двумъ съ четырьми пушками расположиться на вершинѣ горы. Во все время стояло войско мое въ каре, имѣя въ потребныхъ мѣстахъ батарею. И такъ двинулся сперва къ упомянутой дефилеѣ задній фасъ, потомъ боковые, а наконецъ и передніе, оставя на мѣстѣ горящіе огни и отрядъ для аріергарда. Онъ до извѣстнаго времени долженъ былъ почти весь расположенъ быть на часахъ и давать голосомъ обыкновенный знакъ или сигналъ. Между тѣмъ, какъ непріятель полагалъ насъ стоящими еще передъ Вильной, послѣ полуночи успѣли мы всѣ собраться на вершину Панарской горы. Учредивъ передовые посты, далъ я людямъ моимъ отдохнуть до разсвѣта. Въ то же время я послалъ два малыхъ отряда казаковъ къ двумъ мостамъ, находящимся на рѣкѣ Вакѣ, съ тѣмъ, что ежели поляки придутъ истреблять оные, то, не открывая себя, дали бы наискорѣе мнѣ о томъ знать. Если же никого не будетъ, то дожидались бы тамъ моего прибытія.

Остатокъ ночи прошелъ спокойно, и я, выступивъ съ отрядомъ моимъ, благополучно переправился черезъ рѣку Ваку, избралъ выгодное для сраженія мѣсто и расположился на высотѣ.

Тутъ рѣшился я простоять дня три, какъ для того, чтобъ запастись провіантомъ и фуражемъ, такъ и для того, чтобъ узнать, что произошло въ Вильнѣ и въ Гроднѣ. По вечеру въ тотъ же

день явилось ко мнѣ нѣсколько человѣкъ, бѣжавшихъ изъ плѣна, и жидовъ, пріѣхавшихъ изъ Вильны. Они, а особливо жиды разсказали мнѣ подробно начало и конецъ сего возмущенія, что слышали они потомъ отъ военныхъ поляковъ, разсуждавшихъ о томъ между собою.

Предательскій заговоръ.

Полковникъ *Ясинскій*, котораго не разъ видѣлъ я въ домѣ генерала Арсеньева, присланъ былъ нарочно для того изъ Варшавы. Но мало было для нихъ войска въ Вильнѣ, а именно только до 200 артиллеристовъ и одинъ баталіонъ пѣхоты. Они дожидались прибытія 7-го полка, на который столь много надѣялся ихъ гетманъ, а нашъ генералъ поручикъ также 1-го и 4-го и двухъ татарскихъ уланскихъ полковъ, бывшихъ подъ начальствомъ *генерала Елинскаго*. Но прибылъ за нѣсколько времени только одинъ 7-й полкъ и часть 1-го, прочіе же опоздали. А генералъ Елинскій вовсе не захотѣлъ исполнить повелѣнія *генерала Костюшки* 1), избраннаго въ Варшавѣ главнымъ вождемъ всѣхъ польскихъ войскъ. Не имѣя объ этомъ никакого подтвержденія отъ короля, Елинскій не хотѣлъ признать его въ семъ достоинствѣ, за что въ продолженіе всей компаніи содержался онъ подъ арестомъ. Между тѣмъ поступокъ его былъ причиной того, что татары не могли поспѣть въ назначенное имъ время въ Вильну.

Въ Вильнѣ на берегу рѣки Виліи находится небольшой старинный замокъ, отдѣленный отъ города малою площадью. Въ немъ всегда находился польскій арсеналъ и комиссія, для продовольствія тамошнихъ войскъ. Сперва стоялъ при въѣздѣ въ оный русскій корпусъ; но онъ, не знаю почему, за нѣсколько времени до революціи, смѣненъ былъ поляками.

Русскіе привыкли видѣть поляковъ ходящими цѣлыми ротами по нѣскольку разъ въ недѣлю въ замокъ, однакоже безъ оружія,—для полученія тамъ жалованья, денегъ на провіантъ и порцію. Въ день, назначенный для осуществленія заговора, собрались они такимъ образомъ въ разное время и разными улицами въ замокъ, такъ что никто не могъ ничего подозрѣвать. Тамъ привели ихъ къ присягѣ, дали каждому ружье и пару пистолетовъ изъ арсенала и велѣли дожидаться ночи. Съ наступленіемъ оной, раздѣлили все войско на разные отряды, назначивъ каждому идти тихо, по одному человѣку около дамбы во время темноты, къ русской гауптвахтѣ, къ дому генерала *Арсеньева*, ко всѣмъ воротамъ, словомъ туда, гдѣ находились русскіе посты. Между тѣмъ поставили на башню замка небольшую пушку.

Имъ приказано было, собравшись такимъ образомъ вблизи постовъ, стоять скрытно и тихо, не предпринимая ничего, пока

1) Костюшка или вѣрнѣе Косцышко (Ѳаддей)—польскій патріотъ, генералъ польскихъ войскъ и диктаторъ, разбитъ ген. Ферзеномъ при Мацеовицахъ и взятъ въ плѣнъ въ 1794 г. Род. 1756 † 1817 г.

не услышать пушечнаго выстрѣла изъ замка. Время было разочтено, въ которое самый дальній отрядъ долженъ былъ придти къ назначенному для него мѣсту.

Жителямъ же втайнѣ приказано было, что когда услышатъ они тревогу и колокольный звонъ, то каждый старался бы или убить, или обезоружить своего постояльца. Наконецъ послѣдовалъ выстрѣлъ и въ одно мгновенье напали поляки на всѣ русскіе посты, и весьма удачно успѣли овладѣть оными.

Генералъ *Косаковскій*, для безопасности, удвоилъ при квартирѣ своей караулъ, состоящій изъ 7-го польскаго полка. Но имъ-то и былъ онъ арестованъ, и на другой день вмѣстѣ съ однимъ судьею *Швейковскимъ*, на котораго поляки имѣли подозрѣніе, былъ на площади повѣшенъ въ россійскомъ генеральскомъ мундирѣ и въ орденѣ св. Александра. Генералъ Арсеньевъ со всѣмъ его штабомъ, исключая двухъ адъютантовъ, успѣвшихъ спастись ко мнѣ, полковникъ *псковскаго* полка *Языковъ*, комендантъ полковникъ *Ребокъ* и плацъ-майоръ и многіе штабъ и оберъ-офицеры были взяты въ плѣнъ, а нѣкоторые убиты.

Я потерялъ при семъ случаѣ трехъ офицеровъ, до 60 человѣкъ артиллеристовъ, двѣ пушки, стоявшія при гауптвахтѣ, и какъ я, такъ всѣ офицеры и солдаты лишились своихъ экипажей. Солдаты старались только схватить поскорѣе ружья и сумы, и, накинувъ на себя плащъ, или что попалось подъ руку, спасались въ такомъ видѣ въ паркъ.

Польскій шпіонъ.

Поутру, на другой день, привели ко мнѣ казаки польскаго унтеръ-офицера, взятаго ими въ кустахъ, неподалеку отъ большой дороги. Онъ сказалъ сперва о себѣ, что онъ служитъ въ 7 полку, что былъ въ отпуску и, получивъ приказъ, возвращался къ оному; примѣтя же казаковъ, испугался и хотѣлъ спрятаться въ кустахъ. Однакожъ, когда начали его обыскивать, то нашли у него записную книжку, въ которой довольно вѣрно нарисованъ былъ весь мой лагерь, съ означеніемъ постовъ и положенія мѣста. Тутъ принужденъ онъ былъ признаться, что онъ инженерный офицеръ, нарочно для того посланный, и что чрезъ день генералъ *Гедровичъ* [1]) съ отрядомъ, къ которому долженъ присоединиться полковникъ *Мей* съ своимъ полкомъ и еще два татарскіе полка, подъ начальствомъ генерала *Елинскаго*, намѣрены меня атаковать.

Дѣла подъ Гродной.

Предъ полуднемъ пріѣхалъ ко мнѣ по проселочной дорогѣ переодѣтый въ партикулярное платье, на жидовской повозкѣ, адъютантъ генералъ маіора *Циціанова* [2]), изъ Гродны. Онъ привезъ мнѣ отъ него повелѣніе, которымъ онъ также спрашивалъ меня: справедливы ли достигшіе до него слухи, якобы я съ артиллеріею и частью пѣ-

---

[1]) Не Гедройцъ-ли?

[2]) Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ. Впослѣдствіи ген.-отъ инфантеріи и ген.-губернаторъ Грузіи. Род. 1754 † 1806 г.

хоты спасся изъ Вильны? Затѣмъ онъ требовалъ, чтобы я увѣдомилъ его, какая потребна мнѣ съ его стороны помощь, и не имѣю ли нужды въ продовольствіи. Я написалъ ему обо всемъ происшествіи, о количествѣ войска и артиллеріи, при мнѣ находящихся, прося прислать сотни двѣ казаковъ, или другой какой легкой конницы. Въ то же время просилъ выслать въ мѣстечко Меречъ четыре роты пѣхоты съ четырьмя пушками и расположить оные на противоположномъ мнѣ берегу рѣки Мереча, для занятія переправы, потому что на рѣкѣ нѣтъ моста, и я долженъ буду переправляться на паромахъ.

По отъѣздѣ присланнаго ко мнѣ адъютанта, занялся я распоряженіемъ о продовольствіи; а по вечеру, проѣзжая близъ передовыхъ моихъ постовъ, примѣтилъ въ лѣсу нѣкоторый блескъ, почему послалъ казаковъ открыть, что тамъ находится. Едва казаки начали приближаться къ лѣсу, какъ примѣтилъ я выходившаго къ нимъ на встрѣчу *маіора Ротенштерна*. Я тотчасъ узналъ его и, подъѣхавъ къ нему, спросилъ, благополучно ли прибылъ къ нему мой посланный? „Благополучно,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—но все окончилось великимъ для меня неблагополучіемъ". Мы поѣхали съ нимъ къ лагерю, и онъ началъ мнѣ разсказывать слѣдующее. „Посланный вашъ прибылъ ко мнѣ поутру часу въ десятомъ, я тогда ни о чемъ не зналъ и весьма удивленъ былъ тѣмъ, что онъ мнѣ говорилъ.

„Наконецъ, сказалъ онъ, что имѣетъ отъ васъ письмо къ полковнику *Мею*, о которомъ думаете вы, что онъ соединится съ вами. Я согласенъ былъ съ мнѣніемъ вашимъ, потому что былъ предваренъ о томъ предписаніемъ генерала Арсеньева. Онъ извѣщалъ меня о прибытіи въ Троки командуемаго имъ четвертаго полка, и приказывалъ мнѣ дать ему квартиры и принять съ дружескимъ расположеніемъ, какъ человѣка, преданнаго пользѣ Россіи. И какъ квартирмейстеръ его былъ уже у меня, то сказалъ я вашему унтеръ-офицеру: „незачѣмъ тебѣ далѣе ѣхать, полкъ долженъ скоро прибыть сюда; а ты дождись полковника на гауптвахтѣ и отдай ему письмо".

„Вскорѣ послѣ того дали мнѣ знать, что полкъ вступаетъ уже въ мѣстечко. Я вышелъ на крыльцо моей квартиры, противъ которой, въ концѣ небольшой площади, была моя гауптвахта; мимо нея надлежало проходить полку. Наконецъ полкъ показался на улицѣ. Гауптвахтные солдаты стали къ ружью для отданія чести знаменамъ. Полковника самого я не примѣтилъ; но только первый взводъ миновалъ гауптвахту, какъ второй, поворотясь противъ нея, сдѣлалъ залпъ изъ ружей противъ караульныхъ и бросился на нихъ въ штыки. Я выбѣжалъ въ сквозныя сѣни моей квартиры на дворъ, оттуда на улицу и, встрѣтя барабанщика, началъ собирать людей; но было уже поздно противиться. Поляки разсыпались по всѣмъ квартирамъ и кололи безъ милосердія солдатъ моихъ по-одиночкѣ. Сто человѣкъ при одной пушкѣ едва успѣли со мною спастись въ

ближайшій лѣсъ, изъ котораго старался я пробраться на дорогу къ мѣстечку Меречу, чтобъ соединиться съ вами".—Гдѣ же вашъ отрядъ?—спросилъ я его. „Въ этомъ лѣсу",—отвѣчалъ онъ мнѣ. Я хотѣлъ, чтобъ отрядъ его присоединился ко мнѣ въ тотъ же день. Но онъ сказалъ мнѣ: „люди мои очень устали, имъ гораздо ближе идти оттуда, гдѣ они теперь находятся, на почту Гонету, которая отстоитъ отъ васъ только въ пяти верстахъ, по дорогѣ къ Гродно, и этотъ отрядъ составитъ вамъ авангардъ". Я уже разсказалъ ему о пріѣздѣ ко мнѣ адъютанта князя Циціанова, о всемъ, что произошло въ Гроднѣ и въ Варшавѣ, и о намѣреніи моемъ идти въ Гродно. *Маіоръ Ротенштернъ* поѣхалъ отъ меня съ тѣмъ, чтобъ привести отрядъ свой въ Гонету. А я обѣщалъ пріѣхать къ нему поутру, чтобъ осмотрѣть съ нимъ положеніе мѣста на случай непріятельскаго нападенія.

Поутру на другой день услышалъ я довольно сильную пальбу изъ ружей на мельницахъ, въ которыхъ солдаты мои мололи хлѣбъ. Я послалъ туда казаковъ, и они дали мнѣ знать, что фуражиры наши атакованы непріятельской конницей. Узнавъ о семъ, въ подкрѣпленіе казакамъ отрядилъ я двѣ роты пѣхоты при одной легкой пушкѣ, непріятель былъ отраженъ и фуражиры безъ значительнаго урона возвратились ко мнѣ. Но такъ какъ весь мой отрядъ приготовился уже къ сраженію, и къ тому-жъ я имѣлъ въ памяти, что поляки намѣрены атаковать меня на семъ пунктѣ, то рѣшилъ я перейти совсѣмъ ближе къ почтѣ Гонетѣ. Въ семъ намѣреніи велѣлъ я отряду моему выступить; а самъ поѣхалъ впередъ для осмотра положенія мѣста. Найдя тамъ маіора Ротенштерна, осмотрѣлъ я оное съ нимъ вмѣстѣ и нашелъ, что положеніе сіе было гораздо выгоднѣе того, на которомъ я находился. Поэтому отправился я назадъ, чтобъ поспѣшить занять оное. Я встрѣтилъ отрядъ, проходящій чрезъ лѣсъ одною колонной. Я поѣхалъ далѣе, до самаго аріергарда и, осмотрѣвъ оный, хотѣлъ возвратиться къ головѣ колонны, какъ вдругъ два пушечныхъ выстрѣла меня остановили. Я оглянулся и увидѣлъ на оставленномъ мною мѣстѣ непріятельскую пѣхоту, конницу и артиллерію. Остановя весь отрядъ и подкрѣпя аріергардъ, вступилъ я въ перестрѣлку съ непріятелемъ. Въ то самое время увѣдомилъ меня маіоръ Ротенштернъ, что и онъ атакованъ и требовалъ помощи. Я отдалъ къ нему двѣ роты и двѣ пушки. Между тѣмъ непріятель, оставя нападеніе на аріергардъ, пошелъ вправо, дабы обойти лѣсъ, встрѣтить меня при выходѣ изъ онаго и тѣмъ пресѣчь дорогу. Въ лѣсъ же, по которому протекали двѣ небольшія рѣки, и которыя нужно было проходить по мостамъ, на обѣ стороны дороги послалъ онъ пѣхоту. Увидя сіе, я отрядилъ на обѣ стороны моей колонны стрѣлковъ, а колоннѣ велѣлъ слѣдовать впередъ. Стрѣлки сражались съ непріятельской пѣхотой, а я, взявъ съ собою четыре роты гренадеръ и 4 орудія большого калибра, пошелъ скорымъ шагомъ впередъ, чтобъ, выйдя изъ лѣсу и перейдя открытую равнину,

занять находящуюся впереди высоту. Въ правой сторонѣ, съ которой непріятель по мѣстоположенію долженъ былъ атаковать сіе отдѣленіе, находилась деревня Цвѣнтишки, которой могъ онъ воспользоваться. А потому я послалъ казаковъ зажечь оную. Я успѣлъ занять высоту; непріятель же долженъ былъ обходить помянутую деревню. Между тѣмъ все мое войско собралось ко мнѣ, и я расположился въ одну линію безъ резерва, ибо маіоръ Ротенштернъ составлялъ уже оный, бывъ довольно близко позади меня. Но такъ какъ не было въ планѣ моего предпріятія защищаться на семъ мѣстѣ, то и началъ я дѣйствовать, отступая, пока достигъ желаемаго мною положенія.

Придя на оное, построился я въ одну линію, имѣя съ праваго фланга почту Гонету и маіора Ротенштерна, съ лѣваго—лѣсъ и непроходимое болото, сзади большое озеро, а впереди открытую и отлогую равнину. Она оканчивалась мысомъ и простиралась на дальній пушечный выстрѣлъ большого калибра.

Тутъ непріятель произвелъ въ разное время три атаки; но всегда былъ отражаемъ превосходствомъ моей артиллеріи. Ибо, хотя онъ имѣлъ до 6 т. конницы и пѣхоты, но артиллерія его состояла только изъ шести пушекъ малаго калибра; а потому, потерявъ не малое количество людей и утомясь движеніемъ и нападеніями, отступилъ и скрылся въ лѣсу. Я не имѣлъ довольно конницы, чтобъ преслѣдовать его, брать въ плѣнъ, который могъ бы быть мнѣ въ тягость, такъ какъ у меня было и безъ того довольно плѣнныхъ; не могъ я также дѣлать какіелибо поиски. Поэтому я остался отдыхать на избранномъ мною мѣстѣ.

На другой день, выступя за часъ до разсвѣта, перешли мы четыре мили, и непріятель насъ не безпокоилъ.

Побѣда Тучкова.

На третій день, выступя въ намѣреніи достичь до Мереча, встрѣтили мы при самомъ вступленіи два эскадрона карабинеръ, присланныхъ ко мнѣ на помощь отъ генерала князя Циціанова. Я требовалъ легкой кавалеріи, а мнѣ прислали, за неимѣніемъ оной, самую тяжелую, каковы были тогда *карабинеры*. Ротмистръ, начальствовавшій оными, сказалъ мнѣ, что генералъ выслалъ на рѣку Меречъ четыре роты съ пушками, которыя и размѣстились на противномъ берегу лагеремъ. Они прибавили, что князь весьма былъ обезпокоенъ, когда адъютантъ его сказалъ ему, что, по отбытіи его отъ васъ, слышалъ онъ въ дорогѣ сильную пушечную пальбу. Сіе обстоятельство заставило меня послать къ нему нарочнаго съ донесеніемъ о происшедшемъ сраженіи.

Не доходя мили до мѣстечка Мереча, появился непріятель съ обѣихъ сторонъ, не въ далекомъ разстояніи. Мы шли въ боевомъ порядкѣ и, придя къ мѣстечку, расположились въ таковомъ же лагерѣ. Я вездѣ говорю—лагерь; но мы не имѣли палатокъ. Могъ бы я сказать — расположились бивакомъ, но мы не имѣли ни

времени, ни способовъ строить шалаши, или бараки, а становились благополучно подъ открытымъ небомъ; къ счастью, погода весьма намъ благопріятствовала. Появившійся непріятель скоро отъ насъ скрылся, и мы не знали, чему сіе приписать, потому что видно было, что онъ былъ довольно силенъ. Нѣкоторые говорили, что они, увидя лагерь и пушки на противномъ берегу Мереча, подумали, что большая часть отряда моего уже переправилась, или что прибыла ко мнѣ значительная помощь. Какъ бы то ни было, но поляки оставили насъ въ покоѣ и мы занимались цѣлый день переправой. Наконецъ, благополучно переѣхали на паромахъ на другой берегъ.

Во время похода нашего отъ Мереча до Гродна непріятель уже не показывался. На послѣднемъ ночлегѣ, не доходя сего города, прислалъ ко мнѣ князь Циціановъ спросить, имѣютъ ли мои люди какую-нибудь одежду, есть ли у меня барабаны и музыка? Я отвѣчалъ ему: Одежду успѣли себѣ сшить солдаты изъ всего, что только могли захватить у мятежниковъ, на образецъ военной; небольшую музыку собралъ я изъ спасшихся отъ двухъ полковъ музыкантовъ и плѣнныхъ казаковъ, а барабановъ довольно.

Не доходя до Гродны за пять верстъ, встрѣтилъ насъ генералъ-маіоръ князь Циціановъ, съ нѣсколькими офицерами. Пріѣхавъ ко мнѣ, поздравилъ онъ меня съ побѣдами, а осмотрѣвъ мое войско и послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ, сказалъ мнѣ, указавъ на одного офицера:

— Вотъ офицеръ квартирмейстерской части, онъ покажетъ вамъ дорогу; прикажите слѣдовать за нимъ.

Выговоря сіе, поѣхалъ онъ довольно скоро въ городъ.

Приближаясь къ Гроднѣ, мы увидѣли лагерь генерала князя Циціанова; все войско было выведено изъ онаго и устроено въ большой баталіонъ каре. Вожатый повелъ насъ прямо къ оному. Фасъ, на который мы шли, раздвинулся при нашемъ приближеніи, и весь мой отрядъ введенъ былъ въ средину каре, гдѣ находился генералъ князь Циціановъ, съ иконами и духовенствомъ. При вступленіи нашемъ въ оный, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, по окончаніи котораго, генералъ, поздравивъ всѣхъ насъ съ побѣдою, пригласилъ меня и всѣхъ офицеровъ къ себѣ на обѣденный столъ. Солдатамъ же, расположивъ ихъ въ лагерѣ своего отряда, велѣлъ выдать порцію вина.

За обѣдомъ пили за здоровье побѣдителей. А по вечеру, кромѣ похвалы, изображенной въ приказѣ, князь Циціановъ отдалъ въ ночной пароль мое имя, лозунгъ притомъ былъ: *храбрость* и *мужество*, а проходное слово: *украшеніе Россіи*. Всякій можетъ себѣ представить, сколь лестно было для молодого человѣка моихъ лѣтъ (я тогда имѣлъ только 23 года отъ роду) сей тщетный и скоропроходящій дымъ славы.

По утру на другой день велѣлъ мнѣ генералъ, собравъ весь мой отрядъ съ пушками и музыку, какую могъ я набрать,

устроить плѣнныхъ поляковъ съ ихъ знаменемъ позади отряда и пройти по главнымъ улицамъ Гродны, чтобы переправиться за рѣку Нѣманъ, по исправленному уже мосту. Тамъ приказалъ онъ мнѣ обратить всѣ мои пушки противъ города, а состоящій подъ начальствомъ его отрядъ устроилъ съ другой стороны города и обратилъ на оный всю свою артиллерію, приказавъ съ симъ вмѣстѣ запереть всѣ городскія ворота. Послѣ этого, чрезъ посланныхъ переговорщиковъ потребовалъ онъ отъ города контрибуцію 30 тыс. серебряныхъ рублей, сукна, полотна, сапожнаго товара для своего отряда, также лошадей, повозокъ и упряжи. Все сіе въ скорости было исполнено и я возвратился съ отрядомъ моимъ въ лагерь князя Циціанова. Тамъ велѣно было мнѣ сдать людей разныхъ полковъ и командъ по ихъ принадлежности, равно и плѣнныхъ, а самому съ моей ротой слѣдовать въ Несвижъ и явиться подъ начальство генералъ-поручика Кнорринга.

Награжденіе георгіевскимъ крестомъ.

За всѣ сіи подвиги былъ я награжденъ отъ Императрицы Екатерины II-й кавалерскимъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса, находясь еще въ чинѣ капитана артиллеріи; тогда орденъ сей былъ въ великомъ уваженіи въ Россіи.

Съ одной стороны изъ Бѣлоруссіи, а съ другой — изъ Молдавіи пришли въ Литву и Польшу два сильные корпуса на помощь оставшимся въ Польшѣ россійскимъ войскамъ. Корпусомъ, назначеннымъ въ Литву, командовалъ генералъ *князь Репнинъ* [1]), а идущимъ изъ Молдавіи въ Польшу—непобѣдимый *Суворовъ*.

Суворовъ.

Суворовъ столь извѣстенъ всякими его достоинствами, характеромъ и странностью поступковъ, что мнѣ не остается ничего о немъ сказать. Развѣ только, что когда генералъ-маіоръ Арсеньевъ возвращенъ былъ уже изъ плѣна и находился при немъ нѣкоторое время въ должности дежурнаго генерала, то всякій разъ, когда Суворовъ имѣлъ на него какое-нибудь неудовольствіе, онъ говаривалъ: „есть такіе люди, которые много любятъ спать, и слышалъ я, что есть такіе, которые никогда не спятъ“. Потомъ, оборотясь къ находившемуся при немъ, спрашивалъ: „Правда ли это, что есть у насъ одинъ артиллерійскій капитанъ, человѣкъ молодой, о которомъ говорятъ, будто онъ въ жизнь свою еще ни разу не спалъ?“ У него было такъ заведено, что кто-нибудь изъ слушающихъ всегда долженъ былъ отвѣчать: правда. „О! какъ я любопытенъ, продолжалъ онъ, видѣть этого человѣка и слышать о томъ отъ самаго его“. По окончаніи войны и по пріѣздѣ его въ Петербургъ, гдѣ

---

[1]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ. Род. 1731 † 1801.

я тогда находился, повторялъ онъ не разъ сіи слова, которыя дошли до меня, и были причиной, что я старался не быть представленнымъ сему великому человѣку. Я боялся, чтобъ такимъ необыкновеннымъ вопросомъ не привелъ онъ меня въ замѣшательство.

Князь Репнинъ и Суворовъ.

Генералъ князь Репнинъ больше былъ политикъ, нежели военный человѣкъ; притомъ былъ чрезвычайно гордъ и вмѣстѣ пронырливъ. Въ его характерѣ проявлялись по обстоятельствамъ многія противоположности: иногда былъ онъ гордъ, даже до грубости, иногда же учтивъ и дружелюбенъ до уравненія себя съ малыми чиновниками. Любилъ онъ разсуждать о человѣколюбіи, братолюбіи и равенствѣ, о мечтаніяхъ и о власти духовъ; извѣстно также, что онъ былъ членомъ мартинистскаго собранія. При этомъ съ людьми, отъ него зависящими, поступалъ онъ, какъ деспотъ. А между тѣмъ знаютъ, какъ унижался онъ передъ княземъ Потемкинымъ и Зубовымъ, наконецъ, предъ Павломъ I-мъ, чему я самъ былъ свидѣтель. Какая противоположность съ Суворовымъ! Сей почтенный мужъ, кромѣ великихъ подвиговъ его въ войнахъ и совершенно христіанскихъ добродѣтелей, сохранилъ во всѣхъ великихъ оборотахъ его жизни неизмѣнность стоическаго характера своего до самой смерти. Суворовъ не былъ скупъ, но ненавидѣлъ роскошь и любилъ довольствоваться малымъ. Напротивъ, Репнинъ былъ скупъ и расточителенъ,—по обстоятельствамъ.

О характерѣ генерала князя Циціанова буду я имѣть случай много говорить впослѣдствіи, при разсказѣ о службѣ моей съ нимъ въ Грузіи.

Наконецъ, прибылъ я въ Несвижъ и явился къ генералъ-поручику *Кноррингу* [1]). Онъ въ тотъ же день послалъ меня съ ротою моею въ отрядъ генералъ-маіора Ланского, расположенный въ мѣстечкѣ Новомышѣ.

Ланской былъ человѣкъ посредственнаго воспитанія и учености, храбръ и добръ, учтивъ безъ большой привѣтливости, не слишкомъ гонялся за славой, любилъ кутежи и веселыя общества.

Осада Вильны.

Въ мѣстечкѣ Новомышѣ простояли мы не болѣе двухъ дней. Послѣ чего весь корпусъ генералъ-лейтенанта Кнорринга, раздѣленный на три отряда, — одинъ подъ командою генералъ-маіора Ланского, другой — подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Николая Зубова.... а третій— подъ предводительствомъ генералъ-маіора Бенингсена, — тремя

---

[1]) Генералъ-отъ-инфантеріи Богданъ Өедоровичъ Кноррингъ. Род. 1746 † 1825. Сподвижникъ Румянцева, Потемкина и Суворова. За разбитіе поляковъ подъ Вильною въ 1794 награжденъ Георгіемъ 2-й степени. Въ 1809 году былъ главнокомандующимъ въ шведскую войну.

разными дорогами выступилъ для взятія города Вильны. Всѣ сіи отряды, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, соединились въ селеніи Мѣдникахъ, отстоящемъ отъ Вильны въ пяти миляхъ. Откуда, выступя вмѣстѣ, стали въ лагерь въ полутора миляхъ отъ города.

Вильна построена въ низменномъ мѣстѣ и окружена довольно высокими и крутыми горами. Она имѣла много обширныхъ предмѣстій, но большая часть оныхъ со стороны Гродненской и Троицкой дороги были сожжены отрядомъ моимъ во время революціи. Однако довольно большая часть ихъ остались еще отъ дороги, ведущей изъ Бѣлоруссіи къ такъ называемой Острой Брамѣ или воротамъ. Тамъ находилось много каменнаго строенья, расположеннаго въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ. На высотахъ, окружающихъ Вильну и имѣющихъ предъ собою ровное мѣстоположеніе, послѣ революціи построили поляки ретраншементъ съ батареями въ приличныхъ мѣстахъ.

Корпусъ нашъ состоялъ изъ 4 тысячъ конницы, 8 тысячъ пѣхоты и 30 пушекъ полевой артиллеріи, не считая находящихся при драгунскихъ и пѣхотныхъ полкахъ малаго калибра 26 орудій. Генералъ-поручикъ Кноррингъ, осмотрѣвъ непріятельское положеніе, сдѣлалъ распоряженіе къ нападенію на непріятельскій ретраншементъ. Отряды генералъ-маіора графа Зубова, Бенингсена и часть отряда генерала Ланского назначены были къ дѣйствію. Самъ же генералъ Ланской съ драгунскимъ полкомъ полковника барона Чесменскаго, съ 3 тысячами пѣхоты и моей артиллерійской ротой оставлены были въ резервѣ, за четыре версты позади мѣста сраженія. Генералъ Кноррингъ, примѣтя мое неудовольствіе при семъ случаѣ, сказалъ мнѣ: „Вы довольно отличились при началѣ сей кампаніи, и надобно вамъ себя поберечь, потому что поляки имѣютъ противъ васъ личную злобу. Я читалъ это въ ихъ газетахъ и въ подброшенныхъ къ лагерю нашему письмахъ. Они положили цѣну за вашу голову и вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ *Денисовымъ* [1]). Знаете ли вы,—продолжалъ онъ, улыбнувшись,—что они даже проклинаютъ васъ въ публичныхъ своихъ молитвахъ“. „Много для меня чести,—отвѣчалъ я ему,—впрочемъ, лестно бы было для меня участвовать во взятіи того города, изъ котораго въ столь трудныхъ обстоятельствахъ вышелъ съ честью“. Симъ кончился разговоръ нашъ и я остался при сдѣланномъ имъ назначеніи.

На другой день послѣ сего разговора, поутру, довольно рано,

---

[1]) Денисовъ былъ генералъ-маіоръ донского казацкаго войска, воспитанный, какъ и прочіе казаки, но весьма опытный и храбрый человѣкъ. Онъ всегда начальствовалъ передовыми войсками и много разъ отличался въ войнахъ противъ шведовъ, турокъ и поляковъ.

Извѣстный донской атаманъ Адріянъ Карповичъ Денисовъ. Род 1763 † 1841 г. Сподвижникъ Суворова. Въ отечеств. войну 1812 г. оказалъ большія услуги формированіемъ новыхъ казачьихъ полковъ.

выступили назначенныя къ дѣйствію колонны. Я и полковникъ Чесменскій занимались разговоромъ съ генераломъ нашимъ, слушая пальбу и разспрашивая у пріѣзжающихъ, что тамъ дѣлается. Послѣ завтрака полковникъ Чесменскій и я стали просить генерала, чтобъ онъ позволилъ намъ поѣхать посмотрѣть сраженія. Сперва онъ отговаривался, наконецъ, согласился съ условіемъ, чтобъ мы не вдавались въ опасность, не имѣя обязанности тамъ находиться. И такъ, поѣхавъ прямо по большой дорогѣ въ Вильнѣ, прибыли мы на среднюю нашу батарею. Она стояла на открытомъ мѣстѣ и старалась выстрѣлами своими сбить непріятельскія пушки, стоящія за бруствером въ амбразурахъ. Посмотрѣвъ на сіе дѣйствіе, отправились мы на батарею лѣваго фланга и нашли оную въ таковомъ же занятіи. Разсматривая положеніе мѣста, примѣтили мы, что батарея эта поставлена близъ крутого обрыва или буерака, покрытаго въ глубинѣ своей густымъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ простирался до праваго фланга непріятельскаго ретраншемента и пересѣкалъ его. Если бы непріятель вздумалъ сдѣлать вылазку изъ ретраншемента своего, то могъ бы не быть никѣмъ примѣченъ“, пройдя этотъ лѣсъ, ударить во флангъ сей батареи и овладѣть всѣми пушками. Я спросилъ у начальника батареи: „есть ли у васъ въ этомъ лѣсу какое-нибудь прикрытіе?“—Нѣтъ никакого,—отвѣчалъ онъ мнѣ. „Для чего-жъ не дадите вы знать о сей опасности начальнику корпуса?“ — Нѣкоторые изъ офицеровъ его штаба пріѣзжали сюда; я показывалъ имъ сіе опасное мѣсто и просилъ донести о семъ генералу. Но по сіе время ничего нѣтъ, а послать къ нему никого не имѣю,— отвѣчалъ онъ намъ. Выслушавъ сіи слова, согласился я съ полковникомъ Чесменскимъ ѣхать къ генералу Кноррингу и ему о томъ доложить. Мы нашли его на правомъ флангѣ нашей линіи. Увидя насъ, сказалъ онъ: „Гдѣ вы побывали и что видѣли?“— „Мы были на нашихъ батареяхъ“,—отвѣчали мы ему.—„Что-жъ вы тамъ примѣтили? Скажите мнѣ“. Тогда разсказалъ я ему о положеніи лѣваго фланга. Выслушавъ меня, онъ сказалъ: „Не можетъ быть!“—„Точно такъ,—присовокупилъ полковникъ Чесменскій,—мы оба видѣли сіе“. Тутъ, оборотясь къ своему адъютанту, приказалъ онъ наискорѣе отрядить туда баталіонъ егерей. Оставаясь при немъ, чрезъ нѣсколько минутъ увидѣли мы подполковника Саккена, идущаго съ егерскимъ его баталіономъ мимо генерала. Послѣдній подозвалъ его и сказалъ ему: „Идите поскорѣе и закройте лѣвый флангъ послѣдней батареи, тамъ находящейся“. Саккенъ, не отвѣчая ни слова, пошелъ отъ насъ съ баталіономъ своимъ скорымъ шагомъ.

Подполковникъ Саккенъ, какъ я послѣ о томъ узналъ, придя къ батареѣ лѣваго фланга и не сказавъ ничего командиру оной капитану Фоку, прошелъ мимо него, спустился въ крутую лощину и скрылся съ баталіономъ въ лѣсу.

Чрезъ нѣсколько времени увидѣли мы, что непріятель началъ вывозить пушки свои изъ амбразуръ за брустверъ.—Всѣ закри-

чали: они отступаютъ, они отступаютъ! Полковникъ Чесменскій сказалъ генералу: „позвольте мнѣ взять мой драгунскій полкъ и не дать непріятелю время увезти пушки въ городъ". Когда генералъ на сіе согласился, тогда и я сталъ просить, чтобы и мнѣ позволено было хотя частію моей роты подкрѣпить его полкъ. Я увѣрялъ, что на такомъ разстояніи я мало могу отстать отъ конницы.—„Это не нужно,—отвѣчалъ генералъ,—но если вамъ непремѣнно хочется участвовать въ семъ дѣлѣ, то возьмите только двѣ надежныя пушки вашей роты и будьте тамъ, гдѣ я буду находиться". Я почелъ сей отвѣтъ за великую для меня милость, и поскакалъ во весь духъ съ полковникомъ къ резерву. Тамъ, донеся о томъ генералу Ланскому, въ одно мгновеніе устремились мы къ мѣсту сраженія.

Разстояніе было недальнее и я слѣдовалъ близко за конницей. Но, подойдя къ линіи, должно было мнѣ остановиться тамъ, гдѣ находился генералъ, а Чесменскій собралъ быстрое нападеніе на непріятельскій ретраншементъ. Доскакавъ до онаго, встрѣтилъ онъ довольно глубокій и широкій ровъ. Онъ велѣлъ было драгунамъ своимъ спѣшиться и, примкнувъ штыки, идти на приступъ. Но поляки имѣли время поставить пушки свои опять въ амбразуры и произвели по немъ сильный залпъ картечью и пулями изъ мелкаго ружья. Ихъ находилось тамъ до 4 т. пѣхоты. Чесменскій принужденъ былъ возвратиться назадъ и удалиться съ поспѣшностію, бывъ провожаемъ картечами и ядрами. Здѣсь должно сказать, для чего поляки начали было вывозить пушки свои изъ амбразуръ и потомъ опять поставили ихъ въ оный. Г. Кноррингъ приказывалъ Сакену по-русски: „подите, закройте флангъ лѣвой нашей батареи". Оба они нѣмцы и оба худо знали русскій языкъ, а еще хуже произношеніе.

И потому, какъ мнѣ кажется, Саккенъ ослышался и вмѣсто того, чтобы закрыть, пошелъ открывать флангъ батареи, то есть осматривать, нѣтъ ли вблизи непріятеля. Онъ, войдя съ баталіономъ своимъ въ лѣсъ, началъ подвигаться впередъ, и такимъ образомъ подошелъ къ правому флангу непріятельскаго ретраншемента. Поляки, примѣтя его, сочли, что мы изъ сего лѣса идемъ ихъ атаковать во флангъ. И потому они стали вывозить изъ амбразуръ свои пушки,—въ намѣреніи ли обратить ихъ противъ нашей колонны или увезти оныя въ городъ — неизвѣстно. Но Сакенъ, увидя, что онъ далеко зашелъ, возвратился назадъ; а поляки поставили пушки свои опять въ амбразуры. Такъ какъ конница дѣйствующей линіи устроена была въ колонны, чтобы слѣдовать за полками Чесменскаго, равно и пѣхота, — то генералъ-поручикъ Кноррингъ велѣлъ идти пѣхотѣ на штурмъ тремя колоннами. Сіе было въ три часа пополудни при самой ясной погодѣ. Средняя колонна вошла прежде всѣхъ на валъ, но потерпѣла сильное пораженіе и лишилась начальника своего, полковника Короваева, убитаго на семъ приступѣ. Я, оставивъ свои пушки, примкнулъ къ правой колоннѣ (непростительное дѣй-

ствіе молодости, хорошо, что кончилось для меня счастливо, и генералъ ничего о томъ не зналъ) и вошелъ вмѣстѣ съ нею въ ретраншементъ. Увидя тамъ до восьми пушекъ, оставленныхъ непріятелемъ, также множество убитыхъ и раненыхъ, поспѣшилъ поздравить генерала съ побѣдой. Встрѣтя его на пути, поздравилъ я его не только съ оной, но и со взятіемъ Вильны ибо, прибавилъ я, городъ сей, не имѣя надлежащей обороны, неминуемо долженъ сдаться. „Дай Богъ!—отвѣчалъ генералъ,—но это еще не вѣрно“.

Между тѣмъ поляки успѣли уйти въ городъ и затворили ворота. Ген. Кноррингъ послалъ на возвышенное мѣсто трубача и велѣлъ трубить для переговоровъ. Но по немъ начали стрѣлять изъ ружей и ранили его. Вначалѣ подумали, что это произошло по ошибкѣ, послали другого, но и тотъ подвергнулся той же участи. Тогда генералъ нашъ приказалъ приблизить артиллерію и поставя пушки на высотахъ между ретраншементомъ и предмѣстіемъ, велѣлъ бомбардировать городъ. Скоро наступила ночь и, пальба была прекращена. Послѣ этого генералъ приказалъ мнѣ поутру на другой день объѣхать осаждаемую часть города и избрать такое мѣсто, съ котораго могъ бы я стрѣлять въ Острыя ворота. Я отвѣчалъ ему, что всѣ окрестности сего города мнѣ довольно извѣстны. Вильна лежитъ слишкомъ низко, а окружающія оную мѣста слишкомъ возвышены, притомъ же ворота сіи закрыты домами предмѣстія, и едва-ли можно будетъ попадать только въ фронтисписъ оныхъ. Не взирая на сіе, повторилъ онъ мнѣ свое приказаніе. Съ началомъ дня объѣхалъ я всю приказанную мнѣ часть города, но, не найдя нигдѣ удобнаго къ тому мѣста, возвратился и донесъ о семъ. Тутъ указалъ онъ мнѣ и сказалъ: „поставьте двѣ пушки ваши тамъ, я надѣюсь, что ворота будутъ вамъ оттуда видны“. При подъемѣ на гору убили у меня нѣсколько лошадей подъ пушками. Я взошелъ самъ и увидѣлъ точно только верхнюю часть фронтисписа. Тогда я послалъ ему сказать, что если онъ мнѣ не вѣритъ, то прислалъ бы еще кого-нибудь посмотрѣть. Сіе было имъ исполнено, удостовѣрились въ невозможоости и велѣли мнѣ оставить помянутую высоту. Тогда я сказалъ ему: „если нѣтъ другого средства занять городъ, какъ чрезъ отбитіе воротъ, то дайте мнѣ надежное прикрытіе и прикажите идти съ сими двумя орудіями въ улицу предмѣстія. Хотя я знаю, что она весьма излучиста, но, при приближеніи къ стѣнамъ, откроется такое мѣсто, съ котораго можно будетъ выстрѣлить и разбить ворота“. Предложеніе мое было принято, мнѣ дали въ прикрытіе баталіонъ егерей и велѣли идти въ улицу.

Всѣ церкви, колокольни, дома и сады, какъ въ той улицѣ, по которой я шелъ, такъ и въ другихъ, заняты были вооруженными обывателями. Надлежало всякій домъ брать штурмомъ и, такимъ образомъ очищая дорогу, подвигаться впередъ. Я не успѣлъ пройти и половины улицы, какъ убили маіора, начальство-

вавшаго прикрытіемъ и трехъ капитановъ. Большая часть офицеровъ была или убита, или ранена, отъ чего егери пришли въ замѣшательство и, оставя меня съ пушками на улицѣ, отступили. Я успѣлъ сдѣлать то-же, потерявъ нѣсколько бомбардиръ. При выходѣ моемъ изъ предмѣстія, встрѣтилъ я генерал.-м. графа Зубова, который сказалъ мнѣ: „какъ, и вы ретируетесь"? Посмотрите, гдѣ мое прикрытіе,—сказалъ я ему; оно находилось тогда въ довольномъ разстояніи впереди меня. „Я дамъ вамъ другое прикрытіе подите съ онымъ и отбейте непремѣнно ворора". Въ то же время присоединился ко мнѣ Нарвскій пѣхотный полкъ подъ командою полковника Миллера. Это былъ тотъ самый полкъ, который со мною во время революціи вышелъ изъ Вильны, но полковника ихъ тогда при оныхъ не было.

Съ другой стороны посланъ былъ къ другимъ воротамъ, называемымъ Зарѣчныя, полковникъ Дѣевъ съ состоящимъ подъ начальствомъ его пѣхотнымъ полкомъ и двумя пушками.

Мы начали наступать прежнимъ порядкомъ. Не прошли мы еще и половины улицы до воротъ, какъ поляки открыли по намъ ружейный огонь изъ монастыря, находившагося отъ насъ въ правой сторонѣ, на другой улицѣ. По совѣту моему послалъ туда полковникъ Миллеръ двѣ роты, непріятель былъ выбитъ, и монастырь былъ занятъ нашими. По мѣрѣ приближенія нашего къ воротамъ, огонь со стѣнъ города усиливался и становился для насъ вреднѣе. Я зналъ положеніе сей улицы и надѣялся, что скоро достигнемъ мы такого мѣста, съ котораго можно будетъ стрѣлять въ ворота. Но, придя къ оному, увидѣлъ я, что поляки построили при самыхъ воротахъ невысокую каменную стѣну, окружающую оныя въ видѣ полумѣсяца. Чтобы подойти къ воротамъ, надлежало приблизиться къ самой стѣнѣ, и черезъ устроенное подлѣ нея отверстіе въ семъ полумѣсяцѣ подходить къ воротамъ. Какъ скоро колонна наша стала совершенно открыта съ городской стѣны, то гренадеры бросились впередъ и подбѣжали съ малымъ урономъ подъ непріятельскіе выстрѣлы къ самой стѣнѣ, такъ что они не могли имъ больше вредить. Я послѣдовалъ за ними съ моими пушками и вошелъ въ полумѣсяцъ. Нѣсколько знакомыхъ мнѣ гренадеръ меня упредили и, подбѣжавъ къ самымъ воротамъ, въ затворахъ которыхъ прорѣзаны были отверстія для стрѣльбы изъ ружей, они положили въ нихъ свои и начали стрѣлять въ городъ. Одинъ гренадеръ вдругъ закричалъ мнѣ: „поспѣшайте, поспѣшайте стрѣлять! непріятель везетъ пушку и ставитъ въ ворота". Я находился въ это время не далѣе пистолетнаго выстрѣла отъ воротъ. Приказавъ гренадерамъ отступить, я успѣлъ подвинуть орудія еще шаговъ на десять. И выстрѣлами изъ 24-фунтоваго единорога, заряженнаго картечью, и изъ 12-фунтовой пушки—ядромъ, разбились оные затворы въ мелкіе куски. Такимъ образомъ непріятельское орудіе, стоявшее въ городской улицѣ, было подбито. Я ввезъ мои пушки подъ довольно длинный сводъ городскихъ воротъ и

началъ стрѣлять вдоль улицы такъ, что никто не смѣлъ показаться на оной. Но тщетно уговаривалъ я гренадеръ, чтобъ они вошли въ городъ и заняли находящійся при самомъ входѣ Грекороссійской монастырь, въ который и я хотѣлъ за ними послѣдовать. Засѣвъ въ ономъ, мы могли бы трактовать о сдачѣ города, находясь въ самомъ городѣ и имѣя открытыя ворота для подкрѣпленія. Они нѣсколько разъ соглашались на мое предложеніе; но едва появятся на улицу, увидятъ непріятеля, выстрѣлятъ и возвратятся подъ сводъ воротъ для заряжанія ружей.

Между тѣмъ колонна, посланная къ Зарѣчнымъ воротамъ, не имѣла такой удачи, какъ наша. Начальствовавшій оной полковникъ Дѣевъ [1]) былъ убитъ, еще не доходя до воротъ, колонна много претерпѣла и отступила. Послѣдствіемъ сего было то, что непріятель обратилъ всѣ силы противъ насъ. Я отступилъ нѣсколько за ворота, не удаляясь отъ стѣны, ибо единственнымъ моимъ спасеніемъ было то, что непріятель не могъ такъ наклонять ружей, чтобъ намъ вредить. Но вдругъ открылся огонь позади насъ. Не знаю почему, полковникъ Миллеръ велѣлъ двумъ ротамъ, бывшимъ въ монастырѣ, что въ предмѣстіи, присоединиться къ полку,—и непріятель опять занялъ оный. Онъ еще лучше сдѣлалъ: велѣлъ ударить сборъ, построивъ людей своихъ въ колонну, началъ отступать, оставя меня съ пушками у воротъ. Надъ воротами была каплица, или небольшая церковь, гдѣ находилась чудотворная икона Богородицы, которую поляки особенно боготворятъ.—Каплица сія наполнена была людьми, производившими противъ насъ сильную ружейную пальбу. Я началъ тоже отступать, и вынулъ клинья изъ-подъ пушекъ, далъ имъ тѣмъ полное возвышеніе, и стрѣлялъ въ каплицу. Какъ послѣ оказалось, я нечаянно ядромъ разбилъ сію икону [2]). Послѣ этого ненависть въ полякахъ ко мнѣ еще больше возгорѣлась. Орудія мои шли одно за другимъ. Когда отошелъ я не болѣе 30 саженъ отъ воротъ, подъ пушкой сломился, къ несчастію, отвозной крюкъ при хоботѣ, за который, зацѣпя, везли пушку, потому что передки оставлены были въ отдаленномъ переулкѣ. Единорогъ отступилъ благополучно, а я съ пушкой и съ нѣсколькими при оной бомбардирами остался на мѣстѣ. Тогда было не такъ, какъ нынѣ; въ россійской службѣ почиталось великимъ стыдомъ оставить пушку непріятелю. Я прижался съ людьми моими къ од-

---

1) Полковникъ казанскаго пѣхотнаго полка *Дѣевъ* погибъ геройской смертью при штурмѣ Остробрамскихъ воротъ 31 іюля 1794 г. и былъ убитъ пулею Ксендза Кармелитскаго ордена Цемизы. На 8-й верстѣ отъ г. Вильны, по Ошмянской дорогѣ ему въ томъ же 1794 году поставленъ памятникъ, возобновленный въ 1864 и 1880 годахъ. *К. В.*

2) Остромбрамская икона Пресвятой Богородицы, чтимая православными не менѣе, чѣмъ католиками,—цѣла. Тутъ какое-то недоразумѣніе.
Ред.

Икона была только слегка повреждена осколками ядеръ. См. исторію Островиротной или Остробрамской иконы архимандрита Іосифа. Вильна. 1890.

ному каменному дому и тутъ размышлялъ, какъ спасти орудіе? Мнѣ пришло въ мысль; снять съ моихъ солдатъ нѣсколько лосинныхъ портупей, сдѣлать изъ нихъ большое кольцо, продѣть оное въ дыру, находящуюся въ подушкѣ хобота, куда вкладывается стержень передка, и укрѣпить въ семъ кольцѣ кусокъ крѣпкаго дерева, потомъ задѣвъ за оные лошадей, отступать. Стоя подлѣ стѣны, сдѣлали мы кольцо и укрѣпили дерево; но кто пойдетъ вложить оное въ орудіе, стоящее посреди улицы?— Нѣсколько храбрыхъ бомбардиръ, на сіе отважившихся, заплатили за то своею жизнію. Я начиналъ приходить въ отчаяніе, какъ вдругъ одинъ мой пріятель, котораго никогда не могу я забыть, а именно, Козловскаго пѣхотнаго полка капитанъ Гедеоновъ, показался съ ротою своею на улицѣ. Онъ бѣжалъ съ нею прямо къ воротамъ, крича: ура! ворота отбиты, пойдемте занимать городъ! Я спросилъ его: „что вы намѣрены дѣлать съ одной ротой?“ Но онъ, не отвѣчая мнѣ ни слова, сказалъ своимъ солдатамъ; возьмите прочь эту пушку, она намъ мѣшаетъ. Солдаты ухватились за коней и поспѣшно вывезли оную въ закрытый отъ непріятеля переулокъ, гдѣ я имѣлъ время укрѣпить мое кольцо подъ прикрытіемъ его роты и выйти изъ предмѣстія.

Поступокъ г. Гедеонова былъ таковъ, что за него у римлянъ опредѣлена была большая награда; ибо у нихъ тотъ, кто спасетъ одного только гражданина, удостоивался вѣнца. Но у насъ совсѣмъ иначе: едва не подвергся онъ отвѣтственности за то, что самъ собою рѣшился на спасеніе своихъ. Однако-жъ послѣ онъ былъ награжденъ за то чиномъ маіора.

Я всегда утверждалъ и буду утверждать, что малыя сраженія бываютъ для нѣкоторыхъ несравненно опаснѣе, труднѣе и больше требуютъ неустрашимости, распорядительности и рѣшимости, нежели большія, такъ называемыя генеральныя баталіи. Во всю жизнь мою, какъ прежде, такъ и послѣ, не испыталъ я такой опасности и трудности, какъ въ сей день при столь маломъ отрядѣ войскъ. Съ семи часовъ утра до трехъ пополудни находился я безпрестанно не только подъ ружейными, но даже подъ пистолетными выстрѣлами, не говоря уже о каменьяхъ, которыми непріятели метали въ насъ, откуда могли. Я потерялъ въ сіе время убитыми и ранеными при двухъ моихъ пушкахъ три комплекта людей. Всякій разъ, когда оставалось у меня не болѣе половины оныхъ, посылалъ я казаковъ, данныхъ мнѣ для извѣщенія, требовать подкрѣпленія, и всякій разъ присылали мнѣ таковое отъ другихъ артиллерійскихъ ротъ. Подо мной убили двухъ лошадей, а третья была ранена. Итакъ я, утомленный сраженіемъ, зашибленный во многихъ мѣстахъ камнями и отъ паденія лошадей, изнуренный голодомъ и жаждой, въ превеликій жаръ, едва могъ тащиться пѣшкомъ, отступая изъ предмѣстія.

Генералъ-поручикъ Кноррингъ, стоя на горѣ, издалека меня увидалъ и послалъ сказать, чтобъ я пришелъ къ нему. Но я

такъ ослабѣлъ, что не могъ взойти на гору, и онъ послалъ ко мнѣ для того свою лошадь.

По прибытіи къ нему, тотчасъ началъ я жаловаться на тѣхъ, которые не исполнили своего дѣла, въ особенности же на полковника Миллера. При этомъ я прибавилъ, что если бы не помощь капитана Гедеонова, то я непремѣнно долженъ бы былъ остаться въ рукахъ непріятеля съ моими пушками. Что дѣлать?— отвѣчалъ онъ мнѣ: вы исполнили свой долгъ, какъ неустрашимый, храбрый и расторопный офицеръ. Поберегите свое здоровье для другихъ случаевъ и отдохните, вы ужасно устали. При семъ словѣ подошелъ ко мнѣ генералъ М. Ланской, взялъ меня за руку, сказавъ: пойдемъ и отдохнемъ, любезный другъ. Онъ привелъ меня въ одну лощину, гдѣ сѣли мы съ нимъ и еще нѣсколько особъ на травѣ, выпили водки и съѣли по куску. Но я чувствовалъ сильную жажду, онъ подалъ мнѣ большой стаканъ вина. Я, не разсматривая, что въ стаканѣ, выпилъ весь, отчего заснулъ крѣпкимъ сномъ тутъ же, гдѣ сидѣлъ. Я спалъ нѣсколько часовъ и разбуженъ былъ сильнымъ топотомъ лошадей. Открывъ глаза, увидалъ я моего гусара съ двумя верховыми лошадьми и спросилъ его, что это былъ за стукъ, который разбудилъ меня? Это проѣхалъ мимо васъ послѣдній эскадронъ гусаръ нашего аріергарда, отвѣчалъ онъ мнѣ. Гдѣ же генералъ и войско? продолжалъ я.—Всѣ пошли назадъ, и здѣсь никого нѣтъ,—сказалъ онъ. Тутъ сѣлъ я на лошадь и поскакалъ догонять мою роту; но нашелъ уже оную на мѣстѣ. Лагерь былъ поставленъ нѣсколько подалѣе прежняго, палатка моя была уже готова, и я пошелъ въ оную, какъ для распоряженій послѣ таковаго дѣла, такъ и для отдохновенія. Итакъ все сіе довольно кровопролитное и опасное для небольшого корпуса войскъ дѣло кончилось только пріобрѣтеніемъ отъ непріятеля восьми пушекъ. А ретраншементъ былъ нами оставленъ. Поляки опять заняли его, исправили и вооружили другими пушками.

Въ россійской службѣ принято ложное правило: какъ бы кто изъ подчиненныхъ ни отличался и какъ бы ни было хорошо о немъ представлено,— не награждать того, если дѣло вообще было неудачно. Итакъ, при всѣхъ похвалахъ отъ моихъ начальниковъ и товарищей остался я безъ награжденія.

Новый планъ осады Вильны.

Въ семъ мѣстѣ простояли мы двѣнадцать дней; между тѣмъ присоединились къ намъ отряды генералъ-маіоровъ *Германа* и князя Циціанова. Послѣ такого увеличенія силъ, сдѣланъ былъ новый планъ къ осадѣ Вильны, согласно во всемъ преподанному отъ генералъ-маіора *Германа* [1]).

Германъ былъ весьма знающій и опытный тактистъ, въ теоретическихъ же познаніяхъ сей науки едва ли кто изъ россій-

[1]) Ген.-отъ-инф. Иванъ Ивановичъ Германъ. Род. 1743 † 1801

скихъ генераловъ того времени могъ съ нимъ сравниться; притомъ былъ онъ довольно неустрашимъ и рѣшителенъ. Онъ предъ тѣмъ одержалъ съ малымъ числомъ солдатъ знаменитую побѣду надъ турками на кавказской линіи. Туда присланъ былъ отъ Порты Оттоманской трехбунчужный Баталъ-паша съ корпусомъ янычаръ и другихъ турецкихъ войскъ. Къ нему еще присоединились всѣ кабардинцы или черкесы, живущіе на кавказской линіи. Германъ не только совершенно уничтожилъ все сіе ополченіе, но взялъ въ плѣнъ всю артиллерію и самого пашу. Къ сожалѣнію, однако-жъ многія достоинства сего генерала помрачены были въ немъ непомѣрнымъ его пристрастіемъ къ пьянству. Вслѣдствіе этого онъ былъ наконецъ въ царствованіе императора Павла I разбитъ французами въ Голландіи, взятъ въ плѣнъ и тамъ окончилъ жизнь.

Итакъ, планъ осады, преподанный Германомъ, былъ такой. Одинъ отрядъ изъ 5 полковъ пѣхоты состоящій подъ начальствомъ бригадира князя Трубецкаго, долженъ былъ съ разсвѣтомъ дня, произвѣсть фальшивую атаку на оставленный нами и снова занятый непріятелемъ ретраншементъ. Мы же за нѣсколько часовъ прежде сего дѣйствія, то-есть, по пробитіи вечерней зари, оставя на мѣстахъ разожженые огни, пошли со всѣми остальными войсками, тремя колоннами влѣво. Намъ надлежало сдѣлать четыре мили и, придя между дорогъ, ведущихъ къ Трокамъ и Гродно, напасть на находившуюся тамъ часть ретраншемента. Мы считали ее слабѣе прочихъ. Она отдѣлена была отъ взятой нами съ правой стороны крутыми обрывами, или буераками, простирающимися на разстояніе дальняго пушечнаго выстрѣла.

Взятіе Вильны.

Мы подошли къ оному на разсвѣтѣ, и гренадеры наши, отряженные на штурмъ, встрѣтили вмѣсто ретраншемента только одинъ ложементъ, родъ траншеи, или рва, изъ котораго земля выкинута на наружную сторону и сверху оной положено по одной фашинѣ. Въ семъ рвѣ было три тысячи непріятельской пѣхоты и шесть пушекъ. Этотъ ложементъ начинался близъ помянутыхъ мною обрывовъ и, проходя по высотѣ, именуемой Буафоловская гора, оканчивался на оной тамъ, гдѣ гора сія примыкала къ песчаной равнинѣ, которая тянулась до публичнаго загороднаго дома, именуемаго Погулянка и до берега рѣки Вильны.

Непріятель не ожидалъ съ сей стороны нападенія и находился въ довольной оплошности, такъ что гренадеры наши открыты имъ были только за нѣсколько шаговъ. Однакожъ они успѣли сдѣлать залпъ изъ ружей и пушекъ. Потомъ, бросивъ свое укрѣпленіе и пушки, они спустились съ горы и стали въ линію на помянутой равнинѣ, отойди отъ горы не далѣе пушечнаго выстрѣла.

Въ самое сіе время пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ отъ генерала съ повелѣніемъ, чтобъ я, наискорѣе перейдя ложементъ, поста-

вилъ пушки свои на Буафоловской горѣ и обратилъ ихъ противъ непріятельской линіи пѣхоты. Лишь только успѣлъ я занять показанное мѣсто, какъ увидалъ, что генералъ-маіоръ Бенингсенъ устроилъ подъ самой горой, на которой я стоялъ, три полка конныхъ, а именно: драгунскій, карабинерный и легкоконный полкъ. Онъ приготовилъ ихъ къ атакѣ непріятельской пѣхоты и сдѣлалъ напередъ слѣдующее распоряженіе. Одинъ полкъ казаковъ послалъ онъ вправо, дабы отрѣзать непріятелю дорогу къ Вильнѣ, а другой влѣво для пресѣченія гродненской дороги. Тремъ же полкамъ регулярной конницы онъ велѣлъ выслать впередъ по два ряда отъ каждаго взвода, которые и составили впереди довольно густую цѣпь, или лучше сказать, линію фланкеровъ... По данному знаку поѣхали они рысью къ непріятельской пѣхотѣ, державшей заряженныя ружья на прикладѣ. Подступивъ такимъ образомъ довольно близко, начали они стрѣлять въ линію изъ карабиновъ и пистолетовъ; между тѣмъ линія конницы приближалась къ своимъ фланкерамъ. Поляки недолго выдерживали сей огонь и вмѣсто того, чтобы противъ конныхъ выслать пѣшихъ стрѣлковъ, сдѣлали залпъ. Бенингсенъ въ тоже мгновеніе приказалъ, какъ фланкерамъ, такъ и всей линіи, ударить на непріятеля въ сабли. Поляки не успѣли еще зарядить ружей, какъ были совершенно опрокинуты; онъ проскакалъ такимъ образомъ почти до берега рѣки, гдѣ, поворотясь, довершилъ пораженіе непріятелю, напавъ съ тылу. Итакъ весь сей непріятельскій отрядъ изъ трехъ тысячъ, исключая раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, погибъ до послѣдняго человѣка не болѣе, какъ въ пять минутъ.

Остатокъ дня проводили мы въ бомбардированіи города, на что непріятель отвѣтствовалъ намъ весьма слабымъ огнемъ.

Съ приближеніемъ ночи велѣлъ генералъ-поручикъ Кноррингъ поставить лагерь саженяхъ въ 700 позади моей батареи. Я оставшись одинъ безъ всякаго прикрытія, послалъ ему о томъ сказать. Поэтому присланы были ко мнѣ баталіонъ гренадеръ для прикрытія, одинъ эскадронъ карабинеровъ и сотня казаковъ для составленія передовой цѣпи.

Между тѣмъ пошелъ довольно сильный дождь и весь мой отрядъ, кромѣ часовыхъ, расположился въ оставленныхъ поляками шалашахъ или баракахъ. Около полуночи услышали мы голосъ трубъ; часовые закричали: къ ружью! — и всѣ стали въ боевой порядокъ. Тутъ начальникъ баталіона сказалъ мнѣ: „вѣрно поляки узнали, что насъ здѣсь мало, и хотятъ сдѣлать нападеніе конницею“. На сіе отвѣчалъ я ему: „когда конница атакуетъ ночью и еще при игрѣ на трубахъ, то это значитъ что-нибудь другое“. И подлинно, трубы скоро умолкли, и мы, не слыша никакого шума и топота, возвратились въ свои шалаши. Но черезъ часъ услышалъ я незнакомый голосъ, зовущій по имени. „Здѣсь“! — отвѣчалъ я ему. Но онъ, не подъѣзжая ко мнѣ, сказалъ: „Генералъ приказалъ, сказать вамъ, чтобъ вы не смѣли

дѣлать ни одного выстрѣла съ вашей батареи, потому что идутъ переговоры о сдачѣ города". „Хорошо", — отвѣчалъ я ему: — „поздравляю васъ и прошу поздравить отъ меня генерала". Съ сими словами посланный удалился. На слѣдующій день удостовѣрился я отъ пріѣхавшихъ ко мнѣ офицеровъ въ истинѣ словъ посланнаго. Тогда поѣхалъ я поздравить лично генерала, который, поздравивъ меня взаимно, прибавилъ: „вы много участвовали въ покореніи сего города и конечно не будете оставлены въ представленіи къ императрицѣ; а на сей разъ раздѣлите со мною принадлежащую вамъ честь, поѣдемте со мною въ городъ, куда уже посланы баталіоны для занятія карауловъ".

Между тѣмъ успѣлъ я узнать, что произошло во время прошедшей ночи въ городѣ. Польскій гарнизонъ и всѣ военные люди, тамъ находившіеся, съ артиллеріею и экипажами выбрались изъ онаго чрезъ такъ называемый запасный мостъ на противный берегъ рѣки Виліи и пошли далѣе. Жители города, не видя ни одного военнаго человѣка, вспомнили о генералѣ Елинскомъ, который сидѣлъ въ заключеніи за ослушанье повелѣнія генерала Костюшки. Они нашли на пустой гауптвахтѣ его саблю и орденскіе знаки, освободили его изъ заключенія, отдали ему оные и просили его, чтобъ онъ, взявъ съ собою городскихъ трубачей и нѣкоторыхъ членовъ ратуши, выѣхалъ для переговоровъ съ русскими о сдачѣ города. Это и было исполнено имъ.

Генералъ-поручикъ Кноррингъ, съ прочими генералами, со мною, съ нѣкоторыми другими штабъ-офицерами и своимъ штатомъ поѣхалъ по дорогѣ къ той памятной для меня Острой Брамѣ или воротамъ. При въѣздѣ въ предмѣстіе встрѣчены мы были сперва греко-россійскимъ духовенствомъ, а за онымъ слѣдовало римско-католическое. Жиды стояли по одну сторону дороги, крича: „ура!" — а поляки — по другую на колѣняхъ. Съ приближеніемъ нашимъ къ нимъ они упали ницъ: насилу генералъ Кноррингъ принудилъ ихъ встать, увѣряя ихъ въ милосердіи императрицы Екатерины II-й.

Мы продолжали путь свой къ городу, а поляки бѣжали по сторонамъ. Знакомые и незнакомые мнѣ люди, забывъ свое проклятье, подбѣгали ко мнѣ и, не могши достать руки моей, цѣловали стремена моего сѣдла.

Въѣхавъ въ городъ, увидѣли мы, что во всѣхъ домахъ окна открыты, дамы и дѣвицы въ нарядныхъ платьяхъ стояли подлѣ оныхъ, бросали цвѣты на улицу и оказывали всѣ знаки дружества. Генералъ и всѣ бывшіе съ нимъ пошли въ грекороссійскій монастырь, тамъ отслужено было благодарственное молебствіе при залпахъ всей нашей артиллеріи, поставленной около города. Торжество кончилось обѣденнымъ столомъ у генералъ-поручика Кнорринга, послѣ котораго все войско наше расположено было въ лагерѣ при самой Вильнѣ.

Генералъ-маіоръ князь Циціановъ посланъ былъ для преслѣдованія польскихъ войскъ, ушедшихъ изъ Вильны, и чрезъ нѣсколько дней возвратился, взявъ нѣсколько плѣнныхъ.

Мы стояли въ ономъ до половины октября мѣсяца. Между тѣмъ великій Суворовъ взялъ приступомъ сильныя укрѣпленія Праги и принудилъ Варшаву къ сдачѣ. А генералъ-поручикъ Ферзенъ, отряженный отъ него съ корпусомъ войскъ, разбилъ главнаго польскаго вождя Костюшку и взялъ самого его въ плѣнъ. При этомъ немало участвовалъ старшій братъ мой, который посланъ былъ съ донесеніемъ о томъ къ императрицѣ, награжденъ былъ за то орденомъ св. Георгія 4-го класса и чиномъ полковника.

Симъ пресѣклись всѣ безпокойства въ Польшѣ, и приступлено было къ раздѣлу сего государства между Россіей, Австріей и Пруссіей.

За всѣ сіи дѣла награжденъ я былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени, и сіе было нѣкоторымъ образомъ противно принятому порядку въ награжденіяхъ: мнѣ послѣ старшаго ордена дали младшій.

Поляки и русскіе.

Наконецъ вступили мы на зимнія квартиры въ Вильну.—Театры, балы, общественныя собранія занимали насъ въ свободное отъ службы время. Жители Вильны возобновили знакомство съ нами, какъ бы ничего не было. Женщины, по врожденной ихъ склонности, были весьма къ намъ снисходительны, а мужчины гостепріимны. Сражавшіеся противъ меня любили со мною разговаривать о прошедшихъ военныхъ происшествіяхъ, разсказывать, какія они брали противъ меня мѣры, при чемъ не оставляли они осыпать меня похвалами. Можно бы при семъ сказать: таково-то непостоянство рода человѣческаго: что сегодня ненавидятъ, то завтра любятъ. Но нѣтъ, это есть отличительная черта характера поляковъ. Они всегда насъ ненавидѣли, ненавидятъ и будутъ ненавидѣть; одни только особенные и неожидаемые перевороты въ религіи и въ образѣ правленія могутъ истребить сію ненависть. Многіе называютъ то подлостью и низостью въ полякахъ, что они при малѣйшей для нихъ надеждѣ, оказываютъ всю ненависть и презрѣніе къ русскимъ. Но едва скроется лучъ ея, какъ становятся къ нимъ почтительны, ласковы и учтивы до униженія. Но я скажу на все, что это есть естественное слѣдствіе состоянія народа, въ которомъ онъ находится. Какъ имъ не ненавидѣть лишившихъ ихъ отечества, и какъ не унижаться притомъ предъ ними, когда многіе изъ ихъ соотечественниковъ за твердость, непреклонность характера и за привязанность къ своимъ правамъ погибли безъ пользы.

Переходъ въ конную артиллерію.

Съ наступленіемъ зимы захотѣлось мнѣ повидаться съ моими родителями и братьями; для того и послалъ я къ фельдцейхмейстеру и любимцу Екатерины II-й князю Зубову просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ. Позволеніе на то получилъ и вмѣстѣ съ повелѣніемъ сдать мою

роту другому капитану, потому что я переведенъ уже былъ въ конную артиллерію и назначенъ къ новому ея формированію. Хотя извѣстно было всѣмъ, что князь Зубовъ для сего предпріятія желалъ имѣть самыхъ лучшихъ и отличныхъ офицеровъ, но мнѣ весьма прискорбно было разстаться съ храбрыми товарищами роты моей, столько лѣтъ въ двухъ войнахъ честно со мною служившихъ. Едва могъ я упросить нашего начальника артиллеріи генералъ-маіора Челищева, чтобы онъ позволилъ мнѣ для новаго назначенія взять съ собою двухъ унтеръ-офицеровъ и шесть человѣкъ бомбардировъ моей роты.

И такъ оставилъ я Польшу, Вильну и начальника моего генералъ-поручика Кнорринга, о которомъ могу сказать, что онъ былъ человѣкъ съ довольнымъ просвѣщеніемъ, имѣлъ многія свѣдѣнія по ученой части, потребныя для генерала, а наипаче по части квартирмейстерской. Онъ довольно неустрашимъ, но робокъ въ отвѣтственности предъ начальствомъ, что заставляло его иногда быть нерѣшительнымъ.

Прибывъ въ Петербургъ, нашелъ я отца своего обремененнымъ многими должностями. Онъ исправлялъ должность генералъ-инженера по всей Россіи, предсѣдательствовалъ въ канцеляріи артиллерійской, былъ членомъ военной коллегіи и присутствовалъ въ Сенатѣ по Межевому департаменту, сверхъ того, имѣлъ еще многія особыя порученія.

ГЛАВА 7я.

Кн. Зубовъ и Безбородко.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.—Густавъ Адольфъ, король шведскій.—Кончина Имп. Екатерины II.—Вступленіе на престолъ Павла I.—Кончина фельдмаршала гр. Румянцова-Задунайскаго.

Кн. Зубовъ и Безбородко.

По смерти князя Потемкина, всѣ преданные и облагодѣтельствованные имъ люди, обратясь къ князю Зубову, были употреблены по ихъ способностямъ. Хотя онъ былъ его непріятелемъ, такъ что даже нѣкоторые думаютъ, будто онъ былъ причиною преждевременной его смерти; но, къ чести вѣка Екатерины II, можно сказать, что вельможи, слѣдуя ея духу, не придерживались личностей въ своихъ неудовольствіяхъ. Они смотрѣли больше на достоинства людей, хотя бы тѣ и служили до того ихъ непріятелямъ.

Безбородко [1]), родившійся въ Малороссіи, гдѣ отецъ его былъ войсковымъ писаремъ и служившій сначала въ канцеляріи фельдмаршала Румянцова, былъ тогда не по чину и мѣсту, а по достоинствамъ своимъ первымъ министромъ. Екатерина II по слабости, свойственной женскому полу, имѣла полную довѣренность къ любимцу своему князю Зубову, и хотѣла, чтобъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла исполнялись чрезъ него. Зубовъ не могъ обойтись безъ графа Безбородки. Екатерина то знала, и поэтому Безбородко часъ отъ часу пріобрѣталъ все большее значеніе.

Г. *Трощинскій* [2]) и *Поповъ* [3]), бывшіе въ довѣренности князя Потемкина, равномѣрно употреблены были соотвѣтственно ихъ способностямъ и довольно были значительны при дворѣ.

Да позволено будетъ мнѣ сказать здѣсь одно слово о государяхъ монархическаго правленія, Сколь бы ни были они премудры и сколь много ни старались бы о благѣ своихъ подданныхъ, всегда случается съ ними то, что случилось съ Екатериной II. Они обыкновенно, найдя человѣка великихъ способностей и достоинствъ, обременяютъ его великимъ множествомъ пору-

---

1) Графъ, впослѣдствіи князь и канцлеръ Александръ Андреевичъ Безбородко. Род. 1747 † 1799.

2) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій. Род. 1749 † 1829.

3) Василій Степановичъ Поповъ. Ген.-маіоръ, управлялъ дѣлами Потемкина.

ченій. Хотя умъ его въ состояніи обнять всѣ эти порученія, но исполненіе, напоминаніе и прочее долженъ онъ поручать другимъ.

Трудная наука избирать людей требуетъ времени, котораго часто при дворѣ не достаетъ, а исполненіе многихъ обязанностей, отъ которыхъ нельзя отказаться, еще болѣе тому препятствуетъ.

И такъ, при всемъ желаніи быть полезнымъ отечеству, остается людямъ, находящимся на таковой степени, заниматься только важнѣйшими государственными предметами, прочія же дѣла поручать другимъ. Приходится имъ имѣть, какъ римскіе консулы имѣли, напоминателей, которые не всегда исполняютъ обязанность свою съ должною энергіею и безпристрастіемъ. Вслѣдствіе этого происходятъ неудовольствія частныхъ людей, отъ которыхъ не былъ свободенъ при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ и графъ Безбородко, возведенный императоромъ Павломъ въ княжеское достоинство. Поэтому многіе частные люди имѣли справедливыя причины быть имъ недовольны.

Что касается меня, то по прибытіи моемъ въ Петербургъ, занялся я формированіемъ конной артиллеріи, которое производилось подъ особымъ начальствомъ князя Платона Зубова.

Но такъ какъ онъ не имѣлъ на то достаточнаго времени, то поручилъ сіе дѣло особенному попеченію артиллеріи генералъ-поручику *Мелисино*. Намъ дано было на составленіе каждой роты по 40 человѣкъ старыхъ артиллеристовъ, по стольку же и конницы и по 40 человѣкъ рекрутовъ. Дѣло было довольно затруднительно и требовало много работы отъ начальниковъ роты и офицеровъ. Артиллеристы должны были учить конныхъ солдатъ дѣйствовать пушками, а сіи—учить артиллеристовъ верховой ѣздѣ и обращаться съ лошадьми. Наконецъ, тѣ и другіе обязаны были обучать рекрутъ тому и другому искусству. Какъ бы то ни было, однакоже формированіе сіе производилось съ довольнымъ успѣхомъ.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Обратимся на время къ императорской россійской фамиліи. Царствующая императрица Екатерина II, хотя еще не была въ глубокой старости, но, какъ кажется, чувствовала уже приближеніе своей кончины.

Сынъ ея и наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ съ супругою его Маріею Ѳедоровной жилъ въ Гатчинѣ. Гатчина въ началѣ царствованія Екатерины была ни что иное, какъ большая финская деревня, отстоящая въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Она принадлежала къ казенному вѣдомству и была подарена князю Орлову, который построилъ въ ней довольно огромный загородный домъ и разныя службы для скотоводства. Потомъ онъ возвратилъ сію деревню Екатеринѣ, а она отдала ее сыну своему. Положеніе сего селенія довольно пріятно и выгодно. Великій князь Павелъ Петровичъ, получивъ оное, построилъ тамъ замокъ,

завелъ хорошій садъ, оранжереи, увеличилъ и украсилъ свой домъ, а крестьянскіе дома выстроилъ вновь по своему вкусу. Замокъ свой онъ окружилъ батареями и разными укрѣпленіями.

Императоръ Павелъ I, когда былъ наслѣдникомъ престола, имѣлъ чинъ генералъ-адмирала россійскихъ флотовъ.

Поэтому подъ начальствомъ его состояли морскіе солдатскіе баталіоны, опредѣленные на службу для кораблей и дессантовъ. Онъ расположилъ снова въ Гатчинѣ нѣсколько баталіоновъ сего войска, изъ которыхъ, наконецъ, образовалъ гренадеръ, мушкетеръ, егерей, кирасиръ, драгунъ и гусаръ по одному эскадрону. Притомъ составилъ онъ и небольшой отрядъ конной и пѣшей артиллеріи. Образъ службы, военныя дѣйствія, мундиръ и все было совершенно противно введеннымъ въ арміи Екатерины. Всякому извѣстно, что военные знаки государства, какъ-то: темляки на шпагахъ, шарфы, эполеты и банты на шляпахъ обыкновенно бываютъ сообразны съ цвѣтами государственнаго герба, и что имперіи и великія королевства употребляютъ золото тамъ, гдѣ прочія государства серебро. Павелъ, еще при жизни Екатерины, перемѣнилъ сіи знаки и вмѣсто золота вездѣ употреблялъ серебро, потому что, будучи наслѣдникомъ императорскаго престола, былъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдникомъ герцогства голштинскаго. Больше же всего сдѣлалъ онъ это для того, чтобъ войско его подобно было войску прусскому времени Фридриха II. Желая доказать, что онъ точно сынъ Петра III, слѣпо слѣдовалъ онъ его склонностямъ. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ по наружности, имѣть все то въ Гатчинѣ, что было во время великаго прусскаго гусударя-философа въ Потсдамѣ. Съ малыми его способами невозможно было ему сего достигнуть. Однако, онъ напестрилъ такой же, какъ и въ Потсдамѣ, краской всѣ столбы при въѣздахъ, подѣлалъ шлагбаумы, выкрасилъ такъ же барабанные обручи, завелъ экспантоны и аллебарды, перекрасилъ лафеты пушекъ, передѣлалъ мундиры и шляпы по тому же образцу, привязалъ солдатамъ и офицерамъ длинныя косы; а вмѣсто золотыхъ мундирныхъ знаковъ велѣлъ употреблять серебряные. Но никто изъ офицеровъ его и солдатъ не смѣлъ появляться въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ въ сихъ мундирахъ, а носить оные только въ Гатчинѣ.

Не будучи доволенъ одною наружностью, хотѣлъ онъ чтобъ военный порядокъ, тактика, экзерциція и маневры военные производились такъ, какъ у Фридриха. Но такъ какъ не имѣлъ онъ самъ довольно о томъ понятія, то набиралъ въ войско свое разныхъ бродягъ, сказавшихъ о себѣ, что они служили въ прусскомъ войскѣ офицерами, или по крайней мѣрѣ унтеръ-офицерами. Эти люди показывали ему, какъ одѣть солдата, объясняли прусскіе барабанные бои, образъ развода, экзерцицію ружейную, маневры, но всякій по своему. Вслѣдствіе этого происходили у него безпрестанныя перемѣны, чѣмъ онъ въ праздности своей съ утра до вечера и занимался. Вотъ все, въ чемъ способность его поз-

воляла ему уподобиться Фридриху. Онъ носилъ такой же мундиръ и шляпу; ѣздилъ на англійской лошади и нѣмецкомъ сѣдлѣ съ длинной косой и старался наружностью хотя нѣсколько быть на него похожимъ,—вотъ въ чемъ подражалъ онъ великому Фридриху, а во всемъ прочемъ не доставало у него ни ума, ни духа, ни просвѣщенія. Русскіе офицеры морскихъ баталіоновъ, которые чувствовали себя способными къ важнѣйшимъ предпріятіямъ, во время военныхъ дѣйствій прославившихъ Россію, старались переходить въ другіе полки. Онъ же наполнялъ свое войско иностранцами, а за недостаткомъ оныхъ русскими, выгнанными изъ другихъ полковъ за дурное поведеніе или за неспособность. Великій князь Павелъ рѣдко пріѣзжалъ въ Петербургъ или ко двору Екатерины, который по большей части въ лѣтнее время находился въ Царскомъ селѣ; при чемъ пріѣзжалъ всегда только на нѣсколько часовъ, но жилъ всегда въ Гатчинѣ.

Когда сыновья его Александръ и Константинъ достигли юношескаго возраста, Екатерина наименовала Александра шефомъ Екатеринославскаго, а Константина С.-Петербургскаго гренадерскаго полка. Имъ позволено было носить мундиры этихъ полковъ и отъ каждаго изъ нихъ послано было къ великимъ князьямъ по одному штабъ-офицеру, нѣсколько оберовъ и унтеръ-офицеровъ и по 60 человѣкъ отборныхъ солдатъ. Александръ въ юности своей былъ очень скроменъ и не весьма ими занимался; напротивъ, Константинъ оставилъ всѣ занятія и привязался къ своимъ гренадерамъ.

Всякую недѣлю ѣздили они къ отцу своему въ Гатчину, гдѣ снимали съ себя императорскій мундиръ и надѣвали великокняжескій. Они были тамъ шефами особыхъ батальоновъ, и одинъ справа, а другой слѣва помогали отцу своему дѣлать обороты войскъ по образу пруссаковъ.

Нѣкоторые говорятъ, будто Екатерина II имѣла намѣреніе отрѣшить отъ наслѣдства престола сына своего Павла, а на мѣсто его возвести Александра, внука своего; Константина же посадить на престолъ Константинопольскій, выгнавъ турковъ изъ Европы. Послѣднее имѣло видъ нѣкотораго правдоподобія, если принять во вниманіе великіе успѣхи въ войнахъ противъ турковъ, раздѣленіе, или лучше сказать, уничтоженіе Польши и смутъ съ Швеціей. Далѣе когда только родился Константинъ, то опредѣлили его кормилицей гречанку, въ дальнѣйшемъ возрастѣ его старались окружать молодыми греками. Едва началъ онъ говорить, стали учить его по-гречески, и этотъ языкъ и по сіе время онъ хорошо знаетъ. Едва исполнилось имъ по двадцать [1]) лѣтъ, какъ обоихъ она сочетала бракомъ.

---

[1]) По 16 лѣтъ. Старшему изъ великихъ князей Александру, рожденному 12 декабря 1777 года не было еще полныхъ 19-ти лѣтъ въ моментъ смерти Екатерины. *Ред.*

Въ концѣ царствованія Екатерины II Россія наслаждалась совершеннымъ спокойствіемъ. Но предпріятіи противъ турокъ не были оставлены. Предложено было набрать особое войско въ Херсонской и Екатеринославской губерніи подъ наименованіемъ Вознесенскаго. Для того же, чтобы больше обезпечить себя со стороны сѣвера Екатерина хотѣла внучку свою, Екатерину [1]), дочь Павла, отдать въ супружество королю шведскому Густаву Адольфу.

Густавъ Адольфъ, король шведскій.

Извѣстно свѣту, что Густавъ III, король шведскій, который велъ войну противъ Россіи, въ коей и я участвовалъ, скоро по заключеніи мира застрѣленъ былъ на балѣ въ 1792 году, и что сынъ его Густавъ-Адольфъ ему наслѣдовалъ. За него-то Екатерина II и хотѣла отдать свою внучку.

Въ 1796 году сей молодой государь прибылъ въ Петербургъ. Я имѣлъ честь представлять ему вмѣстѣ съ прочими мою конную роту. Надо сказать, что за нѣсколько времени до сего были у насъ многіе смотры сей новозаведенной конной артиллеріи и за исправность и успѣхи награжденъ я былъ отъ императрицы орденомъ Св. Владимира 3-й степени. Вскорѣ потомъ произвели меня въ маіоры той же артиллеріи, чинъ этотъ равенъ былъ тогда подполковнику арміи.

Густавъ-Адольфъ, король шведскій, былъ весьма доволенъ нашими дѣйствіями, и на другой день всѣ наши штабъ и оберъ-офицеры представлены были къ нему на аудіенцію. Сей прекрасный молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ дядей своимъ и опекуномъ, герцогомъ Зюдерманландскимъ, начальствовавшимъ въ послѣдней противъ Россіи войнѣ шведскимъ гребнымъ флотомъ. Молодой король Густавъ-Адольфъ въ обращеніи своемъ съ Екатериной и при ея дворѣ показалъ отличныя способности, природныя дарованія, равно и слѣды превосходнаго воспитанья. Поздно замѣтила тогда Екатерина недостатки природныхъ способностей, а особливо воспитанія внуковъ ея, Александра и Константина. Воспитаніе ихъ поручено было графу Николаю Ивановичу *Салтыкову* [2]).

Во время пребыванія короля въ Петербургѣ, разговаривая съ своими придворными о превосходномъ его воспитаніи государыня сказала, что баронъ Спарре и графъ Гилленстолпе, старавшіеся о воспитаніи сего молодаго государя, безсмертную обрѣли славу своими успѣхами. На сіе сказалъ одинъ изъ придворныхъ: „такъ, государыня, подданный, старавшійся и доставившій такое воспитаніе своему государю, поистинѣ достоинъ, чтобъ воздвигли въ память его золотую статую“. „Правда!—отвѣчала императрица,—а нашему графу Салтыкову жаль свинцовой“. Но удивительно, какъ слѣпое счастіе и стеченіе обстоятельствъ могутъ

---

[1]) Александру Павловну, а не Екатерину Павловну. *Ред.*

[2]) Графъ, впослѣд. свѣтлѣйшій князь Н. И. Салтыковъ. Род. 1736 † 1816 въ дальн. предсѣдатель госуд. совѣта.

такъ играть всѣми смертными безъ изъятія. Кто бы могъ тогда подумать, чтобы сей юный монархъ, за воспитанье котораго великая Екатерина согласна была воздвигнуть золотую статую его наставнику, а наставнику внука своего пожалѣла и свинцовой, чтобы этотъ монархъ былъ, наконецъ, въ угодность Наполеону, свергнутъ съ престола внукомъ ея и выгнанъ изъ отечества, и что на мѣсто его возведенъ былъ тѣмъ же ея внукомъ нѣкто *Бернадоттъ* [1]), о которомъ говорятъ, что въ то время былъ онъ работникомъ на кухнѣ одного французскаго господина. Слабыя дарованія ея внука, худыя склонности и малыя ихъ способности, что Екатерина сама при концѣ жизни своей примѣтила, открыла она отцу моему въ слѣдующихъ словахъ. Когда отецъ мой благодарилъ императрицу за награжденіе старшаго брата моего и меня знаками отличія за подвиги въ войнѣ противъ поляковъ, то она сказала ему: „Я завидую вашему счастію, вы благополучнѣе меня въ семъ случаѣ“. Въ сіе время, когда пишу я сіи строки, живы еще очевидцы — свидѣтели, въ присутствіи которыхъ произнесла Екатерина сіи слова.

Я уже сказалъ, что въ отношеніи политическихъ дѣлъ Россія тогда была совершенно спокойна, Екатерина никакъ не хотѣла мѣшаться въ дѣла Франціи, она равнодушно смотрѣла на неудачу австрійцевъ и пруссаковъ, сохранила союзъ съ Англіей, которая, какъ казалось, не препятствовала ей въ предпріятіяхъ ея противъ Турціи!

Но обратимся къ королю шведскому, жениху великой княжны Екатерины. Онъ поѣхалъ представиться будущему своему тестю, великому князю Павлу. Неизвѣстно, что между ними тамъ происходило, только король, возвратясь оттуда, отказался отъ сего супружества и уѣхалъ въ свое отечество.

Кончина Имп. Екатерины.

Вскорѣ по его отъѣздѣ Императрица Екатерина скончалась отъ апоплексіи.

Жизнь и кончина сей великой государыни описаны многими иностранными писателями. Но раньше не смѣли и по сіе время не смѣютъ за сіе взяться,—развѣ въ тайнѣ, и не иначе, какъ въ рукописяхъ, существуетъ между ними справедливая исторія ея жизни. Да позволено будетъ мнѣ привести здѣсь нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ слышалъ я отъ достовѣрныхъ людей въ бытность мою въ то время въ Петербургѣ, равно и то, что я самъ могъ замѣтить.

За нѣсколько дней до кончины императрицы былъ я представленъ Ея Величеству и благодарилъ за чинъ артиллеріи маіора. Величественный, вмѣстѣ милостивый ея пріемъ произвелъ немалое на меня впечатлѣніе. Возвратясь отъ двора къ отцу

---

[1]) Бернадоттъ, бывшій маршалъ Наполеона, носившій титулъ князя Понте-Корво, избранъ шведскимъ королемъ подъ именемъ Карла XIV. Родоначальникъ нынѣшней швед. династіи.

моему, между прочими разговорами сказалъ я: „О, какъ, думаю я, была прекрасна императрица въ молодыхъ лѣтахъ, когда и теперь примѣтилъ я, что немногіе изъ молодыхъ имѣютъ такой быстрый взглядъ очей и такой прекрасный цвѣтъ лица“. Отецъ мой, слыша сіи слова, тяжело вздохнулъ и, по нѣкоторомъ молчаніи, сказалъ: „Этотъ прекрасный цвѣтъ лица всѣхъ насъ заставляетъ страшиться“.

Екатерина пускала иногда кровь изъ руки или ноги. Это исполнялъ всегда самъ лейбъ-медикъ ея докторъ *Рожерсонъ* [1]), и получалъ у нея за трудъ каждый разъ по 2 т. рублей, не взирая на то, что онъ былъ весьма богатъ и что таковая плата вовсе была для него излишня. За нѣсколько времени до ея кончины этотъ докторъ не разъ совѣтовалъ ей отворить кровь, императрица на то не согласилась.

Въ одинъ день, когда онъ убѣдительно ее о томъ просилъ, она, обратясь къ своему камердинеру, сказала: „дайте ему 2 т. рублей“... Огорченный симъ, медикъ вышелъ съ неудовольствіемъ, и вскорѣ послѣдовало то, что онъ предвидѣлъ.

Екатерина на предметъ кончины своей никакихъ распоряженій не учинила. Великій князь Павелъ еще при вступленіи ея на престолъ объявленъ былъ наслѣдникомъ, и всему народу было то извѣстно.

Но говорятъ нѣкоторые, что будто бы сдѣлано завѣщаніе, по которому великій князь Павелъ не долженъ былъ царствовать, и наслѣдникомъ престола былъ назначенъ сынъ его Александръ. Завѣщаніе сіе не было однакожъ нигдѣ объявлено; но вотъ что нѣкоторымъ образомъ утверждаетъ распространившійся о томъ слухъ.

Вступленіе на престолъ Павла I.

Когда Императрица лишилась языка и почти всѣхъ чувствъ, и уже открылись очевидные знаки скораго приближенія смерти, сынъ ея Павелъ былъ тогда въ Гатчинѣ. Любимецъ ея князь Платонъ Зубовъ въ такое пришелъ отчаяніе, что не зналъ, что начать. Тогда братъ его, графъ Николай Зубовъ, сказалъ ему: „что ты дѣлаешь? Гдѣ стоитъ шкатулка съ извѣстными тебѣ бумагами“? Тутъ Платонъ далъ ему ключъ и указалъ мѣсто. Николай, вынувъ бумагу, въ тотъ же мигъ поскакалъ въ Гатчину. Павелъ занимался тогда катаньемъ въ саняхъ, ибо все сіе происходило въ началѣ ноября мѣсяца. Онъ нашелъ великаго князя въ одной рощѣ, и пригласилъ его во дворецъ, объявилъ о близкой кончинѣ его матери и отдалъ какую-то бумагу. Павелъ взглянулъ на оную, разорвалъ ее, обнялъ Зубова и тутъ же возложилъ на него орденъ Св. Андрея. По вступленіи же своемъ на престолъ Павелъ сдѣлалъ его оберъ-шталмейстеромъ двора.

---

[1]) Иванъ Самойловичъ Роджерсонъ, лейбъ-медикъ Екатерины II, пользовавшійся особымъ ея расположеніемъ. Въ царств. Александра I вернулся въ Англію, гдѣ и умеръ.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ Павла видѣлъ я самъ графа Николая Зубова въ мундирѣ оберъ-шталмейстера и въ голубой лентѣ. За что же сдѣлался Павелъ столь къ нему милостивъ, когда не могъ терпѣть всѣхъ фаворитовъ Екатерины, а особливо князя Зубова и его братій [1])?

Еще послѣднее дыханіе оставалось въ тѣлѣ императрицы какъ Павелъ прибылъ во дворецъ, тотъ же часъ послалъ за войскомъ своимъ въ Гатчину. При вступленіи оныхъ въ первый разъ жители Петербурга увидѣли мундиры по прусскому образцу времени Фридриха II-го. Бѣдная одежда офицеровъ и солдатъ, экспантоны, аллебарды, необыкновенные барабанные бои, командныя слова, музыка и прочее, — все показалось мнѣ новымъ и страннымъ. Но Павелъ приказалъ тотъ же часъ занять онымъ всѣ караулы во дворцѣ, въ крѣпости, при въѣздахъ въ городъ и въ прочихъ мѣстахъ, а по улицамъ производить сильные разъѣзды и обходы.

Едва послѣднее дыханіе оставило тѣло императрицы Екатерины, какъ Павелъ I-й, объявивъ себя императоромъ, повелѣлъ тотъ же часъ всѣ войска и гражданскіе чины привести къ присягѣ на подданство ему и вѣрность. Екатерина скончалась ночью. Гвардія тотъ же часъ присягнула, а передъ разсвѣтомъ дня вся пѣшая и конная артиллерія собраны были предъ ихъ канцеляріей, гдѣ всѣ произнесли присягу, и ни малѣйшаго нигдѣ не примѣчено было замѣшательства. Въ Москву посланъ былъ гвардіи капитанъ Митусовъ, въ прочія мѣста и къ знатнымъ особамъ—фельдъ-егери. Фельдъ-егерь—слово и званіе, не извѣстное въ Россіи до императора Павла I-го. Онъ перенялъ сіе отъ Фридриха II-го; въ Россіи же для сего употреблялись чиновники, извѣстные подъ названіемъ сенатскихъ военной и иностранной коллегіи курьеровъ. Это была новая должность безъ уничтоженія, однакожъ, прежней. Здѣсь почитаю приличнымъ упомянуть о кончинѣ великаго россійскаго полководца фельдмаршала графа Румянцова, очевидцемъ которой былъ въ то время старшій мой родной братъ, служившій тогда полковникомъ въ пѣхотѣ [2]).

Кончина фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго.

Фельдмаршалъ Румянцовъ, въ престарѣлыхъ лѣтахъ сдѣлался предъ тѣмъ нѣсколько нездоровъ и не выходилъ изъ дома. Братъ мой и нѣкоторые другіе господа были тогда при немъ. Онъ сидѣлъ въ креслахъ и довольно спокойно разговаривалъ о разныхъ предметахъ, какъ вдругъ сказали ему: „пріѣхалъ къ вамъ фельдъегерь“. „Откуда?“—спросилъ онъ,—„изъ Берлина“? „Нѣтъ, отвѣчали ему; изъ Петербурга“. „Знаю, что это значитъ, велите ему войти ко мнѣ“.

---

[1]) Считается достовѣрнымъ, что завѣщаніе Екатерины передалъ Павлу графъ Безбородко, бывшій при Павлѣ затѣмъ въ особой милости и возведенный имъ въ свѣтлѣйшіе князья. *Ред.*

[2]) Николай Алексѣевичъ, изв. подъ им. Тучковъ I, умеръ отъ ранъ при Бородинѣ.

Вслѣдъ за симъ явился человѣкъ въ необыкновенной для всѣхъ одеждѣ, совершенно въ прусскомъ мундирѣ. Онъ подалъ письмо графу, который, принявъ оное, просилъ другихъ распечатать и прочитать ему. Оно содержало извѣстіе о кончинѣ императрицы и о вступленіи на тронъ Павла I.

Сколько фельдмаршалъ Румянцовъ не испыталъ несправедливостей отъ Екатерины, а паче отъ ея любимцевъ, — но любовь къ отечеству была въ немъ очень сильна. Поэтому, предугадывая духомъ всѣ несчастія, угрожающія Россіи отъ Павла и его потомковъ, онъ былъ столь пораженъ симъ предвидѣніемъ, что во время чтенія сего письма постигъ его параличъ, отъ котораго лишился онъ жизни.

Хотя императору Павлу подробно было донесено о семъ происшествіи, однако же, для уваженія повелѣлъ онъ почтить память сего полководца общимъ трехдневнымъ трауромъ при дворѣ и въ войскѣ.

ГЛАВА 8-я.

Положеніе государственнаго Управленія при кончинѣ Екатерины II.— Перемѣны при Павлѣ I.—Нововведенія въ царствованіе Павла I.— Погребеніе Екатерины II и Петра III.—Судьба Тучкова при Павлѣ I.

Положеніе Государственнаго Управленія при кончинѣ Екатерины II.

Я почитаю обязанностію сказать здѣсь, въ какомъ положеніи, относительно всѣхъ частей правленія, оставила Императрица Екатерина II Государство Россійское сыну своему Павлу I.

По уничтоженіи Петромъ I патріаршеской власти въ Россіи, для духовныхъ дѣлъ учрежденъ былъ въ оной *Синодъ*, составленный изъ знатнѣйшихъ особъ духовенства, гдѣ Государь самъ нерѣдко предсѣдательствовалъ. Сіе учрежденіе осталось въ томъ же видѣ до самой кончины Екатерины II.

Сенатъ, равномѣрно тѣмъ же Государемъ учрежденный, составленъ былъ изъ знатнѣйшихъ государственныхъ особъ; въ немъ Петръ I почти всякій день присутствовалъ. Сенаторы имѣли право подавать голоса противъ именныхъ Его повелѣній. Это оставалось также и при Екатеринѣ, съ тою только разницею, что она рѣдко въ ономъ бывала, а повелѣвала оному своими именными указами, противъ которыхъ не смѣлъ никто возражать.

При ней учрежденъ былъ также *Верховный совѣтъ* которому предлагала она иногда свои намѣренія и предпріятія, относящіяся къ важнымъ Государственнымъ дѣламъ. Совѣтъ имѣлъ право подавать на то свое мнѣніе; но буде таковое неугодно было императрицѣ, то оставалось оно безъ дѣйствія, а дѣло исполнялось по ея волѣ.

Сверхъ того, были разныя коллегіи, имѣвшія своихъ президентовъ, какъ напримѣръ, *юстицъ-коллегія*, въ которую подавались апелляціи на разныя присутственныя мѣста и лица. Сверхъ оной была еще учреждена *Рекетмейстерская контора* для разсматриванія прошеній, подаваемыхъ на имя самой императрицы.

Коллегія иностранныхъ дѣлъ завѣдывала дипломатическою частью, всѣми заграничными дѣлами и частью касающимися до иностранцевъ, пребывающихъ въ Россіи. Впрочемъ, важнѣйшія иностранныя дѣла рѣшались въ Совѣтѣ, или въ кабинетѣ императрицы.

Коммерцъ-коллегія занималась дѣлами, до внутренней и заграничной торговли касающимися.

Мануфактуръ-коллегія занималась распространеніемъ фабрикъ и разныхъ рукодѣлій.

Военная коллегія имѣла всѣ дѣла, вообще до арміи и гарнизоновъ касающіяся, пеклась о снабженіи полковъ и баталіоновъ людьми, лошадьми, оружіемъ, одеждой, военной аммуниціей, провіантомъ и жалованьемъ. Отъ оной зависѣло также производство въ чины офицеровъ, до штабъ-офицерскаго званія. На сіе же достоинство и далѣе выдавала патенты императрица за собственнымъ подписаніемъ. Впрочемъ, въ царствованіе императрицы Екатерины всегда производство чиновъ происходимо по старшинству и обыкновенно три раза въ годъ, чрезъ общее производство наполнялись убылыя мѣста военныхъ чиновниковъ. Никто не могъ быть обойденъ, развѣ за преступленіе и пороки, но и то не иначе, какъ по приговору военнаго суда. Для отличившихся въ войнѣ предоставлены были въ видѣ наградъ орденскіе знаки, имѣнія или деньгами; однакоже подъ конецъ ея царствованія сей порядокъ нѣсколько разстроился. Стали обходить офицеровъ чинами безъ суда, а по представленью начальниковъ. Но и тутъ также было нѣкоторое ограниченіе,—неспособность или порочное поведеніе офицера должно быть показано въ такъ называемомъ *аттестатскомъ спискѣ*, каковые каждую треть года посылались въ военную коллегію. Сіи списки составлялись слѣдующимъ образомъ: младшаго прапорщика аттестуютъ и подписываются подъ его именемъ всѣ старшіе его прапорщики, подпоручики и старшіе офицеры; послѣднимъ подписывался полковникъ. Однакожъ несмотря на сіи учрежденія, какъ я выше сказалъ, еще при Екатеринѣ II начали жаловать чинами военныхъ людей за отличіе, не смотря на старшинство.

Сверхъ того, нѣкоторые чины въ полкахъ, какъ-то: прапорщики, поручики и подполковники весьма обижены были чрезъ нѣкоторые особенные порядки. Именно: изъ кадетскихъ корпусовъ ежегодно выпускались въ полки подпоручиками и поручиками кадеты и тѣмъ отнимали мѣста къ повышенію у прапорщиковъ. Изъ сержантовъ гвардіи выпускали въ полки: капитанами, которые лишали тѣмъ сего званія старшихъ поручиковъ. Капитановъ гвардіи выпускали полковниками, и они отнимали старшинство у заслуженныхъ подполковниковъ, несмотря на ихъ достоинства.

Подъ вѣдомствомъ военной коллегіи состояли еще: *полевой аудиторіатъ* и полевой кригсрехтъ для важнѣйшихъ подсудимыхъ. Прочіе же судимы были при полкахъ или при дивизіяхъ изъ особо учреждаемыхъ на таковые случаи военныхъ комиссій.

Адмиралтейская коллегія въ отношеніи къ флоту была тѣмъ, что военная въ отношеніи арміи. Производство офицеровъ такъ же шло по старшинству, исключая того, что къ аттестатнымъ спискамъ присоединялись экзамены и баллотированіе, а наипаче въ капитаны корабля или флагманы. Морскіе офицеры въ чино-

производствѣ своемъ ничего не терпѣли отъ гвардіи и всѣ наполнялись изъ кадетъ морскаго корпуса, исключая нѣкоторыхъ иностранцевъ, въ сію службу принимаемыхъ, ибо морскому искусству и по сіе время негдѣ въ Россіи научиться, кромѣ учрежденнаго на то морскаго кадетскаго корпуса.

Медицинская коллегія завѣдывала всѣми дѣлами, до врачебныхъ частей касающими.

Фельдцейхмейстеръ имѣлъ подъ начальствомъ своимъ генералъ-инженера, управлялъ корпусами артиллеристовъ и инженеровъ. Но такъ какъ въ сіе достоинство поступали всегда отлично знатныя особы и любимцы государей, то, не завися отъ военной коллегіи, имѣлъ онъ въ Петербургѣ такъ называемую артиллерійскую канцелярію, а въ Москвѣ контору. Эти учежденія пеклись о снабженіи обоихъ помянутыхъ корпусовъ всѣмъ потребнымъ, независимо отъ военной коллегіи.

Въ Санктъ-Петербургѣ были *академіи наукъ, художествъ* и *медицинская*, а въ Москвѣ—*университетъ*.

Какъ я упомянулъ уже въ сей книгѣ, предметомъ заботъ государей россійскихъ было всегда то, чтобъ все дворянство служило въ войскѣ; поэтому для воспитанія и образованія военныхъ офицеровъ были учреждены разные корпуса кадетъ, какъ напр., сухопутный кадетскій. Тамъ благородные юноши, обучаясь иностраннымъ языкамъ и наукамъ, для военной части потребнымъ, выпускались офицерами въ конницу и въ пѣхоту.

Артиллерійскій кадетскій корпусъ исключительно приготовлялъ молодыхъ дворянъ къ артиллерійской и инженерной службѣ и выпускалъ офицеровъ въ сіи корпусы.

Греческій корпусъ, прежде называвшійся гимназіей иностранныхъ единовѣрцевъ, въ началѣ составленъ былъ изъ молодыхъ грековъ, вывезенныхъ изъ Мореи графомъ Орловымъ. Отцы этихъ молодыхъ людей, содѣйствуя пользѣ Россіи въ надеждѣ свергнуть чрезъ то иго турокъ, заплатили за сіе своею жизнью. Затѣмъ наполнился этотъ корпусъ греками, выѣзжающими изъ отечества своего, такъ и другими молодыми иностранцами. Тамъ обучались они потребнымъ для военнаго искусства наукамъ и выпускаемы были офицерами въ полки.

Горный корпусъ,—въ ономъ благородные юноши обучались физикѣ, химіи и прочимъ для рудокопнаго искусства потребнымъ наукамъ; ихъ выпускали офицерами и отсылали въ Сибирь и въ другія мѣста на рудники.

Хотя императоръ Петръ III уничтожилъ тайную канцелярію, но при Екатеринѣ учрежденъ былъ подобный оной трибуналъ, подъ названіемъ *секретной комиссіи*, и существовалъ подъ предсѣдательствомъ нѣкоего Шешковскаго. Это былъ человѣкъ самыхъ жестокихъ свойствъ, котораго имени всѣ трепетали.

Все пространное Россійское Государство въ царствованіе императрицы Екатерины II-й раздѣлено было на *губерніи* и *уѣзды*. Они имѣли одинаковое правленье, исключая нѣкоторыхъ степей, населенныхъ азіатскими, кочевыми и дикими народами.

Надъ нѣсколькими губерніями начальникомъ былъ *генералъ-губернаторъ*, какъ *намѣстникъ*, въ каждой губерніи *губернаторъ*, вице-губернаторъ, предсѣдатели палатъ, *предводители дворянства* и судьи.

Вообще, губернское правленіе составлялось изъ палатъ гражданской, уголовной и казенной.

Въ уѣздахъ же учреждены были *уѣздные* и *земскіе суды*, первые для разныхъ тяжбъ, а послѣдніе больше для земской полиціи; хотя первоначально всякія дѣла и поступали на разсмотрѣніе оныхъ.

Во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ учреждены были *народныя училища*, а въ митрополіяхъ и епархіяхъ *семинаріи*.

Сухопутныя силы состояли изъ гвардіи конной и пѣшей, конницы, пѣхоты, артиллеріи, инженеровъ, гарнизоновъ, казацкихъ и прочихъ иррегулярныхъ полковъ.

Гвардію составляли, во первыхъ, *кавалергарды*, малый, но отборный корпусъ, изъ 120 человѣкъ состоящій, имѣвшій великія преимущества. О происхожденіи его обязанностію почитаю здѣсь нѣчто упомянуть. Извѣстно изъ исторіи россійской, что по кончинѣ императрицы Анны Іоанновны въ Россіи было междуцарствованіе, во время малолѣтства Іоанна Антоновича. Регентами же, или правителями государства были мать его принцесса Анна и извѣстный Биронъ.

Елизавета, дочь Петра І-го, была уже въ совершенныхъ лѣтахъ и возбуждала подозрѣніе сей нѣмецкой фамиліи тѣмъ, что была дочь Петра І-го, законнаго и природнаго государя Россіи. Сверхъ своей красоты, нѣкоторыхъ добродѣтелей она любима была гвардіей Петра І-го, столь ему преданной. Сіи обстоятельства произвели то, что предположено было заключить Елизавету на вѣкъ въ монастырь.

Лейбъ-кампанія.

Узнавъ о семъ, Елизавета сдѣлала возмущеніе чрезъ которое овладѣла престоломъ россійскимъ. Но орудіемъ къ тому, кромѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ исторіи особъ, употреблена была одна *гренадерская рота*, гвардейскаго *Преображенскаго полка*, которая прежде всѣхъ на то согласилась и провозгласила Елизавету императрицей.

Рядовые солдаты роты сей состояли частью изъ бѣдныхъ дворянъ, частію изъ крестьянъ, отдаваемыхъ по очереди въ рекруты. Вступая на престолъ, Елизавета слѣдующимъ образомъ наградила свою роту. Она приняла на себя званіе капитана оной, достоинство шефа, какъ потомъ называли. Оно давалось изъ отличнаго уваженія фельдмаршаламъ и полнымъ генераламъ. Прочіе офицеры были не иначе, какъ въ достоинствѣ генералъ-поручиковъ и генералъ-маіоровъ, унтеръ-офицеры имѣли чины бригадировъ и полковниковъ, а рядовые—капитановъ и поручиковъ, при соотвѣтственности чинамъ по жалованію и содержанію. Что же касается мундира и вооруженія, то для перваго употреблялись бархатъ и лучшее сукно съ золотыми и серебряными ча-

сами, а вооруженіе состояло изъ чистаго серебра. Сверхъ того императрица Елизавета даровала всѣмъ безъ изъятія въ потомство дворянское достоинство и недвижимыя имѣнія, изъ которыхъ самыя послѣднія состояли не менѣе, какъ изъ 100 душъ крестьянъ. Не считая сихъ наградъ, назначено было при дворѣ нѣсколько дней, въ которые императрица давала обѣдъ сей ротѣ и на немъ сама съ ними находилась. Обязанностію же этой роты было содержать изъ 16 человѣкъ караулъ при ея спальнѣ день и ночь.

Но грубость и худое воспитаніе сего отряда войскъ, по большей части изъ низкаго состоянія происшедшихъ, ихъ распутная жизнь въ надеждѣ на милость императрицы и неблагопристойное поведеніе при дворѣ заставили ее предпріять другія мѣры. Неспокойныхъ, грубыхъ и развратныхъ людей старалась она больше удалять въ отставку съ хорошимъ награжденіемъ; а на мѣсто ихъ принимаемы были молодые люди, не иначе, какъ изъ дворянъ, хорошо воспитанные, получившіе уже офицерскіе чины въ какой-либо службѣ, добраго поведенія, большого роста, пріятнаго вида и довольно сильные, чтобы носить богатое рыцарское вооруженіе, при отправленіи помянутой мною службы. Они составляли иногда конный парадъ при торжественныхъ выѣздахъ императрицы. Для этого брали верховыхъ лошадей изъ императорской конюшни, конскіе же уборы соотвѣтствовали богатству ихъ мундировъ, и какъ тѣ, такъ и другіе сохранялись во дворцѣ. Внѣ службы имѣли они вицмундиры, во всемъ подобные кавалерійскимъ офицерамъ, которые исправляли они на счетъ своего жалованья, парадные же были отъ казны. Нѣкоторые по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ не желали больше оставаться въ сей придворно-военной службѣ, выходили въ полки, гражданскую службу или въ отставку съ чинами штабъ-офицеровъ.

Сей малый корпусъ гвардіи со всѣми его учрежденіями и выгодами, какъ напр., придворнымъ столомъ во время отправленія службы и другими, существовалъ до самой кончины Императрицы Екатерины II.

Полкъ *конной гвардіи* состоитъ изъ шести эскадроновъ карабинеръ. Сверхъ онаго былъ одинъ эскадронъ *лейбъ-гусаръ* и одна сотня *лейбъ-казаковъ.*

Гвардейскую пѣхоту составляли полки *Преображенскій*, *Семеновскій* и *Измайловскій* съ одной бомбардирской ротой, учрежденной потомъ при Преображенскомъ полку. Каждый изъ сихъ полковъ имѣлъ по двѣ гренадерскихъ и по десяти мушкатерскихъ ротъ. Въ послѣднее же время при каждомъ составлено было еще по баталіону егерей.

Хотя при Екатеринѣ были еще лейбъ-кирасирскій и лейбъ-гренадерскій полки, но сіи никакого преимущества предъ прочими армейскими полками не имѣли.

Вообще, всѣ гвардейскіе оберъ и унтеръ-офицеры, исключая гусаръ и казаковъ, почитались двумя чинами выше служащихъ

въ арміи и въ семъ званьи по желанію они выпускаемы были въ армейскіе полки. Впрочемъ всѣ высшіе и нижніе чины получали больше жалованія предъ арміей и имѣли лучшій и отличный мундиръ.

Армія состояла изъ конницы и пѣхоты.

Конница состояла изъ *кирасиръ*, *карабинеръ*, *драгунъ*, *легкоконцевъ*, *конныхъ егерей* и *гусаръ*, не считая учрежденнаго при самомъ концѣ царствованія Екатерины 1-го конно-гренадерскаго полка; а всего было отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Количество это умножалось въ военное время разнаго рода *казаками*, какъ-то: донскими, малороссійскими, черноморскими и прочими, о которыхъ буду я имѣть случай пространно говорить въ моихъ запискахъ. Къ симъ необразованнымъ войскамъ присоединяли иногда во время войны *башкиръ*, *калмыковъ*, разныхъ *татаръ* и *арнаутовъ*, набираемыхъ во время войны противъ турокъ изъ христіанскихъ подданныхъ сей державы.

Пѣхоту составляли полки гренадерскіе, мушкатерскіе и егерскіе баталіоны. Каждый гренадерскій полкъ въ послѣднее время состоялъ изъ пяти баталіоновъ, а въ каждомъ мушкатерскомъ находились двѣ роты гренадерскихъ и десять мушкатерскихъ. Всего же пѣхотной силы можно было полагать отъ 100 до 120 тысячъ человѣкъ.

Вся *артиллерія* состояла изъ пяти полковъ; а во время послѣдней шведской войны прибавлено было еще пять баталіоновъ. Каждый полкъ имѣлъ десять ротъ, а баталіонъ по пяти. На каждую роту опредѣлено было по десяти артиллерійскихъ орудій, которыя однакожъ при оныхъ не состояли, а сохранялись въ арсеналахъ; равно и лошади покупаемы были при началѣ войны, а въ мирное время были опять продаваемы.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II й учреждена была еще *конная артиллерія* и состояла изъ пяти ротъ, въ каждой находилось по 10 орудій, эти орудія, верховыя, а равно и артиллерійскія лошади всегда находились при оныхъ ротахъ.

При артиллеріи находилось еще нѣсколько понтонныхъ ротъ.

Корпусъ инженеровъ состоялъ изъ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ, кондукторовъ, разныхъ мастеровыхъ, одной роты минеръ и одной піонеръ.

Инженерные и артиллерійскіе офицеры преимуществовали предъ армейскими однимъ чиномъ, впрочемъ всѣ служащіе въ сихъ корпусахъ получали большее жалованье предъ арміей и имѣли особый мундиръ.

Къ числу сухопутныхъ войскъ принадлежали еще гарнизоны, состоящіе изъ пѣхотныхъ баталіоновъ, артиллерійскихъ ротъ и инженерныхъ командъ, которые, исключая послѣднихъ, имѣли особое положеніе. Инженеры же, находящіеся въ крѣпостяхъ, во время войны употребляемы были въ походахъ, между тѣмъ какъ первые на всегда оставались въ своихъ крѣпостяхъ.

Армія раздѣлена была на корпусы, дивизіи и бригады. Число полковъ, составляющихъ всѣ отдѣленія, перемѣнялось по обстоятельствамъ.

Фельдмаршалы и полные генералы во время войны командовали арміями, въ мирное же время или находились при дворѣ, или имѣли должности генералъ-губернаторовъ, управляя по военной и гражданской части въ порученныхъ имъ губерніяхъ или наконецъ жили въ своихъ имѣніяхъ, не оставляя службы и званья военнаго.

Генералъ-поручики командовали корпусами, генералъ-маіоры—дивизіями, бригадиры—бригадами, а полковники—полками. Однакожъ сей порядокъ нерѣдко подвергался перемѣнамъ.

Флотъ раздѣленъ былъ на балтійскій и черноморскій, въ обоихъ находилось до 50 линейныхъ кораблей, не считая фрегатовъ и прочихъ военныхъ судовъ, а равно и галерныхъ или гребныхъ флотовъ.

Императоръ Павелъ, въ бытность великимъ княземъ имѣлъ достоинство генералъ-адмирала Россійскаго флота, но въ последнее время князь Потемкинъ получилъ титулъ генералъ-адмирала одного черноморскаго флота.

При флотѣ состояли еще такъ называемые *морскіе* гренадерскіе и фузелерные *баталіоны*, опредѣленные для десантовъ и для карауловъ на корабляхъ и гаваняхъ.

Перемѣны при Павлѣ.

Павелъ I, вступивъ на престолъ, началъ тотчасъ съ перемѣны мундировъ, экзерцицій, военнаго устройства, съ пріемовъ ружья, марширования, уборки волосъ, пуговицъ, сапоговъ, шпоръ и разныхъ бездѣлицъ, которыя однакожъ составляли иногда счастіе и несчастіе не только офицеровъ но даже отличныхъ и заслуженныхъ генераловъ. Нерѣдко тотъ, кто безъ всякихъ другихъ достоинствъ хорошо отсалютуетъ экспантономъ въ разговорѣ, удостоивался повышенія чиномъ, награжденія орденомъ, а иногда и имѣніемъ. Напротивъ того, сдѣлавшій малѣйшую ошибку, несмотря на его достоинства и заслуги, выключаемъ былъ изъ службы или содержался долгое время подъ арестомъ; а иногда то и другое вмѣстѣ. Вообще, всѣ заслуженные люди больше другихъ при немъ терпѣли, ибо заслуги, оказанныя его матери, въ глазахъ его не только ничего не значили, но почитались порокомъ. Онъ вообще думалъ, что Екатерина награждала и возвышала подданныхъ единственно по внушеніямъ ея любимцевъ. Въ чиновникахъ военныхъ, на которыхъ онъ больше всего обращалъ вниманіе, не искалъ онъ ни знаній, ни заслугъ, ни поведенія, ни природныхъ качествъ, а довольствовался тѣмъ кто совершенно представитъ изъ себя пруссака вѣка Фридриха II-го, хорошо закричитъ предъ взводомъ солдатъ и хорошо отсалютуетъ экспантономъ. Знатнаго происхожденія офицеровъ такъ же онъ не терпѣлъ и предпочиталъ имъ людей изъ низкаго состоянія.

Онъ думалъ, что способности ихъ достаточны будутъ не только для управленія арміей, но и всего Россійскаго Государства.

Низкое его мщеніе открылось тотчасъ противъ чиновниковъ, служившихъ при князѣ Потемкинѣ, Зубовѣ и другихъ любимцахъ Екатерины, а потомъ противъ самыхъ вельможъ. Первые были безвинно лишаемы всѣхъ достоинствъ, ссылаемы въ Сибирь, или заточаемы въ разныя крѣпости; а вторые удаляемы отъ двора и службы съ повелѣніемъ жить въ своихъ имѣніяхъ подъ надзоромъ земской полиціи. Сей участи подверженъ былъ и безсмертный Суворовъ.

Потомъ онъ вызвалъ его, наконецъ, изъ уединенія для начальствованія арміей въ Италіи, возвысилъ до невозможной для подданнаго степени; наконецъ, когда онъ казался ему больше ненужнымъ, поступилъ съ нимъ какъ деспотъ, оказывая великое презрѣніе.

Когда по какому ни есть своенравію или ложному подозрѣнію приказывалъ онъ кого-либо изъ знатныхъ чиновниковъ арестовать, то сынъ его Константинъ не стыдился бѣгать въ караульни и увеличивать строгость приказаній, данныхъ отцомъ его, въ содержаніи сихъ несчастныхъ. Но Александръ показывалъ всегда свое сожалѣніе и состраданіе, такъ что даже осмѣливался приносить ему свои просьбы. Время открыло однакожъ противное и показало, что онъ величайшій въ свѣтѣ лицемѣръ.

Значительнѣшія перемѣны въ войскѣ были слѣдующія. Во-первыхъ уничтоженіе древнихъ кавалергардовъ, которыхъ онъ по желаніямъ ихъ, съ награжденіемъ чинами, опредѣлилъ въ разные полки арміи, а другіе вышли для опредѣленія къ штатскимъ дѣламъ или въ отставку [1]).

Павелъ былъ великій мечтатель и самолюбецъ, почитавшій все мелочью что было при его матери. Между тѣмъ какъ самъ занимался солдатскими штиблетами, формою деревянныхъ кремней, эспантонами и аллебардами. Поэтому вмѣсто одной роты кавалергардовъ, велѣлъ онъ набрать цѣлый полкъ изъ дворянъ, несмотря ни на внутреннія, ни на внѣшнія ихъ достоинства. Онъ одѣлъ ихъ съ головы до ногъ въ серебряныя латы, употребивъ на каждаго больше серебра, нежели употреблялось прежде. Но сія необразованная юность, привыкшая къ свободѣ, и худо повиновавшаяся военному ученію скоро ему наскучила. Вмѣсто нихъ набралъ онъ конный полкъ изъ простыхъ солдатъ, одѣлъ его въ желѣзныя кирасы и назвалъ его кавалергардами; онъ и по сіе время существуетъ подъ симъ наименованіемъ въ числѣ гвардейскихъ полковъ.

---

[1]) Это не совсѣмъ вѣрно. Кавалергарды не были уничтожены Павломъ I, а лишь преобразованы изъ особаго корпуса, имѣвшаго придворный характеръ, въ гвардейскій кавалерійскій полкъ, составленный изъ двухъ эскадроновъ конной гвардіи. Первое боевое крещеніе въ качествѣ полка кавалергарды получили въ 1805 г. подъ Аустерлицемъ.

Въ арміи конные карабинерные, легко-конные, конно-егерскіе и конно-гренадерскіе полки преобразованы были въ кирасирскіе и драгунскіе потому только, что оные учреждены были его матерью.

Вмѣсто золотыхъ съ чернымъ шелкомъ офицерскихъ темляковъ и шарфовъ, означающихъ гербъ Имперіи, велѣлъ онъ употреблять серебряные, потому что отецъ его и онъ самъ имѣлъ только титулъ герцога голштинскаго. Но главнымъ образомъ, чтобъ армія русская больше похожа была на прусскую, что наблюдается и по сіе время сыномъ его Александромъ.

Если бы я вздумалъ писать о всѣхъ перемѣнахъ въ войскѣ и правительствѣ, до котораго однако жъ Павелъ I мало касался и удовольствовался только одною перемѣною мундировъ,—то я предпринялъ бы такой трудъ, котораго никто не въ состояніи былъ бы окончить. Съ начала царствованія Павла I по сіе время ежедневныя происходятъ перемѣны, а наипаче въ войскѣ, потому что отецъ болѣе всего онымъ занимался, и сынъ слѣдуетъ тому же. Поэтому всѣ офицеры и солдаты могутъ по справедливости быть названы вѣчными учениками. Не знаю, какая скрывается въ томъ политика. Было бы понятно, если бы сіе предпринималось для усовершенствованія военнаго искусства, но на дѣлѣ выходитъ противное: ни коннаго, ни пѣшаго солдата не обучаютъ дѣйствовать оружіемъ, но только научаютъ пустымъ пріемамъ онаго, разнымъ оборотамъ, разной выступкѣ при маршированіи и разнымъ мелочамъ въ его одеждѣ.

Нововведенія въ царствованіе Павла I.

Однакожъ долженъ я упомянуть о нѣкоторыхъ значительныхъ новостяхъ, введенныхъ Павломъ I въ Россіи.

1. До его времени учреждены были въ семъ государствѣ для вознагражденія военныхъ и гражданскихъ отличій кавалерскіе ордены, а именно: *орденъ св. Андрея*, святого *Александра, св. Георгія*, раздѣленный на четыре степени, которыми награждались военныя и гражданскія заслуги. Существовавшій въ Россіи орденъ святой Анны почитался голштинскимъ. Павелъ присоединилъ его къ россійскимъ и раздѣлилъ на три класса, а послѣ его Александръ—на четыре. Я не хочу упоминать объ орденѣ св. Екатерины, какъ предназначенномъ для женскаго пола. Скажу только, что Павелъ I, присоединяя еще къ онымъ орденъ *св. Іоана Іерусалимскаго*, вздумалъ награждать оными не только свѣтскихъ, но и духовныхъ чиновниковъ по примѣру римско-католическихъ. Извѣстно, что по правиламъ греческой религіи никто не можетъ поступить на высшія степени духовенства, не сдѣлавшись напередъ монахомъ.

Монахъ же, вступая въ общество братіи, подъ клятвой отрицается отъ свѣта, слѣдовательно и отъ всѣхъ свѣтскихъ отличій и почестей. Нѣкоторые архіепископы не хотѣли въ началѣ принять сіи знаки, ибо титулы нѣкоторыхъ противны ихъ поста-

новленію. Но Павелъ строгостью своею принудилъ ихъ на то согласиться. Они приняли и, наконецъ, русскіе монахи стали страстными искателями сихъ свѣтскихъ почестей,—что и по сіе время существуетъ.

2. Не знаю, почему Павелъ I запретилъ всѣмъ военнымъ чиновникамъ подписываться именами, но только одними прозваніями или фамиліями. Буде же находилось въ службѣ нѣсколько родныхъ братьевъ, или однофамильцевъ, то они различались одинъ отъ другого числами, какъ-то: 1-ый, 2-ой и такъ далѣе. Сіе постановленіе существуетъ и поднесь и производитъ не малое въ разныхъ дѣлахъ замѣшательство въ пространномъ государствѣ россійскомъ.

3. Издалъ онъ небольшой словарь, по которому многія слова были уничтожены и замѣнены другими, напримѣръ, запрещено было писать слово, „отечество", но вмѣсто онаго—„государство", вмѣсто слова „законъ"—„повелѣніе", вмѣсто „вольность"—„позволеніе" и тому подобныя, означающія совершенно власть, превыше деспотической.

Онъ перемѣнилъ также имена многихъ городовъ, названныхъ его матерью. Напримѣръ, Екатерина II по покореніи Крыма подъ власть Россіи, назвала сей полуостровъ древнимъ его именемъ Таврида; равно и города повелѣно было назвать тѣми именами, подъ которыми извѣстны оные были во времена греческой имперіи. Павелъ I, уничтожа сіи древнія наименованія, повелѣлъ называть ихъ турецкими и татарскими именами, какъ-то: городъ Ѳеодосію—Кафой, Севастополь—Ахтіяромъ и такъ далѣе.

Желая во всемъ подражать порядкамъ прусскимъ, уничтожилъ онъ имена конныхъ и пѣшихъ полковъ, а приказалъ писать и называть оные по именамъ шефовъ. Сіе правило распространилъ онъ даже на баталіоны, эскадроны и роты. Но какъ въ его царствованіе рѣдко кто нѣсколько мѣсяцевъ могъ оставаться при своемъ начальствѣ, то отъ того произошла такая запутанность, что онъ самъ, наконецъ, принужденъ былъ приказать называть полки и роты по прежнему.

Но обратимся къ происшествіямъ, въ бытность мою въ Петербургѣ послѣдовавшимъ.

Погребеніе Екатерины II и Петра III.

По кончинѣ императрицы Екатерины II, тѣло ея нѣсколько дней не положено было въ гробъ и не поставлено на приготовленномъ уже катафалкѣ, какъ сіе долженствовало. Причиною этого было то, что Павелъ I занялся совсѣмъ неожидаемымъ никѣмъ приготовленіемъ. Извѣстно всѣмъ, что отецъ его императоръ Петръ III не былъ коронованъ, и указывая на свою прусскую шляпу, не разъ говорилъ тѣмъ, которые совѣтывали ему поспѣшить симъ обрядомъ, что оная больше для него значитъ, нежели корона Россійская. Какъ бы то ни было, но со временъ Петра I принято въ Россіи за обыкновеніе, что тѣла всѣхъ коронованныхъ россійскихъ императоровъ и им-

ператрицъ погребаютъ въ С.-Петербургской крѣпости въ соборной церкви Петра и Павла. Прочихъ же членовъ императорской фамиліи и другихъ знатныхъ особъ—въ такъ называемомъ Невскомъ монастырѣ, а по той причинѣ и отецъ его, Петръ III, погребенъ былъ въ семъ монастырѣ.

Павелъ, собравъ все знатное духовенство, въ противность правиламъ, принятымъ греческою церковью, принудилъ оное откопать тѣло его отца, въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ лежавшее въ землѣ. Затѣмъ велѣлъ сдѣлать такой же гробъ, какъ для матери своей, и снова приказалъ совершить погребальный обрядъ надъ нимъ. Потомъ при великолѣпнѣйшей церемоніи, при собраніи всѣхъ войскъ, придворныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, онъ повелѣлъ везти гробъ съ костями Петра III въ Зимній дворецъ, гдѣ тѣло Екатерины II въ тотъ только день положено было въ гробъ на приготовленномъ катафалкѣ. Онъ приказалъ поставить оба гроба рядомъ и велѣлъ положить на каждомъ по императорской коронѣ. Тѣло Екатерины II было открыто и корона лежала въ головахъ за гробомъ, а истлѣвшія кости Петра III подъ крышкой, на которой положена была корона.

Въ сей церемоніи, въ которой и я участвовалъ, достойно было примѣчанія то, что Павелъ I на нѣсколько дней предъ тѣмъ велѣлъ прибыть изъ Москвы въ Петербургъ адмиралу графу Алексѣю Орлову и приказалъ ему въ глубокомъ трäурѣ идти передъ гробомъ Петра III-го. Свѣдѣнія о кончинѣ сего государя извѣстны свѣту, а равно извѣстно и то, какое лицо представляетъ въ оной графъ Орловъ. Какое недостойное и низкое мщеніе государя! Тѣло Екатерины и кости Петра стояли такимъ образомъ нѣсколько недѣль на катафалкѣ, и всѣмъ безъ изъятія позволено было приходить во дворецъ, приближаться къ онымъ для отданія послѣдняго долга. Наконецъ, погребены были оба съ такой же церемоніей въ Петропавловской соборной церкви.

Судьба Тучкова при Павлѣ I.

Павелъ I-й простиралъ мщеніе свое даже на офицеровъ тѣхъ корпусовъ, кои находились подъ начальствомъ любимцевъ матери его, что испыталъ и я надъ собою. Я не считаю небольшой непріятности, случившейся со мною въ строю при погребальныхъ церемоніяхъ, или лучше сказать, при перенесеніи костей отца его Петра III изъ Невскаго монастыря въ Зимній дворецъ и выговора, полученнаго мною отъ любимца его, жестокаго Аракчеева, за то, что въ бытность мою дежурнымъ по карауламъ въ Петербургѣ, обходомъ моимъ мало было взято подозрительныхъ людей подъ караулъ. Въ одинъ вечеръ въ расположеніе квартиръ конной артиллеріи, въ которой служилъ я маіоромъ, пріѣхалъ фельдъегерь съ повелѣніемъ, чтобы всѣ штабъ и оберъ-офицеры въ 10 часовъ пополудни явились въ Зимній дворецъ, неизвѣстно

зачѣмъ. Я пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ прочими въ назначенное время, гдѣ нашелъ отца моего, генералъ-поручика и начальника всѣхъ инженеровъ, генералъ-поручика артиллеріи и почтеннаго начальника нашего Мелисино, словомъ, весь артиллерійскій и инженерный генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, находившихся тогда въ Петербургѣ. Но всякій изъ нихъ зналъ столько же, сколько и я, зачѣмъ мы были присланы. Болѣе двухъ часовъ ожидали мы, сами не зная чего, какъ въ самую полночь отворились двери въ особомъ покоѣ, и одинъ изъ гатчинскихъ адъютантовъ попросилъ вступить насъ въ оный. Я увидѣлъ тамъ фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова, а по правую и лѣвую его сторону стояли великіе князья Александръ и Константинъ.—Князь Салтыковъ, при вступленіи нашемъ, произнесъ слѣдующую краткую рѣчь: «Именемъ государя императора обязанъ я объявить вамъ, г.г. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ, что государь императоръ, хотя знаетъ, какъ многіе изъ васъ ознаменовали себя отличными услугами въ сихъ корпусахъ; однакоже службою вашей весьма недоволенъ и приказалъ мнѣ вамъ сказать, что за малѣйшую ошибку по службѣ или въ строю каждый изъ васъ будетъ разжалованъ вѣчно въ рядовые солдаты. Тотъ, кто съ честью въ семъ корпусѣ служилъ, съ честью можетъ его и оставить, — словомъ, повторилъ онъ, государь изволилъ сказать: ищите себѣ мѣста". Проговоря сіи слова, удалился онъ въ другіе покои, а мы въ великомъ недоумѣніи поѣхали домой.

Вскорѣ отецъ мой исключенъ былъ безъ его желанія изъ военной службы, но произведенъ въ чинъ генералъ-аншефа, сдѣланъ сенаторомъ и награжденъ имѣніемъ въ тысячу душъ. Мелисино произведенъ также въ генералъ-аншефы и получилъ такое же награжденіе, но скоро окончилъ жизнь. Однако, прежде нежели все сіе послѣдовало, по природной чувствительности моей крайне былъ я самъ тронутъ и не зналъ, что начать. Слова: ищите себѣ мѣста—безпрестанно повторялись въ памяти моей. Привыкнувъ къ кроткому правленію Екатерины II-й и зная, что она никогда не произносила словъ, не имѣющихъ никакого значенія, сравнивая государя съ государемъ, разсуждалъ я, что значатъ слова: ищите себѣ мѣста. Если государь мною недоволенъ, гдѣ же найду я мѣста въ Россіи. Итакъ рѣшилъ я вначалѣ, взявъ отставку, ѣхать за-границу и вступить въ службу короля прусскаго, потому больше, что нѣмецкій языкъ я довольно хорошо зналъ. Хотя столько же былъ извѣстенъ мнѣ и французскій, но тамъ учреждено уже было республиканское правленіе и въѣздъ туда россіянамъ былъ запрещенъ.

ГЛАВА 9-я.

Перемѣна службы Тучковымъ.—Усмиреніе крестьянъ Псковской губ.—Разныя порученія Тучкову.—Минскіе татары.—Генералъ Философовъ.—Генералъ Зоричъ.

Перемѣна службы Тучковымъ.

Въ сихъ мысляхъ поѣхалъ я на другой день къ генералу Обольянинову, племяннику генерала Философова. Оба они были тогда въ великой милости у Павла I-го и весьма ко мнѣ благорасположены. Генералъ Обольяниновъ начальствовалъ тогда во всей Россіи надъ провіантской и коммисаріатской частью, и значитъ не только по довѣренности у государя, но и по мѣсту своему несравненно больше, нежели такъ называемый нынѣ генералъ-интендантъ. Едва успѣлъ я объявить ему мое намѣреніе, какъ онъ, взявъ меня за руку, дружескимъ голосомъ сказалъ мнѣ: „Я могу васъ увѣрить, что государь не только не имѣетъ противъ васъ лично никакого неудовольствія, но напротивъ, знаетъ васъ, какъ отличнаго офицера. И неужели не поняли вы того, что ему непріятно видѣть васъ въ корпусѣ, основанномъ княземъ Зубовымъ. Зачѣмъ ѣхать вамъ въ чужіе края. Вы можете быть полезны государству и себѣ, перемѣните только родъ службы“.—Куда же совѣтуете вы мнѣ опредѣлиться?—спросилъ я его.—„Вы знаете, отвѣчалъ онъ мнѣ, что я начальствую провіантской и коммиссаріатской частью, имѣя право принимать къ себѣ офицеровъ по моему усмотрѣнію. Итакъ за счастіе почелъ бы я имѣть подъ начальствомъ моимъ столь отличнаго чиновника, какъ вы“.—Въ продолженіе сего разговора сидѣлъ я съ нимъ на канапе, а при послѣднихъ его словахъ, когда не успѣлъ я еще ему ничего на то отвѣтствовать, вошелъ въ комнату почтенный старецъ генералъ Философовъ.—Онъ прервалъ нашъ разговоръ слѣдующими словами: „О чемъ идетъ дѣло, скажите мнѣ“! Обольяниновъ пересказалъ ему весь нашъ разговоръ и сдѣланное мнѣ предложеніе. Старикъ, выслушавъ его терпѣливо, сказалъ ему: „Не стыдно ли тебѣ было сдѣлать такое предложеніе офицеру такихъ достоинствъ, какъ онъ. Ежели онъ будетъ самъ того просить, что долженъ о немъ будетъ заключить государь, и не удивится ли онъ тому, что чиновникъ, такъ отличившій себя военными подвигами, оставляя, такъ сказать, военную службу, идетъ мѣрить муку и сукно, можетъ быть для того, чтобъ пользоваться остатками. Нѣтъ, мой

другъ, — сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ. — Это совсѣмъ не твое дѣло. Государь опредѣлилъ меня инспекторомъ войскъ въ Смоленской инспекціи, шефомъ пѣхотнаго полка и смоленскимъ военнымъ губернаторомъ. Если угодно тебѣ служить подъ моимъ начальствомъ и быть помощникомъ мнѣ въ управленіи по военной и гражданской части, то много меня тѣмъ обяжешь. И я увѣренъ, что не только государь въ томъ не откажетъ, но съ пріятностью приметъ просьбу твою, потому что оная согласуется съ правилами молодаго человѣка, готовящагося на дальнѣйшее время быть полезнымъ государству“. Сіи слова заставили г. Обольянинова и меня принять предложеніе генерала Философова.

И такъ я на третій день послѣ сего разговора переведенъ былъ императоромъ Павломъ І-мъ изъ маіоровъ конной артиллеріи подполковникомъ въ московскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ генералъ Философовъ, и опредѣленъ къ нему въ помощь при дѣлахъ. Названіе же дежурныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ уничтожено было Павломъ I потому, что сіе отзывалось учрежденіями Екатерины II.

Сдавъ мою роту, жилъ я нѣкоторое время въ домѣ моего отца и ѣздилъ каждый день къ генералу Философову, который, какъ казалось, проживалъ безъ всякаго дѣла въ Петербургѣ, ѣздя каждаго дня поутру и повечеру ко двору. Не разъ говорилъ онъ мнѣ: „пора бы намъ ѣхать въ Смоленскъ и заняться своей должностью, но государь удерживаетъ меня здѣсь“.

Усмиреніе крестьянъ Псковской г.

Въ одно утро, по обыкновенію моему пріѣхавъ къ нему, я крайне былъ удивленъ, увидя запряженный дорожный его экипажъ у крыльца. Войдя же въ комнаты, нашелъ я его совсѣмъ готовымъ къ отъѣзду. Увидя меня, сказалъ онъ: „Прощай, мой другъ, я ѣду, а ты останешься здѣсь. Когда я буду имѣть въ чемъ до тебя надобность, то къ тебѣ напишу, между тѣмъ надѣюсь я скоро съ тобой увидѣться“. Неожиданный его отъѣздъ неизвѣстно куда и приказаніе остаться мнѣ въ Петербургѣ не только меня удивили, но и огорчили. Изъ того, что новый мой начальникъ, столь желавшій прежде, чтобъ я былъ всегда при немъ, оставляетъ меня теперь, я заключилъ, что не имѣетъ онъ ко мнѣ никакой довѣренности. Но я ошибся въ моемъ заключеніи. Привычка его быть употребляемымъ съ молодыхъ лѣтъ въ важныхъ дѣлахъ заставила его быть до извѣстной степени и до времени весьма скромнымъ. Прошло не болѣе четырехъ дней, какъ получилъ я отъ него повелѣніе, чтобъ я наискорѣе прибылъ къ нему въ городъ Псковъ. Я прибылъ къ нему на другой день повечеру, по выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, и нашелъ его окруженнымъ гражданскими и земскими полицейскими чиновниками. Увидѣвъ меня, сказалъ онъ: „какъ я радъ, что вы поспѣшили ко мнѣ прибыть; пожалуйте сюда“! Мы удалились съ нимъ въ особую комнату, и онъ

началъ мнѣ говорить слѣдующее: „Стыдно придворнымъ людямъ, а еще стыднѣе старымъ и заслуженнымъ генераламъ для какихъ-нибудь собственныхъ видовъ дѣлать изъ мухи слона. Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что генералъ князь Репнинъ отправился изъ Петербурга съ тремя гвардейскими баталіонами въ Новгородскую губернію для усмиренія взбунтовавшихся тамъ помѣщичьихъ крестьянъ. Я зналъ о томъ за нѣсколько дней до выѣзда моего изъ Петербурга. Хотя государь мнѣ самъ о томъ сказалъ, но не зная существа дѣла и видя, что отправился туда князь Репнинъ, я не могъ сказать о томъ моего сужденія. Дня черезъ два послѣ сего разговора съ государемъ прислалъ онъ за мною повечеру довольно поздно, и только-что я вошелъ къ нему, какъ сказалъ онъ мнѣ съ смущеннымъ видомъ: возьмите, сколько потребно, войска и отправьтесь наискорѣе въ Псковскую губернію: крестьяне и тамъ взбунтовались. Ты знаешь, мой другъ, продолжалъ онъ, что я самъ псковскій помѣщикъ и нѣсколько десятковъ лѣтъ жилъ въ моемъ имѣніи и никакихъ наклонностей къ мятежамъ или революціи въ семъ народѣ не примѣтилъ. А потому и осмѣлился сказать государю: „Можетъ быть, князь Репнинъ, отправившійся въ Новгородскую губернію, не столько знаетъ склонности и духъ тамошнихъ крестьянъ, какъ я псковскихъ, бывъ помѣщикомъ сей губерніи. По сей причинѣ позвольте мнѣ одному безъ войска туда отправиться. Можетъ быть, простое въ томъ какое-нибудь недоразумѣніе, или представлено о томъ Вашему Величеству дѣло не въ томъ видѣ, каково оно подлинно есть. Притомъ не можетъ то укрыться отъ иностранныхъ министровъ, что генералъ-аншефъ князь Репнинъ пошелъ усмирять новгородскихъ крестьянъ; а я, другой, пойду съ войсками противъ псковскихъ. Сіи господа могутъ сдѣлать невыгодныя для насъ заключенія, послѣдствія которыхъ могутъ быть непріятны. И такъ позвольте мнѣ отправиться туда одному и узнать обо всемъ на мѣстѣ. Если же потребно будетъ дѣйствовать силою оружія, то я и тутъ самъ не пойду противъ мужиковъ, дабы тѣмъ не придать важности самимъ злоумышленникамъ; но пошлю къ нимъ съ полною властью и съ потребнымъ количествомъ войска надежнаго и расторопнаго штабъ-офицера. Онъ будетъ дѣйствовать такъ же, какъ и я; ибо не въ дальнемъ разстояніи буду отъ него находиться, и онъ во всемъ будетъ руководствоваться моими распоряженіями и наставленіями, но подъ своимъ именемъ“. Государь согласился на мое предложеніе, и вотъ почему оставилъ я васъ на нѣсколько дней въ Петербургѣ, а потомъ вызвалъ сюда. Послѣ сего сообщилъ онъ мнѣ всѣ, полученныя имъ о сихъ неспокойствіяхъ увѣдомленія, далъ мнѣ письменное наставленіе, учредилъ подъ предсѣдательствомъ моимъ коммиссію, составленную изъ гражданскихъ и полицейскихъ чиновниковъ, присоединивъ въ качествѣ оной истребованнаго имъ отъ архіепископа депутата отъ духовенства. Онъ снабдилъ меня полной властью отъ имени государя наказывать пре-

ступниковъ на мѣстѣ, брать всякаго, не взирая ни на какое лицо, безъ исключенія и духовныхъ особъ. Но болѣе всего подтверждалъ онъ мнѣ въ наставленіи своемъ *обнажить корень сего возмущенія,* какъ онъ выражался, то-есть узнать причины, начальниковъ заговора, и ихъ виды. Сверхъ того, снабдилъ онъ меня открытымъ повелѣніемъ, по которому могъ я требовать въ мое распоряженіе отъ всѣхъ встрѣтившихся мнѣ воинскихъ начальниковъ столько войска, столько по усмотрѣнію моему для того нужно будетъ. Ибо по вступленіи на престолъ Павла I всѣ войска должны были перемѣнить свои квартиры, а потому вся армія находилась въ движеніи.

Все сіе происходило въ первый годъ царствованія Императора Павла I, во время самой суровой зимы.

Итакъ, я на другой день по прибытіи моемъ въ Псковъ, весьма рано, съ членами комиссіи отправился въ городъ Опочку, какъ ближайшій къ мѣсту безпорядковъ. Въ тотъ же день прибылъ я туда, хотя довольно поздно, и нашелъ тамъ старшаго брата моего, полковника *Сѣвскаго пѣхотнаго полка.*

Онъ начальствовалъ симъ полкомъ нѣсколько лѣтъ при Екатеринѣ. Но Павелъ I устроилъ такъ, чтобъ по примѣру старыхъ пруссаковъ былъ въ каждомъ полку генералъ-шефъ онаго; а полковники оставались полковыми командирами. Когда прибылъ я на квартиру брата моего, то сказали мнѣ, что онъ пошелъ къ шефу, генералъ-лейтенанту *князю В. В. Долгорукову.* Я пошелъ къ нему и засталъ сего претолстаго и довольно пожилыхъ лѣтъ генерала упражняющимся въ особой залѣ съ офицерами въ пріемахъ салютованія эспантономъ. Когда объявилъ я ему о причинѣ моего пріѣзда, то сказалъ онъ мнѣ съ холодностью.

— На что вамъ войско, и зачѣмъ туда вамъ ѣхать? Я уже послалъ для сего маіора съ батальономъ и съ здѣшнимъ исправникомъ. Останьтесь съ нами, завтра навѣрно получимъ мы извѣстіе, что все кончено.

На сіе отвѣчалъ я ему:

— Сегодня, конечно, незачѣмъ мнѣ далѣе ѣхать, а завтра если бы и все было окончено, я все-таки съ членами комиссіи непремѣнно долженъ отправиться туда для изслѣдованія причинъ сего возмущенія. Поэтому прошу ваше сіятельство приказать приготовить еще одинъ баталіонъ отъ полку вашего и двѣ легкія пушки, которыя по причинѣ глубокихъ снѣговъ велю я въ продолженіе ночи поставить на сани.

— Ничего не будетъ надобно, отвѣчалъ онъ мнѣ. Но если вы сего требуете, то я прикажу, чтобы къ свѣту все было готово.

И подлинно, на другой день довольно рано баталіонъ и пушки были готовы. Приготовясь къ отъѣзду, пошелъ я съ братомъ моимъ къ кн. Долгорукову донести, что я намѣренъ выступить. „Подождите немного“,—отвѣчалъ онъ,—я ожидаю всякую минуту донесенія отъ моего маіора. Между тѣмъ по рус-

кому обыкновенію, предложилъ онъ мнѣ завтракъ. Лишь только подали на столъ закуску, какъ увидѣлъ я въ окно нѣсколько саней, подъѣхавшихъ къ его квартирѣ. На нихъ сидѣли солдаты его полка. Онъ самъ, взглянувъ въ окно, сказалъ: вотъ это солдаты посланнаго мною съ маіоромъ баталіона.

Но какъ былъ онъ удивленъ, когда вошедшій въ комнату унтеръ-офицеръ сказалъ ему, что онъ прибылъ къ полку съ ранеными, что баталіонъ разбитъ крестьянами и что маіоръ и исправникъ взяты ими въ плѣнъ. Нечего было болѣе ожидать. Я, взявъ баталіонъ и пушки, отправился наискорѣе къ мѣсту сего происшествія, донеся обо всѣмъ генералу Философову.

Излишнимъ почитаю я описывать здѣсь распоряженія мои въ семъ случаѣ. Скажу только, что нашелъ я маіора въ одномъ помѣщичьемъ домѣ вмѣстѣ съ исправникомъ больными отъ побоевъ мужиковъ. Послѣдніе, захватя ихъ, привезли въ какую-то деревню, которую, не знаю почему, они скоро оставили и бросили въ ней также маіора и исправника. Крестьяне же оной, не участвовавшіе въ семъ заговорѣ, отвезли ихъ въ домъ своей помѣщицы.

Принятыми мною мѣрами въ десять дней все возмущеніе было прекращено, зачинщики пойманы и открыты причины. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ была та, что Павелъ I, вступая на престолъ, велѣлъ всѣхъ безъ изъятія привести къ присягѣ на вѣрность ему и подданство. Злонамѣренные люди, а особливо нѣкоторые изъ священниковъ, начали толковать крестьянамъ, что они не принадлежатъ болѣе своимъ господамъ,—но, учиня присягу на подданство государю, должны отъ него только и зависѣть. Вторая же причина, гораздо основательнѣйшая, состояла въ неудовольствіи крестьянъ на помѣщиковъ за худое съ ними обращеніе. Доказательствомъ сего послѣдняго можетъ служить то, что въ томъ же уѣздѣ многія деревни, принадлежавшія добрымъ помѣщикамъ, не только остались спокойны, но, не бывъ въ силахъ защитить своихъ господъ отъ мятежниковъ, доставляли имъ средства удалиться въ ближайшіе города.

Важнѣйшихъ преступниковъ низкаго состоянія велѣлъ я наказать телѣсно, больше опасныхъ—отослать на поселеніе въ дальнія губерніи. Что же принадлежитъ до нѣкоторыхъ бродягъ, пріобрѣтшихъ себѣ право дворянства въ Россіи, что не такъ трудно, какъ я въ началѣ записокъ моихъ о томъ сказалъ,—и духовенства,—то хотя имѣлъ я полную властв ихъ наказать, не захотѣлъ я однако переступить коренныхъ россійскихъ правъ. Да проститъ мнѣ читатель мой, что я такъ тогда думалъ и полагалъ, что могутъ существовать въ Россіи какія-либо права. Я отослалъ ихъ къ высшему начальству; а оное—на рѣшеніе Павла I. Государь, не взирая на коренныя права, которымъ дворянство и духовенство изъемлются отъ тѣлеснаго наказанія, велѣлъ ихъ высѣчь кнутомъ и сослать въ Сибирь въ каторжную работу. Павелъ I въ началѣ царствованія своего боялся первоначально нарушать таковыя права. Поэтому, чтобы дать видъ закона сво-

ему опредѣленію, въ манифестѣ своемъ, по самодержавію своему, сперва лишилъ онъ этихъ несчастныхъ дворянскаго и духовнаго достоинства, а потомъ велѣлъ наказать кнутомъ, какъ людей, не имѣющихъ уже никакихъ преимуществъ. Однакожъ, не можно ли сказать противу сего и въ самодержавномъ правленіи, что за одно преступленіе самое человѣчество не позволяетъ дважды наказывать. Это было такъ ново во времена Павла I, но при сынѣ его Александрѣ тѣлесныя наказанія благородныхъ людей и даже смертная казнь исполняются безъ всякихъ въ опредѣленіяхъ оговорокъ.

Хотя я былъ уполномоченъ опредѣлять наказаніе кнутомъ, но никогда не имѣлъ духа разсматривать мучительское сіе орудіе и дѣйствіе онаго. Кнутъ употребляется у всѣхъ народовъ— для погонянія лошадей. Но сей кнутъ есть совсѣмъ другого рода. Историкъ россійскій Карамзинъ говоритъ, якобы русскіе переняли сіе наказаніе у монгольскихъ татаръ. Какъ бы то ни было, но сказывали мнѣ, что искуссный палачъ (есть въ Россіи люди, которые обучаются сему злодѣйскому искусству) тремя ударами можетъ лишить человѣка жизни. Другіе же, напротивъ, увѣряли, что хотя сіе наказаніе весьма мучительно, но не смертельно. А тѣ, которые по наказаніи семъ не скоро умираютъ, бываютъ удавливаемы въ тюрьмахъ палачами, куда ихъ обыкновенно послѣ провожаютъ,—и что сіе наиболѣе дѣлалось въ правленіе Павла I-го.

За успѣшное окончаніе своего порученія награжденъ я былъ отъ императора Павла I-го командорственнымъ крестомъ св. Анны 2-го класса. Командорство мое находилось въ московской губерніи и состояло изъ 150 душъ, котораго лишилъ меня вмѣстѣ съ прочими командорами императоръ Александръ I. Вмѣсто дохода отъ имѣнія въ 150 душъ, опредѣлилъ онъ мнѣ по 270 рублей ежегодно ассигнаціями, составляющими только четвертую часть настоящей цѣны.

По окончаніи моего порученія возвратился я къ генералу Философову, который находился тогда въ имѣніи двоюроднаго брата своего не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста дѣйствія моего. Тамъ сдѣлалъ онъ подробное о всемъ донесеніе государю и отправился вмѣстѣ со мною въ городъ Минскъ, назначенный для его мѣстопребыванія. Тамъ занимался я побольшей частью письменными дѣлами въ его канцеляріи, и показываніемъ въ войскѣ разныхъ ни на что непотребныхъ оборотовъ, которые успѣлъ я перенять въ бытность мою въ Петербургѣ, живя въ домѣ моего генерала.

Разныя порученія Тучкову.

Неизвѣстно, откуда доходили къ Павлу I разные доносы, и притомъ такъ, что начальники городовъ, губерній или войскъ не успѣли о томъ еще узнать. Если же и узнавали они, то совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оные до государя доходили. Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Смоленскъ, послѣдовало такого рода происшествіе.

Въ одинъ день пріѣхалъ отъ государя фельдъегерь къ генералу Философову. Я былъ позванъ къ нему, и когда вошелъ въ его кабинетъ, то сказалъ онъ мнѣ: „вы опять должны отправиться съ полною отъ меня довѣренностью въ городъ Островъ, тамъ расположенъ драгунскій полкъ, которымъ можете вы распоряжаться по вашему усмотрѣнію. Дѣло въ томъ, что государю донесено, якобы какая-то партія военныхъ людей, ходя изъ одного селенія въ другое, производитъ грабительство. Важнѣе же всего то, что она угрожаетъ смертью каждому, кто только осмѣлится назвать Павла I-го императоромъ россійскимъ“.

Въ тотъ же день, взявъ почту, поскакалъ я въ Островъ. Но прибывъ туда, нашелъ, что преступники были уже пойманы земскою полиціею и вся партія состояла только изъ нѣсколькихъ человѣкъ бѣглыхъ рекрутъ. Они, придя въ домъ одного дворянина, начали требовать денегъ; а сей вздумалъ ихъ стращать строгостью правленія Павла I-го. На сіе сказали они: „что намъ до Павла; мы не хотимъ его знать, и если ты будешь еще говорить, то мы тебя убьемъ“. Разговоръ обыкновенный у всѣхъ разбойниковъ. Я объяснилъ въ донесеніи моемъ маловажность сего происшествія и возвратился въ Смоленскъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ исправленіи обыкновенной сей должности, какъ пріѣхалъ еще фельдъегерь.

Генералъ Философовъ, скрывъ отъ меня настоящую причину, сказалъ только мнѣ: „мы должны съ вами ѣхать въ Польшу, или лучше сказать, въ Литву; тамъ поможете вы мнѣ осмотрѣть войска, въ надлежащей ли они исправности“. И подлинно, проѣзжая отъ Смоленска до Минска, осматривали мы расположенныя на пути нашемъ войска.

Прибывъ въ г. Минскъ, генералъ Философовъ открылъ мнѣ, что государь имѣетъ подозрѣніе въ заговорѣ на одного изъ знатныхъ помѣщиковъ сей губерніи, на *воеводу Хоминскаго*. Его должно взять съ большой осторожностью и отослать въ Петербургъ. Узнавъ отъ губернатора о мѣстѣ его пребыванія и о существѣ дѣла, надобно было послать вооруженныхъ людей такъ, чтобъ захватить его нечаянно, потому что онъ жилъ въ своей деревнѣ верстахъ въ 60-ти отъ Минска. Тогда была зима и въ Минскѣ не было никакой конницы; посылать же пѣхоту было бы весьма неудобно.

Я посовѣтовался о томъ съ полиціймейстеромъ, который сказалъ мнѣ, что въ Минскѣ находится до двухсотъ татаръ, служившихъ прежде въ польскомъ войскѣ. Они имѣютъ собственное оружіе и лошадей, притомъ такъ вѣрны въ сохраненіи присяги, что если имъ объявить что-либо именемъ государя, то они на все готовы и никогда не измѣнятъ.

Итакъ, татары были на то употреблены, и они доставили Хоминскаго къ генералу Философову. Генералъ, хотя и отправилъ его въ Петербургъ, но, узнавъ ложность сдѣланнаго о немъ доноса, писалъ въ его пользу и Хоминскій возвращенъ былъ, наконецъ, въ свое имѣніе, съ награжденіемъ отъ государя.

Минскіе татары.

Между тѣмъ татары, исполнивъ свое порученіе, подали просьбу, въ коей заявляли, что они при королѣ польскомъ имѣли преимущество, какъ поселенныя войска, имѣли земли, не платили никакихъ податей, но за то служили въ войскѣ и многіе изъ нихъ достигали высшихъ военныхъ чиновъ. Теперь же преимущества сіи уничтожены, и они, какъ простые поселяне, записаны въ подушный окладъ. Генералъ Философовъ, разсмотрѣвъ сію просьбу, велѣлъ мнѣ составить штатъ для сформированія коннаго поселеннаго полка. Онъ представилъ теперь проектъ штата вмѣстѣ съ ихъ просьбой государю.

Тотъ хотя и утвердилъ его представленіе, но велѣлъ узнать подробно о ихъ количествѣ, жительствѣ, преимуществахъ, даже до историческаго ихъ происхожденія, какимъ образомъ поселились они въ Польшѣ. Исполненіе сего поручено было мнѣ. И такъ, соображаясь съ извѣстіями, собранными о мѣстахъ ихъ пребыванія,—по возвращеніи нашемъ въ Смоленскъ, отправился я въ Каменецъ-Подольскъ, въ Старый Константиновъ, въ мѣстечко Бѣлый Ренкавъ и въ прочія мѣста. По возвращеніи же въ Минскъ началъ формировать полкъ. Между тѣмъ о происхожденіи сихъ татаръ узналъ я слѣдующее:

Когда Россія, Литва и Польша освободились отъ ига татаръ и когда великая сія нація почти вовсе была уничтожена, тогда нѣкоторая часть оныхъ осталась въ Литвѣ. Великіе князья литовскіе уговорили ихъ остаться для сопротивленія королямъ польскимъ и для составленія придворнаго своего войска. Ихъ употребляли они также во время анархіи въ междуусобныхъ своихъ войнахъ. Потомъ одинъ гетманъ литовскій, а именно Янъ Конецпольскій, далъ имъ земли, особыя преимущества и учинилъ ихъ независимыми отъ вельможъ и господъ польскихъ, принимая въ составъ литовскаго войска подъ названіемъ товарищей. Когда же Литва присоединилась къ коронѣ польской, тогда и татары составили особый родъ поселеннаго польскаго войска и назывались иногда товарищами, а иногда уланами. Татары, находящіеся и по сіе время въ Литвѣ и служащіе въ войскѣ россійскомъ, совсѣмъ потеряли прежніе свои обычаи, исключая магометанской религіи, которую они по сіе время соблюдаютъ. Забыли они даже природный свой языкъ, и русскіе между ними знаютъ по-татарски. Мужчины и женщины носятъ обыкновенно польское платье, живутъ по образу сего народа и даже уничтожили въ своей средѣ позволенное въ законѣ ихъ многоженство, потому что не можетъ оное быть совмѣстно съ правилами живущихъ съ ними христіанъ. Хотя имѣютъ они своихъ муллъ или священниковъ и мечети, въ которыхъ молятся они Богу, но оставили уже многіе предразсудки магометанскаго закона, какъ-то: въ одеждѣ, пищѣ, питьѣ и обращеніи съ христіанами. Я зналъ изъ нихъ одного генерала, теперь знаю нѣсколькихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, ревностныхъ искателей

орденскихъ наградъ во имя святыхъ, почитаемыхъ христіанскими церквами. Со всѣмъ тѣмъ весьма рѣдкіе изъ нихъ соглашаются принимать христіанскую вѣру.

Едва успѣлъ я собрать требуемыя свѣдѣнія о татарахъ, обитающихъ въ Польшѣ, и возвратиться въ Минскъ, какъ получилъ извѣщеніе отъ генерала Философова, что императоръ, утвердивъ мой планъ о сформированіи сего полка, сдѣлалъ однакожъ нѣкоторыя въ ономъ перемѣны. Я предлагалъ составить формированіе народа сего поселенія въ гусарскій полкъ, на томъ же основаніи, на какомъ формированы были при императрицѣ Елизаветѣ полки изъ вышедшихъ въ Россію сербовъ и венгровъ. Имъ даны были земли въ потомственное владѣніе, сами они избавлены были отъ всѣхъ податей. Но зато съ каждаго дома въ потребномъ случаѣ выходилъ одинъ гусаръ, получая жалованье, провіантъ и фуражъ только въ одно военное время, или когда онъ находился на службѣ за предѣлами ихъ поселенія. Но Павелъ I почелъ гусарскій мундиръ нѣсколько отяготительнымъ для татаръ, и для того велѣлъ имъ дать мундиръ и все основаніе поселенія чугуевскихъ казаковъ. Сіи казаки поселенные на границѣ Малороссіи, имѣли тоже установленіе, какъ и поселенные гусары, составляли также регулярныя, исключая того, что носили единообразную казацкую одежду. Она спокойнѣе и выгоднѣе гусарской, при томъ и меньше стоитъ.—Между тѣмъ императоръ сообщилъ Философову, что будутъ утверждены имъ въ томъ достоинствѣ всѣ чиновники, въ какомъ званіи они употреблены будутъ, при формированіи сего полка. Итакъ, безъ всякаго сомнѣнія надѣялся я быть шефомъ полка.

Открывъ формированіе его на семъ основаніи, которымъ татары казались весьма довольными, употреблялъ я для всѣхъ оповѣщеній въ семъ народѣ муллу ихъ, или священника *Али* взятаго въ плѣнъ при послѣднемъ завоеваніи Очакова, и поселившагося въ Минскѣ. Сей человѣкъ, знавшій татарскій и польскій языкъ и притомъ разумѣя по-русски, переводилъ и толковалъ всѣ мои извѣщенія и приказы на татарскій и польскій языки (многіе татары въ Польшѣ не знаютъ по-татарски). Для этой цѣли мулла всякій день являлся ко мнѣ.

Генералъ Философовъ въ числѣ другихъ его добродѣтелей имѣлъ и сію, что не стѣснялся оказывать покровительство людямъ, гонимымъ самимъ Государемъ. Нѣкто подполковникъ Тутолминъ, сынъ генерала *Тутолмина* [1]), оказавшаго важныя заслуги въ царствованіе Екатерины II-й и облагодѣтельствованный ею, былъ гонимъ и притѣсняемъ зато Павломъ I-мъ; Ген. Философовъ, бывъ его пріятелемъ, нисколько не колебался взять сына его къ себѣ, служившаго тогда подполковникомъ въ драгунскомъ полку, и

1) Сынъ генералъ-поручика Тимоѳея Ивановича Тутолмина (1740 † 1809) бывшаго при Екатеринѣ Архангельскимъ и Олонецкимъ генералъ-губернаторомъ, а съ 1803 по 1809 г. московскимъ главнокомандующимъ.

употреблять, подобно какъ и меня въ разныхъ порученіяхъ по службѣ. Молодой Тутолминъ, видя успѣхъ моего предпріятія, сдѣлалъ подобный моему планъ, для составленія коннаго полка изъ мелкаго польскаго дворянства, извѣстнаго подъ наименованіемъ шляхты польской. Эти дворяне дѣйствительно составляютъ тягость въ государствѣ, такъ какъ не платятъ никакихъ повинностей, но способны къ военной службѣ. Павелъ одобрилъ и сіе представленіе, а потому подполковникъ Тутолминъ отправился для сего въ Вильну. Въ то время начальствовалъ тамъ генералъ князь Репнинъ, въ качествѣ военнаго губернатора.—Репнинъ, имѣвшій нѣкоторое неудовольствіе противъ Философова, а можетъ быть и противъ обоихъ Тутолминыхъ, сдѣлалъ невыгодное о подполковникѣ Тутолминѣ, а можетъ быть и обо мнѣ представленіе государю. Я весьма былъ удивленъ, прочитавъ однажды въ газетахъ, что подполковникъ Тутолминъ, имѣвшій подобное моему порученіе, по неизвѣстной причинѣ выключенъ изъ службы. Послѣ сего дня черезъ три Мулла Али, явившись ко мнѣ, подалъ мнѣ печатныя прокламаціи къ народу татарскому, изданныя въ Вильнѣ генераломъ *Кологривовымъ* [1]). Въ нихъ онъ объявляетъ именемъ государя, что ему поручено формированіе войскъ татарскихъ и притомъ не на основаніи уже чугуевскихъ казаковъ, но на положеніи товарищей польскихъ, какъ они долго при коронахъ польскихъ существовали. Татары, узнавъ положеніе чугуевскихъ казаковъ, больше были онымъ довольны, нежели прежнимъ. Поэтому мулла, придя ко мнѣ въ великомъ изумленіи спрашивалъ меня, что сіе значитъ. Онъ никакъ не воображалъ, чтобъ обѣщаніе и утвержденіе императора могло подвергнуться столь скорой перемѣнѣ. Я, бывъ не менѣе его удивленъ, не зналъ, что ему отвѣчать. Взявъ отъ него одну такую прокламацію, я сказалъ ему, что спрошу о томъ моего генерала. Того же дня отправилъ я оную къ Философову въ Смоленскъ, спрашивая его: какъ должно мнѣ поступить въ семъ случаѣ. Но вмѣсто повелѣнія получилъ я отъ него только дружеское письмо слѣдующаго содержанія: „не удивляйся ничему; теперь такое время, что все возможно; а потому, не говоря ни слова, бери почту и пріѣзжай ко мнѣ“.

Прибывъ въ Смоленскъ, нашелъ я генерала Философова весьма огорченнымъ симъ происшествіемъ. Увидя меня, онъ сказалъ: что дѣлать, можетъ быть государь, имѣя справедливыя неудовольствія на генерала Тутолмина, мститъ и его сыну, хотя это низко. Но я больше жалѣю о томъ, что ты, руководствуясь единымъ усердіемъ къ его пользѣ и понеся довольно трудовъ при началѣ сего дѣла, остаешься безъ воздаянія. Притомъ боюсь еще, не очернилъ ли кто и тебя предъ нимъ? Но со всѣмъ тѣмъ я не оставлю требовать, чтобы онъ наградилъ тебя за твое пред-

---

[1]) Извѣстный кавалерійскій генералъ Иванъ Семеновичъ Кологривовъ, первый командиръ лейбъ-гусарскаго полка.

пріятіе и труды. Однакожъ, прежде нежели къ тому приступить, намѣренъ я испытать его къ тебѣ расположеніе. Подай бумагу ко мнѣ, что ты имѣешь надобность по домашнимъ дѣламъ своимъ быть въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и проси увольненія на два мѣсяца". Я исполнилъ его совѣтъ, представленіе сдѣлано и отвѣтъ послѣдовалъ благосклонный. „Поѣзжай же, мой другъ,—сказалъ мнѣ Философовъ, въ Москву, даю я тебѣ довѣренность принять мое командорство по ордену св. Андрея; а вмѣстѣ съ нимъ примешь ты и твое, находящееся въ томъ же округѣ. Я же между тѣмъ не оставлю о тебѣ стараться и надѣюсь въ Петербургѣ съ тобою увидѣться. Окончивъ дѣла мои въ Москвѣ и имѣвъ удовольствіе въ послѣдній разъ увидѣть престарѣлаго отца матери моей, отправился я въ Петербургъ. По прибытіи же моемъ туда, прежде чѣмъ я узналъ, что за понесенные мною труды награжденъ я чиномъ полковника, съ переводомъ въ *Фанагорійскій гренадерскій полкъ* въ званіи полкового командира согласно моему желанію, выслушалъ строгій выговоръ, сдѣланный мнѣ безъ пути строгимъ и злобнымъ генераломъ *Аракчеевымъ*. Причина этого та, что я явился къ нему не въ принадлежащемъ мнѣ мундирѣ. При Павлѣ I каждый полкъ имѣлъ особенный мундиръ, но я, находясь почти все время въ дорогѣ, не зналъ, что я произведенъ въ полковники и опредѣленъ въ другой полкъ. Какъ бы то ни было, поспѣшилъ я переодѣться въ другой мундиръ и на другой день представленъ былъ императору Павлу. Когда ему доложили, что представляющійся полковникъ Тучковъ благодаритъ его за чинъ, то, взглянувъ на меня, сказалъ онъ мнѣ съ пріятнымъ видомъ. *„О! какъ желалъ бы я чаще имѣть удовольствіе получать отъ васъ таковую благодарность"*.

Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ прибылъ туда и генералъ *Философовъ* [1]). Но онъ недолго тамъ оставался, скоро отправился обратно въ Смоленскъ. Я же по истеченіи срока моего отпуска поѣхалъ чрезъ Смоленскъ въ мѣстечко Шкловъ, принадлежавшее генералу *Зоричу* [2]), по новому своему назначенію. Тамъ расположенъ былъ мой баталіонъ, а шефъ съ своимъ штабомъ находился въ городѣ Могилевѣ, 40 верстъ отъ Шклова. Тамъ занялся я пустыми наружными бездѣлицами фронтовой службы, столь драгоцѣнными для императора Павла, и еще больше уважаемыми наслѣдникомъ его Александромъ и братомъ его Константиномъ.

Генералъ Философовъ.

Почтенный мой начальникъ генералъ Философовъ не оставлялъ вести со мною постоянную переписку, жалуясь безпрестанно на своенравіе государя, на его

1) Мих. Мих. Философовъ, ген.-отъ-инфантеріи, членъ Госуд. Совѣта. Род. 1731 † 1811.

2) Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, въ 1777 г. флигель-адъютантъ и любимецъ Императрицы. По удаленіи отъ двора поселился въ пожалованномъ ему мѣстечкѣ Шкловѣ, гдѣ основалъ училище для бѣдныхъ дворянъ Бѣлоруссіи, при Павлѣ переименов. въ кад. корпусъ, нынѣ 1-й Московскій.

безпутныя и вредныя отечеству распоряженія. При этомъ добавлялъ, что онъ уже не въ силахъ переносить сіе сумасбродство и скоро намѣренъ, оставя все, удалиться въ прежнее свое уединеніе. Однажды, когда совсѣмъ не ожидалъ я его прибытія, пріѣхалъ онъ изъ Смоленска ко мнѣ въ Шкловъ поутру такъ рано, что я былъ еще въ постели. Увидя его, я весьма встревоженъ былъ неожиданнымъ его посѣщеніемъ. Но онъ мнѣ на то сказалъ: „Не безпокойся, мой другъ! Я пріѣхалъ къ тебѣ, какъ къ моему другу, а не какъ къ подчиненному. Только прошу тебя приказать твоимъ людямъ, чтобъ никого изъ пріѣзжающихъ къ тебѣ до извѣстнаго времени не принимали. Скоро, конечно, всѣ узнаютъ о моемъ сюда пріѣздѣ, но ты вели сказывать, что я усталъ и отдыхаю послѣ дороги. Возьми перо, любезный другъ, продолжалъ онъ, напиши отъ имени моего просьбу государю, что я старъ, слабъ и по многимъ другимъ обстоятельствамъ прошу уволить меня отъ службы и всякихъ порученій. Переписавъ набѣло, отправимъ нарочнаго въ Петербургъ, и тогда пойдемъ съ тобою посѣтить добраго генерала Зорича, помѣщика сего имѣнія. Вотъ обстоятельства,—прибавилъ онъ,—заставляющія меня отъ всего удалиться. Хотя зналъ я непостоянный, жестокій нравъ Павла I-го, но зналъ притомъ, что онъ также добродѣтеленъ, и полагалъ, что, сдѣлавшись императоромъ, будетъ онъ справедливъ. Но ошибся я въ моемъ заключеніи. Чѣмъ дальше онъ царствуетъ, тѣмъ болѣе оказываетъ непостоянства, жестокости, несправедливости. А щедроты свои онъ разсыпаетъ также безъ всякаго разсмотрѣнія и дѣлаетъ тѣмъ больше завистливыхъ, нежели благодарныхъ. Безпокоитъ меня и то, что онъ слишкомъ долго царствуетъ, и я опасаюсь, чтобъ, насмотрѣвшись его примѣровъ, молодые Александръ и Константинъ не остроптивѣли. Какая въ будущемъ надежда для отечества? Вельможи часто того не видятъ, или лучше сказать, не хотятъ видѣть. Что же могу я сдѣлать одинъ, будучи старъ и слабъ“. Лишаясь столь почтеннаго начальника, съ великимъ прискорбіемъ исполнилъ я его просьбу. Нарочный былъ отправленъ, и мы пошли на обѣдъ къ генералу Зоричу, послѣ котораго Философовъ отправился обратно въ Смоленскъ. Просьба его была исполнена. Онъ получилъ увольненіе, но государь просилъ его, чтобъ онъ не отказался быть членомъ верховнаго государственнаго совѣта. Хотя онъ принялъ это званіе и находился въономъ при Павлѣ и Александрѣ до самой своей кончины, но, видя непостоянство и своенравіе обоихъ сихъ государей, мало входилъ въ дѣла. Мѣсто его заступилъ въ Смоленскѣ извѣстный *генералъ Розенбергъ* [1]).

Генералъ Философовъ при многихъ своихъ дарованіяхъ и добродѣтеляхъ можетъ служить примѣромъ игры счастья.

Родъ Философовыхъ. Настоящая его фамилія доподлинно неизвѣстна, ибо предокъ его рожденъ былъ отъ одного грека, пріѣзжавшаго въ давнія времена въ Россію для просвѣщенія и

---

[1]) Андрей Григорьевичъ Розенбергъ. Генер.-отъ-инфантеріи. Сподвижникъ Суворова въ Швейцаріи. Род 1740 † 1813.

образованія народа въ христіанской вѣрѣ. Сихъ свѣтскихъ учителей богословія называли тогда въ Россіи философами, не спрашивая объ ихъ фамиліи и прозваньи. Отъ одного изъ таковыхъ философовъ произошелъ давно существующій въ Россіи дворянскій родъ Философовыхъ.

Отецъ его служилъ въ достоинствѣ генерала еще при Петрѣ І-мъ и былъ также, какъ и онъ, нѣкоторое время смоленскимъ губернаторомъ. Философовъ воспитанъ былъ иждивеніемъ своего отца въ одномъ отличномъ пансіонѣ нѣкотораго ученаго иностранца въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Суворовымъ и другими славными людьми. Окончивъ приличныя воспитанію его науки, изучивъ иностранные языки, записанъ онъ былъ унтеръ-офицеромъ въ гвардію, и потомъ переведенъ поручикомъ въ пѣхотный армейскій полкъ, гдѣ продолжалъ онъ служить до чина маіора. Въ семъ чинѣ отправился онъ въ Пруссію во время семилѣтней войны, въ которой императрица Елизавета, въ угодность Маріи Терезіи, приняла столь сильное участіе. Въ продолженіе сей войны по большой части служилъ онъ дежурнымъ маіоромъ при генералѣ *графѣ Ливенѣ*, былъ во всѣхъ дѣлахъ, часто отличался своею храбростью, благоразумными совѣтами и распоряженіями. Въ это время постепенно производимъ онъ былъ въ чины, такъ что послѣ смерти Елизаветы и по вступленіи на престолъ Петра III-го онъ произведенъ уже былъ въ генералъ-маіоры. По вступленіи на престолъ Екатерины II-й и по возвращеніи всѣхъ русскихъ войскъ изъ Пруссіи, остался онъ за границей на Карлсбадскихъ водахъ для излѣченія тяжкихъ ранъ полученныхъ имъ въ той войнѣ.

Во время продолжительной сей кровопролитной и вовсе безполезной для Россіи войны, многіе чиновники, неизвѣстные при Елизаветѣ, при Петрѣ III-мъ достигли уже званія генераловъ, и притомъ въ такомъ количествѣ, что недоставало для нихъ мѣстъ въ арміи. Сіе обстоятельство заставило императрицу Екатерину II повелѣть извѣстному своимъ разумомъ, просвѣщеніемъ и безпристрастіемъ министру графу *Никитѣ Ивановичу Панину* узнать и разсмотрѣть способности всѣхъ произведенныхъ въ сію войну генераловъ и подать о нихъ списки съ отмѣтками, кто изъ нихъ оказалъ себя болѣе способнымъ къ военной, гражданской или дипломатической службѣ. Генералъ-маіоръ Философовъ и двое другихъ отмѣчены имъ были способными ко всѣмъ симъ тремъ родамъ службы. И подлинно, при отличныхъ природныхъ качествахъ ума и сердца Философовъ зналъ хорошо математику и военное искусство, французскій и нѣмецкій языки въ совершенствѣ, разумѣлъ латинскій и греческій, могъ говорить по-англійски и по-итальянски, не говоря о другихъ познаніяхъ, входящихъ въ начертаніе общественнаго воспитанія.

Екатерина II имѣла правиломъ — всѣхъ, отличившихся военными или другими достоинствами знатныхъ чиновниковъ-призывать ко двору и приглашать въ частныя ея собранія, гдѣ въ не столь принужденномъ обращеніи съ ними, старалась она непри-

мѣтнымъ образомъ узнавать о ихъ способностяхъ. Философовъ, находясь при дворѣ, въ ея обществѣ, которое почти ежедневно у нея собиралось, удостоился пріобрѣсть ея благорасположеніе. А дабы не быть ему, какъ военному генералу, безъ особой должности при дворѣ, то опредѣленъ онъ былъ *директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса*. Въ семъ званіи преподавалъ онъ первыя понятія изъ математики и военнаго искусства сыну ея Павлу I-му.

Извѣстно всѣмъ, что Екатерина II-я при многихъ своихъ дарованіяхъ и добродѣтеляхъ подвержена была слабостямъ любви. Однако-жъ любимцевъ своихъ избирала она не только по красотѣ наружной, но хотѣла притомъ видѣть въ нихъ и достоинство ума. Такъ какъ она нерѣдко ихъ перемѣняла, то поэтому составлялись безпрестанно при ея дворѣ разныя партіи. Князь Григорій *Орловъ* былъ любимцемъ въ началѣ ея царствованія. Онъ имѣлъ друзьями графовъ *Петра* и *Никиту Паниныхъ*, не считая другихъ отличныхъ дарованіями и достоинствами своими людей, въ числѣ которыхъ находился и генералъ Философовъ. Князь Потемкинъ работалъ всѣми силами, дабы низвергнуть Орлова, и старался удалять отъ двора болѣе ему опасныхъ приверженцевъ Орлова. Но такъ какъ Екатерина была женщиной великаго ума, прозорливости и притомъ, не взирая на слабость своего пола, довольно недовѣрчива въ случаяхъ, гдѣ дѣйствуютъ страсть и самолюбіе,—то нелегко было при ней очернить и погубить человѣка противной партіи; а особливо, если она сама знала цѣну его достоинствъ. Удаленіе для важнѣйшихъ порученій, подъ предлогомъ необходимости, есть средство, обыкновенно употребляемое придворными противу тѣхъ, которые кажутся имъ опасными. По нѣкоторымъ министерскимъ порученіямъ нужно было послать человѣка нарочитыхъ достоинствъ ко двору Фридриха II-го короля прусскаго. Потемкинъ предложилъ отправить туда Философова. Императрица весьма одобрила предложеніе. Философовъ поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ довольно скоро и съ желаемымъ успѣхомъ окончилъ свое порученіе и возвратился въ Петербургъ.

Всегда останется въ памяти моей сужденіе генерала Философова о планахъ баталіи и военныхъ реляціяхъ. Онъ говаривалъ мнѣ, что хотя планы должно дѣлать прежде и притомъ въ тайнѣ, а реляціи послѣ, но какъ тѣ, такъ и другія въ оправданіе и къ славѣ командующихъ издаются обыкновенно послѣ сраженія. Правда, присовокуплялъ онъ, на сіе есть 4 причины. Первая—планъ баталіи долженъ быть сохраненъ въ глубокой тайнѣ до исполненія онаго, 2-я—во время самаго дѣйствія противъ непріятеля обстоятельства требуютъ иногда важныхъ отступленій и перемѣнъ противъ сдѣланнаго плана, 3-я—то, что случайно представилось непріятельскому генералу и послужило къ его пользѣ, то отмѣчаетъ онъ какъ предусмотрѣнное имъ и заранѣе помѣщенное въ его планѣ, хотя того вовсе предъ тѣмъ не было, и, наконецъ, 4-е—свойственное всѣмъ самолюбіе заставляетъ всегда представ-

лять непріятеля въ большихъ силахъ и въ крѣпчайшемъ положеніи, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ находился. Примѣромъ сего можетъ служить слѣдующее происшествіе. Фридрихъ II, разговаривая съ генераломъ Философовымъ о семилѣтней войнѣ и слыша отъ него, что онъ находился во всѣхъ шести главныхъ сраженіяхъ, которыя имѣла армія россійская противъ пруссаковъ, по окончаніи разговора пошелъ въ свой кабинетъ, и принесъ оттуда золотую табакерку. На крышкѣ ея изображенъ былъ планъ сраженія при Франкфуртѣ. Отдавая оную Философову, сказалъ: „Прошу васъ принять отъ меня сей подарокъ въ память того, что мы нѣкогда одинъ противъ другого находились въ семъ сраженіи“. Философовъ съ благодарностью принялъ сей подарокъ. Но, разсмотрѣвъ потомъ, нашелъ, что русскія войска изображены были на сей табакеркѣ расположенными за тремя въ правилахъ фортификаціи устроенными окопами. Между тѣмъ какъ не только онъ, но и многіе достойные вѣроятія люди, бывшіе въ томъ сраженіи, увѣряютъ, что ни окоповъ, ни закрытой батареи русскія войска въ семъ сраженіи не имѣли.

Возвратясь изъ Берлина, Философовъ не долго пробылъ въ Петербургѣ, онъ скоро поѣхалъ во Францію въ видѣ путешественника, пробылъ болѣе года въ Парижѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ. По возвращеніи ко двору россійскому отправленъ онъ былъ въ Стокгольмъ, а потомъ въ Лондонъ; о причинѣ же сихъ его путешествій никогда онъ никому не сказывалъ. По возвращеніи оттуда былъ онъ посланъ въ качествѣ полномочнаго министра и посла въ Копенгагенъ ко двору датскому. Ему поручено было тамъ рѣщить дѣло о Голштиніи, потому что небольшое сіе княжество, принадлежа пополамъ Россіи и Даніи, не было опредѣленно разграничено и трудно было по многимъ обстоятельствамъ опредѣлить эту границу.

Взамѣнъ значительныхъ выгодъ и преимуществъ для торговли россійской и за морскую и сухопутную помощь Россіи при случаѣ войны противъ Швеціи уступилъ Философовъ княжество сіе королевству датскому. Екатерина II была весьма тѣмъ довольна, наградила его орденомъ св. Анны, прислала ему 100 т. рублей и сверхъ того опредѣлила дать въ вѣчное владѣніе имѣніе изъ 3 т. душъ. Философовъ, находясь за границей, не имѣлъ ни случая, ни времени принять назначенное ему имѣніе. Полученныя же деньги отдалъ въ сохраненіе копенгагенскому банкиру, прибавивъ и своихъ, остававшихся отъ содержанія ему опредѣленнаго, которое довольно было значительно.

Прибывъ въ Петербургъ, Философовъ былъ въ началѣ весьма благосклонно принятъ Екатериной II, а потомъ замѣтилъ онъ нѣкоторую холодность. Однакожъ императрица хотѣла уже подписать указъ объ отдачѣ ему во владѣніе назначенныхъ до сего 3 т. душъ. Но князь Потемкинъ сказалъ ей: онъ такъ разстроенъ въ своемъ разсудкѣ и здоровьѣ, что не въ состояніи будетъ управлять такимъ имѣніемъ. Притомъ ни жены, ни дѣтей онъ не имѣетъ, и лучше будетъ назначить ему пенсію по смерть.

И такъ вмѣсто имѣнія изъ 3-хъ т. душъ опредѣлено ему было по 8 т. рублей ежегодно. Философовъ, не столько симъ, сколько лишеніемъ довѣренности двора огорченный, взялъ свою отставку, удалился въ наслѣдственное свое имѣніе изъ 700 душъ и жилъ тамъ до самой кончины Екатерины II-й, занимаясь хозяйствомъ, книгами, псовой охотой, ѣздя къ своимъ сосѣдямъ и принимая отъ нихъ посѣщенія. Онъ нерѣдко ѣздилъ и въ Петербургъ, но въ видѣ частнаго человѣка и не представлялся болѣе у двора.

Я уже сказалъ предъ симъ, какимъ образомъ принятъ онъ былъ опять въ службу Павломъ I и какъ оную оставилъ, бывъ включенъ въ числѣ членовъ государственнаго совѣта. Въ сей должности скончался онъ въ царствованіе Александра I-го, имѣя болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

Обратимся теперь къ тому, что происходило съ того времени, какъ разстался я съ почтеннымъ моимъ генераломъ Философовымъ.

Генералъ Зоричъ.

Съ прибытіемъ моимъ въ Шкловъ, познакомился я съ генераломъ *Зоричемъ*, владѣльцемъ сего мѣстечка, или лучше сказать, изряднаго городка и многихъ другихъ имѣній. Генералъ Зоричъ по необыкновенному своему характеру заслуживаетъ, чтобъ я о немъ здѣсь нѣчто сказалъ. Онъ родомъ изъ Сербіи, и настоящее его прозванье есть не Зоричъ а *Неражичъ*.—Зоричъ же былъ его дядя со стороны матери, также сербъ, служилъ въ россійскомъ войскѣ и достигъ достоинства генерала. Въ царствованіе императрицы Елизаветы I вывелъ онъ многія колоніи своихъ единоземцевъ, которые съ немалой для Россіи пользой были поселены имъ на Украйнѣ и составляли поселенные гусарскіе полки. Они служили храбро и усердно во время семилѣтней войны противу Фридриха II короля прусскаго. За таковую услугу императрица наградила его имѣньемъ изъ 700 душъ. Сей Зоричъ, не бывъ женатъ, взялъ къ себѣ племянника своего Неражича, записалъ въ полкъ, и тотъ служилъ при немъ въ званіи унтеръ-офицера еще въ сію войну; ему едва было тогда пятнадцать лѣтъ отъ роду. Генералъ Зоричъ такъ полюбилъ молодого Неражича, что хотя и имѣлъ ближайшихъ наслѣдниковъ по праву, однакожъ укрѣпилъ за нимъ все свое имѣніе и далъ свою фамилію Зоричъ. Родной братъ сего самаго Зорича, служившій также генераломъ въ россійскомъ войскѣ, всегда носилъ прозванье Неражича. Какъ бы то ни было, но молодой Зоричъ по смерти дяди своего продолжалъ служить въ гусарскихъ полкахъ.

Во время войны съ турками подъ предводительствомъ фельдмаршала *Румянцова* былъ уже онъ маіоромъ и состоялъ въ числѣ наѣздниковъ, или партизановъ. Онъ былъ пріятнаго вида, при посредственномъ воспитаніи и способностяхъ ума, однакожъ ловокъ, расторопенъ и храбръ, любилъ богато одѣваться, играть въ карты на большія суммы денегъ. Однимъ словомъ, онъ жилъ такъ, какъ жили молодые гусарскіе офицеры того времени. Впро-

чемъ онъ служилъ отлично и въ званьи маіора удостоенъ былъ за храбрость свою орденомъ св. Георгія 4 класса, что было тогда весьма рѣдко. Въ одно время посланъ онъ былъ съ малымъ отрядомъ гусаръ и казаковъ для обозрѣнья непріятельской арміи, а на возвратномъ пути велѣно ему было запастись фуражемъ. Исполнивъ первое, при второмъ окруженъ онъ былъ непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ. Зоричъ, отступая, защищался храбро; но подъ нимъ застрѣлили лошадь, онъ упалъ, и прискакавшій къ нему арабъ хотѣлъ заколоть его копьемъ. Но въ самую ту минуту подоспѣлъ одинъ турокъ, который, увидя богатую его одежду, закричалъ ему по-турецки: „Что ты дѣлаешь? Это-то и есть генералъ. Арабъ остановился и Зоричъ былъ взятъ военоплѣннымъ [1]). Когда приведенъ онъ былъ на непріятельскіе аванпосты, то принятъ былъ начальникомъ оныхъ какъ плѣнный генералъ. И Зоричъ за неимѣніемъ переводчика не могъ вывести ихъ изъ сего заблужденія. Наконецъ, когда представленъ онъ былъ къ визиру, которому объявилъ, что онъ не генералъ, а только гусарскій маіоръ, то и тотъ, судя по богатой его одеждѣ и отличному виду, подумалъ, что онъ съ какимъ-нибудь намѣреніемъ скрываетъ настоящее свое достоинство. Это Зоричъ легко могъ замѣтить. Наконецъ отправленъ онъ былъ въ Константинополь, гдѣ содержался до окончанія войны и размѣна плѣнныхъ.

Въ Константинополѣ скоро научился онъ говорить по турецки, чрезъ что познакомился съ нѣкоторыми греками и турками, которые его весьма полюбили и доставляли ему всѣ выгоды.

Возвратясь изъ плѣна, продолжалъ онъ служить въ гусарскомъ полку; но, какъ отличный офицеръ, былъ взятъ въ лейбъ-гусарскій эскадронъ Ея Величества. Находясь при дворѣ, нашелъ онъ случай сдѣлаться извѣстнымъ князю Орлову, бывшему любимцу Екатерины II. Мѣсто его хотя и заступилъ уже кн. Потемкинъ, но онъ все еще былъ въ нѣкоторой довѣренности у императрицы. Онъ, примѣтивъ красоту и ловкость Зорича, вздумалъ тѣмъ воспользоваться, чтобъ отомстить своему непріятелю. Онъ довелъ до того, что Зоричъ весьма понравился Екатеринѣ и сдѣлался ея любимцемъ. Кромѣ богатыхъ подарковъ и орденскихъ знаковъ, былъ онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, сдѣлался ея адъютантомъ и корнетомъ кавалергардскаго корпуса единственно потому, что великолѣпный мундиръ малаго сего отряда придавалъ ему еще больше красоты. Но Зоричъ наслаждался только одинъ годъ [2]) и нѣсколько мѣсяцевъ симъ счастіемъ и былъ затѣмъ удаленъ отъ двора. Однако-жъ ни одинъ изъ любимцевъ Екатерины въ столь короткое время не былъ столь щедро награжденъ. Не считая денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, даны были ему въ вѣчное и потомственное владѣніе мѣстечко Шкловъ, съ принадлежащими къ оному деревнями, въ

---

[1]) Должны сказать, что во всѣ войны наши противъ турокъ по сіе время еще ни одинъ генералъ россійскій не былъ взятъ въ плѣнъ.

[2]) 1777-й годъ.

которыхъ считалось до 6 т. душъ, да Сесвегенское имѣніе въ Лифляндіи, 4 т. душъ, придворный экипажъ и вся услуга. Сверхъ того, по прибытіи его въ Шкловъ, нашелъ онъ въ готовности собранныхъ доходовъ съ сего имѣнія милліонъ рублей [1]).

Все шкловское имѣніе принадлежало прежде извѣстному польскому вельможѣ князю Адаму *Чарторыйскому* [2]). Онъ во время присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи не захотѣлъ дать присяги на подданство императрицѣ Екатеринѣ II и удалился за-границу, а имѣніе его взято въ казну. Князья Чарторыйскіе почти никогда не жили въ Шкловѣ больше потому, что мѣстечко сіе находилось близко границы россійской. Итакъ Зоричъ, прибывъ туда, нашелъ для жительства своего хотя довольно обширный домъ, но построенный безъ всякихъ выгодъ, притомъ деревянный и ветхій. Поэтому началъ онъ строить новый деревянный домъ хорошаго вида и расположенія, огромную каменную ограду и театръ. Бывъ холостымъ и не имѣя никогда намѣренія жениться, рѣшилъ онъ знатную часть доходовъ своихъ употребить на разныя благотворенія. Важнѣйшимъ же было учрежденіе кадетскаго корпуса, въ которомъ до четырехсотъ недостаточныхъ дворянъ содержались, воспитывались и обучались всѣмъ наукамъ, входящимъ въ составъ общественнаго воспитанія, воинской службѣ, а также и иностраннымъ языкамъ. Весь корпусъ этотъ состоялъ на собственномъ его иждивеніи. Для сего началъ онъ и скорѣе всего выстроилъ прекрасное каменное зданіе, въ которомъ сіи воспитанники могли всѣ съ выгодою быть помѣщены. Учители, офицеры для присмотра, услуга, библіотека разныхъ инструментовъ и все потребное тогда же было доставлено. Онъ самъ ежедневно занимался симъ учрежденіемъ, поступая съ кадетами какъ рѣдкіе изъ отцовъ поступаютъ съ своими дѣтьми. Видя сіе, дворяне Бѣлорусской и сосѣдственныхъ губерній наперывъ поспѣшали привозить къ нему своихъ дѣтей, такъ что не только вскорѣ корпусъ его наполнился, но много принимаемо было и сверхъ положенія. Не довольствуясь симъ, Зоричъ испросилъ повелѣніе императрицы Екатерины, дабы кадеты его, по окончаніи наукъ, свидѣтельствованы были присылаемыми изъ Петербурга знающими особами и принимаемы были наравнѣ съ

---

1) Надобно сказать, что хотя въ то время и были уже ассигнаціи въ Россіи, но онѣ стояли въ равномъ достоинствѣ съ золотомъ и серебромъ. Не такъ, какъ нынѣ, когда за нихъ выручается едва четвертая часть звонкой монеты. Въ царствованіе императрицы Екатерины, по окончаніи шведской и турецкой войны и при открывшейся революціи въ Польшѣ, когда голландскіе червонцы, обращающіеся всегда въ три рубля серебромъ, выданы были на войско по курсу въ пять рублей ассигнаціями, тогда всѣ были крайне тѣмъ недовольны. Нынѣ же голландскій червонецъ на ассигнаціи причитается въ двѣнадцать рублей,—несмотря на продолжающійся нѣсколько лѣтъ миръ и чрезмѣрное увеличеніе налоговъ.

2) Извѣстный князь Адамъ Чарторыйскій (род. 1739 † 1823), любопытныя „записки“ котораго подъ редакціей К. А. Военскаго помѣщены были въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ нашего изданія подъ заглавіемъ „Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка“.

кадетами Императорскихъ кадетскихъ корпусовъ поручиками и подпоручиками въ военную или гражданскую службу, смотря по ихъ способностямъ, успѣхамъ въ наукахъ и поведенію. При выпускѣ же давалъ онъ каждому отъ себя мундиръ, весь офицерскій экипажъ, деньги на проѣздъ—сколько кому слѣдовало, и каждому по сто рублей на расходы. Сіе его заведеніе доставило Россіи многихъ отличныхъ знаніями своими и воспитаніемъ чиновниковъ. Хотя нельзя сказать, чтобъ науки лучше преподавались въ семъ корпусѣ, нежели въ Императорскомъ сухопутномъ, но зато кадеты несравненно лучше содержались и больше образованы были въ общежитіи. Они раздѣлены были у него на гренадеръ, мушкетеръ, егерей и конницу. Отставные офицеры добраго поведенія и знающіе службу въ свободное отъ наукъ время показывали имъ разные военные обороты по роду ихъ службы. Для кавалеристовъ же устроенъ былъ хорошій манежъ и карусель. Не говоря о больницѣ, въ которой многіе неимущіе получали пользу и содержаніе. Генералъ Зоричъ собралъ къ себѣ не только всѣхъ недостаточныхъ своихъ родныхъ, но и старыхъ знакомыхъ, наипаче такихъ, которымъ онъ былъ обязанъ за какую-либо помощь прежде блистательнаго своего состоянія. Онъ построилъ имъ всѣмъ дома, далъ достаточное содержаніе и любилъ дѣлить съ ними время. Шкловъ лежитъ на большой дорогѣ, ведущей въ Петербургъ, Москву и за границу. Зоричъ не пропускалъ ни одного проѣзжающаго безъ угощенія. И богатые и бѣдные его сосѣди, пріѣзжая къ нему въ гости, жили по нѣскольку мѣсяцевъ на его счетъ. Театръ и оранжерея съ преогромными залами скоро были построены, хотя комедіанты его были посредственны и лучшія сочиненія были играны охотниками и кадетами. Но балеты были весьма хороши, а также музыка и пѣвчіе. Ни одинъ славный музыкантъ, пѣвецъ или пѣвица не могли пріѣхать изъ Европы въ россійскія столицы, не давъ нѣсколько концертовъ у Зорича. Онъ дарилъ ихъ щедро и такъ хорошо съ ними обходился, что многіе жили у него по нѣскольку мѣсяцевъ и изъ признательности давали наставленья собственнымъ его музыкантамъ.

Иностранцы и путешественники были имъ отлично принимаемы и всегда на нѣкоторое время останавливались въ Шкловѣ, пользуясь отъ него всѣмъ содержаніемъ.

Но домъ, который онъ началъ строить для себя, бывъ почти совсѣмъ готовъ, нечаяннымъ случаемъ сгорѣлъ. Старый же, принадлежавшій Чарторыйскому, сдѣлался слишкомъ ветхъ. Тогда Зоричъ перешелъ въ небольшой домъ, выстроенный имъ для родственницы его, вдовы, полковницы К., и жилъ до самой своей кончины въономъ, вмѣстѣ съ нею и ея семействомъ, имѣя для себя только три покоя. Ежедневные великолѣпные столы, на нѣсколько десятковъ особъ, балы по нѣскольку разъ въ недѣлю, концерты и пріемы гостей происходили у него въ большихъ оранжерейныхъ залахъ. Оттуда по окончаніи угощенія возвращался онъ съ отъѣздомъ гостей въ домъ госпожи К. Частые

весенніе праздники, фейерверки, иллюминаціи, всякаго рода забавы и картежная игра не были имъ оставлены, исключая одной псовой охоты, которой онъ никогда не занимался, да и вовсе оной у себя не заводилъ.

Въ семъ положеніи жилъ онъ до кончины императрицы Екатерины. Но императоръ Павелъ I, вступая на престолъ, вызвалъ его въ Петербургъ и принялъ весьма благосклонно. Зоричъ имѣлъ уже тогда великіе долги на своемъ имѣніи, болѣе же всего разстроила его игра въ карты. Онъ проигралъ довольно князю Потемкину и несравненно больше его родственникамъ. Они оба другъ друга не любили, а Зоричъ въ шутку называлъ иногда кн. Потемкина дядей. Павелъ I зналъ всѣ сіи обстоятельства и въ тоже время не терпѣлъ онъ Потемкина. Увидя Зорича, Павелъ сказалъ ему: „ваше состояніе разстроено, я это знаю; васъ раззорилъ дядя“.—„Не дядя,—отвѣчалъ Зоричъ,—а племянники“.— Павелъ доволенъ былъ симъ отвѣтомъ и далъ ему гусарскій полкъ.

Конные полки приносятъ въ Россіи доходъ людямъ бѣднаго состоянія, которые трудятся, занимаясь безпрестанно разными экономіями. Но Зоричъ готовился употребить свою собственность, чтобъ по природному его самомнѣнію полкъ его былъ лучше прочихъ. Тотъ, въ который онъ былъ назначенъ, названъ только гусарскимъ, а въ самомъ дѣлѣ былъ легкоконный, и Зоричъ долженъ былъ преобразовать его въ гусарскій. Ген. Т., отъ котораго началъ онъ принимать полкъ имѣлъ много неспособныхъ къ службѣ лошадей, не хотѣлъ кончить добрымъ способомъ дѣла свои съ Зоричемъ, и принуждалъ его принимать худыхъ лошадей вмѣсто хорошихъ. Зоричъ сдѣлалъ свидѣтельство, и представилъ о томъ государю. Ген. Т. былъ выключенъ изъ службы, худыхъ лошадей велѣно было продать, а на мѣсто ихъ купить добрыхъ на счетъ прежняго начальника. Но тотъ отвѣтилъ Зоричу самымъ жестокимъ образомъ. Лошади сіи проданы были по самой низкой цѣнѣ, да и кому можетъ быть нужна старая и испорченная кавалерійская лошадь?

Между тѣмъ одинъ молодой офицеръ изъ числа воспитанныхъ Зоричемъ купилъ четыре лошади въ надеждѣ, что хотя одна изъ нихъ поправится: прочихъ же готовъ онъ былъ отдать и даромъ. И такъ, взявъ ихъ къ себѣ, велѣлъ имѣть за ними хорошій присмотръ. Узнавъ о томъ, ген. Т. послалъ чрезъ нѣсколько дней русскаго купца, который прежде былъ маркитантомъ въ его полку, торговать у офицера сихъ лошадей. Купецъ съ перваго слова предложилъ ему вдвое больше, нежели офицеръ заплатилъ. Этотъ молодой человѣкъ, не зная хорошо лошадей, подумалъ, что онѣ стоятъ дороже, и не согласился уступить за сію цѣну. Купецъ началъ прибавлять и наконецъ за весьма значительную сумму купилъ у него сихъ лошадей, заплатилъ деньги при свидѣтеляхъ и взялъ съ него росписку. Генералъ Т., получа оную отъ купца, при прошеніи своемъ представилъ государю, поставя на видъ, якобы Зоричъ предоставляетъ пользоваться

своимъ питомцамъ на счетъ его собственности. Быстрый въ рѣшеніяхъ своихъ, Павелъ, едва получилъ сію просьбу, какъ тогда же выключилъ Зорича изъ службы и назначилъ ему ссылку въ его имѣніе, изъ котораго запретилъ ему выѣзжать.

Въ семъ положеніи нашелъ я Зорича по прибытіи моемъ въ Шкловъ.

Однакожъ онъ не показывалъ ни малѣйшей перемѣны въ своемъ характерѣ и жилъ такъ, какъ и прежде; съ тою только разницею, что оставилъ азартныя игры въ карты. Впрочемъ театры, балы, столы, угощеніе пріѣзжающихъ и проживающихъ въ Шкловѣ продолжались по прежнему. Онъ часто бывалъ у меня и просилъ, чтобы не только я, но и офицеры мои не имѣли своего стола, а приходили бы къ нему. Если же кто чѣмъ занятъ, или нездоровъ, то присылали къ такому обѣдъ и ужинъ съ его кухни. Сверхъ того, я и другіе ему знакомые пользовались его экипажами. Онъ содержалъ большое количество лошадей и много разныхъ большихъ и малыхъ экипажей. По утру всѣ должны быть запряжены и выѣхать на улицу; кому потребенъ экипажъ, тотъ возьметъ и поѣдетъ. Не разъ случалось на моихъ глазахъ, что онъ велитъ для себя подать карету, которую и подведутъ къ крыльцу. Между тѣмъ онъ за чѣмъ-либо замедлитъ въ домѣ, въ это время другой потребуетъ карету и поѣдетъ. Кучеръ отговориться не смѣетъ. Онъ выйдетъ и если нѣтъ для него экипажа, то подождетъ пока сыщутъ для него другой. Вотъ какъ проводилъ онъ время свое въ бытность мою въ Шкловѣ. Вставалъ онъ всегда въ пять часовъ и около часа продолжался его туалетъ, при чемъ пилъ онъ чай и разсматривалъ подаваемыя ему табели доходовъ и расходовъ его имѣнія. Потомъ, одѣвшись въ мундиръ, выходилъ въ другую комнату, гдѣ принималъ рапортъ отъ кадетскаго корпуса, ординарца и вѣстового, а также пріѣзжающихъ къ нему съ утреннимъ посѣщеніемъ. Послѣ сего ѣхалъ онъ въ корпусъ и присутствовалъ въ конференціи учрежденной имъ самимъ изъ чиновниковъ корпуса. Конференція разсматривала, что относится къ содержанію онаго въ добромъ порядкѣ. Оттуда шелъ онъ въ классъ, а потомъ къ кадетскому столу и отвѣдывалъ всѣ подаваемыя тамъ кушанья. Послѣ этого ѣхалъ онъ въ свою оранжерею, гдѣ уже приготовлены были водка и закуска, и гости начинали собираться на обѣдъ. Послѣ обѣда отдыхалъ онъ нѣсколько въ комнатахъ оранжереи или въ домѣ г-жи К. Если не назначено было никакого собранія, что однакожъ рѣдко случалось то прогуливался онъ тогда верхомъ и на дрожкахъ. По вечеру опять пріѣзжалъ въ оранжерею, гдѣ ожидали уже его гости, съ которыми пилъ онъ чай и ужиналъ.

Зоричъ завелъ тоже въ имѣніи своемъ разныя фабрики какъ-то: шелковыхъ матерій, полотняную, парусную, канатную, суконную и кожевенную. Но сіи заведенія, кромѣ убытку, ничего почти ему не приносили, потому что онъ любилъ дарить своими произведеніями всѣхъ, кто только любопытенъ оныя увидѣть. Канатная и парусная давали ему небольшой доходъ, а сукон-

ная, полотняная и кожевенная въ содержаніи корпуса и многочисленной его услуги съ актерами, танцовщиками, музыкантами и пѣвчими. Зоричъ, какъ кажется, выдумалъ средство, какъ сдѣлать больше долговъ. Онъ даже изобрѣлъ свои ассигнаціи. Это были небольшія печатныя бумажки особаго вида, на которыхъ выставлена была цѣна отъ 5-ти до 100 рублей, съ прописью уплачивать изъ его имѣнія. И когда имѣлъ онъ надобность въ деньгахъ, то подписывалъ оныя и выдавалъ. Жиды охотно ихъ принимали. По смерти же его было преимущественно уплачено по онымъ, нежели по векселямъ, потому что на сіи бумажки процентъ не считали, какъ на векселя, а поступили съ ними, какъ съ государственными ассигнаціями. О! Какіе великіе милліоны должна была бы заплатить нынѣ казна, если бы счесть положенный законами процентъ? Но не только что проценты, а и капиталовъ едва четвертая часть уплачивается нынѣ въ Россіи...

При многихъ своихъ добродѣтеляхъ, Зоричъ имѣлъ и свои пороки. Хотя онъ не былъ слишкомъ гордъ, но былъ весьма самолюбивъ, притомъ нѣкоторые предразсудки и даже суевѣріе въ великой степени имъ обладали. Онъ вѣрилъ предзнаменованію разныхъ встрѣчъ, примѣтъ, сновъ и тому подобному, что дѣлало его иногда на цѣлый день и больше скучнымъ или веселымъ. Но главнѣйшее, что впослѣдствіи весьма повредило его родственникамъ и друзьямъ, было то, что онъ никогда не хотѣлъ слышать о смерти. Даже если кто умретъ изъ его знакомыхъ, кадетъ или услуги, то не должно было ему о томъ сказывать. Когда онъ спроситъ, почему онъ давно не видитъ такого-то, ему говорили: онъ боленъ. Наконецъ, хотя и самъ онъ догадывался, что его нѣтъ уже на свѣтѣ, но молчалъ. Это было причиною того, что онъ умеръ безъ духовнаго завѣщанія. Такимъ образомъ, всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей, которые при жизни его пользовались великими выгодами и которымъ на всю жизнь онъ могъ бы устроить благополучное состояніе, теперь оставилъ онъ по смерти своей въ великой бѣдности. Сверхъ того, не бывъ женатъ, любилъ онъ женщинъ и пользовался иногда слабостію благородныхъ женщинъ и дѣвицъ, отъ которыхъ имѣлъ дѣтей. Подарки, обѣщанія и хорошее обращеніе успокаивало ихъ нѣсколько, доколѣ онъ жилъ. Дѣти же со всею выгодою отдавались на воспитаніе одному почтенному и просвѣщенному старику-нѣмцу, содержавшему при немъ аптеку, кальвину, исполненному всѣхъ евангельскихъ добродѣтелей. Но Зоричъ умеръ, не утвердивъ симъ бѣднымъ сиротамъ никакого имѣнія, ни состоянія, ни имени. Впослѣдствіи буду я имѣть случай нѣчто сказать о семъ его потомствѣ.

Въ бытность мою въ Шкловѣ, жила при немъ племянница его, госпожа Б., которую онъ больше всѣхъ любилъ. Я съ нею познакомился, открылась взаимная склонность. Зоричъ о томъ узналъ и весьма согласенъ былъ соединить нашу судьбу, обѣщая не только дать богатое приданое, но даже сдѣлать меня наслѣдникомъ своего имѣнія. Не успѣлъ онъ еще сдѣлаль потребнаго

къ тому распоряженія, какъ полку нашему, безъ малѣйшаго отлагательства, велѣно было выступить въ походъ. Прощаясь со мною, сказалъ онъ мнѣ:

— Если полкъ вашъ на нѣкоторое время гдѣ-нибудь остановится, постарайтесь испросить для себя отпускъ, пріѣзжайте ко мнѣ, я отдамъ вамъ мою племянницу и устрою ваше состояніе, какъ обѣщалъ.

Мы оставили Бѣлоруссію. Жители ея, а наипаче черный народъ и земледѣльцы, въ нравахъ и обычаяхъ своихъ составляютъ какую-то смѣсь русскихъ, поляковъ, малороссовъ и Литвы. Они столь же бѣдны и находятся въ такомъ же невѣжествѣ, какъ и польскіе мужики. Со стороны религіи раздѣляется народъ на три части: одна исповѣдуетъ греческую, другая римскую вѣру, а третья признаетъ унію, не говоря о жидахъ, которыхъ тамъ великое множество, и они во всемъ сходны съ польскими. Мы пошли на Жмудь и расположились неподалеку отъ границъ Пруссіи.

ГЛАВА 10 я.

Производство Тучкова въ генералъ-маіоры и женитьба.—Колоніи сербовъ. — Земля донскихъ казаковъ: станица Аксайская, городъ Старый Черкасскъ. — Войсковой кругъ. — Исторія войска донскаго. — Донская степь. — Московская крѣпость. — Донская крѣпость. — Городъ Ставрополь. — Кавказская линія. — Начальникъ кавказской линіи генералъ Кноррингъ.—Кавказскія минеральныя воды.—Грузія и Россія.—Походъ Тучкова въ Грузію. Черкесы. — Терекъ. — Дарьялъ.—Извѣстіе о кончинѣ Павла.—Ген. Леонтьевъ.—Казбекъ.—Монастырь на Казбекѣ.—Переходъ войска чрезъ Кавказскій хребетъ.—Анануръ.—Мцхетъ.—Грузинскій царевичъ Давидъ.—Генералъ Лазаревъ.

Производство Тучкова въ генералъ-маіоры и женитьба.

Я не успѣлъ еще осмотрѣться въ новомъ моемъ расположеніи, не только, чтобы просить отпуска, какъ сверхъ ожиданія моего, произведенъ я былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ кавказскаго гренадерскаго полка, находящагося на кавказской линіи. Причиною сего неожиданнаго производства было то, что Павелъ I разсердился на корпусъ князя Конде [1]), а потому и новыхъ французскихъ эмигрантовъ, изъ которыхъ многіе служили въ россійскомъ войскѣ въ достоинствѣ полковниковъ и были старше меня по службѣ. Хотя Павелъ I наблюдалъ старшинство при производствѣ, но сіе обстоятельство заставило его отступить отъ принятаго имъ правила и произвесть меня въ генералы. Съ крайнимъ сожалѣніемъ оставилъ я Фанагорійскій гренадерскій полкъ и отправился на кавказскую линію чрезъ Шкловъ. Я не могъ тамъ долго медлить; но ген. Зоричъ успѣлъ выдать за меня свою племянницу и снабдить насъ всѣмъ потребнымъ для дальняго сего путешествія. Прочія же обѣщанія онъ оставилъ до удобнѣйшаго времени, въ чемъ какъ я, такъ и жена моя, не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія.

---

[1]) Принцъ Кондэ (Louis-Henri-Joseph, duc de Bourbon 1763 † 1830) послѣдній въ родѣ Condé, отецъ злополучнаго Герцога Энгіенскаго, разстрѣленнаго Наполеономъ — глава французскихъ эмигрантовъ-роялистовъ, былъ принятъ въ 1797 году со своимъ корпусомъ въ русскую службу Павломъ I. Корпусъ этотъ численностью около 10.000 чел. расположенъ былъ на Волыни.

Колоніи сербовъ.

Проѣхавъ Бѣлоруссію и часть Малороссіи, прибылъ я въ слободы или колоніи поселенныхъ сербовъ, изъ которыхъ прежде составлялись гусарскіе полки. Сіи жители имѣли достаточное количество земли, не платили никакихъ податей; но зато въ потребномъ случаѣ каждый домъ поставлялъ одного гусара. Онъ, прослуживъ восемь лѣтъ, возвращался въ свое семейство, а на мѣсто его поступалъ другой. Въ проѣздъ мой всѣ сіи права были уничтожены и оставлены были имъ только земли, какъ собственность. Между тѣмъ замѣтилъ я, что природные воины живутъ несравненно чище и богаче, нежели прочіе поселяне.

Я не говорю ничего о затруднительномъ и непріятномъ путешествіи, а особливо въ зимнее время, чрезъ украинскія степи, прикасающіяся къ владѣнію донскихъ казаковъ. Это испыталъ я надъ собою, проведя цѣлую зимнюю ночь въ степи, засыпанный снѣгомъ, не взирая на то, что я имѣлъ карету и нѣсколько другихъ экипажей. Сіе случилось со мною, не доѣзжая верстъ 15 до города Ахтырска.

Земля донскихъ казаковъ: станица Аксайская, городъ Старый Черкасскъ.

По прибытіи въ землю донскихъ казаковъ, первое селеніе, обратившее мое вниманіе, было казачья станица Аксай. Она имѣла тогда болѣе трехсотъ хорошо построенныхъ домовъ, въ числѣ которыхъ находилось много каменныхъ въ два этажа. Оттуда прибылъ я въ Старый Черкасскъ, столицу донскаго войска. Я называю его Старымъ Черкасскомъ, потому что гораздо послѣ сего моего путешествія столица казаковъ перенесена была на правый берегъ рѣки Дона и названа Новымъ Черкасскомъ. Сей городъ построенъ былъ на островѣ, составляемомъ двумя рукавами рѣки Дона или древняго Танаиса. Каждой весной при разлитіи водъ онъ былъ затопляемъ, почему и построены всѣ дома въ два этажа. Черезъ весь же городъ проведенъ высокій на деревянныхъ сваяхъ мостъ, отъ котораго подѣланы маленькіе мостики, сообщающіеся со вторымъ этажемъ каждаго дома. Зимою и лѣтомъ по сему мосту никто не ѣздитъ, а по обѣимъ сторонамъ онаго по улицамъ; во время же водополи служитъ онъ вмѣсто улицъ. Тогда всѣ жители оставляютъ нижнее жилье и переходитъ въ верхнее. Сверхъ сего неудобства, по причинѣ большого населенія, хозяева почти не имѣютъ дворовъ, для содержанія домашняго скота. Передъ наступленіемъ же весны самое необходимое количество онаго, даже и дворовыхъ птицъ, жители должны отправлять въ загородные свои дома, называемые тамъ хуторами. Въ селѣ Черкасскѣ находится нѣсколько весьма красивыхъ каменныхъ церквей для построенія которыхъ, равно какъ для дома войсковой канцеляріи и Гостинаго двора, или лавокъ, выбраны возвышенныя мѣста, непотопленныя водою. Соборная церковь богато украшена и хорошей архитектуры, равно какъ и домъ войсковой канцеляріи. Лавки, хотя не таковы, но

составляютъ изрядное, довольно обширное каменное зданіе. Нѣсколько каменныхъ домовъ, порядочно построенныхъ, придаютъ городу изрядный видъ; впрочемъ, всѣ дома, хотя и деревянные, но выгодно расположены. Не можно довольно похвалить всѣхъ вообще донскихъ казаковъ, не исключая и самыхъ бѣдныхъ, за чистоту и опрятность, въ ихъ домахъ соблюдаемыя. Не только по нѣскольку разъ въ недѣлю моютъ они полы и внутреннія стѣны домовъ, которые не имѣютъ ни штукатуры, ни обоевъ, но даже наружныя стѣны самыхъ малыхъ домовъ моютъ съ пескомъ по нѣскольку разъ въ годъ. Часто покривившійся уже отъ ветхости деревянный домъ покажется новымъ.

Я пріѣхалъ въ Черкасскъ *наканунѣ Крещенія*, праздника, толико почитаемаго обѣими каѳолическими церквами. Сверхъ того, *день сей на Дону, достоинъ потому примѣчанія, что въ оный избираются станичные атаманы и есаулы.*

Надлежитъ знать, что донскіе казаки имѣютъ свои поселенія по правому берегу рѣки Дона, внизъ по сей рѣкѣ, начиная отъ границы воронежской губерніи. Они простираются до земель, принадлежащихъ городу Азову, который лежитъ неподалеку отъ устья сей рѣки, впадающей въ Азовское море или древній Палусъ Меотидесъ (palus Meotydes), подлѣ города Таганрога. Станицами называются казачьи селенія. Названіе сіе произошло отъ словъ *станъ*, что знаменуетъ на старинномъ россійскомъ, или лучше сказать, славянскомъ языкѣ, лагерь. Вѣроятно, при завоеваніи казаками у татаръ сей земли, были на тѣхъ мѣстахъ постоянные лагери или биваки, потому что казаки и по сіе время не употребляютъ палатокъ, а для долговременнаго, по обстоятельствамъ войны, пребыванія, строятъ шалаши и землянки въ защиту отъ зимняго холода. Сіи лагери, какъ видно, обратились потомъ въ постоянныя жилища. Каждая таковая станица состояла прежде изъ ста домовъ, окруженныхъ рвомъ и валомъ. Она обязана была выводить по требованіямъ войскового правленія по сто конновооруженныхъ казаковъ. Впослѣдствіи станицы сіи увеличились какъ числомъ домовъ, такъ и жителей и, слѣдовательно, высылаютъ больше казаковъ. Городъ Черкасскъ, еще въ бытность мою, состоялъ изъ десяти станицъ и раздѣлялся на десять частей. А сіе показываетъ, что въ семъ мѣстѣ была главная квартира или лагерь общаго ихъ начальника, и понынѣ войсковымъ атаманомъ называемаго. При немъ находилось всегда два полка или одинъ атаманскій, превышающій вдвое прочіе полки числомъ людей; всѣ казачьи полки состоятъ изъ 500 чел.

Войсковой кругъ.

Прибывъ въ сію столицу казаковъ, принятъ былъ я съ великою учтивостью. Всѣ чиновники посѣтили меня поутру, въ числѣ которыхъ находился и сынъ войскового атамана *Иловайскаго*, бывшій тогда уже въ чинѣ генералъ-маіора. Онъ, поздравивъ меня съ пріѣздомъ и праздникомъ, присовокупилъ, что отецъ его самъ желалъ бы имѣть сію честь, но

онъ нездоровъ. Я и прежде сего обязанъ быть ему посѣщеніемъ, какъ генералу, старшему мнѣ чиномъ, а сіе обстоятельство заставило меня поспѣшить. По прибытіи къ нему, онъ послѣ весьма учтиваго пріема сказалъ мнѣ: „не угодно ли вамъ будетъ посѣтить нашу соборную церковь и посмотрѣть нѣкоторые обряды, въ этотъ день исполняемые? Я по слабости моего здоровья не могу тамъ находиться, развѣ только при выборахъ. Сынъ мой будетъ вамъ въ томъ служить вмѣсто меня; а по окончаніи прошу сдѣлать честь пожаловать ко мнѣ на обѣдъ". И такъ поѣхалъ я съ сыномъ его въ соборную церковь, куда предъ окончаніемъ литургіи, довольно долго продолжавшейся съ великой пышностью церковнаго обряда, прибылъ и самъ войсковой атаманъ. При выходѣ изъ церкви увидѣлъ я построенныхъ въ два ряда нѣкоторыхъ донскихъ чиновниковъ, держащихъ регаліи войска, знамена, жалованныя разными россійскими государями за отличные подвиги сего войска, грамоты, содержащія ихъ преимущества и похвальныя за услуги Россіи, и медали. Войсковой атаманъ при семъ случаѣ не оставилъ разсказать мнѣ въ короткихъ словахъ, какимъ государемъ за что именно даны были оныя войску донскому. Когда прошли мы сей рядъ регалій, тогда, какъ державшіе оные, такъ и прочіе чиновники, составили обширный кругъ, въ который приглашенъ былъ и я. Одинъ чиновникъ въ видѣ провозглашателя вышелъ на средину, положилъ на землю казачью шапку, а на оную большую трость съ превеликимъ серебрянымъ набалдашникомъ. Сія трость называется ими *настка*, ибо на набалдашникѣ ея вырѣзано, или насѣчено имя станицы. Она означаетъ достоинство станичнаго атамана или есаула. Въ большихъ церемоніяхъ ее носили прежде предъ атаманомъ или есауломъ. Положа трость на шапку, поклонился онъ на всѣ четыре стороны и потомъ довольно громко произнесъ сіи слова: „Атаманы молодцы, славное войско донское! Не стало у насъ на тихомъ Дону станичнаго атамана Н. Н. въ станицѣ М. М. Изволите ли вы на выборъ I. I.?" Причемъ называлъ онъ по имени и по отчеству прежняго атамана, названіе станицы и имя избираемаго ими кандидата. Молчаніе означаетъ согласіе. А буде кто симъ выборомъ недоволенъ, тотъ долженъ снять свою шапку и бросить кверху, послѣ чего имѣетъ онъ право войти въ средину круга и говорить, почему не соглашается на таковой выборъ. Но такъ какъ всѣ слѣды вольнаго правленія уже и тогда почти совсѣмъ были изглажены, то ничего подобнаго тому не случилось.

По нѣкоторомъ молчаніи, означающемъ согласіе на выборъ новаго атамана, вошелъ въ кругъ смѣнившійся атаманъ. Онъ поклонился до земли на четыре стороны, и потомъ вставъ, произнесъ громко сіи слова: „Атаманы молодцы! и все славное войско Донское! благодарю васъ за то, что вы въ теченіе трехлѣтняго моего управленія меня охраняли и любили". Тутъ произошелъ нѣкоторый тихій шумъ, означающій взаимную признательность. По выходѣ изъ круга прежняго атамана вступилъ новоизбранный.

Есаулъ подалъ ему насѣку и трость. Но прежде, нежели принять ее, онъ сдѣлалъ также поклоны и произнесъ слѣдующее: „Атаманы молодцы! Славное войско Донское! Прошу охранять меня и любить“. Въ отвѣтъ на сіе раздались слова: „Будь справедливъ и милостивъ“. Послѣ этого принялъ онъ трость, вышелъ изъ круга и весь кругъ разошелся.

По окончаніи сего обряда поѣхали мы всѣ на рѣку Донъ, покрытую тогда толстымъ и крѣпкимъ льдомъ. Тамъ отправлена была обыкновенная церемонія освященія воды греческою церковью на сей день установленная. Она кончилась колокольнымъ звономъ, пушечною пальбой и выстрѣлами изъ мелкаго оружія. Всѣ потомъ разошлись, а я поѣхалъ въ домъ войскового атамана.

На обѣдъ его приглашены были всѣ чиновники, находившіеся тогда въ Черкасскѣ. За столомъ было болѣе пятидесяти особъ, но ни одной женщины. Угощеніе состояло изъ многихъ блюдъ, на европейскій вкусъ приготовленныхъ, изъ лучшихъ донскихъ и греческихъ винъ съ довольною умѣренностью. И я ничего необыкновеннаго не замѣтилъ при этомъ, исключая того, что предъ окончаніемъ обѣда, вошла въ залу одна женщина, богато одѣтая по образцу донскихъ женщинъ. Она была въ пребольшой парчевой шапкѣ, украшенной драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, изъ-подъ которой не видно было ни одного волоса. На ней былъ кафтанъ изъ такой же матеріи, сшитый на образецъ казацкаго. Онъ спускался ниже колѣнъ и имѣлъ золотыя круглыя пуговицы, украшенныя каменьями и рѣзьбой. Изъ-подъ кафтана видна была на груди красная шелковая рубаха, а воротъ обшитъ былъ нитками жемчугу. Она имѣла на себѣ поясъ, покрытый золотыми съ камнями бляшками, а подъ кафтаномъ широкіе шелковой матеріи шаровары или казачье исподнее платье, доходившее до самыхъ ея туфель изъ желтаго сафьяна. Это обыкновенная одежда всѣхъ донскихъ женщинъ, исключая богатства. Дѣвицы же ихъ повязываютъ головы платками, изъ подъ которыхъ видны пристойно расположенные волосы. Задніе волосы заплетаютъ въ косу, которую не загибаютъ на голову. Поэтому дѣвичій уборъ не столь безобразенъ, какъ женскій.

Сія женщина держала въ рукахъ пребольшой серебряный подносъ, на которомъ стояло множество рюмокъ съ виномъ. Подойдя къ войсковому атаману, подала она ему оный; атаманъ взялъ одну рюмку. Она поставила подносъ на столъ, поклонилась ему въ ноги, потомъ вставъ, поцѣловала ему руку, а послѣ въ губы. Онъ произнесъ какое-то привѣтствіе и, выпивъ за здоровье ея мужа, сказалъ мнѣ: „Это жена прежняго станичнаго атамана; она благодарила насъ всѣхъ за доброе обращеніе съ ними во время его управленія“. Сія женщина послѣ сего пошла по всѣмъ домамъ, кланялась, только не въ ноги, подавала всѣмъ вина и цѣловала каждаго въ губы; а гости пили за здоровье ея мужа. Когда обошла она всѣхъ, тогда явилась другая съ такимъ же подносомъ, но исполнила то же, что первая. Это была жена но-

ваго атамана. И всѣ гости поздравили ее съ новымъ достоинствомъ ея мужа.

По окончаніи стола попросилъ насъ атаманъ въ другую комнату. Тамъ увидѣлъ я множество женщинъ, одѣтыхъ подобно двумъ представившимся при столѣ. Онѣ сидѣли на широкихъ диванахъ, поджавъ ноги по-азіатски, а передъ ними стоялъ превеликій столъ, покрытый вареными въ сахарѣ и сухими конфектами, множествомъ наилучшихъ плодовъ, чѣмъ донская земля весьма изобилуетъ. Между тарелками стопки графиновъ съ сладкимъ виномъ. При вступленіи нашемъ онѣ всѣ встали и поклонились. Хозяйка просила насъ сѣсть, и когда всѣ сѣли, то она, взявъ двѣ тарелки конфектъ, разносила сама и потчевала гостей. Потомъ ее замѣнила другая, доколѣ не обнесла всѣхъ тарелокъ. Такимъ же образомъ потчевали насъ нѣсколькими родами сладкаго вина; этимъ и окончилось все угощеніе; и всѣ поѣхали домой. Вотъ все, что я могъ замѣтить на счетъ образа жизни знатнѣйшихъ особъ сего народа.

По возвращеніи моемъ въ квартиру посѣтилъ меня одинъ мой давній знакомый, гражданинъ донской П.—Отецъ его, чиновникъ войска донскаго, вздумалъ воспитать его въ московскомъ университетѣ, гдѣ и былъ онъ студентомъ. Наконецъ, оказавъ довольные успѣхи въ наукахъ, былъ вмѣстѣ со мною членомъ вольнаго россійскаго собранія, при семъ университетѣ учрежденнаго. Окончивъ курсъ въ университетѣ, долженъ онъ былъ по правамъ донскаго войска возвратиться въ свое отечество и служить въ казачьихъ полкахъ. Прослуживъ нѣсколько кампаній противъ черкесъ и закубанскихъ татаръ, достигнувъ званія штабъ-офицера, возвратился онъ въ свой домъ. Во время воспитанія своего онъ оказывалъ больше склонности къ математикѣ и стихотворству. Войсковое правленіе опредѣлило его на должность землемѣра. Такъ какъ стихи его, сочиняемые по образцу Горація и Вергилія, не весьма нравились донскимъ казакамъ, то въ надеждѣ на лучшій успѣхъ занялся онъ сочиненіемъ исторіи сего войска. Наконецъ она и была напечатана въ Петербургѣ. Онъ читалъ мнѣ свой проспектъ, начало исторіи, и разсказывалъ о многомъ до свѣдѣнія оной касающемся и почерпнутомъ имъ изъ достовѣрныхъ источниковъ.—Потому неизлишнимъ почитаю упомянуть здѣсь объ исторіи и правахъ сего великаго и настолько уже извѣстнаго въ Европѣ войска.

Исторія войска донскаго.

Г. П.,—подражая древнимъ дѣеписателямъ, начинаетъ свою исторію съ баснословныхъ временъ и выводитъ первое происхожденіе донскихъ казаковъ отъ амазонокъ, потому что амазонки жили на берегахъ рѣки Танаиса, нынѣ Дономъ называемой. Далѣе онъ говоритъ о сарматахъ, скифахъ и другихъ древнихъ народахъ, населявшихъ сію часть земли. Потомъ присоединяетъ къ нимъ разсказъ о славянскихъ народахъ и такъ доходитъ до позднѣйшихъ временъ.

Но по всѣмъ соображеніямъ вѣроятнѣе всего кажется, что донскіе казаки суть не иное что, какъ русскіе люди, удалившіеся въ нынѣшнее ихъ мѣстопребываніе по разнымъ причинамъ. Это было во времена великихъ князей россійскихъ, около той эпохи, когда сила татарскаго народа начала приходить въ упадокъ, когда они жили еще на лѣвомъ берегу Дона, и при подножіи горъ Кавказскихъ (остатки ихъ и понынѣ тамъ существуютъ), и когда въ разсужденіи опасности отъ ихъ набѣговъ земли сіи никѣмъ не были заняты. Въ тѣ смутныя времена Россіи многія толпы сего народа, удаляясь въ сію степь, силою оружія утвердили тамъ свое жительство. Къ нимъ присоединились выходцы изъ грековъ, армянъ, молдаванъ, поляковъ, татаръ и калмыковъ. Въ самомъ началѣ женъ брали они себѣ иногда добровольно, но по большей части насильно отъ смежныхъ съ ними азіатскихъ народовъ.

Наконецъ, когда они устроились и сдѣлались почти особливымъ народомъ, тогда по одноплеменности и единовѣрію, а можетъ быть и по другимъ причинамъ, на нѣкоторыхъ условіяхъ и добровольно покорились они державѣ россійской. Но сіи условія и преимущества мало-по-малу совсѣмъ нынѣ уничтожены Монархами россійскими. Это стоило иногда крови. Но по большей части такого рода дѣла оканчивались несчастіями нѣкоторыхъ частныхъ людей.

Донская степь.

Пробывъ нѣсколько дней въ Черкасскѣ, отправился я на кавказскую линію въ городъ Георгіевскъ.

Переѣхавъ рѣку Донъ по льду, увидѣлъ я пространную, никѣмъ ненаселенную степь, простирающуюся слишкомъ на сто верстъ. Донское правительство, сколь ни было то затруднительно, учредило черезъ оную почтовыя станціи и устроило на каждой удобные покои какъ для проѣзжающихъ, такъ и для содержащихъ почты и конвойныхъ казаковъ. Сіи послѣдніе бываютъ тамъ необходимы по причинѣ нерѣдкихъ набѣговъ закубанскихъ татаръ и черкесъ, которые нападаютъ на проѣзжающихъ, грабятъ, убиваютъ и увозятъ въ лѣсъ. Сія пространная степь могла бы съ выгодою для жителей быть заселена, еслибъ недостатокъ воды и лѣсу тому не препятствовали. Въ колодезяхъ на почтовыхъ станціяхъ вода столь противный имѣетъ вкусъ, что въ зимнее время предпочитаютъ оной снѣговую. Для отапливанія же и приготовленія пищи употребляютъ сѣно.

Московская крѣпость.

По проѣздѣ этой необитаемой степи первое селеніе есть крѣпость Московская, если можно назвать крѣпостью небольшую площадь, окруженную землянымъ валомъ съ нѣсколькими бастіонами. Послѣдніе укрѣплены и вооружены малаго калибра пушками. Въ ней находится комендантскій домъ, караульни и провіантскій магазинъ. Предмѣстіе же оной составляетъ казачья станица, или деревня, населенная

хоперскими казаками. Они такъ названы потому, что переселились сюда съ Хопра; ихъ земля и поселенія принадлежатъ къ донскому войску,

Донская крѣпость.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой крѣпости, на разстояніи одной почтовой станціи, находится крѣпость Донская, съ такой же станціей, и почти въ такомъ же положеніи. Вообще, всѣ крѣпости кавказской линіи въ одинаковомъ видѣ, исключая Георгіевскую, какъ главную. Она хотя обведена такимъ же валомъ, но гораздо обширнѣе прочихъ и имѣетъ внутри больше домовъ,

Городъ Ставрополь.

Далѣе слѣдуетъ уѣздный городъ Ставрополь, состоящій изъ таковаго же хоперскаго казачьяго полка, станицы, присутственныхъ мѣстъ, домовъ судейскихъ, нѣсколькихъ греческихъ, армянскихъ и русскихъ семействъ, которые поселились здѣсь для торговыхъ промысловъ. Не доѣзжая нѣсколько до Ставрополя, видъ мѣстности начинаетъ перемѣняться и становится гораздо пріятнѣе, по причинѣ нѣкоторыхъ возвышеній и посредственной величины ихъ. Онѣ состоятъ изъ песку, смѣшаннаго съ глиной, и покрыты слоемъ черной земли. Сіи горы содержатъ особаго рода мягкій, нѣсколько песковатый, смѣшанный съ маленькими раковинками камень, который можно пилить употребляемой для дерева пилою и тесать топоромъ. Почти всѣ дома въ Ставрополѣ построены изъ такого камня, довольно прочны и красивы. Вода, начиная отъ Донской крѣпости, какъ въ небольшихъ рѣчкахъ или лучше сказать, ручейкахъ, такъ и въ колодезяхъ, становится гораздо вкуснѣе и здоровѣе.

За Ставрополемъ слѣдуютъ не въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи крѣпости: Сѣверная и Александровская, во всемъ подобныя Московской и Донской, исключая мѣстоположенія. Наконецъ въ 60-ти верстахъ отъ Александровской—Георгіевская, главная на Кавказской линіи крѣпость.

Между помянутыми крѣпостями поселены довольно значительныя деревни. Жители оныхъ суть однодворцы [1]) и крестьяне, переселенные сюда изъ великой Россіи, такъ же малороссіяне и отставные солдаты. Сіи послѣдніе не платятъ никакихъ податей, прочіе же даютъ все, что опредѣлено въ великой Россіи. Они почти всѣ довольно въ хорошемъ состояніи; ибо земли въ избыткѣ производятъ всякаго рода потребности, исключая недостатка въ лѣсѣ, и то не вездѣ. Но они могли бы быть гораздо благополучнѣе, если бы набѣги черкесъ и татаръ не причиняли

---

[1]) Однодворцами съ давняго времени въ Россіи называется мелкое дворянство, пришедшее въ бѣдность и утратившее свои права. Они принадлежатъ государю, платятъ подати и даютъ рекрутъ, съ тою только разницею, что взятый изъ помѣщическаго или государственнаго имѣнія, рекрутъ обязанъ служить 25 лѣтъ; а сіи служатъ только 15 и потомъ получаютъ отставку.

имъ иногда великихъ несчастій и не препятствовали бы въ полной свободѣ заниматься хозяйствомъ. Случаются нерѣдко такія времена, что земледѣлецъ не можетъ выѣхать въ поле безъ военнаго прикрытія. Дома ихъ по большей части—мазанки, сдѣланныя изъ плетня и покрытыя камышомъ, но довольно удобны. Они упражняются въ земледѣліи, садоводствѣ и скотоводствѣ. Сія послѣдняя хозяйственная отрасль, по причинѣ обширныхъ степей, изобилующихъ травами, находится у нихъ въ лучшемъ предъ прочими состояніи, хотя и подвержена большей опасности. Между крѣпостями и селеніями находится нѣсколько редутовъ и отдѣльныхъ казачьихъ постовъ, какъ для охраненія жителей, такъ и проѣзжающихъ.

Отъ крѣпости Сѣверной при ясной погодѣ можно видѣть снѣговой хребетъ Кавказскихъ горъ, отъ Чернаго до Каспійскаго моря простирающійся. Онъ представляется въ видѣ полукружія, котораго конечности исчезаютъ вдали, не взирая на то, что сей хребетъ отстоитъ еще отъ оной на 800 верстъ.

Крѣпость Георгіевская окружена землянымъ валомъ, укрѣпленнымъ плетнями, какъ и прочія, имѣетъ до шести бастіоновъ, считая съ редуитами, и примыкаетъ къ большой рѣкѣ Подкумку, впадающей въ рѣку Малку. Со стороны крутаго и обрывистаго берега Подкумка не имѣла она въ мое время никакого укрѣпленія. Въ оной находилась тогда одна деревянная церковь, домъ для главнокомандующаго Кавказской линіей, нѣсколько казенныхъ и обывательскихъ домовъ, казармы, магазины и до двадцати армянскихъ лавокъ.—Она имѣетъ за эксппланадой маленькое предмѣстіе, состоящее изъ хижинъ, построенныхъ женатыми солдатами и полковыми маркитантами. Въ немъ также были при мнѣ казармы для одного баталіона. Казачья станица, какъ и при прочихъ, находится отъ оной въ трехъ верстахъ и населена такъ называемыми волжскими казаками, потому что они переселены туда съ рѣки Волги. Они прежде также принадлежали къ донскому войску, такъ какъ рѣки Донъ и Волга,—хотя первая впадаетъ въ Азовское, а вторая въ Каспійское море—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теченіемъ своимъ довольно сближаются. Есть одно мѣсто, гдѣ обѣ рѣки состоятъ одна отъ другой не далѣе сорока верстъ.

При крѣпости Георгіевской одинъ день въ недѣлю отправляли многолюдные торги, называемые базарами. На нихъ съѣзжались черкесы, нагайскіе татары, а иногда и калмыки. Они покупали у пріѣзжающихъ изъ Россіи купцовъ и армянъ мѣдную и желѣзную посуду и другіе первыхъ потребностей товары, также пшеницу и разный хлѣбъ отъ тамошнихъ поселенцевъ. Продавали же масло, сало, просо, лошадей, рогатый скотъ и овецъ.

Прибывъ въ крѣпость и въ то же время уѣздный, а нынѣ губернскій городъ Георгіевскъ, я принялъ начальство Кавказскаго Гренадерскаго полка. Но прежде, нежели начну я говорить о происшествіяхъ, въ мое время приключившихся,—намѣренъ я сказать нѣчто вообще о кавказской линіи.

Кавказская линія.

Пространная сія земля начала быть извѣстна и зависима отъ державы Россійской въ царствованіе царя Іоанна Васильевича Грознаго. Сей государь, покоривъ въ 1554 году Астрахань и путешествуя неподалеку отъ Кавказскихъ горъ, узналъ, что часть донскихъ казаковъ съ давняго времени удалилась изъ своего жительства и обитаетъ въ горахъ Кавказскихъ. Онъ вызвалъ ихъ оттуда и поселилъ на берегу рѣки Терека между Кизляромъ и Моздокомъ. Они назвались Гребенскими казаками отъ горъ Кавказскихъ, называемыхъ въ просторѣчіи гребнями. Они-то суть первые обитатели россійскіе, появившіеся на кавказской линіи.

По кончинѣ Іоанна IV-го настали опять смутныя для Россіи времена, почему держава сія не могла обращать почти никакого вниманія на помянутыя земли, исключая Астрахани. Это продолжалось до временъ царствованія императора Петра I-го. Онъ около 1720 года повелѣлъ сдѣлать нѣкоторыя укрѣпленія на рѣкѣ Терекѣ. Потомъ императрицы Анна и Елизавета посылали туда свои войска; а наконецъ Екатерина II привела кавказскую линію въ то состояніе, въ которомъ нашелъ я оную въ царствованіе императора Павла I-го въ 1800 году.

Рѣки, протекающія на семъ пространствѣ земли, суть: Терекъ, Кума, Малка, Подкумокъ, Кубань и Лаба. Изъ нихъ нѣкоторыя хотя довольно велики, но ни одна не судоходна. Сверхъ того, имѣетъ кавказская линія много небольшихъ ручьевъ, доставляющихъ изрядную воду. Тамъ находятся въ трехъ мѣстахъ весьма полезныя противъ разныхъ болѣзней минеральныя воды. Близъ крѣпости Константиногорской, въ шестидесяти верстахъ отъ Георгіевска, находятся теплые, а въ 28 верстахъ за оной, при подошвѣ такъ называемыхъ Бечтовыхъ горъ, или Пятигоріи, холодно-кислые источники. При Гребенской же казачьей станицѣ, неподалеку отъ рѣки Терека — горячія воды. О двухъ первыхъ буду я говорить подробнѣе, а о послѣднихъ скажу, что оныхъ съ нѣкотораго времени никто не посѣщаетъ, то есть съ тѣхъ поръ, какъ открылись вышеупомянутыя. При сихъ послѣднихъ горячихъ водахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось одно весьма печальное происшествіе. Воды сіи такъ горячи, что опущенная въ нее курица въ двѣ минуты такъ будетъ разварена, что можно разобрать ее руками по суставамъ. Поэтому больные пользовались только парами, устраивая надъ оными рядъ кроватей, на которыя ложились. Одинъ архіерей, страдавшій разными припадками, пріѣхалъ туда для пользованія. Но по несчастію кровать, на которую онъ легъ, обломилась и онъ кончилъ жизнь свою въ сихъ кипящихъ водахъ [1]).

Почва земли кавказской линіи довольно возвышена и суха, берега рѣкъ имѣютъ достаточно лѣсу, а степи изобилуютъ мно-

---

[1]) Это былъ архіепископъ Астраханскій Меѳодій, мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ въ Астрах. соборѣ. Скончался 29 мая 1776 года.

жествомъ лѣкарственныхъ и потребныхъ для скотоводства травъ. Со всѣмъ тѣмъ воздухъ тамъ весьма нездоровъ, продолжительныя лихорадки и скорбуты лишаютъ многихъ здоровья и жизни. Присланная для открытія причинъ столь пагубныхъ послѣдствій медицинская комиссія опредѣлила, что сіе происходитъ отъ малаго населенія и отъ сильнаго плодородія земли—сочные, густо и высокорастущіе травы, почти никѣмъ не собираемые, сгниваютъ на корняхъ и чрезъ то наполняютъ воздухъ азотомъ.

Не считая крѣпости Астраханской и Владикавказской, находящейся далеко за линіей, у самой подошвы горъ Кавказскаго хребта находилось въ оное время 15 крѣпостей, а именно: Кизлярская, Моздокская, Екатериноградъ, Марьинская, Павловская, Георгіевская, Константиногорская, Александровская, Сѣверная, Донская, Московская, Кавказская, Усть-Лабинская, Шелководская и Екатеринодаръ. Изъ этихъ тогда уже Марьинская и Павловская были оставлены; а нынѣ построена еще Кисловодская.

Всѣ сіи крѣпости, за исключеніемъ Кизлярской и Моздокской, не имѣютъ постоянныхъ гарнизоновъ, а охраняются полевыми пѣхотными и конными полками, которыхъ квартированіе и число по обстоятельствамъ подвергается перемѣнѣ. Сверхъ вышеупомянутыхъ крѣпостей, находится тамъ довольное количество редуитовъ и укрѣпленныхъ казацкихъ станицъ, защищаемыхъ по большей части тамошними поселенными казацкими полками. Полки эту слѣдующіе: Гребенскій, онъ можетъ въ случаѣ нужды поставить до 3 тыс. хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Семейный, такъ названный потому, что въ царствованіе Екатерины II-й переселены были нѣкоторыя семейства съ Дону, — онъ можетъ поставить до 6,000 человѣкъ. Волжскій, переселенный съ береговъ Волги, и Хоперскій, переселенный съ рѣки Хопра, впадающей въ Донъ, онъ—въ равныхъ силахъ съ Семейнымъ. Правый же флангъ линіи къ Черному морю, по берегамъ рѣкъ Кубани и Лабы, охраняется черноморскими казаками. Они прежде извѣстны были въ Россіи подъ названіемъ Запорожскихъ казаковъ, потому что прежде ихъ жительство было за порогами рѣки Днѣпра. Они переселились туда въ царствованіе императрицы Екатерины II-й съ переименованіемъ черноморскими казаками. Причиною этого были ихъ разбои, производимые ими въ Польшѣ и Малороссіи, а также слишкомъ вольныя и малосогласующіяся съ порядкомъ правленія, а ниже съ зависимостью постановленія. Вообще всѣ сіи казаки весьма хорошо вооружены и имѣютъ добрыхъ лошадей, по большей части черкесской породы. Живутъ они въ хорошемъ состояніи относительно хозяйства, храбры и опытны въ воинскихъ дѣйствіяхъ противу хищныхъ своихъ сосѣдей. Но черноморскіе разнятся отъ прочихъ тѣмъ, что хотя и составляютъ они изрядную легкую конницу, имѣя добрыхъ лошадей, однако же между тѣмъ и нехудые выходятъ изъ нихъ матросы,—особенно же для гребной флотиліи, гдѣ нерѣдко отличаются они своею храбростью и расторопностью. Они гораздо

многочисленнѣе прочихъ и могутъ въ случаѣ нужды поставить до пятнадцати тысячъ воиновъ, имѣютъ свою артиллерію, изъ которой довольно успѣшно могутъ дѣйствовать. Къ нимъ въ помощь отряжается еще по очереди, смотря по обстоятельствамъ, по нѣскольку донскихъ и уральскихъ казацкихъ полковъ. Но сіи, приходя туда, въ разсужденіи неопытности своей, появляются предъ оными настоящими рекрутами, такъ что одному изъ поселенныхъ на линіи казаковъ поручается отъ двадцати до сорока человѣкъ таковыхъ, вновь пришедшихъ подъ начальство. Донскіе и уральскіе казаки, по причинѣ открытыхъ мѣстъ, ими занимаемыхъ, и большого ихъ числа, преимущественно обвыкли дѣйствовать пиками. Линейные же напротивъ—ружьями, пистолетами и саблями, равно употребляютъ они и кинжалы; пики же, когда приказываютъ имъ имѣть оныя, почитаютъ они излишнею тягостію.—*Калмыки*, кочующіе въ степяхъ кавказскихъ, употребляются равномѣрно для охраненія сей линіи, но больше для конвоевъ, разъѣздовъ и посылокъ. Для оборонительныхъ же и извѣщательныхъ постовъ преимущественно употребляются казаки.

Кавказская линія имѣетъ противъ себя своими сосѣдями и непріятелями слѣдующіе народы. Начиная отъ Астрахани, или отъ Каспійскаго моря противъ лѣваго фланга оной, обитаютъ въ кавказскихъ горахъ *чеченцы*, народъ весьма воинственный, хищный и жестокій. Число ихъ обстоятельно опредѣлить нельзя, такъ какъ они для военныхъ дѣйствій и набѣговъ нерѣдко соединяются съ другими кавказскими народами, иногда и съ лезгинами. Образъ правленія сего народа республиканскій. Они живутъ въ разныхъ деревняхъ, управляются избираемыми по очереди старшинами. За ними слѣдуютъ *черкесы*, раздѣленные на малую и большую Кабарду. Первая можетъ поставить до шести, а вторая до восьми тысячъ храбрыхъ и хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Они имѣютъ своихъ князей и дворянъ, называющихся узденями. Правленіе ихъ родъ феодальнаго, смѣшаннаго съ республиканскимъ. Близъ Черкасъ, простираясь къ берегамъ Чернаго моря и горамъ кавказскимъ, обитаютъ абазинцы, народъ не столь военный и хищный, какъ черкесы, но гораздо многочисленнѣйшій. Въ образѣ же своего правленія они сходствуютъ съ первыми. Противъ праваго фланга линіи, около Чернаго моря, за рѣкою Кубанью и Лабой, живутъ такъ называемые *закубанскіе татары*, находящіеся подъ турецкимъ правленіемъ въ зависимости отъ анапскихъ пашей. Прочіе же вышеломянутые народы почитаютъ себя ни отъ кого независимыми, исключая черкесъ, которые признаютъ иногда покровительство Россіи.

Образъ жизни и нравы сихъ народовъ довольно уже описаны другими. Остается мнѣ сказать, что хотя они всѣ магометанскаго исповѣданія, но, исключая татаръ, не весьма ревностны къ своей религіи, такъ что почти нигдѣ не видно мечетей.

Главнымъ начальникомъ Кавказской линіи былъ тогда *ген.-лейт. Киселевъ* [1]), котораго я лично не зналъ, потому что скоро по прибытіи моемъ туда, онъ смѣненъ былъ ген.-лейт. *Кнорринюмъ*. Однакожъ успѣлъ онъ сдѣлать мнѣ порученіе, состоящее въ усмиреніи мятежа среди поселянъ одной большой деревни, именуемой Мамаевъ—Кутъ. Сіе возмущеніе во всемъ подобно было происшедшему не задолго предъ симъ въ Псковской губерніи, о которомъ я уже говорилъ, только по малости тамъ русскихъ крестьянъ оно было не столь значительно и потому скоро было прекращено.

Разныя народныя смятенія, возникшія вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Павла I-го, отъ которыхъ пострадало много частныхъ людей, произошло отъ неопытности его въ правленіи.

Вотъ послѣдствія самовластнаго правленія, неограниченнаго никакою конституціей. Екатерина II при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, при сердцѣ добромъ, человѣколюбивомъ, при большомъ просвѣщеніи разума и при неусыпномъ попеченіи о благѣ подданныхъ—по желанію ли удалить сына своего Павла I-го отъ престола и возвести на мѣсто его внука своего Александра I-го, удалила его отъ всѣхъ дѣлъ и свѣдѣній о правленіи. Павелъ I-й, вступивъ на престолъ, отослалъ отъ себя всѣхъ, кои окружали мать его, не взирая на ихъ опытность и способности, и окружилъ себя людьми, подобными Аракчееву и Кутайсову. Первый при худыхъ своихъ свойствахъ, тупомъ понятіи и не достаточномъ воспитаніи, вышедши изъ Кадетскаго корпуса, прямо опредѣлился къ нему въ Гатчину [2]). Тамъ онъ до вступленія Павла на тронъ ничего не видалъ и ничѣмъ не занимался, кромѣ практическаго ученья артиллерійскихъ солдатъ и обрядовъ службы. Причемъ и мало читалъ по несклонности его къ такому упражненію и по незнанію иностранныхъ языковъ. Другой—плѣнный турокъ, попавшій въ малолѣтствѣ ко двору, не получившій никакого образованія въ наукахъ, служившій тамъ въ нижнихъ должностяхъ и не видавшій ничего, кромѣ Гатчины, то есть двора наслѣдника престола. Хотя онъ и одаренъ былъ отъ природы проницательнѣйшимъ разумомъ, нежели Аракчеевъ, и лучшее имѣлъ сердце, но могъ ли онъ быть министромъ [3]) въ такомъ пространномъ государствѣ, какова Россія?

Павелъ I-й былъ весьма страшливъ, да и имѣлъ къ тому причины, какъ то доказали послѣдствія.

---

[1]) Вѣроятно генералъ Павелъ Ивановичъ Киселевъ, бывшій въ 1799 г. шефомъ Казанскаго мушкетерскаго п.

[2]) Допуская „худыя свойства" Аракчеева и недостаточность его воспитанія, ему нельзя однако отказать въ большихъ заслугахъ оказанныхъ въ бытность его генералъ-инспекторомъ артиллеріи, гдѣ онъ выказалъ несомнѣнныя организаторскія способности въ дѣлѣ переустройства русской артиллеріи.

[3]) И. П. Кутайсовъ, занимавшій исключительно придворныя должности, никогда министромъ не былъ.

Поэтому самыя малѣйшія и ничего незначущія тревоги, почти не имѣющія никакого способа къ великому возмущенію, до него доходили. Онъ принималъ извѣстія о томъ съ великою важностью и бралъ самыя строгія мѣры. Лица, посылаемыя для приведенія въ порядокъ таковаго рода дѣлъ, по неопытности своей, а больше по собственнымъ видамъ, для наградъ, увеличивали эти тревоги. А частные, иногда совсѣмъ невинные люди отъ того страдали. Я поступалъ сему противно, и оттого то, можетъ быть, меньше получалъ наградъ, нежели другіе 1).

Въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ Павелъ I й вступилъ на престолъ, учиться царствовать, избирать министровъ и вмѣстѣ желать все перемѣнить—есть дѣло невозможное. Оттого-то многіе пострадали, да и самъ онъ сдѣлался, наконецъ, жертвою своего своенравія.

Начальникъ кавказской линіи генералъ Кноррингъ.

Главнымъ начальникомъ надъ Кавказской линіей былъ тогда генералъ-лейтенантъ *Кноррингъ*, которому поручены были и политическія дѣла съ Персіей и Грузіей. Кноррингъ былъ человѣкъ весьма добрыхъ свойствъ, кромѣ того, что по новости своей въ управленіи столь важнымъ постомъ, руководствовался онъ иногда совѣтовъ своихъ окружающихъ. Пристрастіе же этихъ лицъ простиралось только по большей части до награжденій тѣхъ, которые съ ними хорошо жили. Ничего незначащія военныя дѣйствія противъ черкесъ поручались ихъ пріятелямъ, которые придавали симъ дѣйствіямъ важность и получали награды. Но сіе злоупотребленіе слишкомъ обыкновенно въ Россіи, чтобъ говорить с немъ обширнѣе. Между тѣмъ нельзя не сказать, что при нападеніи сихъ народовъ на малые посты и отряды потребна бываетъ иногда великая храбрость и распорядительность.

Кавказскія минеральныя воды.

Наконецъ, приключившаяся со мною жестокая лихорадка, смѣшанная съ другими припадками свойственными тому климату, заставила меня испытать на себѣ полезность кавказскихъ минеральныхъ водъ. Для поправленія моего здоровья потребны были кислыя воды. Но прежде, нежели достичь оныхъ, должно проѣзжать вблизи теплыхъ. Сколько я ни былъ тогда слабъ, однакожъ любопытство понудило меня посѣтить сіи теплыя воды. Онѣ находятся почти въ самомъ предмѣстіи крѣпости Константиногорской и истекаютъ изъ вершины весьма высокой, утесистой и каменистой горы. На самой верхней плоскости ея находится довольно широкое отверстіе, или жерло, столь глубокое, что удары о его берега въ оное камнемъ, повторяясь нѣсколько разъ, становятся разъ отъ разу слабѣе и наконецъ по причинѣ глубины теряются вовсе изъ

---

1) Здѣсь авторъ впадаетъ въ противорѣчіе, если сравнить его отзывъ объ имп. на стр. 145-й.

слуха. По всѣмъ соображеніямъ можно заключить, что помянутое отверстіе было нѣкогда жерломъ вулкана, или огнедышащей горы.

Въ непримѣтномъ разстояніи отъ поверхности онаго водятся особаго рода дикіе голуби, которые при поверженіи камней стадами оттуда вылетаютъ.

Источникъ горячей минеральной воды находится неподалеку отъ самой вершины горы и стремится до подошвы оной, становясь постепенно холоднѣе; но и при самомъ концѣ своемъ довольно еще тепелъ. Въ мое время воды сіи мало были обработаны, исключая нѣсколькихъ купелей по скату горы, имѣющихъ разную степень теплоты. Онѣ высѣчены были въ камнѣ, составляющемъ самую гору, изъ которыхъ надъ двумя только построено было изъ досокъ что-то вродѣ небольшихъ бань или теплицъ; кромѣ этого и всходовъ на гору, ничего другого не было сдѣлано. И это было устроено собственнымъ иждивеніемъ начальниковъ константиногорской крѣпости, безъ всякой помощи отъ правительства. Химическое разложеніе сей воды давно уже совершено и извѣстно свѣту. Скажу только, что главнѣйшая составная часть оной есть *Сѣрная печенка*, запахъ которой ощутителенъ за нѣсколько верстъ до горы. Вода сія полезна противъ скорбутныхъ, ревматическихъ, паралитичныхъ и другихъ принадлежащихъ къ симъ родамъ болѣзней. Ея употребляютъ въ видѣ купанья, а нѣкоторые и пьютъ. Сначала вкусъ кажется весьма противнымъ, но больные скоро привыкаютъ къ оному и при употребленіи внутрь не чувствуютъ никакого отвращенія.

Проѣхавъ сквозь крѣпость Константиногорскую, въ 2 верстахъ, или въ четырехъ нѣмецкихъ миляхъ, находятся холодно-кислыя воды. Онѣ-то и были потребны въ то время къ возстановленію моего здоровья. Онѣ находятся при подошвѣ такъ называемыхъ Бечтовыхъ горъ, въ видѣ небольшого озерка, простирающагося въ длину до шести саженей и столько же почти въ широту. Вода, отстоящая не болѣе одного фута отъ поверхности земли, находится въ безпрестанномъ кипѣніи, весьма мутная и черностью своей походитъ на лужу вблизи какой-нибудь кузницы. При томъ она столь холодна, что три минуты трудно выдержать, опустя въ оную руку. По берегамъ сего озерка положены доски и приготовлены для желающихъ пользоваться стеклянныя кружки, собственнымъ иждивеніемъ тамошнихъ начальниковъ. Почерпающему сію воду кажется, что онъ беретъ въ кружку самую грязь. Но едва поспѣешь донести ее до рта, какъ въ тоже мгновеніе осѣдаетъ на дно черный песокъ, подобный желѣзнымъ опилкамъ, и вода сдѣлается такъ чиста, какъ самый прозрачный кристаллъ. Вкусъ нѣсколько киселъ, но пріятенъ. Она кипитъ на подобіе зельтерской, имѣетъ нѣкоторую летучесть и производитъ легкую отрыжку, отзывающуюся сѣрной печенкой. Я не знаю пріятнѣе для меня напитка, какъ сія вода, смѣшанная съ сахаромъ и съ особаго свойства бѣлымъ кисловатымъ виномъ, добываемымъ на кав-

кавской линіи. При сей смѣси происходитъ такое кипѣніе, что едва нѣкоторую часть можно удержать въ стаканѣ. Сія вода производитъ жажду, но, сколько бы человѣкъ ее ни пилъ, онъ не почувствуетъ ни малѣйшей тягости въ животѣ. Она очищаетъ и укрѣпляетъ желудокъ, производитъ аппетитъ, помогаетъ пищеваренію; безъ излишества возбуждаетъ нервы, и даетъ силу и легкость. Упорная лихорадка при совершенномъ разстройствѣ желудка, отъ которой страдалъ я нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что всѣ лѣкарства оказывались недѣйствительными, оставила меня единственно отъ употребленія сей воды. Въ двѣ недѣли пребыванія моего тамъ сдѣлался я совершенно здоровъ. При сихъ водахъ въ мое время не было никакого жительства, ни укрѣпленія. Больные должны имѣть съ собою палатки, или предпочтительно онымъ калмыцкія кибитки. Это особаго рода будка, состоящая изъ складныхъ рѣшетокъ, обернутыхъ толстыми войлоками, каковымъ не преминулъ я запастись. Для безопасности же пользующихся водою отъ набѣговъ сосѣдственныхъ народовъ полагаются воинскіе отряды. Пищею-же запаслись изъ Константиногорска, для доставленія которой отряжаются вооруженные конвои.

Грузія и Россія.

Еще до болѣзни моей главный начальникъ Кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Кноррингъ обѣщалъ, при первомъ случаѣ послать меня съ Гренадерскимъ моимъ полкомъ въ Грузію. Необходимымъ полагаю я объяснить здѣсь причины таковыхъ походовъ войскъ россійскихъ въ сіе государство.

Съ давнихъ временъ цари грузинскіе имѣли нѣкоторое сношеніе съ государями россійскими, какъ по единовѣрію, такъ и притѣсненію сего народа персіянами и турками и по причинѣ внутреннихъ мятежей. Нѣкоторые изъ царей сей земли искали покровительства россійскаго, но извѣстные по исторіи походы туда войскъ россійскихъ начались со времени правленія царя *Өеодора Іоанновича*, правившаго съ 1584 по 1598 годъ. Государь сей, по просьбѣ *грузинскаго царя Александра III*, послалъ войска свои въ Грузію на помощь Александру противъ персіянъ. Потомъ грузинскій царь *Теймуразъ*, утѣсняемый персіянами и турками, лично былъ въ Россіи, дабы испросить помощи царя *Михаила Өеодоровича*, царствовавшаго съ 1613 по 1645 годъ. Но по тогдашнимъ обстоятельствамъ царь россійскій не могъ ему оказать оной, и онъ принужденъ былъ возвратиться въ свое отечество. Послѣ сего царь Теймуразъ посылалъ въ Россію для снисканія покровительства еще малолѣтняго внука своего Ираклія къ царю Алексѣю Михайловичу, царствовавшему съ 1645 по 1676 годъ.

Въ 1649 по причинѣ народныхъ смятеній и утѣсненій отъ турокъ грузинскій царь *Арчилъ III* отправился въ Россію къ царю Өеодору Алексѣевичу и тамъ остался навсегда. Подобныя симъ обстоятельства принудили царя *Вахтанга* поѣхать въ Россію и искать покровительства императора Петра I, поелику онъ во

время похода своего въ Персію многія имѣлъ сношенія съ Грузіей и обѣщалъ свое покровительство. Но, прибывъ въ городъ Царицынъ, получилъ онъ извѣстіе о кончинѣ сего государя, а потому принятъ былъ подъ покровительство императрицы Екатерины I.

Имеретинскій царь Семенъ равномѣрно искалъ покровительства и защиты Россійскаго престола. Поэтому, какъ для вспоможенія ему, такъ и *грузинскому царю Ираклію II*, присланъ былъ въ 1769 году съ войскомъ генералъ графъ Тотлебенъ. Послѣ него начальствовалъ также войсками *генералъ-лейтенантъ Сухонинъ*, а въ 1772 году войска россійскія вышли изъ Грузіи.

Послѣ смерти толико извѣстнаго государя Персіи *Надиръ-Шаха* [1]), возникнувшіе въ сей землѣ великія настроенія со стороны защитниковъ престола побудили грузинскаго царя Ираклія предаться совершенно покровительству императрицы Россійской Екатерины II. Поэтому и заключенъ былъ на сей предметъ въ 1783 году особый трактатъ, вслѣдствіе котораго вступило тогда же въ Грузію два баталіона егерей. Вслѣдъ за ними прибылъ генералъ-лейтенантъ *графъ Потемкинъ* [2]) съ довольно сильнымъ отрядомъ войскъ россійскихъ. Онъ пробылъ тамъ недолго и, возвратясь на Кавказскую линію, оставилъ по себѣ тамъ начальствовать генерала *Самойлова* [3]). Въ 1787 году, по нѣкоторымъ политическимъ обстоятельствамъ, войска россійскія возвращены были изъ Грузіи. По выступленіи войскъ россійскихъ ускакалъ въ Персію нѣкто *Ага Магометъ Ханъ* и объявилъ себя шахомъ всей Персіи. Сей новый шахъ предложилъ царю Ираклію принять его покровительство. Когда же тотъ на это не согласился, предпочитая покровительство Россіи, то помянутый шахъ вступилъ въ Грузію съ многочисленнымъ войскомъ, взялъ и разорилъ почти до основанія столицу сего государства—городъ Тифлисъ.

Это произошло въ 1795 году. По полученіи извѣстія о томъ въ Россіи, посланы были туда для защиты Грузіи два баталіона егерей. А въ 1796 году императрица Екатерина II, объявивъ войну Персіи, послала противъ нихъ большой корпусъ войскъ подъ предводительствомъ графа *Валеріана Зубова* [4]), который отрядилъ въ Грузію генерала *Корсакова-Римскаго* [5]). Война подъ начальствомъ графа Зубова производилась имъ съ великимъ успѣхомъ. Онъ въ короткое время покорилъ персидскія крѣпости:

---

[1]) Надиръ-Шахъ, родомъ туркменъ, извѣстный своими побѣдами надъ турками. Род. 1688 † 1747.

[2]) Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, генералъ-аншефъ, подписавшій договоръ съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ о подданствѣ Россіи. Род. 1743 † 1796.

[3]) Самойловъ, Николай Борисовичъ, впослѣдствіи ген.-аншефъ и сенаторъ. Зять свѣтл. князя Таврическаго.

[4]) Гр. Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, братъ фаворита, впосл. членъ Госуд. Совѣта и шефъ 2 кад. корпуса. Род. 1771 † 1804.

[5]) Извѣстный Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ. Род. 1753 † 1840. Впослѣд. членъ госуд. совѣта и кавалеръ Андрея Первозваннаго.

Дербентъ, Баку, Сальянъ, Кубу и Шемаху. Но вскорѣ потомъ скончалась императрица Екатерина II, а Павелъ I, по непостоянному своему характеру, въ началѣ своего царствованія не хотѣлъ ни съ кѣмъ имѣть войны. Онъ хотѣлъ даже поставить всѣ полки своей арміи въ тѣ города и губерніи, по именамъ которыхъ они названы единственно для различія одного отъ другого,—несмотря на необходимость имѣть войско на извѣстныхъ пунктахъ. Надобно сказать, что хотя полки въ Россіи съ давняго времени имѣли имена разныхъ городовъ Имперіи, но никогда не составлялись они особенно изъ жителей оныхъ, а въ каждомъ полку находились солдаты, набранные по удобству изъ разныхъ губерній. Павелъ I хотѣлъ перемѣнить и сіе, желалъ, чтобы каждый полкъ находился въ томъ мѣстѣ, котораго носитъ онъ имя, и состоялъ изъ жителей онаго, что вовсе было невозможно. Однакожъ сіе и другія намѣренія побудили его при вступленіи своемъ на престолъ вывесть войско россійское изъ Персіи и Грузіи. И если бы Ага Магометъ ханъ не былъ въ 1797 году убитъ однимъ изъ его рабовъ, то, безъ сомнѣнія, онъ довершилъ бы покореніе Грузіи подъ власть Персидскую.

Въ 1796 году умеръ грузинскій царь Ираклій, а царство по немъ принялъ сынъ его *Георгій XIII*.

Въ Персіи по смерти Ага Магомета хана принялъ на себя достоинство шаха *Баба-ханъ*.

Баба-ханъ не оставилъ сдѣлать предложеніе царю Георгію о своемъ покровительствѣ; но онъ, слѣдуя примѣру отца своего, отправилъ пословъ въ Россію, испрашивая таковаго у императора Павла I. Поэтому и посланы были въ 1799 году въ Грузію два Егерскіе полка. Вскорѣ послѣ сего прибылъ туда тайный совѣтникъ графъ *Мусинъ-Пушкинъ*, о которомъ я уже упомянулъ, и сдѣлалъ съ царемъ Георгіемъ особенныя условія о разрабатываніи грузинскихъ рудниковъ.

Возвратясь отъ Минеральныхъ водъ, къ удивленію моему, узналъ я, что вмѣсто моего полка посланъ былъ въ Грузію другой, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Гулякова*.

Въ 1800 году умеръ послѣдній грузинскій царь Георгій XIII. Правителемъ же сего государства, по волѣ двора россійскаго, объявленъ былъ, впредь до разсмотрѣнія, старшій его сынъ *царевичъ Давидъ*, служившій въ войскѣ россійскомъ генералъ-лейтенантомъ. Сіе происшествіе было причиною еще неожиданнаго похода войскъ россійскихъ въ Грузію.

Въ началѣ 1801 года получилъ я повелѣніе выступить съ гренадерскимъ моимъ полкомъ въ Грузію. Такъ какъ долженъ я былъ слѣдовать не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣстопребыванія главнокомандующаго линіей—генер. Кнорринга, то и поѣхалъ я къ нему, какъ для полученія нѣкоторыхъ наставленій, такъ и для того, чтобъ объяснить ему сколько позволяетъ мнѣ подчиненность, что онъ лучшій полкъ своего войска разстраиваетъ походомъ чрезъ Кавказскій хребетъ, сыпучими снѣгами покры-

тый, и притомъ въ срединѣ зимы, когда вовсе нѣтъ никакого сообщенія.

До свиданія моего съ ген. Кноррингомъ не зналъ я еще о кончинѣ царя грузинскаго. Онъ, объявивъ мнѣ объ этой кончинѣ, сообщилъ за тайну, что государь сей предъ смертію своею сдѣлалъ завѣщаніе, по которому уступаетъ онъ царство грузинское навсегда державѣ россійской. Всякій просвѣщенный читатель скажетъ: «Какое имѣлъ онъ на то право безъ согласія народа»?— Но право сильнаго всегда будетъ неоспоримымъ, если есть хотя малѣйшій къ тому предлогъ.— Впрочемъ видали мы въ нашемъ вѣкѣ, что сильные и того изыскивать не старались. Г. Кноррингъ упредилъ мое намѣреніе, сказавъ мнѣ, что онъ крайне сожалѣетъ о томъ, что полкъ мой долженъ будетъ много претерпѣть отъ столь труднаго похода,—что онъ, дабы отложить походъ до весны, о томъ все что могъ, писалъ къ императору Павлу I, и вотъ что получилъ въ отвѣтъ. Тутъ показалъ онъ мнѣ его рескриптъ. Государь пишетъ къ нему слѣдующія слова, „Вы говорите мнѣ о невозможостяхъ, я ихъ знаю; но измѣряю оныя усердіемъ войскъ моихъ ко мнѣ, а они должны измѣрять свои заслуги по мѣрѣ моей признательности и щедротъ.—Ген. Растопчинъ [1]) объяснитъ вамъ о томъ подробнѣе“. Отношеніе ген. Растопчина содержало именемъ государя обѣщаніе наградъ за этотъ трудный походъ какъ для высшихъ чиновъ, такъ и для нижнихъ. Награды раздѣлены были на степени и для высшихъ чиновниковъ состояли въ недвижимомъ имѣніи, чинахъ и орденахъ съ указаніемъ количества имѣнія, степени чиновъ и орденовъ. Для генераловъ опредѣлены были всѣ сіи три награды, о которыхъ по справедливости можно сказать, что онѣ были въ полной мѣрѣ достойны не только щедраго, но даже расточительнаго характера императора Павла I.

Походъ Тучкова въ Грузію. Черкесы. Получивъ часть экстраординарной суммы и сдѣлавъ на свой счетъ запасъ нѣкоторыхъ вещей для подарковъ горскимъ народамъ, для снисканія нами отъ нихъ пособія въ столь трудномъ походѣ, отправился я къ моему полку съ надеждою, что щедроты императора навсегда устроятъ мое состояніе.

Я встрѣтилъ полкъ мой на походѣ изъ Георгіевска къ Моздоку и, переправясь въ семъ городѣ чрезъ рѣку Терекъ, слѣдовалъ чрезъ Малую Кабарду или землю черкесъ. Народъ слишкомъ извѣстенъ, чтобъ его описывать. Скажу только, что онъ не можетъ быть названъ ни осѣдлымъ, ни кочующимъ. Они хотя имѣютъ деревни и дома, но весьма легкой постройки. Дома эти состоятъ изъ плетней, вымазанныхъ глиной и покрытыхъ камышомъ или соломою. Въ нихъ живутъ они отъ 2 до 5 лѣтъ, соображаясь съ истощеніемъ паствы, вслѣдствіе множества содер-

---

1) Онъ былъ тогда назначенъ генералъ-адъютантомъ.

жимаго ими скота. Потомъ оставляютъ они деревню, переходятъ на другое мѣсто, а дома предаютъ огню. Хотя сей народъ неблагорасположенъ къ державѣ россійской однакожъ я нашелъ средство пройти чрезъ земли ихъ не только безпрепятственно, но еще и съ содѣйствіемъ съ ихъ стороны. На пути семъ построено было нѣсколько редутовъ во время похода въ Грузію генерала *графа Потемкина.* Но тогда были оныя совсѣмъ оставлены и разрыты, какъ и крѣпость Владикавказская. Послѣдняя лежитъ при самой подошвѣ горъ кавказскихъ, въ окрестностяхъ ея кончаются владѣнія черкесъ и начинаются земли осетинскія или тагаурскіе.

Осетины. Осетины занимаютъ ущелье горъ Кавказскихъ, простирающихся отъ Владикавказа или отъ границы черкесской до самаго высочайшаго снѣговаго хребта, откуда горы начинаютъ опускаться къ югу. Сей переломъ отдѣляется горою, извѣстною подъ названіемъ *Кайшаурь.* Впрочемъ осетинами называется простой народъ, тагоурцами же именуютъ себя ихъ старшины или дворяне. Они и даютъ свое имя сему ущелью, называемому *тагаурскимъ.* Однако я долженъ замѣтить здѣсь, что, кромѣ оныхъ, многіе обитаютъ еще въ нѣкоторыхъ ущельяхъ горъ Кавказа, принадлежащихъ Грузіи. Но сіи не имѣютъ уже надъ собою тагаурцевъ, а принадлежатъ иные коронѣ грузинской, иные же помѣщикамъ грузинскимъ. Извѣстнѣйшіе изъ оныхъ суть: князья Эристовы и Мачебэловы.

Разставшись съ черкесами на ихъ границѣ, встрѣченъ былъ старшими осетинскими, или тагаурцами, которые о походѣ моемъ были предувѣдомлены. Я слѣдовалъ оттуда, въ сопровожденіи представителей народа, до перваго ихъ селенія Балты. Дорога отъ Владикавказа до помянутаго селенія идетъ по берегамъ рѣки Терека, протекающей въ ущельѣ горъ Кавказскихъ. Ущелье въ семъ мѣстѣ еще довольно пространно, хотя каменисто и гористо.

Терекъ. Отъ Балты до древней разоренной крѣпости Даріялъ начинаются всѣ величайшія трудности путешествія. Горы Кавказскія, верхи которыхъ теряются изъ вида, соединяются ближе, ущелье стѣсняется, рѣка Терекъ стремится по срединѣ онаго по огромнымъ каменьямъ съ ужаснѣйшимъ шумомъ. Она оставляетъ по обѣимъ сторонамъ столь узкіе, притомъ гористые и каменистые берега, что невозможно даже слѣдовать. Тогда должны переѣзжать чрезъ рѣку съ одного берега на другой по устрояемымъ ежегодно для того мостамъ. Въ срединѣ же лѣта, когда снѣга на Кавказѣ начнутъ частію таять, рѣка сія разливается и наполняетъ все ущелье. Тогда не остается другого сообщенія черезъ сіи горы, какъ по самымъ верхамъ оныхъ, въ иныхъ мѣстахъ верхомъ, а въ другихъ пѣшкомъ. Тамъ же, гдѣ дорога пересѣкается стремнинами, опускаются внизъ по веревкамъ съ одного берега и поднимаются такимъ же образомъ на другой,

при пособіи тамошнихъ жителей. Но и та дорога, по которой я слѣдовалъ, столь была затруднительна, что на пяти верстахъ разстоянія должны были переѣзжать до тридцати мостовъ. Я долженъ былъ употреблять къ артиллеріи моей, состоявшей изъ трехъ 12 фунтовыхъ пушекъ и трехъ 24-фунтовыхъ единороговъ, всѣхъ людей и лошадей моего полка. Прочія же тягости я оставлялъ назади, чтобъ такимъ образомъ переходить въ день двѣ или три весты [1]).

Дарьялъ. Преодолѣвъ сіи трудности, достигъ я крѣпости Даріялъ, гдѣ остановился для собранія тягостей и отдохновенія. Сіе приписываютъ Дарію, императору Персіи, но неизвѣстно которому. Другіе же приписываютъ построеніе Дарьяла персидскому царю Фридону, построившему Дербентъ. Онъ построилъ Дарьялъ противъ набѣговъ козаръ или хозаръ, народа, столь извѣстнаго въ исторіи россійской. Это было около 2302 года отъ сотворенія міра, считая сіе по греческимъ хронографамъ. Въ семъ мѣстѣ рѣка Терекъ раздѣляется на двѣ части и составляетъ небольшой островъ, или лучше сказать, огромный обрывокъ скалы, едва не равняющійся высотою своею съ вершинами прочихъ горъ. На вершинѣ его построенъ небольшой замокъ, со стѣнами и башнями изъ тесоваго камня. Внизу окружаетъ скалу другая такая же стѣна съ башнями и наконецъ, третья и четвертая—до самой воды, въ нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи. Всходы высѣчены въ камнѣ и закрыты по мѣстамъ каменными стѣнками. Древнее сіе зданіе мѣстами обрушилось, а впрочемъ чрезвычайно крѣпко и, безъ сомнѣнія, простоитъ еще нѣсколько вѣковъ.

Извѣстіе о кончинѣ Павла I. Въ семъ мѣстѣ насъ догналъ нарочный съ увѣдомленіемъ о кончинѣ императора Павла I и о вступленіи на престолъ сына его Александра. Мы учинили присягу на вѣрность сыну и наслѣднику его, который названъ будетъ, ибо Александръ надѣялся имѣть потомство. Нѣкоторые чиновники предложили мнѣ вопросъ, слѣдовать ли далѣе, или остановиться и послать нарочнаго къ главнокомандующему, какъ онъ сіе рѣшитъ. Я отвѣчалъ на сіе, что мы должны исполнить повелѣніе покойнаго императора; впрочемъ, если бы что было противное оной, то главнокомандующій не оставилъ бы насъ увѣдомить. Чрезъ посылку же потеряемъ мы время и будемъ имѣть недостатокъ въ продовольствіи; и такъ рѣшились мы слѣдовать далѣе.

Генер. Леонтьевъ. Черезъ нѣсколько недѣль по выступленіи моемъ съ кавказской линіи, посланъ былъ въ Грузію еще одинъ пѣхотный полкъ, подъ начальствомъ *ген. Леонтьева.* Сей Леонтьевъ служилъ прежде въ гвардіи, подъ особеннымъ начальствомъ Александра I, бывшаго тогда наслѣдни-

[1]) Нынѣ дорога сія нѣсколько исправлена и не столь затруднительна, какъ была въ мое время.

комъ престола, и слѣдовательно лучше зналъ, нежели я, сколько государь сей умѣетъ цѣнить усердіе. Поэтому остановился онъ, не доходя Владикавказа, и послалъ донесеніе о невозможности слѣдовать далѣе. Главнокомандующій столько былъ тѣмъ недоволенъ, что послалъ полкъ казаковъ его туда проводить. На сіе ген. Леонтьевъ отозвался, что хотя онъ готовъ исполнить повелѣніе, но не можетъ принять на свою отвѣтственность убытковъ и разстройства, каковые чрезъ таковый походъ ввѣренный ему полкъ претерпѣть можетъ.

Казбекъ. Отъ Даріяла до селенія Казбека или Стефансцминда, лежащаго неподалеку отъ одной изъ высочайшихъ горъ кавказскихъ, дорога нѣсколько лучше. Ущелье начинаетъ быть пространнѣе, подъемы и спуски не столь высоки и круты, а каменья на дорогѣ не столь крупные.

Въ цѣпи горъ, составляющихъ хребетъ кавказскій, высочайшія суть: Шатъ или Эльбрусъ и Казбекъ. Вершины ихъ достигнуть невозможно, равно какъ и приближаться къ онымъ по причинѣ топкихъ болотъ ихъ окружающихъ. Я слышалъ, будто за болотами, окружающими Эльбрусъ, находится часть твердой земли, обитаемой особливымъ немногочисленнымъ народомъ. Въ самыя же жестокія зимы болота мѣстами замерзаютъ и можно къ тѣмъ людямъ проходить. Будто нѣкоторые изъ нихъ приходили къ гр. Потемкину, когда онъ начальствовалъ на линіи, и принесли въ подарокъ небольшіе серебряные кувшинчики своего издѣлія, кои и отправлены были имъ къ императрицѣ Екатеринѣ II. Языкъ сего народа имѣетъ нѣкоторое сходство съ осетинскимъ. Впрочемъ, никогда не былъ тамъ никакой путешественникъ. Покрытая вѣчнымъ снѣгомъ гора Казбекъ также окружена непроходимыми болотами, но не столь обмерзлыми, какъ Эльбрусъ или Шатъ. Неподалеку отъ оной находится другая, временно только покрывающаяся снѣгомъ. Но она столь высока, что хотя, по неимѣнію съ собой потребныхъ орудій, не могли мы измѣрить ея высоты, однако скажу, что находящійся на вершинѣ ея огромный монастырь и церковь св. Стефана представляются, идущимъ по большой дорогѣ, моделью фута въ два въ поперечникѣ.

Гора, селеніе и помѣщикъ онаго называются Казбекъ. По церкви же, въ монастырѣ находящейся, называютъ иногда селеніе по-грузински Стефансцминдъ, т. е. св. Стефана. Владѣлецъ селенія, грузинскій *дворянинъ Казбекъ*, издавна преданный пользѣ Россіи. Хотя онъ и почитаетъ фамилію свою весьма древней, но неизвѣстно, получили ли предки его наименованіе отъ горы, при которой поселились, или, какъ Атлантъ, дали горѣ свое имя.

Монастырь на Казбекѣ. Прибывъ въ помянутое селеніе, захотѣлъ я побывать въ монастырѣ, на вершинѣ горы находящемся, о чемъ сказалъ г. Казбеку.

— Хорошо,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—но надобно дать о томъ

знать священнику, живущему въ другомъ селеніи, при самомъ всходѣ на сію гору. Онъ имѣетъ ключи отъ монастыря и отъ церкви, потому что оный давно уже оставленъ и никого тамъ нѣтъ.

Я попросилъ его о томъ. И такъ, на другой день съ полковникомъ моего полка, Симоновичемъ, и нѣкоторыми офицерами поѣхали мы туда изъ лагеря нашего верхами. Прибывъ въ деревню, гдѣ жилъ священникъ, должны мы были оставить лошадей и всходить на гору пѣшкомъ, по излучистой тропинкѣ, окружаемой съ одной стороны ужаснѣйшей стремниной. Отдыхая нѣсколько разъ, достигли мы, наконецъ, до монастыря, предъ которымъ находится довольно пространная равнина, покрытая травою. Онъ примыкаетъ къ лѣсу, состоящему изъ огромнѣйшихъ сосенъ. Стѣны монастыря, кельи и находящаяся по срединѣ церковь, сложены изъ превеликихъ, весьма гладко отесанныхъ, гранитныхъ камней, а карнизы и прочія украшенія изъ бѣлаго мрамора. Церковь простой греческой архитектуры, почти безъ наружныхъ украшеній, кромѣ карнизовъ, довольно пространна и свѣтла. Иконостасы, закрывающіе алтарь, какъ то обыкновенно бываетъ въ греческихъ церквахъ, выточены всѣ изъ бѣлаго мрамора, равно и образа—выпуклой работы или *рельефомъ*.— Хотя вообще вся работа довольно искуссно и тонко совершена, но изображенія святыхъ отзываютъ вѣкомъ Константина Великаго, когда науки и художества были въ Греціи въ великомъ упадкѣ.

Войдя въ церковь, попросилъ я священника отслужить молебенъ. Во время сей молитвы, съ небольшимъ полчаса продолжавшейся, разъ шесть перемѣнялась погода: снѣгъ, дождь, градъ, буря, прекраснѣйшее солнечное сіяніе слѣдовали одно за другимъ. По словамъ священника, такія перемѣны тамъ обыкновенны. По окончаніи молитвы пошли мы осматривать окрестности монастыря. Я примѣтилъ въ одномъ мѣстѣ крутизну горы, покрытую травою съ растущими изрѣдка большими деревьями. Она простиралась до самой той деревни, въ которой оставили мы лошадей. Одинъ молодой горный житель, сынъ помянутаго священника, знающій нѣсколько по-русски, находился тогда при мнѣ. Я спросилъ его: почему не сдѣлаютъ тутъ дороги и не ходятъ болѣе близкимъ путемъ?—Много было бы работы,—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Эта гора такъ крута, что тутъ никакъ взойти на нее невозможно.—А можно ли сойти?—спросилъ я его.—Можно,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—мы иногда сходимъ, только съ большою осторожностію.—Въ чемъ же состоитъ эта осторожность?—продолжалъ я.—Если кто спустится съ этой горы, то онъ уже никакъ не можетъ остановиться, а долженъ будетъ бѣжать до самой деревни, чего ни грудь, ни ноги выдержать не могутъ. Мы же сходимъ такъ: надобно замѣтить впереди себя какое-нибудь дерево и, бѣжа, цѣлить на него, держа руки впередъ. Оперши сь о дерево, сѣсть на него верхомъ, собраться съ духомъ, встать, держась за оное, потомъ пуститься до другого и такъ далѣе по-

чти до самой деревни, гдѣ начинается равнина. Я попросилъ его сойти такимъ образомъ. Онъ спустился.—Мнѣ показалось это весьма легко, и я послѣдовалъ за нимъ.—Казбекъ и прочіе, увидя сіе, напрасно мнѣ кричали. Я не могъ никакъ остановиться, но, помня данное мнѣ наставленіе, правилъ бѣгъ свой на деревья и, можетъ быть, при восьми или десяти оныхъ понемногу отдыхалъ. Мы пришли очень скоро въ домъ священника, гдѣ подали мнѣ завтракъ. Я разговаривалъ съ его семействомъ, смѣялся надъ моими товарищами, что ихъ такъ долго нѣтъ. Они же удивлялись моей смѣлости, выговаривали сыну за такое предложеніе мнѣ. Наконецъ, въ ожиданіи ихъ легъ я на лавку и заснулъ. Я спалъ больше часа, какъ прибытіе моихъ товарищей меня разбудило. Они вошли въ горницу, имъ также подали ѣсть, а я, лежа на лавкѣ, смѣялся тому, что долженъ былъ ихъ такъ долго ожидать. Но, когда пришло время ѣхать въ лагерь, я, не чувствуя никакой боли, не могъ встать; ноги совсѣмъ у меня отнялись. Меня взяли подъ руки, съ превеликимъ трудомъ посадили на лошадь и довезли до лагеря. Тамъ спирты и опытность моего врача едва чрезъ сутки привели меня въ то положеніе, что я, хотя и чувствовалъ слабость въ ногахъ, но могъ ходить.

Выступивъ изъ сего мѣста, прибыли мы къ деревнѣ Сіонъ и расположились лагеремъ на небольшомъ возвышеніи при рѣкѣ Терекѣ. На другой день, провожавшій меня Казбекъ сидѣлъ со мною въ палаткѣ и разговаривалъ. Вдругъ показалось мнѣ, что я слышу сильный громовой ударъ. Это было въ мартѣ мѣсяцѣ.— „Рано у васъ начинаются громы“?—сказалъ я ему.—Это не громы,— отвѣчалъ онъ мнѣ,—но аваланшъ или снѣговой обрывъ, упавшій съ горы. Мы можемъ еще его увидѣть, если поспѣшимъ.—Итакъ выбѣжалъ я съ нимъ изъ палатки. Гора, съ которой послѣдовалъ сей обрывъ, была намъ видна; но отстояла, по словамъ его, около семи миль. Мы примѣтили катящійся съ горы черный кусокъ величиною съ обыкновенную шапку, а за нимъ тянулась черная черта, казавшаяся не толще только нитки.—Это превеликая гора,—сказалъ онъ мнѣ; а за нею течетъ широкая и глубокая рѣка.—Я разсмѣялся привычкѣ горныхъ жителей, любящихъ въ разговорахъ своихъ все увеличивать.

Послѣ этого пошли мы смотрѣть древнюю церковь, стоящую на горѣ позади лагеря. Прошло съ небольшимъ часъ, какъ я при выходѣ моемъ изъ церкви крайне былъ удивленъ увидя весь мой лагерь въ превеликомъ смятеніи. Солдаты съ возможною поспѣшностію таскали на ближайшую гору палатки, провіантъ и экипажи, то же дѣлала и моя прислуга. Въ столь краткое время рѣка Терекъ наполнилась водою такъ, что выступила изъ своихъ береговъ и потопила все пространство, занимаемое лагеремъ. Причиною сего были три снѣговыхъ обрыва, одинъ за другимъ послѣдовавшіе въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ насъ. Черезъ часъ вода совсѣмъ упала, но я предпочелъ остаться на горѣ, нежели занять прежнее положеніе лагеря.

Въ семъ мѣстѣ долженъ я былъ простоять три дня, дабы запастись санями для перевозки артиллеріи и прочихъ тягостей чрезъ снѣговой хребетъ Кавказскихъ горъ, ибо далѣе и вблизи онаго нѣтъ годнаго къ тому лѣса. Въ сіе время занемогъ я лихорадкой съ тѣми самыми припадками, которыми страдалъ на кавказской линіи. Казбекъ совѣтовалъ мнѣ еще остаться тутъ нѣсколько дней, потому что нѣтъ еще никакого сообщенія черезъ снѣговыя горы. Оно, по его примѣчаніямъ, скоро откроется. Я не принялъ его совѣта и рѣшилъ лучше дождаться помянутаго сообщенія при самой подошвѣ снѣгового хребта, нежели въ трехъ миляхъ отъ онаго. Поэтому выступилъ я туда и расположился при послѣдней деревнѣ Коби, съ сѣверной стороны онаго лежащей.

Переходъ войска чрезъ Кавказскій хребетъ.

Каждый день ожидали извѣстія о возможности перехода чрезъ снѣговой хребетъ. Наконецъ чрезъ пять дней пришли люди съ южной стороны онаго и сказали, что можно уже приступить къ очищенію отъ снѣговъ дороги для перехода полка. Восемьсотъ человѣкъ осетинцевъ употреблено было въ сію работу. И чрезъ три дня сказали мнѣ, что можно уже начать переправу, но не иначе, какъ по частямъ. Поэтому послали впередъ двѣ роты гренадеръ безъ экипажа въ первую съ нижней стороны хребта деревню Койшауръ. Она получила свое названіе отъ снѣговой горы, чрезъ которую должны мы были переходить. Получивъ увѣдомленіе, что они туда пришли, послалъ я цѣлый баталіонъ и артиллерію, которая больше всего меня затрудняла. Всѣ потребныя къ тому мѣры были приняты: она была разобрана и положена на сани. Кромѣ баталіона число рабочихъ осетиновъ для препровожденія оной было умножено. Но кто можетъ противиться дѣйствію натуры? Едва сей отрядъ выступилъ и скрылся изъ вида, какъ услышалъ я превеликій громъ отъ снѣгового обрыва. Скоро послѣ того прискакалъ ко мнѣ артиллерійскій офицеръ въ превеликомъ страхѣ и сказалъ, что онъ не знаетъ, что сдѣлать съ пушками и баталіономъ, такъ какъ они шли впереди. Онъ же по трудности дороги съ зарядными ящиками остался позади, ожидая помощи рабочихъ. И только что онъ тронулся съ мѣста, какъ въ глазахъ его упавшій снѣговой обрывъ сдѣлалъ дорогу вовсе непроходимою. Первымъ моимъ попеченіемъ было узнать о состояніи людей и пушекъ, и потому послалъ я самыхъ расторопныхъ горскихъ жителей о томъ навѣдаться. Они съ превеликою трудностію, на лыжахъ, перейдя снѣга и льды, завалившіе дорогу, принесли мнѣ пріятное извѣстіе, что баталіонъ и пушки находятся уже въ деревнѣ. Обрывъ упалъ между пушекъ и ящиковъ, и на три версты завалилъ дорогу, вышиною мѣстами отъ пяти до двѣнадцати саженей. Сколько можно было собрать еще горскихъ жителей, всѣ заняты очищеніемъ сего обрыва, что продолжалось два дня.

Хотя болѣзнь моя ежедневно усиливалась, но я хотѣлъ прежде

переправить весь полкъ, и потомъ уже перебраться самъ. Однако осетинскіе старшины начали меня уговаривать, чтобъ я поскорѣе переѣхалъ въ деревню Койшауръ. Они говорили, что тамъ не только буду я имѣть больше выгодъ, но и воздухъ въ оной несравненно здоровѣе, нежели въ деревнѣ Коби, окруженной болотами и лежащей съ сѣверной стороны столь великаго хребта. Здѣсь отъ самаго приближенія вѣтровъ всегда господствуетъ холодъ и сырость. Я согласился на ихъ предложеніе и поручилъ остальную часть полка моему полковнику. Но самъ я такъ ослабѣлъ отъ болѣзни, что не въ силахъ былъ сѣсть на лошадь. Поэтому уступили они для меня небольшія обложенныя плетенкой сани. Восемь человѣкъ запряглись въ оныя, столько же отряжено было для поддерживанія,—и такъ переѣхалъ я благополучно снѣговой хребетъ Кавказскихъ горъ. Вслѣдъ за мною перешла и остальная часть полка.

Здѣсь долженъ я сдѣлать одно мое замѣчаніе, что вообще всѣ болѣзни прилипчивы, если онѣ свирѣпствуютъ въ большомъ количествѣ людей. Прибывъ въ сказанную грузинскую деревню, расположился я на квартирѣ у одного зажиточнаго земледѣльца. Всѣ домашніе, а особливо женщины, были удивлены, что я во время припадка, въ самую теплую погоду, лежа при огнѣ, подъ нѣсколькими шубами, не могъ согрѣться. Онѣ крестились и читали молитвы, не зная, что есть лихорадка. Даже и по сіе время, когда они ее узнали на себѣ, нѣтъ у нихъ особаго названія сей болѣзни. Они называютъ оную на своемъ языкѣ *сицива*, что значитъ холодъ. Но когда съ трудныхъ походовъ по знойнымъ степямъ персидскимъ, по снѣговымъ кавказскимъ и другимъ горамъ, отъ изнуренія и недостатковъ въ продовольствіи, наполнились больными русскими солдатами грузинскія селенія, тогда и жители ихъ познали неизвѣстныя имъ прежде болѣзни. И часто цѣлыя деревни страдали наповалъ разными болѣзнями.

Неподалеку отъ деревни Койшауръ есть источникъ кислой минеральной воды, нѣсколько похожей на кавказскую. Свойство ея еще по сіе время не изслѣдовано. Но когда мнѣ о ней сказали, то я велѣлъ принести нѣсколько бутылокъ, началъ употреблять ее и почувствовалъ великое облегченіе. Но добрый мой хозяинъ, придя ко мнѣ однажды, сказалъ: „Не пейте этой воды: она не здорова“.—Почему же ты это знаешь? спросилъ я у него. „Вотъ почему“, продолжалъ онъ: „покойный царь нашъ Ираклій долго былъ боленъ. Лекарь присовѣтовалъ ему пить эту воду, и мы должны были возить ее къ нему въ Тифлисъ; но онъ недолго ее пилъ и скоро умеръ“.—Какихъ лѣтъ былъ тогда вашъ царь?—сказалъ я ему. Мужикъ призадумался и отвѣчалъ: „Ему было больше восьмидесяти лѣтъ, если не девяносто. Нашъ попъ лучше о томъ знаетъ, вы можете у него спросить“.

Анануръ. Отдохнувъ и исправивъ всѣ поврежденія, причиненныя столь труднымъ походомъ, слѣдуя по берегу рѣки Арагвы, достигли мы затѣмъ и селенія Анануръ. Кто впервые

въѣдетъ въ предѣлы Грузіи, тому конечно удивительно покажется, что, подъѣзжая къ какому-нибудь селенію, о которомъ онъ предваренъ, не видитъ онъ никакихъ признаковъ жительства, кромѣ башенъ, замковъ, а иногда церкви. Это потому, что всѣ дома жителей состоятъ изъ землянокъ, крыши которыхъ ровны съ поверхностію земли. О величинѣ селенія можно судить по числу башенъ. Нѣсколько дворовъ имѣютъ одну, больше двѣ и три башни. Если же есть замокъ, окруженный каменною стѣною съ нѣсколькими башнями, то это означаетъ довольно многолюдное селеніе. Всѣ сіи укрѣпленныя мѣста построены въ защиту отъ набѣговъ лезгинъ и другихъ непріятелей, какъ-то: персіянъ и турокъ; а иногда и отъ народныхъ возмущеній, которымъ сія страна нерѣдко бываетъ подвержена. Таковы были въ мое время Анануръ, Душетъ, Мцхетъ и прочія мѣстечки и деревни, исключая городовъ Тифлиса, Гори, Телавы и нѣкоторыхъ деревень въ Карталинской провинціи, лежащихъ около границъ Имперіи.

Мцхетъ. Оставя Анануръ, прибыли мы въ Душетъ—мѣстечко, принадлежащее царевичу Вахтангу, сыну покойнаго царя Ираклія; а оттуда въ Мцхетъ, древнюю, давно оставленную столицу царей грузинскихъ. Онъ лежитъ при самомъ соединеніи рѣкъ Куры и Арагвы. Это селеніе, какъ я предъ симъ сказалъ, не имѣетъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ землянокъ, окруженныхъ большою старинною каменную стѣною съ башнями, вновь строившагося и еще неоконченнаго патріаршаго дома въ два этажа и древней весьма огромной церкви въ греческомъ вкусѣ съ готическими украшеніями. Эта церковь построена изъ тесанаго гранита, смѣшаннаго въ украшеніяхъ съ разнаго цвѣта камнями и мраморомъ. Другая же, подобная ей и древностію еще превышающая первую, вовсе оставленная, находится внѣ замка, на другомъ берегу рѣки Арагвы, первая служитъ кладбищемъ царей грузинскихъ, и послѣдній изъ нихъ Георгій XIII погребенъ въ оной. Сія церковь славится храненіемъ самыхъ достопамятныхъ предметовъ то есть хитона, или верхней одежды І. Х., о которомъ грузинская исторія слѣдующее повѣтствуетъ: во времена Спасителя Грузіи находилась въ зависимости отъ Римлянъ, которые набирали воиновъ изо всѣхъ подвластныхъ имъ земель, равно и изъ Грузіи. Одинъ мцхетскій уроженецъ былъ римскимъ воиномъ, находился при распятіи Спасителя и получилъ по жребію хитонъ Его, который привезъ онъ потомъ въ свое отечество. Я не видѣлъ сей достопамятности, хотя тогда и потомъ нѣсколько разъ были въ церкви. Она хранится въ пещерѣ или весьма низкомъ сводѣ, устроенномъ внутри въ стѣнѣ съ правой стороны. Входъ въ нее хотя устланъ бархатомъ, обложеннымъ галуномъ, но такъ низокъ, что въ эту темную пещеру непремѣнно должно ползти на колѣняхъ на протяженіи нѣсколькихъ саженъ. Тѣ, которые тамъ были, сказывали, что тамъ горитъ лампада, при свѣтѣ которой видѣли они небольшой закрытый ковчежецъ, обитый бар-

хатомъ; въ немъ хранится сія святая вещь. Другіе же грузинскіе историки повѣствуютъ, что нѣкоторые іудеи во время послѣдняго плѣна удалились и обитали въ Грузіи. Изъ нихъ одинъ, по имени Эліосъ, находился при распятіи и получилъ по жребію сій хитонъ. Но такъ какъ евангеліе ясно говоритъ, что именно воины метали жребій объ одеждѣ І. Х., а другихъ воиновъ тамъ въ Іерусалимѣ не было, кромѣ римскихъ, то слѣдовательно это не согласно съ выше сказаннымъ. Грузинскій царевичъ *Давидъ Багратіонъ*, сынъ послѣдняго царя Георгія XIII, изъ историческихъ записокъ котораго взялъ я сію статью, выводитъ, какъ и всѣ Багратіоны, родословную свою отъ израильскаго царя Давида. Поэтому имѣетъ онъ въ гербѣ своемъ арфу и пращъ. Вообще, гербъ ихъ раздѣленъ на пять полей: въ срединѣ св. Георгій, гербъ царства грузинскаго, сверху съ правой стороны арфа, подъ нею пращъ, съ лѣвой—хитонъ, а внизу одноглавый орелъ, потому что грузинскій царь Вахтангъ Гурасланій имѣлъ въ супружествѣ дочь греческаго императора Макана, что произошло около 450 года по Р. Х. Нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что грузины есть одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ въ Азіи, и что извѣстенъ онъ въ исторіи прежде многихъ европейскихъ родовъ. Древнѣйшая изъ всѣхъ греческая исторія, начинающаяся съ баснословныхъ временъ, довольно пространно говоритъ о походѣ аргонавтовъ въ Колхиду и о похищеніи Язономъ золотого руна. Между тѣмъ видимъ мы по исторіи грузинской, что Колхида, нынѣшняя Мингрелія, въ исторіи съ Имеретіею и Грузіей не разъ составляли одно государство и одинъ народъ. Нарѣчіе и въ нѣкоторомъ отношеніи нравы ихъ мало одинъ отъ другого рознятся.

Колхида, названная такъ греками, получила свое наименованіе можетъ быть не безъ причины. Слово Колхида не есть греческое, а грузинское. Оно знаменуетъ на ихъ языкѣ, съ измѣненіемъ только одной буквы, то есть О въ А, вмѣсто „Колхиды" „Калхида" или „Кал-хидэ", въ переводѣ *дѣвичій мостъ*. На границѣ Мингреліи и Имеретіи есть и понынѣ урочище, извѣстное подъ именемъ *Калхидзэ*, на которомъ находятся древнія развалины каменнаго моста чрезъ рѣку Ріонъ (древній Фазисъ). Преданіе наглядно говоритъ о сихъ развалинахъ, что будто одна ихъ царевна, обольщенная греческимъ путешественникомъ, бросилась съ сего моста въ рѣку и тамъ погибла. Поэтому урочище сіе получило названіе Калхидэ, или Дѣвичій мостъ. Это имѣетъ нѣкоторое сходство съ баснословною повѣстью и объ аргонавтахъ.

Основаніе Мцхета теряется въ древности. Грузинская исторія приписываетъ оное нѣкоторому Мцхетону, происшедшему въ седьмомъ поколѣніи отъ Ноя, и владѣвшему Грузіей. Во время правленія грузинскаго царя Маріана, сына столь извѣстнаго персидскаго Шаха Хозроя, Грузія приняла христіанскій законъ, что произошло въ началѣ IV-го вѣка. Царь Маріанъ крещенъ былъ въ 312 году и греческій императоръ Константинъ. Великій пос-

лалъ къ нему для утвержденія христіанства Евстафія, епископа Антіохійскаго.

Въ 455 году царь Вахтангъ Гургасланъ построилъ при рѣкѣ Курѣ городъ Тифлисъ, гдѣ до того была небольшая крѣпость, основанная персами. Сынъ же его Дачи перенесъ туда столицу царей грузинскихъ.

Грузины имѣютъ свой особенный языкъ, письмо и книгопечатаніе, распространяющіеся въ Имеретію и Мингрелію. Но онъ, по словамъ ихъ историковъ, состоитъ изъ смѣшенія сирійскаго, персидскаго, греческаго и арабскаго.

Тифлисъ

Городъ Тифлисъ лежитъ по обѣимъ берегамъ рѣки Куры, которая раздѣляетъ нынѣшнюю Грузію на двѣ провинціи: Карталію и Кахетію, получилъ наименованіе свое отъ теплицъ, или теплыхъ минеральныхъ водъ, въ предмѣстіи онаго находящихся. Слово *Твили* на грузинскомъ языкѣ означаетъ теплоту.

По прибытіи моемъ въ городъ Тифлисъ представился онъ мнѣ кучею камней, среди которыхъ было двѣ улицы, по которымъ можно еще было проѣхать. Но дома большей частію и на оныхъ были разорены. Отъ дворца царскаго оставались одни ворота, остальное все срыто до основанія. Нашествіе Аги Магомета-хана, шаха персидскаго, при концѣ царствованія императрицы Екатерины II, о которомъ я предъ симъ упомянулъ, было причиною сего разоренія.

Грузинскій царевичъ Давидъ.

Въ Грузіи управлялъ тогда *царевичъ Давидъ*, старшій сынъ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XIII. Онъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ *въ россійскомъ* войскѣ *генералъ-лейтенантомъ*. Такъ какъ нѣкоторые члены царскаго дома, именно братья и сыны царя Ираклія, отца Георгія XIII, имѣли по завѣщанію Ираклія нѣкоторое право на престолъ грузинскій, то Георгій искалъ покровительства двора россійскаго, дабы старшій сынъ его Давидъ былъ по немъ наслѣдникомъ. Надобно сказать, что съ давняго времени цари и царевичи грузинскіе имѣли разные россійскіе ордена, а послѣдніе—чины въ войскѣ. Такимъ образомъ сыны Георгія были капитанами въ россійской гвардіи. Императоръ Павелъ 1-й, вступивъ на престолъ, отдалъ приказъ, чтобъ всѣ офицеры, находящіеся въ отлучкѣ отъ своихъ полковъ, въ продолженіе извѣстнаго времени непремѣнно къ онымъ явились, въ противномъ случаѣ будутъ исключены изъ службы. Царь Георгій употребилъ сей случай въ свою пользу и послалъ въ Петербургъ сыновъ своихъ *Давида*, *Маріана* и *Іоанна*, бывшихъ тогда капитанами гвардіи. Павелъ I-й принялъ ихъ съ благосклонностью. Они же старались еще больше онаго заслужить, подражая ему въ непомѣрной его охотѣ къ воинскимъ строямъ и ученьямъ, въ чемъ болѣе старался успѣвать царевичъ Давидъ. Въ короткое время произведены были

всѣ они въ генералъ-маіоры. Младшимъ даны были пѣхотные полки, а старшій Давидъ оставленъ *въ Преображенскомъ* гвардейскомъ полку, котораго былъ *шефомъ*. Георгій XIII, чувствуя слабость здоровья и приближеніе смерти, писалъ къ императору, дабы онъ отпустилъ къ нему старшаго его сына Давида. Павелъ I-й не только сіе исполнилъ, но утвердилъ его наслѣдникомъ царства грузинскаго, произвелъ въ генералъ-лейтенанты и далъ ему орденъ св. Александра. За нѣсколько же мѣсяцевъ предъ тѣмъ посланы имъ были въ Грузію тронъ, корона и всѣ царскія регаліи: ибо прежнія во время нашествія Аги-Магомета-хана всѣ были ими взяты. Но съ кончиною царя Георгія перемѣнились обстоятельства. Сей царь предвидѣлъ самыя великія замѣшательства, которыя должны были послѣдовать послѣ смерти отъ потомковъ царя Ираклія. Эти послѣдніе искали покровительства у дворовъ персидскаго и турецкаго, имѣли сильную партію и возмущали народъ. Поэтому-то *Георгій рѣшился предъ кончиною свое сдѣлать духовную, по которой уступилъ онъ все свое царство державѣ россійской*. Итакъ бывшій наслѣдникъ Давидъ по кончинѣ отца своего названъ былъ только *правителемъ* Грузіи впредь до разсмотрѣнія дѣлъ. Но такъ какъ вскорѣ потомъ лишился жизни и Павелъ I-й, то остались оныя дѣла еще въ большемъ замѣшательствѣ.

Нѣкоторые говорили, что его намѣреніе сдѣлать Грузію пребываніемъ мальтійскихъ кавалеровъ, а царевича Давида гросмейстеромъ сего ордена. Какъ бы то ни было, но съ кончиною Павла I-го всѣ его предпріятія разрушились. А дѣла въ Грузіи остались еще въ большемъ замѣшательствѣ, ибо сыновья Ираклія Юланъ и Александръ, къ которымъ присоединились нѣкоторые князья и дворяне, ушли первый въ Турцію, а другой въ Персію. Они, снискивали тамъ лезгинскія партіи и дѣлали набѣги на Грузію.

Генералъ Лазаревъ.

Въ сіе время надъ войсками россійскими начальствовалъ въ Грузіи *генералъ Лебедевъ*. Онъ же управлялъ и частью политической, ибо бывшій при дворѣ грузинскомъ посланникомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коваленскій*, по смерти царя Георгія, выѣхалъ въ Петербургъ.

Лазаревъ получилъ довольно хорошее воспитаніе, обладалъ свѣдѣніями и опытностью въ дѣлахъ военныхъ. Онъ былъ довольно храбръ, честенъ и добръ, но имѣлъ нѣчто въ характерѣ своемъ, что многимъ не нравилось. Онъ былъ слишкомъ подозрительнымъ, при томъ не въ мѣру унижалъ себя предъ начальниками, чего взаимно требовалъ и отъ подчиненныхъ. Старался не принадлежащія ему части дѣлъ подчинить себѣ, мѣшался иногда въ оныя, не терпѣлъ тѣхъ, кому таковыя въ особенности были поручены. Поэтому онъ имѣлъ много непріятелей, что было отчасти причиною печальной его кончины, о которой не оставлю я сказать въ своемъ мѣстѣ. По прибытіи моемъ въ Тифлисъ, на-

шелъ я его уже въ несогласіи съ царевичемъ Давидомъ, съ которымъ прежде былъ въ дружбѣ. А также сдѣлался онъ и великимъ непріятелемъ бывшаго министромъ г. Каваленскаго, единственно потому, что главнокомандующій генералъ *Кноррингъ* имѣлъ къ нему довѣренность.

Мы всѣ нетерпѣливо ожидали прибытія главнокомандующаго ген. Кнорринга въ надеждѣ, что, сдѣлавъ уже сношеніе съ императоромъ *Александромъ*, онъ рѣшитъ судьбу Грузіи. Но онъ, пріѣхавъ, сказалъ мнѣ за тайну, что не знаетъ еще, будетъ ли земля сія принадлежать Россіи. Прибылъ онъ единственно для обозрѣнія сей земли и для узнанія,—будутъ ли по крайней мѣрѣ доходы оной соразмѣрны съ издержками на ея защиту. А данное слово и обязанность государей россійскихъ защищать христіанъ, особливо единовѣрныхъ, противъ варварства магометанъ?—осмѣлился я возразить.—Теперь во всемъ другая система,—отвѣчалъ онъ на то. Однакожъ я самъ вижу, что постыдно для монарха россійскаго изъ скупости отказаться отъ защиты извѣстнаго рода, который предки его старались привлечь въ свое покровительство и который нынѣ желаетъ быть въ подданствѣ Россіи. И я съ моей стороны употреблю все, чтобъ отклонить государя отъ сего неприличнаго державѣ россійской поступка.

Обозрѣвъ Грузію, поѣхалъ онъ на кавказскую линію, дабы отправиться оттуда въ Москву, когда приглашенъ онъ былъ для присутствія при коронаціи Императора Александра I-го.

ГЛАВА 11-я.

Имеретинская царица Анна. — Грузія вступаетъ въ русское подданство.—Безпорядки въ Грузіи.—Царевичъ Вахтангъ. — Князь Цицiановъ. — Древности Грузіи. — Царевичъ грузинскій Багратъ и царица Марія.—Смерть генерала Лазарева.—Тучковъ—правитель Грузіи.—Лезгинцы.—Причины войны нашей съ Персіей.—Армянскій патріархъ князь Іосифъ Аргутинскій-Долгоруковъ.—Чума въ Грузіи.—Взятіе персидскаго города Ганжи.—Кончина императора Павла I.—Походъ въ Имеретію. Походъ въ Персію.

Имеретинская царица Анна.

По отъѣздѣ ген. *Кнорринга*, безпокойства стали часъ отъ часу въ Грузіи увеличиваться. Между тѣмъ случилось слѣдующее приключеніе. Полкъ мой расположенъ былъ въ Тифлисѣ и Гори; а одна рота подъ начальствомъ *маіоръ Б.* стояла на границѣ Имеретіи въ мѣстечкѣ Сурамѣ. Предъ тѣмъ я сказалъ уже о *Соломонѣ*, царѣ Имеретинскомъ, изгнавщемъ чрезъ возмущеніе законнаго царя сей земли *Давида*. Супруга же его, *царица Анна*, съ однолѣтнимъ сыномъ осталась въ Имеретіи. Соломонъ въ началѣ по молодости царицы не почиталъ ее для себя опасною. Когда онъ утвердился въ правленіи, то удовольствовался только тѣмъ, что, захвативъ ея сына, который былъ еще при кормилицѣ, велѣлъ посадить его въ башню. При этомъ онъ приказалъ, чтобы никто не смѣлъ произнести ни одного слова на какомъ бы то ни было языкѣ въ присутствіи сего младенца. Онъ думалъ, что ребенокъ чрезъ это останется нѣмъ на всю жизнь и не будетъ уже ему опасенъ. Мать его, царица Анна, супругъ которой находился въ Турціи, должна была по необходимости терпѣливо сносить таковое тиранство. Но когда онъ узналъ, что Грузія поступаетъ въ подданство Россіи, то заключилъ, что и она можетъ быть ему опасна, и потому рѣшилъ лишить ее жизни. Царица Анна, узнавъ о томъ заблаговременно, нашла способъ уйти изъ Кутаиса, столичнаго города Имеретіи, и скрывалась въ непроходимыхъ лѣсахъ и горахъ сей части. Соломонъ употребилъ всѣ способы ее сыскать. Опасность для нея часъ отъ часу увеличивалась. Въ такомъ положеніи нашла она случай написать и послать письмо къ маіору моего полка г. Б., стоявшему на границѣ. Она просила его въ убѣдительнѣйшихъ выраженіяхъ, дабы онъ употребилъ всѣ зависящія отъ него средства спасти ея жизнь. Маіоръ прислалъ письмо сіе ко мнѣ, а я показалъ оное *г. Лазареву*, какъ моему

начальнику. На сіе сказалъ онъ мнѣ, что самъ собою не можетъ онъ ни на что рѣшиться, а представитъ главнокомандующему.— „Время не терпитъ сей медленности",—сказалъ я ему.—„Что же дѣлать?—продолжалъ онъ,—я не смѣю". Опасаясь, чтобъ и съ ней не послѣдовало того, что недавно случилось съ турецкимъ пашой, отправился я въ городъ Гори и Сурамъ подъ предлогомъ осмотра моего полка. Прибывъ въ Сурамъ, условился я тайно съ маіоромъ Б. о спасеніи царицы. На сей предметъ находился уже при немъ присланный отъ нея человѣкъ, который зналъ мѣсто, гдѣ она скрывается. На границѣ нашей, неподалеку отъ онаго, стоялъ казачій постъ. Маіоръ Б., по приказанію моему, увѣдомилъ начальника поста, что онъ извѣщенъ, что въ одну ночь имѣетъ быть сильное нападеніе на оный лезгинъ. Поэтому туда и послано въ подкрѣпленіе 50 человѣкъ гренадеръ съ надежнымъ офицеромъ, которому по старшинству поручилъ начальство надъ постомъ. Царица была о томъ увѣдомлена, а посланный отъ нея человѣкъ находился при офицерѣ. Въ одну темную и ненастную ночь велѣно было на самомъ посту сдѣлать ложную тревогу. Часовые были къ тому склонены. Итакъ, подъ предлогомъ преслѣдованія лезгинъ, бросились гренадеры въ лѣсъ при барабанномъ боѣ, что было знакомъ для царицы, въ которую сторону надлежало ей спасаться. Она явилась къ сему отряду. Офицеръ ее принялъ, проводилъ чрезъ границу и тотъ же часъ послалъ о томъ донесеніе. На другой день прибыла она въ сопровожденіи нѣсколькихъ женщинъ и мужчинъ въ Сурамъ. Я донесъ о томъ главнокомандующему и *ген. Лазареву*, написавъ, что при случившейся тревогѣ и преслѣдованіи непріятельской партіи, подчиненные мои, встрѣтивъ въ лѣсу царицу, искавшую спасенія, рѣшились оную защитить и препроводили для безопасности на свой постъ. Главнокомандующій былъ доволенъ моимъ поступкомъ, донесъ государю, который, давъ ей приличное содержаніе, велѣлъ препроводить въ Тифлисъ съ должной царицѣ почестію.

Хотя ген. Кноррингъ при отъѣздѣ своемъ изъ Тифлиса увѣрялъ всѣхъ, что Грузія останется въ подданствѣ Россіи, но многіе въ томъ сомнѣвались. Поэтому-то и поручилъ онъ мнѣ, въ увѣреніе обывателей сего города, строить на предмѣстіи большой каменный домъ для его пребыванія и присутственныхъ мѣстъ. Сіе довольно огромное строеніе въ нѣсколько мѣсяцевъ окончено было грузинскими мастерами и рабочими, такъ что Кноррингъ, возвратясь съ коронаціи и найдя оное готовымъ, крайне былъ удивленъ поспѣшностію и чистотою работы. Надобно сказать, что грузины имѣютъ много искусныхъ каменьщиковъ, штукатуровъ и каменотесовъ. Кажется, что искусство сіе съ давнихъ временъ усвоили они отъ грековъ. А то обыкновеніе, что потомство ремесленниковъ никогда не выходитъ изъ своего состоянія, способствовало ихъ усовершенствованію. Сіе правило распространяется въ Грузіи не только на ремесленниковъ, но и на докторовъ, свя-

щенниковъ и прочихъ, исключая одно дворянство. Однако и въономъ потомки военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ по большей части поступаютъ въ состояніе своихъ предковъ.

Грузія вступаетъ въ русское подданство.

Въ 1802 году г. *Кноррингъ*, возвратясь съ коронаціи въ Тифлисъ, привезъ съ собою дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Ковалевскаго* въ качествѣ правителя или губернатора Грузіи, *брата его* вице-губернаторомъ и нѣсколько гражданскихъ чиновниковъ для составленія правительства. Всѣ члены царскаго дома и знатнѣйшее дворянство приглашены были въ столичный городъ. Надлежало всѣхъ привесть къ присягѣ на вѣрность и подданство престолу Россійскому. Для этого какъ знатнѣйшіе обыватели, такъ и народъ раздѣлены были на сословія по исповѣданіямъ вѣръ. Въ соборную греко-грузинскую церковь собраны были обоего пола члены царскаго дома, дворяне и прочія лица сего исповѣданія; при этомъ присутствовалъ самъ ген. Кноррингъ. Къ армянамъ отряженъ былъ ген. *Лазаревъ*, къ католикамъ римской церкви—*тифлисскій комендантъ*, а я посланъ былъ къ магометанамъ. Сей обрядъ окончился безъ малѣйшаго замѣшательства.

На другой день приступили къ открытію правительства, а я назначенъ былъ командовать войсками, долженствовавшими быть при сей церемоніи. Поэтому, выводя войска по утру, началъ я располагать оный баталіонъ по обѣимъ сторонамъ дороги отъ городскихъ воротъ до дому главнокомандующаго. При семъ случаѣ не могу я умолчать объ одномъ необыкновенномъ явленіи въ природѣ. Духовная процессія и гражданскія церемоніи были еще не готовы. При самой ясной погодѣ, занимаясь расположеніемъ войскъ, почувствовалъ я подъ землею глухой ударъ съ ревомъ. Оглянувшись, я увидѣлъ мой лѣвый флангъ въ превеликомъ смятеніи. Сперва земля вблизи онаго съ каменьями и кусками глины поднялась на воздухъ высотою саженъ на десять. За нею послѣдовалъ столь же высокій водометъ воды шириною во все пространство отверстія. Едва успѣлъ я доскакать до сего мѣста, какъ вода упала внизъ, и только въ сей пропасти—шириною въ поперечникѣ до 5 футъ, слышенъ былъ еще ревъ оной. Генералъ Кноррингъ смотрѣлъ тогда въ окно и, какъ всѣ, удивленъ симъ явленіемъ. Мы имѣли время собрать съ нимъ всѣ веревки, бывшія въ его домѣ, ихъ набралось саженъ до 100, привязали камень, но ни какъ не могли достать дна сей пропасти.

Обрядъ открытія правительства съ приличнымъ оному торжествомъ кончился такъ же спокойно, какъ и присяга.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего, получилъ я отъ ген. Кнорринга довольно непріятное для меня порученіе, онъ посылалъ меня къ вдовствующей *царицѣ Маріи*, супругѣ послѣдняго Грузинскаго царя *Георгія XIII*,—дабы отобрать отъ нея всѣ царскія регаліи и доставить къ нему. Я не распространяюсь здѣсь въ

описаніи ея огорченія и тѣхъ затрудненій, которыя я при томъ имѣлъ. Скажу только, что кончилъ сіе порученіе довольно благополучно.

Учредя такимъ образомъ правительство, ген. *Кноррингъ* отправился на Кавказскую линію,—но при проѣздѣ ущелья горъ Кавказскихъ былъ онъ атакованъ обитателями оныхъ. Онъ имѣлъ съ собою довольное прикрытіе, но со всѣмъ тѣмъ три дня былъ блокированъ, и если-бъ не подоспѣла помощь съ Кавказской линіи,—худо бы съ нимъ послѣдовало. И такъ съ большимъ трудомъ открылъ онъ себѣ путь силою оружія.

Безпорядки въ Грузіи.

Съ отъѣздомъ его умножились смятенія и безпокойства въ Грузіи. О членахъ царскаго дома ген. Кноррингъ сдѣлалъ весьма выгодное для нихъ представленіе императору. Послѣдній далъ поэтому повелѣніе руководствоваться ихъ наставленіями въ народоправленіи, а особенно совѣтами *царевича Вахтанга*, сына Ираклія, которому тогда же присланы были бриліантовые знаки ордена Св. Александра.

Однако, эти люди начали теперь возмущать народъ противъ правительства россійскаго, увеличили тайныя переписки съ Персіею, Турціею или съ удалившимися туда царевичами *Юланомъ* и *Александромъ*.—Царевичи *Парнасъ* и *Іоаннъ*, также сыновья Ираклія, ушли въ Имеретію. Многіе князья и дворяне безъ позволенія правительства удалились за-границу, и всѣ вмѣстѣ не переставали писать возмутительныя письма въ Грузію. Оставшаяся же тамъ часть неблагонамѣренныхъ не переставала распространять разные вредные слухи, о нашествіи персіянъ и собраніи турецкой арміи.

Юланъ и Александръ, первый отъ границъ Имеретіи, а другой—Персіи съ собранными ими лезгинскими партіями дѣлали набѣги на свое отечество и разорили многія селенія. Донской казацкій полкъ, слѣдовавшій съ Кавказской линіи въ Грузію, весь истребленъ былъ осетинцами въ ущельяхъ Кавказскихъ. Татары округовъ Борчалинскаго и Шамшадильскаго явное оказывали возмущеніе. Всѣ сіи обстоятельства понудили ген. *Лазарева* для безопасности войскъ вывести ихъ въ лагерь — на извѣстные пункты. Егерскій его полкъ поставленъ былъ въ 2 линіи отъ Тифлиса къ сторонѣ Борчалинскаго округа, а я съ двумя баталіонами моихъ гренадеръ расположился въ трехъ верстахъ отъ сего города. Прочія же войска, какъ-то: *полки кабардинскій*, подъ начальствомъ *Гулякова*, *Тифлискій—Леонтьева*, одинъ баталіонъ моего полка, артиллерія и казаки расположены были тамъ, гдѣ была потребность. Но я, стоя подъ самымъ Тифлисомъ, не имѣлъ ни одной ночи покоя: тревоги, фальшивыя атаки передовыхъ постовъ, даже ружейные выстрѣлы съ ближайшихъ горъ, производимые въ самый лагерь неизвѣстными людьми—заставили насъ не спать цѣлыя ночи и безпрестанно посылать партіи въ разныя мѣста для открытія непріятеля. Наконецъ пресѣчено намъ было

всякое сообщенiе съ Россiей и главнокомандующимъ. Мы удостовѣрились, что дѣйствующими пружинами сихъ возмущенiй были члены царскаго дома. Главнѣйшiй же изъ нихъ былъ *царевичъ Вахтангъ*, столь облагодѣтельствованный императоромъ, и коего совѣтами предписано было намъ руководствоваться. Не получая никакой помощи или повелѣнiя отъ главнокомандующаго, мы были принуждены составить совѣтъ и по опредѣленiямъ онаго, не взирая ни на что, дѣйствовать рѣшительно. Членами онаго были ген. *Лазаревъ*, я, правитель *Коваленскiй*, и нѣкоторые изъ преданныхъ Россiи князей, какъ-то: кн. *Иванъ Орбелiановъ* и кн Соломонъ *Тархановъ*.

Царевичъ Вахтангъ. Не упоминая о многихъ подозрѣнiяхъ на царевича Вахтанга, жившаго во все время въ Душетскомъ своемъ замкѣ, комендантъ сего города донесъ совѣту, что примѣчено имъ и другими, какъ народныя толпы по 100 и болѣе человѣкъ по нѣсколько разъ ежедневно приходятъ въ замокъ царевича. Однако никто не примѣтилъ, чтобы они оттуда возвращались. Но, бывая довольно часто въ замкѣ, онъ не могъ замѣтить, чтобы количество людей въ ономъ умножалось. Поэтому онъ полагаетъ, что сей народъ, получая отъ царевича оружiе и тайными проходами выходя изъ замка, собирается въ сосѣднихъ горахъ и лѣсахъ. О такихъ скопищахъ онъ имѣетъ уже довольно вѣрныя извѣстiя.

При разсужденiи о семъ донесенiи, предложилъ я послать одного изъ членовъ совѣта къ царевичу Вахтангу, который бы представилъ ему всю опасность, въ каковой войска россiйскiя находятся. И такъ какъ намъ предписано руководствоваться его совѣтами, то просить его, чтобъ онъ прибылъ въ Тифлисъ для снабженiи онаго своими наставленiями. Когда же онъ прiѣдетъ, дать ему почетный караулъ, который бы наблюдалъ за его поступками. Мнѣнiе мое было одобрено, и я съ кн. Соломономъ Тархановымъ назначены были къ исполненiю онаго. Но надлежало сохранить тайну въ семъ дѣлѣ, а мы всѣ окружены были шпiонами противныхъ партiй. Почему въ отверженiе всякаго подозрѣнiя условились мы, чтобъ на другой день г. Коваленскiй далъ большой обѣдъ въ своемъ домѣ. По окончанiи же его кн. Орбелiановъ, имѣвшiй домъ въ предмѣстiи, попросилъ бы всѣхъ гостей къ себѣ на вечеръ. Таковыя собранiя бывали между нами нерѣдко. Когда же смеркнется, то подъ предлогомъ возвращенiя домой, удобно мнѣ будетъ непримѣтнымъ образомъ на верховой лошади, потому что другихъ экипажей мужчины въ Грузiи не употребляютъ, выѣхать изъ предмѣстья и ѣхать, куда хочу. Но въ Грузiи нельзя было тогда ѣздить безъ прикрытiя. Поэтому потребное число отборныхъ казаковъ посланы были еще съ утра. Имъ велѣно было по два и по три человѣка въ разныя ворота выѣхать изъ города и, скрывшись въ ближайшемъ лѣсу, ожидать моего прiѣзда.

Все было исполнено наилучшимъ образомъ. *Кн. Тархановъ*, одинъ маіоръ моего полка и мой адъютантъ, тоже выѣхавъ по одиночкѣ, соединились со мною по дорогѣ.

Я долженъ былъ въ лѣтнюю ночь переѣхать 10 миль, чтобъ застать царевича по утру въ его домѣ. И такъ поспѣшно я проѣзжалъ мимо урочища Гартискари, гдѣ находился постъ одного егерскаго баталіона при двухъ малыхъ пушкахъ, и приказалъ начальнику онаго быть въ готовности по первому моему повелѣнію поспѣшить въ Душетъ. И, взявъ у него еще нѣсколько казаковъ, я поѣхалъ далѣе.

Предъ отъѣздомъ моимъ въ сей городокъ разсудилъ я скрыть настоящую причину моего туда прибытія и выставить предлогомъ смотръ полуроты моего полка, тамъ квартировавшей. Къ царевичу же послалъ сказать, что я намѣренъ сдѣлать ему посѣщеніе, и тогда объявить ему просьбу совѣта. Для этого направился я прямо къ моему капитану. Прибылъ я довольно рано и тогда же онъ приказалъ ему готовить людей для смотра. Комендантъ, придя ко мнѣ, просилъ меня пристать въ его квартирѣ по невыгодности капитанской. На это я согласился и въ тоже время послалъ къ царевичу моего маіора съ предложеніемъ о свиданіи. Онъ возвратился и сказалъ, что царевичъ еще спитъ.

Подождавъ нѣсколько, послалъ я въ другой разъ. Мнѣ сказали, что онъ одѣвается и не можетъ теперь меня принять. Вмѣстѣ съ посланнымъ моимъ пришло нѣсколько его придворныхъ съ извиненіемъ, поздравленіемъ меня по случаю моего прибытія и съ просьбою прислать къ нему кн. Тарханова. Хотя я на сіе и согласился, но послалъ въ третій разъ сказать ему, что имѣю порученіе говорить съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, и что обстоятельства не позволяютъ мнѣ дожидаться. Вслѣдъ за посланнымъ пошелъ я и самъ, взявъ съ собою кн. Тарханова. Но едва вышелъ я на улицу, какъ увидѣлъ бѣгущаго мнѣ на встрѣчу грузина, который съ торопливостью сказалъ мнѣ, что царевичъ бѣжалъ! Я закричалъ казаковъ, сѣлъ самъ на лошадь и увидѣлъ его въ довольномъ отдаленіи. Онъ спѣшилъ верхомъ съ однимъ человѣкомъ, къ другому небольшому замку, принадлежащему дворянину его *Глалежеладзеву*, въ трехъ верстахъ отъ Душета. Пустясь въ преслѣдованіе, примѣтилъ я, что онъ въѣхалъ въ ворота. Я приказалъ окружить замокъ и, выбивъ ворота вошелъ въ средину. Но, къ удивленію, все было тамъ пусто, и никого не нашли мы во всѣхъ покояхъ, кромѣ одной спрятавшейся престарѣлой женщины. Впрочемъ увидѣли мы тамъ довольно жизненныхъ запасовъ, ружей, пороху и свинцу. Послѣ многихъ допросовъ старуха наконецъ показала намъ одинъ погребъ, въ которомъ нашли мы лошадь царевича и человѣка, бывшаго съ нимъ. Тутъ показала она новый подземный ходъ до сосѣдственнаго лѣса и сказала, что царевичъ на приготовленныхъ лошадяхъ ушелъ чрезъ этотъ проходъ. Нечего было больше дѣлать какъ посылать за войскомъ. Возвратясь въ Душетъ, приступили

къ поискамъ его въ городѣ. По пріѣздѣ моемъ туда нашелъ я отрядъ гренадеръ, стоящій на площади. Супруга же его, выйдя на башню замка, кричала народу о притѣсненіи крови столь любимаго ими царя Ираклія и требовала мщенія. Вскорѣ прибылъ ко мнѣ баталіонъ изъ Гартискари съ пушками, и я издалъ прокламацію, что именемъ императора освобождаю всѣхъ подданныхъ царевича отъ его власти и зависимости, какъ нарушителя присяги. А между тѣмъ, давъ обо всемъ знать въ Тифлисъ, требовалъ еще помощи, которая не замедлила прибыть. Послалъ я также въ Карталинію къ преданнымъ Россіи *князьямъ Эристовымъ*, дабы они, собравъ сколько могутъ надежныхъ людей, поспѣшили ко мнѣ. Они не замедлили явиться съ 800 человѣкъ своихъ подданныхъ. Однако многіе мои поиски и движенія оставались тщетны. Наконецъ узнали мы, что царевичъ скрывается въ ущельѣ Тіулетинскихъ горъ. — Народъ Тіулетинскій почти совсѣмъ дикій, однакоже смѣлый и храбрый. Онъ принадлежитъ Грузіи, занимается больше скотоводствомъ, довольно постоянный, въ потребныхъ случаяхъ давалъ войско царю. Не имѣетъ онъ почти никакой вѣры, хотя и видны у нихъ во многихъ мѣстахъ старинныя церкви. Священниковъ выбираютъ себѣ сами, и называютъ ихъ *деканозами*, что значитъ на Грузинскомъ языкѣ протоіерей. Къ нимъ имѣютъ они неограниченную довѣренность. Изъ всѣхъ христіанскихъ правилъ содержатъ они только одни посты, учрежденные греческою церковью. Св. Георгія почитаютъ за Бога и жертвуютъ ему, закаля, скотовъ. Въ одномъ изъ ихъ храмовъ находится преогромный образъ св. Георгія, предъ которымъ ихъ священники дѣлаютъ разныя тѣлодвиженія, пляшутъ, вертятся и падаютъ безъ чувствъ, послѣ чего сообщаютъ народу повелѣнія, полученныхъ ими отъ св. Георгія, которыя исполняются безъ возраженія. Сверхъ того, есть въ ихъ землѣ древній дубъ, называемый ими Багратіонъ, который они такъ же почитаютъ священнымъ. Если кто отъ роду Багратіоновъ уйдетъ къ нимъ и, обнявъ сей дубъ, скажетъ: „Предокъ мой, защити своего потомка,“—то народъ всѣми силами обяжется его защищать.

Разсказавъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, князья Эристовы совѣтовали мнѣ послать къ симъ вышепомянутымъ деканозамъ и попросить ихъ, чтобъ они прибыли ко мнѣ. Я послѣдовалъ ихъ совѣту. Сіи ужасные видомъ своимъ, съ превеликими бородами, деканозы прибыли ко мнѣ. Я старался хорошимъ пріемомъ и подарками склонить ихъ, чтобы они выдали царевича. Но они отвѣчали мнѣ: онъ Багратіонъ и былъ у священнаго дуба. И хотя они въ томъ отказали, однако же согласились показать мнѣ всѣ мѣста, въ которыхъ могу я пресѣчь ему путь, если онъ захочетъ уйти отъ нихъ. Они обѣщали склонить народъ его оставить.

Но при этомъ просили, чтобъ я не вступалъ въ ихъ земли, ибо въ такомъ разѣ народъ примется конечно за оружіе и они не въ состояніи будутъ его удержать. Впрочемъ постараются

они сдѣлать такъ, что царевичъ принужденъ будетъ самъ явиться ко мнѣ.

Отобравъ отъ нихъ подробныя свѣдѣнія о помянутыхъ ими дорогахъ и отпустивъ ихъ, того же дня, послалъ я на эти дороги воинскіе отряды. Самъ же съ большею частью двинулся и сталъ при входѣ главнаго ущелья, Гудомакарскимъ называемаго, ведущаго къ сему народу.

Пушечные выстрѣлы и звуки барабановъ при вечерней и утреней зарѣ слышны были въ ихъ жительствахъ. Между тѣмъ *деканозы* не оставляли трудиться въ мою пользу.

На третій день по прибытіи моемъ въ помянутое ущелье 10 августа 1802 г. прислалъ ко мнѣ царевичъ Вахтангъ человѣка съ просьбою, чтобы я предупредилъ кровопролитіе и отнюдь не шелъ бы далѣю въ землю тіулетинцевъ, такъ какъ онъ самъ чрезъ нѣсколько часовъ будетъ ко мнѣ. И подлинно чрезъ три часа по отъѣздѣ его посланнаго примѣтили мы вдали небольшую конную партію. Это былъ царевичъ съ его окружающими. Приближаясь къ лагерю, снялъ онъ съ пояса свою саблю и повѣсилъ себѣ на шею. Въ такомъ видѣ подойдя, сказалъ мнѣ: „вотъ моя голова и сабля“. Я отвѣчалъ ему на то, что государь мой не требуетъ ни того, ни другого. „Но прибытіе ваше въ Тифлисъ необходимо нужно, и для того прошу васъ послѣдовать туда вмѣстѣ со мною“.

И такъ въ 12 дней кончивъ сію экскурсію, возвратился я съ нимъ въ Тифлисъ, гдѣ и оставался онъ до прибытія въ Грузію генералъ-лейтенанта *князя Циціанова*. Чрезъ задержаніе его сдѣлалось нѣсколько спокойнѣе въ Грузіи и открылось сообщеніе съ Россіею чрезъ Кавказъ, ибо жители сихъ горъ были довольно ему привержены.

За сіе представленъ былъ я къ награжденію орденомъ св. Анны 1-го класса; но такъ какъ императоръ недоволенъ уже былъ г. Кноррингомъ, то и сей подвигъ мой оставленъ былъ безъ вниманія.

Князь Циціановъ.

Вскорѣ послѣ сего происшествія главнокомандующій въ Грузіи и на кавказской линіи генералъ-лейтенантъ *Кноррингъ* былъ смѣненъ генералъ-лейтенантомъ кня. Циціановымъ, о которомъ упоминалъ я въ началѣ моихъ записокъ, повѣтствуя о возмущеніи въ Польшѣ въ 1794 году. Циціановъ не замедлилъ прибыть въ Тифлисъ.

Онъ былъ грузинъ и имѣлъ много родственниковъ въ сей землѣ. Дѣдъ его пріѣхалъ въ Россію съ его отцомъ, гдѣ они остались навсегда. Онъ былъ одаренъ отъ природы острымъ разумомъ, довольно образованъ воспитаніемъ, познаніемъ и долговременною опытностью въ военной службѣ, былъ честнымъ и хотѣлъ быть справедливымъ; но въ семъ послѣднемъ нерѣдко ошибался. При этомъ былъ онъ вспыльчивъ. гордъ, дерзокъ, самолюбивъ и уп-

рямъ до той степени, что наконецъ чрезъ то лишился жизни, какъ мы увидимъ то впослѣдствіи. Считая себя умнѣе и опытнѣе всѣхъ, весьма рѣдко принималъ онъ чьи-либо совѣты. Мало было среди его подчиненныхъ такихъ людей, о которыхъ имѣлъ бы онъ хорошее мнѣніе. Ежели кому не могъ или не хотѣлъ дѣлать непріятности по службѣ, то не оставлялись всякими язвительными насмѣшками, въ чемъ онъ былъ весьма остръ. Но за подобные отвѣты ему, даже въ шуткахъ, онъ краснѣлъ, сердился, а иногда мстилъ. Таковой его характеръ былъ причиною въ молодости его многихъ для него непріятностей.

И, наконецъ, когда онъ командовалъ въ Польшѣ гренадерскимъ полкомъ, то до того дошелъ, что почти никто изъ офицеровъ не хотѣлъ служить подъ его начальствомъ. Одинъ изъ нихъ, не снеся сдѣланныхъ ему обидъ, до такой степени лишился терпѣнія, что, въ присутствіи многихъ знатныхъ чиновниковъ, рѣшился дать ему пощечину. Сей несчастный былъ тогда же арестованъ. Но дабы пресѣчь такой непріятный для него самаго судъ, далъ онъ самъ способъ сему офицеру уйти за-границу. Хотя дѣло этимъ и кончилось, но онъ оставался на худомъ замѣчаніи до кончины императрицы Екатерины II. Онъ имѣлъ около шестидесяти лѣтъ, когда прибылъ въ Грузію, но былъ довольно бодръ и видомъ величавъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Тифлисъ, во-первыхъ оказалъ онъ свое неблагорасположеніе ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ почиталъ приверженцами г. *Кноррингу*. Болѣе прочихъ подверглись гоненію оба брата *Коваленскіе* и тѣ, которые съ ними были въ связи. Ген. *Лазаревъ* радъ былъ сему случаю и помогалъ ему въ томъ. Неуважительное его обращеніе съ членами Царскаго Дома не только ихъ самихъ, но и многихъ знатнѣйшихъ обывателей возстановило противъ него. Онъ хотѣлъ рѣшительнымъ средствомъ пресѣчь мятежъ въ Грузіи и набѣги лезгинъ. А чрезъ войну съ Персіей, которую непремѣнно искалъ повода начать, хотѣлъ показать молодому императору Александру великія свои способности. Одинъ разъ, смотря со мною на карту Азіи, указалъ онъ на персидскій городъ Дербентъ и сказалъ мнѣ.

— Я бы хотѣлъ, чтобъ вы тамъ были военнымъ губернаторомъ, или,—указывая на Имеретію,—здѣсь были тѣмъ, чѣмъ я въ Грузіи.

Я поблагодарилъ его за добрыя обо мнѣ мысли и сказалъ, что оба сіи мѣста еще не у насъ въ рукахъ. Вскорѣ потомъ далъ онъ повелѣніе отправиться на границу Имеретіи для какого-то *оказательства*. Я пробылъ въ пограничномъ городѣ Сурамѣ больше мѣсяца, безъ всякаго дѣла. Въ Тифлисѣ же приказалъ онъ тайно ген. Лазареву въ ночное время окружить войскомъ домъ царевича *Давида*, арестовать его и съ сильнымъ прикрытіемъ вывести въ предѣлы Россіи. Это исполнено было безъ большихъ тру-

дностей. Тоже самое учинено съ царевичемъ *Вахтангомъ* и съ престарѣлой царицей *Даріей*, супругой давно умершаго царя Ираклія, которые всѣ отправлены были въ Петербургъ.

Древности Грузіи.

Въ проѣздъ мой изъ Тифлиса черезъ г. Гори до Сурама случалось мнѣ видѣть двѣ достойныя примѣчанія древности. Первая Упалъ-цихе, крѣпость, построенная однимъ изъ древнѣйшихъ царей Грузіи *Упалусомъ*. Онъ царствовалъ по исторіи ихъ прежде эпохи Александра Македонскаго; слѣдовательно, крѣпость едва ли не современна Троѣ. По справедливости можно удивляться неутомимости въ трудахъ и постоянству въ работахъ древнихъ. Стѣны сей небольшой крѣпости высѣчены изъ цѣлика каменной горы. Внутри ея находятся также высѣченные изъ камня, до двадцати довольно пространныхъ домовъ, съ плоскими потолками и съ проходами для соединенія одного съ другимъ. Свѣтъ получается въ нихъ только съ одной стороны, тамъ, гдѣ гора оканчивается утесомъ на подобіе стѣны,—чрезъ большія окна, въ одномъ просѣченныя. Рѣка Ліахва, протекающая у подошвы сей горы, доставляла воду жившимъ въ оной. Для безопаснаго полученія оной, изнутри стѣны до самой воды высѣченъ въ камнѣ довольно пространный подземный ходъ. Неизвѣстно для чего, весь этотъ ходъ внутри отдѣланъ въ видѣ улитки, или винта, какъ бы былъ онъ просверленъ ужаснѣйшей величины винтомъ. Предъ окончаніемъ сего хода, высѣчена пространная комната, съ каменными лавками, для отдохновенія. А предъ нею, воспользовавшись также отрывкомъ горы, образовали часть стѣны, закрывающую набирающихъ воду. Въѣздъ въ крѣпость высѣченъ въ горѣ и защищенъ такою же стѣною. Надобно сказать, что въ Грузіи много находится подобныхъ жилищъ, высѣченыхъ въ каменныхъ горахъ. Но они не такъ обширны и гораздо проще обработаны, притомъ и не столь древни. Ихъ относятъ къ первымъ христіанскимъ вѣкамъ, сюда будто бы первые христіане укрывались отъ гоненія язычниковъ. Другіе же, напротивъ, говорятъ, что они устроены жителями тогда, когда великія опустошенія отъ нашествія разныхъ народовъ принуждали ихъ скрываться въ неприступныхъ горахъ. Другая достопамятность есть находящаяся неподалеку отъ дороги изъ Гори до Сурама, такъ называемая и понынѣ вообще всѣми грузинами, *Лукулисъ-Мта* то есть, Лукуллова гора. На ней виденъ еще древній валъ и ровъ, каковыми обыкновенно римляне окружали свои лагери. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что консулъ Лукуллъ нѣкоторое время стоялъ на оной съ своимъ войскомъ.

Наскучивъ пребываніемъ въ Сурамѣ, просилъ я главнокомандующаго *кн. Циціанова* позволить мнѣ возвратиться въ Тифлисъ, гдѣ удобнѣе могъ я заниматься управленіемъ ввѣреннаго мнѣ полка, поелику два баталіона онаго расположены были въ семъ городѣ. Это онъ мнѣ позволилъ.

Царевичъ грузинскій Багратъ и царица Марія.

По окончаніи смотра и угощенія ген. *Лазаревымъ* въ приготовленной для того палатѣ, *кн. Циціановъ* сказалъ мнѣ черезъ адъютанта своего, чтобъ я не возвращался домой, а поѣхалъ бы съ нимъ къ нему. На дорогѣ подъѣхалъ ко мнѣ другой адъютантъ и сказалъ, что кн. Циціановъ проситъ меня къ нему на чай. Я уже имѣлъ довольно непріятностей отъ кн. Циціанова и, признаюсь, приглашеніе сіе было для меня не весьма пріятно. Но какъ это было родъ приказанія, то и не могъ я не поѣхать вмѣстѣ съ прочими прямо въ его домъ. Гостей было довольно. Долго мы сидѣли, дожидаясь чаю, какъ явился въ комнату одинъ егерскій капитанъ и донесъ К. Циціанову, что онъ по данному приказанію прибылъ къ нему съ ротою егерей и отрядомъ казаковъ. Съ великимъ неудовольствіемъ велѣлъ онъ ему выйти въ переднюю комнату, и самъ, вышедши за нимъ, выговаривалъ ему тамъ за его неосторожность. И ходя по комнатѣ, нашелъ онъ случай сдѣлать мнѣ непримѣтными другими знакъ, по которому вышелъ я къ нему. Тутъ спросилъ онъ у меня: хорошо-ли вы знаете расположеніе дома царевича *Давида?* — Знаю отвѣчалъ я, потому что этотъ домъ царевичъ строилъ при мнѣ.— Итакъ,—продолжалъ онъ: возьмите этого капитана съ егерями и казаками, окружите помянутый домъ, въ немъ живетъ теперь *царевичъ Багратъ* съ своимъ семействомъ (сынъ царя Георгія XIII). Обезоружьте его и, до разсвѣта вывезши его изъ города, проводите подъ прикрытьемъ до Мцхета (4 мили до Тифлиса). Тамъ вы дождитесь г. Лазарева, онъ не замедлитъ прибыть къ вамъ съ царицей Маріей (супругой царя Георгія XIII). Тогда отдайте ему царевича и съ прикрытіемъ, ежели то будетъ потребно, а сами возвратитесь въ Тифлисъ.—Ген. Лазаревъ, прибавилъ онъ, проводитъ ихъ въ предѣлы Россіи.

Время было довольно позднее, и ночь темная. Получивъ сіе неожиданное порученіе, отправился я въ ту же минуту къ исполненію его. А генералъ Лазаревъ еще до того, непримѣтнымъ образомъ, неизвѣстно куда, удалился изъ дому кн. Циціанова.

Домъ, въ которомъ жилъ царевичъ Багратъ, стоялъ почти за городомъ и окруженъ былъ неровными мѣстами. Съ потребною осторожностію приближаясь къ оному, примѣтили мы въ одной лощинѣ нѣсколько вьючныхъ лошадей и муловъ. Я велѣлъ ихъ захватить, что исполнено было безъ всякаго шуму. Наконецъ, окруживъ домъ, вошелъ въ покой, въ которыхъ находился царевичъ Багратъ. При немъ было до сорока человѣкъ грузинскихъ дворянъ, не считая его слугъ, вооруженныхъ по обыкновенію саблями и кинжалами. Я, вызвавъ царевича въ другую комнату, объявилъ ему полученное мною приказаніе, равно и то, что домъ его окруженъ. Онъ былъ тѣмъ весьма встревоженъ и, возвратясь въ комнату, гдѣ всѣ находились, сказалъ о томъ вслухъ. Молодая его супруга, бывшая въ беременности, и тутъ случившаяся, упала въ обморокъ. Мы поспѣшили подать ей по-

мощь. Царевичъ же сказалъ мнѣ: „Я охотно готовъ исполнить все вами сказанное, лишь только не разлучайте меня съ нею“.— На сіе отвѣчалъ я ему, что хотя *кн. Циціановъ* о супругѣ вашей мнѣ ничего не приказалъ, но я беру это на себя, и вы можете ѣхать вмѣстѣ. Послѣ сихъ словъ начали сбираться на путь. Вошедшіе въ комнаты егеря помогали имъ укладываться. Я долженъ сказать, что когда шелъ еще къ царевичу, то на дорогѣ, по приказанію кн. Циціанова, присоединился ко мнѣ подполковникъ *Монтрезоръ* съ ротою мушкетеръ. Въ продолженіе сихъ сборовъ, послалъ я офицера сказать кн. Циціанову, что все идетъ довольно благополучно и чтобъ онъ позволилъ мнѣ, оставивъ тамъ подполковника, побывать на время у него. Онъ на то согласился и прислалъ генералъ-маіора *князя Орбеліанова,* чтобъ онъ между тѣмъ заступилъ мое мѣсто. Возвратясь къ нему, нашелъ я *ген. Лазарева,* который сказалъ мнѣ, что онъ арестовалъ царицу Марію, и что цѣлый баталіонъ егерей, окружаетъ ея домъ.

Я объявилъ князю Циціанову о позволеніи, данномъ мною супругѣ царевича ѣхать съ нимъ, въ чемъ Циціановъ не сталъ прекословить. Между тѣмъ я попросилъ позволить мнѣ заѣхать на мою квартиру и распорядиться тамъ относительно моего отъѣзда. При сихъ словахъ ген. Лазаревъ сказалъ то же. Главнокомандующій отвѣчалъ намъ сіе: „поѣзжайте, господа, но чтобъ предъ наступленіемъ дня все было исполнено такъ, какъ я о томъ вамъ приказалъ“. Я заѣхалъ еще къ царевичу и далъ повелѣніе, чтобъ поспѣшнѣе собирались; а когда все будетъ готово, дали бы мнѣ знать. Пріѣхавъ домой и распорядясь, отдохнулъ я не больше часа, какъ пріѣхавшій ко мнѣ казацкій офицеръ объявилъ, что все готово и что уже начинаетъ разсвѣтать. Я сѣлъ на лошадь и, проѣзжая мимо дома ген. Лазарева, увидалъ на крыльцѣ многихъ офицеровъ его полка. Я спросилъ ихъ: поѣхалъ ли генералъ туда, куда ему должно?—Нѣтъ еще,— отвѣчали они мнѣ.— Я не имѣю времени съ нимъ увидѣться,— продолжалъ я,—но скажите ему, чтобъ онъ поспѣшилъ, ибо уже начинаетъ быть довольно видно.—Сказавъ сіе, поѣхалъ я далѣе. Прибывъ къ своему мѣсту и найдя все въ готовности, выступили мы въ путь.

Царевичъ и супруга его ѣхали верхомъ со мною и казались довольно спокойными. Отъѣхавъ верстъ пять и приближаясь къ небольшому лѣсу, сказалъ мнѣ царевичъ: „жена моя устала; позвольте намъ отдохнуть въ этомъ лѣску; а между тѣмъ мы велимъ приготовить завтракъ“. Я велѣлъ выбрать мѣсто и расположить прикрытіе. Но говоря о семъ, увидѣлъ я скачущаго во весь духъ по дорогѣ отъ Тифлиса моего камердинера. Я поѣхалъ къ нему на встрѣчу. И только что онъ приблизился, какъ сказалъ мнѣ съ великою торопливостію, что жена моя послала его ко мнѣ сказать, чтобъ я былъ, сколько можно, остороженъ.

ибо ген. Лазаревъ умерщвленъ *царицей Маріей*.—Онъ не зналъ никакихъ подробностей, но сказалъ мнѣ, что видѣлъ, какъ несли его мертваго въ его квартиру. Я приказалъ ему ѣхать домой; а самъ, возвратясь, велѣлъ удвоить осторожность и, не говоря ничего, приступилъ съ царевичемъ и прочими къ завтраку, приготовленному моимъ поваромъ. Во время завтрака примѣтилъ я издали ѣдущаго по дорогѣ квартирмейстера полка ген. Лазарева. Я всталъ и пошелъ къ нему на встрѣчу. Этотъ офицеръ, повторивъ сказанное мнѣ моимъ камердинеромъ и не имѣя времени говорить о подробностяхъ сего происшествія, отдалъ бумагу и сумму денегъ привезенную имъ мнѣ отъ *кн. Циціанова*. Главнокомандующій, во-первыхъ, увѣдомляя меня кратко о смерти генерала, пишетъ, чтобъ я, прибывъ съ *царевичемъ* въ Мцхетъ, дождался тамъ ген. *кн. Орбеліанова*, который препроводитъ ко мнѣ царицу съ ея семействомъ. Затѣмъ приказываетъ мнѣ, чтобъ я, принявъ оную, отобралъ, какъ у нея, такъ у царевича и у всѣхъ прочихъ, буде еще найдется, всякаго рода оружіе и поступилъ съ ними не какъ съ особами царскаго рода, но какъ съ убійцами и преступниками. Далѣе, присоединивъ къ себѣ прикрытіе, имѣющее прибыть съ кн. Орбеліановымъ, я долженъ былъ препроводить ихъ чрезъ горы кавказскія до крѣпости Владикавказа. Тамъ найду я коменданта Моздокской крѣпости съ отрядомъ его гарнизона. Отдавъ ему ихъ, я долженъ возвратиться въ Тифлисъ. Потомъ упоминаетъ онъ объ извѣстныхъ ему опасностяхъ, предстоящихъ мнѣ на пути отъ грузинъ и отъ горскихъ народовъ. Въ виду этого, повелѣвая мнѣ брать съ постовъ, на пути моемъ находящихся, столько войска, сколько мнѣ потребно покажется, присовокупляетъ, что когда встрѣчу я одинъ драгунскій и одинъ егерскій полкъ, слѣдующіе изъ Россіи въ Грузію, то могу и оные присоединить къ себѣ. Наконецъ Циціановъ требовалъ, чтобы съ каждаго перехода посылалъ я къ нему нарочнаго, съ увѣдомленіемъ о моемъ положеніи. Окончивъ чтеніе, пригласилъ я сего офицера къ завтраку и возвратился съ нимъ къ дорожнымъ моимъ товарищамъ. Царевичъ, увидя его и зная, что онъ грузинъ, спросилъ его на своемъ языкѣ: что новаго?—Ничего,—отвѣчалъ онъ.—Что дѣлаетъ царица?—Не знаю.—Здоровъ ли ген. Лазаревъ?—Здоровъ!—отвѣчалъ квартирмейстеръ. Я прервалъ сей разговоръ, объявивъ, что время уже ѣхать,—и до полудня, что бы избавиться отъ жары, потребно намъ поспѣшить въ Мцхетъ.

Черезъ нѣсколько часовъ по прибытіи моемъ въ Мцхетъ, кн. Орбеліановъ препроводилъ ко мнѣ *царицу Марію*—ту, у которой я за годъ передъ этомъ отобралъ знаки царскаго достоинства. Онъ препроводилъ ее вмѣстѣ съ дочерью ея и покойнаго *Георгія XIII-го, Тамарою*, дѣвицею семнадцати лѣтъ, и еще съ малолѣтнимъ сыномъ и дочерью, съ нѣсколькими женщинами и мужчинами—ихъ прислугой, съ баталіономъ егерей и сотнею гребенскихъ казаковъ.

Смерть генерала Лазарева.

Ген. *кн. Орбеліановъ*, ночевавъ со мною, имѣлъ время разсказать мнѣ всѣ подробности о смерти ген. *Лазарева*. Но прежде долженъ я упомянуть о личной противъ него ненависти сей царицы, которой онъ самъ былъ причиною. Сія особа, вторая супруга царя *Георгія XIII*, имѣя съ небольшимъ тридцать лѣтъ отъ роду, была весьма чувствительна и притомъ слабаго здоровья. За нѣсколько времени предъ симъ происшествіемъ кн. Циціановъ посылалъ неоднократно ген. Лазарева, чтобы уговорить ее ѣхать въ Россію. Она никакъ на то не соглашалась, отговариваясь слабостію здоровья, тѣмъ болѣе, что приходится ѣхать верхомъ до самой границы, что почти необходимо. Ген. Лазаревъ показалъ ей одинъ разъ небольшія русскія дрожки, на которыхъ можно было проѣхать по сей дорогѣ. Но она отвѣчала, что никогда не ѣздила на такомъ экипажѣ и, что никакъ не согласится сѣсть на оный. Тогда велѣлъ онъ сдѣлать довольно спокойныя и хорошо убранныя носилки, или портшезъ, по-грузински трахтереванъ называемыя,— экипажъ, употребляемый въ Грузіи пожилыми женщинами. Лазаревъ самъ сталъ въ оныя и велѣлъ себя носить мимо ея оконъ, останавливаясь предъ оными и хваля предъ ней спокойность сего экипажа. Всѣ предложеніи ген. Лазарева дѣлаемы были царицѣ съ нѣкотораго рода насмѣшкой и недовольнымъ уваженіемъ. Она жаловалась на то кн. Циціанову и не получила никакого удовлетворенія; отговорка же ея ѣхать заставила ихъ принудить ее къ тому силою. И такъ ген. Лазаревъ, окруживъ ночью домъ ея баталіономъ егерей, сказалъ ей, что до разсвѣта должна она будетъ непремѣнно выѣхать, что онъ объявляетъ ей сіе именемъ кн. Циціанова, дѣйствующаго по повелѣнію императора Александра. На сіе отвѣчала она ему „Князь Циціановъ былъ нѣкогда мой подданный; а императоръ россійскій, не знаю какое имѣетъ право со мною такъ поступать: я не плѣнница, и не преступница, притомъ слабость здоровья моего, какъ вы то сами видите, не позволяетъ мнѣ предпринять столь далекій путь". Ген. Лазаревъ говорилъ ей много противъ того; но она сказала ему: „Дайте мнѣ отдохнуть, завтра увидимъ, что должно будетъ дѣлать".— Съ сими словами вышелъ онъ отъ нея.

Съ разсвѣтомъ вмѣстѣ со многими офицерами вошелъ онъ въ ея комнату и нашелъ ее сидящею на преширокомъ и низкомъ диванѣ или софѣ, каковые употребительны въ Азіи. Съ нею сидѣла старшая ея дочь и еще двѣ женщины и всѣ накрыты были большимъ одѣяломъ. Ген. Лазаревъ началъ принуждать ее къ отъѣзду, а она представляла ему прежнія отговорки. Тогда ген. Лазаревъ, выйдя на галлерею, окружающую домъ, сказалъ своимъ офицерамъ: „берите ее и съ тюфяками, на которомъ она сидитъ". Едва они коснулись дивана, какъ у царицы, ея дочери и у всѣхъ бывшихъ тутъ женщинъ появились въ рукахъ кинжалы. Офицеры отступили, а двое изъ нихъ выбѣжали на галлерею: одинъ кричалъ ген. Лазареву: „дерутся

кинжалами", а другой солдатамъ: „егери, сюда"! Генералъ, услышавъ сіе, сказалъ послѣднему: „на что егерей"?.. Съ симъ словомъ вошелъ онъ въ комнату, въ которой по причинѣ ранняго утра недовольно было еще свѣтло, да и занавѣсы у окна были опущены. Однакоже увидѣлъ онъ царицу, стоявшую на полу подлѣ дивана; а дочь ея, дѣвица довольно высокаго росту, стояла позади ея на диванѣ, возвышенномъ отъ пола меньше фута. Царица, увидя ген. Лазарева, сказала: „Какъ вы немилосердно со мною поступаете! Посмотрите, какъ я больна. Какой у меня жаръ? И при этомъ она подала ему лѣвую свою руку. Но лишь только взялъ онъ ее за руку, какъ правой ударила она его въ бокъ кинжаломъ, повернула кинжалъ и въ то же мгновеніе выдернула изъ тѣла. Говорятъ, яко бы она за нѣсколько дней предъ тѣмъ брала уроки у одного извѣстнаго лезгинскаго разбойника, оставившаго свой промыселъ, какъ дѣйствовать симъ оружіемъ. Она пробила его насквозь, а дочь хотѣла дать ему еще ударъ по головѣ большимъ грузинскимъ кинжаломъ. Но такъ какъ онъ отъ великой боли согнулся, то она промахнулась, и ударъ сей попалъ матери ея по рукѣ нѣсколько пониже плеча; И она разсѣкла ей руку до самой кости. *Генералъ-маіоръ Лазаревъ* едва могъ дойти до дверей, упалъ и кончилъ жизнь.

При семъ смятеніи тотчасъ дали знать *кн. Циціанову*, ген. *кн. Орбеліанову*, коменданту и полиціймейстеру. Всѣ, кромѣ кн. Циціанова, поспѣшили прибыть и нашли царицу и прочихъ стоящими на прежнихъ мѣстахъ съ кинжалами въ рукахъ. Кн. Орбеліановъ началъ говорить царицѣ, чтобъ бросила кинжалъ, но она ничего ему не отвѣчала и ничего не дѣлала. Тогда полиціймейстеръ армянинъ, бывшій еще при послѣднемъ царѣ въ сей должности, носившій грузинское платье, взявъ въ руку теплую свою шапку, ухватилъ ею кинжалъ царицы и, выдернувъ изъ руки, причинилъ ей тѣмъ еще нѣсколько ранъ на ладони. Послѣ этого она упала безъ чувствъ; а вступившіе егери обезоружили прочихъ женщинъ, съ осторожностью оборотивъ ружья прикладами и прижимая ихъ оными къ стѣнамъ покоя. Тотъ же часъ начали ихъ отправлять въ путь, при чемъ приказали осмотрѣть, не имѣютъ ли онѣ спрятаннаго подъ одеждою оружія *Молодая царевна*, сидя уже на дрожкахъ и увидя сіе, вынула изъ кармана маленькій перочинный ножичекъ, бросила егерямъ и сказала съ усмѣшкой: „возьмите, можетъ быть и это для васъ опасно".

Во время сего происшествія улицы, по которымъ надлежало имъ ѣхать, наполнились народомъ. Но онъ только съ удивленіемъ смотрѣлъ на все происходящее и ни на что не отважился. Изъ этого можно заключить, что не было никакого заговора со стороны царицы, а только одни личныя неудовольствія на Циціанова и помогавшаго ему въ томъ ген. Лазарева были причиною сего печальнаго происшествія. На другой день по прибытіи моемъ въ Мцхетъ царица сдѣлалась очень больна: но надлежало слѣдовать

далѣе. Поэтому послалъ я въ Тифлисъ, чтобы прибылъ поскорѣе медикъ моего полка, который, догнавъ насъ на второмъ переходѣ, чрезъ нѣсколько дней возвратилъ ей прежнее здоровье.

Въ ночь, которую проводилъ я въ Мцхетѣ, прибылъ ко мнѣ на подкрѣпленіе еще батальонъ гренадеръ моего полка. И такъ, принявъ всѣ воинскія предосторожности, слѣдовалъ я безъ роздыховъ чрезъ Душетъ, Анапануръ, Койшауръ, чрезъ снѣговой хребетъ кавказскихъ горъ и достигъ селенія Казбека, или Степансцминды, безъ всякаго приключенія. Предъ симъ селеніемъ встрѣтилъ я драгунскій полкъ, подъ начальствомъ *ген.-маіора Портнягина*. Онъ слѣдовалъ въ Грузію съ кавказской линіи. Не предвидя никакой опасности, не захотѣлъ я обременять себя излишествомъ войска и потому на другой день позволивъ генералу продолжать свой путь, остановился на сутки отдохнуть въ Казбекѣ. Тамъ на другой же день явились ко мнѣ 30 человѣкъ *гребенскихъ казаковъ*. Они, бывъ посланы изъ Грузіи на кавказскую линію, не могли пройти чрезъ находящееся впереди, на пути моемъ, ущелье, потому что горскіе жители, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, занявъ помянутое дефиле, начали по нимъ стрѣлять изъ ружей, двоихъ убили и трехъ ранили. Я велѣлъ имъ присоединиться къ моему отряду.

Чрезъ нѣсколько часовъ явился ко мнѣ еще капитанъ одного пѣхотнаго полка, находящагося на линіи, и донесъ мнѣ, что рота его находится неподалеку отъ этого мѣста, что онъ тотъ самый, который способствовалъ ген. *Лазареву* въ переходѣ его чрезъ предстоящее ущелье, когда тотъ препровождалъ царевичей *Давида* и *Вахтанга*, и что ему предписано было расположить такимъ же образомъ оборонительные посты по ущелью и при переходѣ моемъ. Но какъ тогда для большаго удобства прошелъ онъ сіе ущелье и дожидался при входѣ въ оное прибытія генерала, и потомъ услыша объ ономъ, въ тоже время занялъ посты такъ онъ хотѣлъ и теперь поступить, но горскіе жители къ тому его не допустили. Открывъ сильный ружейный огонь со всѣхъ возвышенныхъ мѣстъ, убили у него четырехъ солдатъ и десять ранили. Тутъ узналъ я, что *кн. Циціановъ* не напрасно предписалъ мнѣ столь важныя предосторожности. Присоединеніемъ сей роты отрядъ мой еще усилился. Но надлежало приготовиться къ переходу ужаснѣйшей въ свѣтѣ дефилеи, занятой непріятелемъ. Сдѣлавъ всѣ потребныя къ тому распоряженія, выступилъ я поутру изъ моего расположенія.

Передъ сею дефилеею находилось довольно ровное пространство, по которому, устроившись въ боевой порядокъ, двинулся я впередъ съ барабаннымъ боемъ. Горскіе жители не вытерпѣли и слишкомъ рано открыли огонь, и тѣмъ самымъ показали мнѣ мѣсто своего расположенія. Я поспѣшилъ приблизиться къ подошвѣ горъ и чрезъ то сталъ подъ ихъ выстрѣлы такъ, что они не могли мнѣ вредить. Осмотрѣвшись тутъ, вошелъ я въ самую дефилею, придерживаясь лѣвой стороны оной. Находившіеся на

вершинѣ оной люди не могли мнѣ дѣлать вреда, по причинѣ великой высоты и крутизны. А справа хотя я и былъ открытъ, но съ быстротою пустился до одного заворота сей дефилеи въ лѣвую сторону. Въ семъ углу сталъ я закрытъ со всѣхъ сторонъ, но дорога поворачивалась вправо, и впереди находилось небольшое пространство и мостъ чрезъ рѣку Терекъ. Онъ былъ сильно обороняемъ со всѣхъ сторонъ. Впереди же сего моста былъ другой, еще опаснѣе перваго, потому что устроенъ былъ по изгибу рѣки и одной стороной примыкалъ къ крутому утесу горъ. Непріятель также поспѣшилъ показать мнѣ сію опасность, пустивъ тучу превеликихъ каменьевъ тогда, когда находился я еще за первымъ мостомъ. Сіе происходило въ окрестностяхъ Дарьяла, мѣста мнѣ извѣстнаго, о которомъ довольно я предъ симъ говорилъ. И я зналъ, что, перейдя оба сіи моста, буду почти внѣ опасности. Поэтому раздѣлилъ я мой отрядъ на три части. Одну, составленную изъ спѣшившихся *гребенскихъ казаковъ*, превосходныхъ стрѣлковъ, вооруженныхъ винтовками, съ частью второй послалъ я штурмовать горы съ лѣвой стороны. А самъ съ двумя частями поспѣшно бросился черезъ первый мостъ. Непріятель произвелъ сильный огонь, однако, мало сдѣлалъ вреда,— мы перебѣжали. Но мы не устремились влѣво, какъ вела дорога къ другому мосту, на который усугубили они тогда бросаніе камней, а прямо къ крутому утесу горы съ правой стороны. Тутъ я опять оказался въ безопасности и послалъ другую часть, состоящую изъ гренадеръ и егерей, штурмовать горы съ правой стороны. Штурмовать горы не такъ опасно, какъ станы или крѣпостныя линіи. Природа, производя оныя, не помышляла о взаимной оборонѣ линій, какъ военный инженеръ, располагающій укрѣпленіе. Въ горахъ большихъ и малыхъ мертвыхъ угловъ много; ко тому же, растущіе по мѣстамъ деревья и кусты, отдѣлившіеся большіе камни, водомоины, бугры, лощины,—все способствуетъ штурмующимъ, и сама высота закрываетъ ихъ отъ непріятеля, находящагося наверху. И такъ, оставался я съ моимъ резервомъ внизу, доколѣ обѣ мои колонны не взобрались на вершины горъ. Болѣе часа огонь почти не дѣйствовалъ, стрѣляли изрѣдка по мнѣ безъ всякаго успѣха, потому что я стоялъ въ закрытомъ отъ выстрѣловъ углу. Какъ вдругъ увеличившійся звукъ выстрѣловъ, крикъ и барабанный бой возвѣстили мнѣ, что наши уже на вершинѣ горы. Сильнѣйшая перестрѣлка была вверху противъ второго столь опаснаго моста, и видно было, что наши сражались съ защищающими его. Я воспользовался симъ временемъ и перешелъ благополучно черезъ мостъ. Между тѣмъ, штурмующіе принудили горныхъ жителей оставить свои мѣста и отступить къ своимъ жилищамъ. Переходя мостъ, остановился я за онымъ и дождался возвращенія обоихъ моихъ отрядовъ. Сверхъ всякаго ожиданія, уронъ съ моей стороны былъ весьма малъ и состоялъ, по большей части, изъ легко раненыхъ.

Во время сего дѣйствія, царица, находившаяся съ особымъ

прикрытіемъ въ мѣстѣ не весьма опасномъ, въ которомъ изрѣдка только посѣщали ее ружейныя пули, не разъ присылали мнѣ сказать, что эти люди сражаются за деньги, данныя имъ ею. Она обѣщала заплатить имъ извѣстную сумму, если они ее освободятъ. Потому теперь она просила меня, чтобы я позволилъ ей послать къ нимъ человѣка и заплатить обѣщанную сумму, для того, чтобы они оставили насъ въ покоѣ и не проливали больше крови. Я велѣлъ ей сказать, чтобъ она поберегла свои деньги, а мы найдемъ способъ и безъ того пройти.

Собравъ моихъ людей, въ тотъ же день достигъ я до селенія Балты и ночевалъ въ оборонительномъ положеніи, удалившись уже на довольное разстояніе отъ опасныхъ положеніемъ своимъ горъ.

На другой день, слѣдуя отъ Балы до Владикавказа, встрѣтилъ я на пути егерскій полкъ, идущій изъ Крыма въ Грузію. Еслибъ я зналъ объ этомъ ранѣе, то стоило бы мнѣ промедлить только одинъ день въ Казбекѣ,—и переходъ мой черезъ дефилею весьма былъ бы облегченъ, потому что она была бы атакована тогда съ двухъ концовъ.

Прибывъ въ крѣпость Владикавказскую, нашелъ я ее уже возобновленною, она имѣла коменданта и гарнизонъ. Тутъ дождался я моздокскаго коменданта, съ частью его гарнизона, которому, сдивъ царскую фамилію, отправился обратно въ Тифлисъ. Жители горъ Кавказа, имѣвшіе въ предметѣ только одно освобожденіе царицы, предоставили мнѣ на возвратномъ пути свободный ходъ чрезъ ихъ дефилею.

По возвращеніи моемъ, *кн. Циціановъ* отнесся къ сему моему дѣлу только какъ къ исполненію моей должности, и такъ представилъ императору, почему и не получилъ я никакого награжденія.

Тучковъ — правитель Грузіи.

Гоненіе его противъ *Каваленскихъ* увеличилось. Онъ искалъ всякими способами ихъ погубить. Наконецъ, безъ всякой причины онъ отрѣшилъ одного отъ должности губернатора, а другого—вице-губернатора, предалъ ихъ суду и выслалъ изъ Грузіи. Мнѣ же онъ сдѣлалъ предложеніе принять должность правителя или гражданскаго губернатора. Я отвѣчалъ на сіе ему, что опредѣлилъ себя навсегда къ военной, а не гражданской службѣ, что въ послѣдней не имѣю ни малѣйшей опытности, и что, еслибъ избралъ сей родъ службы, то давно мнѣ бы быть губернаторомъ какой нибудь губерніи въ моемъ отечествѣ. На сіе сказалъ онъ:

— Но кого же употреблю я на сію службу? Вы сами знаете, что грузины—народъ военный и что обстоятельства и положеніе сей земли требуютъ, чтобъ управляющій оной былъ человѣкъ военный, тѣмъ болѣе, что и я не всегда могу быть въ ней по многимъ причинамъ. Сверхъ того, представилъ я сіе императору и получилъ въ отвѣтъ, чтобъ избралъ къ сей должности одного изъ способнѣйшихъ генераловъ, подъ начальствомъ моимъ нахо-

дящихся. Не льстя себя нисколько, сами вы согласитесь, что выборъ сей долженъ пасть на васъ.

Я поблагодарилъ его за хорошее мнѣніе о моихъ способностяхъ, но сказалъ, что я никогда не былъ намѣренъ перемѣнить военную службу на гражданскую и оставить полкъ, для приведенія котораго въ то состояніе, въ какомъ онъ нынѣ находится, употребилъ я всевозможное стараніе.

— Все это останется при васъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Я давно говорилъ вамъ о Дербентѣ и объ Имеретіи; но первое отъ насъ удалено, а второе скоро можетъ послѣдовать. Итакъ какъ вы не желаете оставаться въ сей должности, то я представлю императору и буду просить другого, вамъ же предоставлю покореніе Имеретіи, а до того времени должны вы непремѣнно принять предлагаемую вамъ должность.

И на другой день онъ прислалъ мнѣ письменное повелѣніе о вступленіи въ отправленіе оной. Получивъ оное, отнесся я ему такимъ же образомъ и просилъ, чтобъ онъ не лишалъ меня отправляемыхъ понынѣ мною военныхъ должностей и командованія полкомъ, а для того позволилъ бы мнѣ заниматься недѣлю по гражданской и недѣлю по военной части. Въ это же время вмѣсто меня заступалъ бы вице-губернаторъ исключая дѣлъ важнѣйшихъ, для рѣшенія которыхъ буду я удѣлять время отъ военныхъ моихъ обязанностей. Онъ согласился на то и прислалъ вторичное повелѣніе. И я принялъ должность правителя Грузіи.

Кн. Циціановъ обратилъ тогда все свое вниманіе на усмиреніе лезгинъ, опустошавшихъ набѣгами своими Грузію, и на изысканіе причинъ для войны противъ Персіи, чтобы показать предъ молодымъ императоромъ военныя свои способности. По требованію его, прибыло въ Грузію, кромѣ встрѣченныхъ мною на пути драгунскаго и егерскаго, еще три пѣхотныхъ полка, а именно *саратовскій, севастопольскій* и *7 егерскій.*

Лезгины.

Что принадлежитъ до лезгинъ, то усмиреніе ихъ необходимо для спокойствія Грузіи. Но въ отношеніи персидскаго государства съ давнихъ временъ политика Россійскаго двора старалась преимущественно для своей выгоды и безопасности, чтобъ предѣлы Россіи были окружены слабыми, а не сильными сосѣдями. Со времени истребленія въ Персіи Софійскаго поколѣнія, начиная отъ обладанія оной—*Надиръ-шахомъ* до нынѣшняго *Бабахина* или *Фетъ-Алихана,* похитители престола одинъ другому наслѣдовали, и персіяне раздѣлены на многія ханства или княжества. Поэтому старался кабинетъ россійскій поддерживать несогласія между оными и шахомъ, дабы не дать никому утвердиться въ семъ достоинствѣ и чрезъ то составить сильную имперію. Кн. Циціановъ изъ собственныхъ видовъ нарушилъ сію систему войною съ сею державою, а императоръ Александръ—заключеннымъ союзомъ съ Фетъ-Алиханомъ и признаніемъ его въ достоинствѣ шаха всей Персіи, какъ это увидимъ мы впослѣдствіи.

Для удержанія набѣговъ лезгинскихъ, построилъ кн. Циціановъ редутъ на рѣкѣ Алазанѣ, составляющій мѣстами только границу земель, принадлежащихъ сему народу. Этотъ редутъ онъ назвалъ Александровскимъ и поставилъ въ ономъ два баталіона пѣхоты и полкъ казаковъ. Но сіе нисколько не препятствовало лезгинамъ, переправляясь выше и ниже сего укрѣпленія, дѣлать набѣги на Грузію.

По повелѣнію его, *ген.-м. Гуляковъ*, напавъ нечаянно на ихъ селенія, разорилъ двѣ довольно значительныя деревни—Джаны и Балаканы. *Кн. Циціановъ* столько былъ симъ доволенъ, что, по представленіи его, наградилъ его орденомъ св. Анны І-го класса. Но вскорѣ потомъ, въ исполненіе его предписанія, генералъ сей пошелъ противъ лезгинъ, собравшихся при селеніи Сакатало.

Смерть ген. Гулякова.

Лезгины, встрѣтивъ его въ полѣ близъ помянутаго селенія, по первымъ выстрѣламъ отступили и скрылись въ селеніе. Ген. Гуляковъ, ободрившись счастливымъ успѣхомъ, пошелъ преслѣдовать ихъ въ самыя улицы. Онѣ составляли столь узкіе проходы, что едва четыре человѣка рядомъ могутъ пройти между каменными стѣнами, окружающими сады. Когда большая часть отряда его вошла въ сію тѣснину, гдѣ не только изъ пушекъ, но и ружьями не можно было дѣйствовать,—лезгины въ великомъ множествѣ бросились изъ своихъ садовъ съ саблями и кинжалами, умертвили генерала и истребили цѣлый батальонъ. Оставшаяся часть и не вступавшая еще въ улицы, едва могла собраться и ретироваться.

Причины войны нашей съ Персіей.

Причины къ войнѣ съ Персіей состояли въ требованіи кн. Циціанова выдать грузинскаго *царевича Александра* съ прочими князьями и дворянами, туда удалившимися, и признать въ достоинствѣ патріарха всей Арменіи *архіепископа Даніила.* Послѣднее почиталось по обстоятельствамъ, о которыхъ долженъ я сказать, несравненно важнѣе перваго. Но всѣ сношенія по симъ и другимъ политическимъ предметамъ кн. Циціановъ производилъ съ такою гордостью, дерзостью и въ столь оскорбительныхъ для двора персидскаго выраженіяхъ, что сдѣлался чрезъ то личнымъ непріятелемъ всѣхъ персіянъ.

Армянскій патріархъ князь Іосифъ.

По смерти армянскаго патріарха избраніе онаго зависитъ отъ завѣщанія покойника, согласія на то духовенства и народа. Но утвержденіе новаго патріарха въ его достоинствѣ зависитъ, во-первыхъ, отъ двора россійскаго, который со временъ Петра I пріобрѣлъ право покровительствовать всѣмъ христіанамъ, въ земляхъ магометанскихъ пребывающихъ. Во-вторыхъ, утвержденіе патріарха зависитъ отъ Порты Оттоманской, по множеству армянъ, въ ней обитающихъ. а также и потому, что константинопольскій армянскій

патріархъ нѣкоторымъ образомъ подчиненъ патріарху, живущему въ древней Арменіи, которая принадлежитъ нынѣ державѣ персидской. Наконецъ, утвержденіе это зависитъ отъ двора персидскаго потому, что гора Араратъ и Эчміадзинскій монастырь, неподалеку отъ оной стоящій, находятся во владѣніи Персіи, да и самъ патріархъ почитается подданнымъ сего государства.

Аргутинскій-Долгоруковъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II находился въ Россіи при *князѣ Потемкинѣ* одинъ армянскій монахъ, по имени *Іосифъ Аргутинскій,* происходившій отъ древней армянской княжеской фамиліи. Сей Іосифъ былъ человѣкъ весьма хитрый и пронырливый. Кн. Потемкинъ употреблялъ его по части дипломатической азіатскаго кабинета, чему знаніе имъ восточныхъ языковъ, положеніе земель азіятскихъ, знаніе обстоятельствъ, а также природныя дарованіи его не мало способствовали. Онъ пріобрѣлъ чрезъ то благорасположеніе князя и достигъ предъ кончиною его сана архіепископа. По смерти сего князя, предъ началомъ войны съ Персіей, которая производилась подъ предводительствомъ графа *Валеріана Зубова,* родного брата любимца Екатерины II, князя *Платона Зубова,* Іосифъ сдѣлался необходимымъ въ политическихъ дѣлахъ сей земли, какъ тамошній уроженецъ, имѣвшій множество тамъ родственниковъ и знакомыхъ, и знавшій его обстоятельства. По кончинѣ императрицы и паденія довѣренности Зубовыхъ, оставаясь въ Петербургѣ, нашелъ онъ средство посвятить Павлу I одну книгу. Это было не что иное, какъ переводъ армянской литургіи и прочихъ молитвъ, сею церковью отправляемыхъ, на россійскій языкъ. За точность онаго я не отвѣчаю, скажу только, что обряды и молитвы въ изданной имъ книгѣ весьма сходствуютъ съ отправляемыми греческою церковью. Цѣль же сего перевода была та, чтобъ показать императору *Павлу I* удобство соединенія вѣры армянской съ греческою. Павелъ I легко проникъ въ его намѣреніе и такъ былъ тѣмъ доволенъ, что Іосифъ сдѣлался ему близокъ и, зная нравъ сего государя, осмѣлился сдѣлать ему весьма странное предложеніе, которое имѣло, однако же, желаемый успѣхъ. Именно: Іосифъ привелъ нѣкоторыя доказательства того, что слово Артаксерксъ на сирскомъ и Аргута на армянскомъ означаютъ долгорукаго. А такъ какъ императоръ Павелъ, хотя по женскому колѣну происходитъ отъ роду князей Долгорукихъ, а онъ—Аргутинскій, то, слѣдовательно, оба они происходятъ отъ Артаксеркса. Кто бы могъ подумать, что Павелъ не только принялъ сію мысль, но далъ сему духовному и всѣмъ его родственникамъ фамилію и гербъ русскихъ князей Долгоруковыхъ, съ прибавкою князь Аргутинскій-Долгоруковъ. Родственники его, которыхъ довольно въ Россіи и въ Грузіи, пользуются навсегда симъ правомъ. Не довольствуясь тѣмъ, по кончинѣ патріарха Великой Арменіи, Павелъ I употребилъ всѣ способы, чтобъ архіепископъ князь Іосифъ Аргутинскій-Долгору-

кій возведенъ былъ на престолъ патріаршій. По совершеніи сего, отправился онъ на кавказскую линію, какъ я уже о томъ упомянулъ, а оттуда въ Грузію, съ намѣреніемъ ѣхать въ Арменію. Но непріятели его и партія персидская не оставили подозрѣвать его въ выше сказанномъ намѣреніи,—ибо церковная утварь и одежды, имъ съ собою привезенныя, сходствовали нѣсколько съ греческими. Въ одинъ день отправлялъ онъ литургію въ соборной армянской церкви, и пригласилъ къ оной, а потомъ къ своему обѣду, всѣхъ знатнѣйшихъ русскихъ и грузинскихъ чиновниковъ. Во время обѣда, вдругъ онъ такъ занемогъ, что принужденъ былъ выйти изъ-за стола и чрезъ пять дней скончался.

Кончина *Павла I* послѣдовала чрезъ нѣсколько недѣль послѣ его. Итакъ, патріаршескій армянскій престолъ оставался нѣкоторое время празднымъ. Императору Александру I представленъ былъ на утвержденіе въ достоинствѣ патріарха *архіепископъ Давидъ*, находившійся въ Персіи. Онъ, сдѣлавъ о немъ сношеніе свое съ дворами персидскимъ и турецкимъ, его утвердилъ, на что и тѣ были согласны. Но спустя нѣсколько времени, противныя стороны представили императору, что выборъ Давида былъ пристрастенъ и вовсе несправедливъ, что большая часть духовенства и народа его не желаютъ, а хотятъ всѣ, чтобъ на мѣстѣ его былъ *архіепископъ Даніилъ*, который находился тогда въ Россіи. Александръ утвердилъ въ другой разъ Даніила, а утвержденнаго имъ прежде Давида объявилъ лжепатріархомъ. Порта Оттоманская, хотя послѣ нѣкоторыхъ затрудненій согласилась съ желаніемъ двора россійскаго, но шахъ персидскій никакъ не хотѣлъ признать Даніила. И Давидъ, уже посвященный патріархомъ, оставался въ Персіи признаннымъ въ своемъ достоинствѣ и пребывалъ въ столичномъ своемъ монастырѣ въ Эчміадзинѣ.

Даніилъ поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ принятъ былъ какъ патріархъ. Но онъ не могъ быть тѣмъ доволенъ и, дабы увеличить число преданныхъ себѣ въ Персіи и чрезъ то свергнуть Давида, отправился оттуда въ Анатолію, въ турецкій городъ Карсъ, на границѣ Персіи. Противникъ его, свѣдавъ о томъ, подкупилъ карскаго пашу, который его захватилъ и отослалъ къ Давиду, а сей сбрилъ ему голову и бороду и заставилъ работать у себя на кухнѣ.

Кн. Цицiановъ былъ весьма радъ, что всѣ сіи обстоятельства даютъ ему поводъ къ началу войны съ Персіей. И потому сталъ онъ дѣлать приготовленія къ осадѣ города Ганжи.

Я, состоя тогда правителемъ Грузіи, употреблялъ свое время, сходно съ даннымъ мнѣ предписаніемъ, на гражданскую и военную должность. Поэтому одну недѣлю я находился въ Тифлисѣ, другую же—въ лагерѣ моего полка, въ 4-хъ миляхъ отъ города.

Чума въ Грузіи.

Слухи о появившейся въ Грузіи заразительной болѣзни доходили до меня и до *кн. Циціанова*, но онъ никакъ не хотѣлъ тому вѣрить. Посланные же для узнанія медицинскіе чиновники въ угодность ему, подавали двусмысленныя донесенія. Въ одинъ день по вечеру, находясь въ моемъ лагерѣ, получилъ я отъ него нарочнаго съ предписаніемъ чтобъ я по встрѣтившимся весьма важнымъ обстоятельствамъ, немедленно прибылъ въ Тифлисъ. Притомъ онъ дѣлалъ замѣчаніе, какъ осмѣлился я оставить городъ въ такое важное время? Я не зналъ ни о какой важности, но въ ту же минуту поѣхалъ и прибылъ туда ночью, когда уже всѣ спали.

Дежурный офицеръ, явившись, увѣдомилъ меня, что въ городѣ оказалось моровое повѣтріе, что кн. Циціановъ велѣлъ запереть ворота и никого не выпускать. Между тѣмъ по просьбѣ родственниковъ своихъ и знакомыхъ позволилъ онъ коменданту выпустить нѣкоторыхъ тайно. Народъ свѣдалъ о томъ и началъ роптать, собираясь толпами на улицахъ. Въ то же время *Антоній, патріархъ грузинскій,* родной братъ покойнаго царя Георгія XIII, просилъ его также о позволеніи выѣхать изъ города. Получивъ таковое, онъ въ надеждѣ на уваженіе, которое имѣетъ къ нему народъ, поѣхалъ на линейкѣ открыто за городъ. Толпа слѣдовала за нимъ. Когда онъ пріѣхалъ къ воротамъ и начали ему отворять оныя, тогда народъ бросился, опрокинулъ караулъ, заперъ ворота и обратилъ экипажъ патріарха назадъ, крича: „ты не имѣешь ни жены, ни дѣтей и не хочешь однако умирать съ нами, обремененными семействами". Князь принялъ сіе за явный бунтъ, велѣлъ поставить по всѣмъ улицамъ заряженныя картечью пушки и удвоить караулы. Старшины народа пошли къ нему съ просьбой, но онъ велѣлъ забить ихъ въ колодки и содержать подъ стражей.

По утру на другой день, готовясь ѣхать къ нему и въ присутствіе губернскаго правленія по моей обязанности, нашелъ я у себя на столѣ три пакета: одинъ отъ полиціймейстера, другой отъ инспектора врачебной управы, а третій отъ земскаго исправника. Всѣ они были одного содержанія и увѣдомляли меня, что въ городѣ Тифлисѣ и окрестностяхъ онаго открылось моровое повѣтріе. Я поѣхалъ къ князю Циціанову и донесъ ему о томъ. Но онъ съ великимъ гнѣвомъ сказалъ мнѣ: „Это неправда, и одна ихъ пустая выдумка, чрезъ которую они приводятъ народъ въ смятеніе". Я пошелъ въ присутствіе и нашелъ тамъ такіе же три пакета отъ тѣхъ же лицъ. Старшій членъ предложилъ, чтобъ секретарь, распечатавъ, прочиталъ ихъ вслухъ. По окончаніи чтенія спросили всѣ о томъ моего мнѣнія. Я взялъ сіи бумаги, пошелъ и показалъ кн. Циціанову, который такъ разсердился, что тутъ же послалъ за оными особами, велѣлъ ихъ арестовать и посадить на гауптвахту. Но они сказали ему: „вы можете взять наши шпаги, бумагъ же своихъ мы не возьмемъ".

Причина нерасположенія кн. Циціанова.

Когда я возвратился въ присутствіе, вице-губернаторъ подалъ мнѣ бумагу, сказавъ: „вотъ правило, которымъ должны мы руководствоваться въ такомъ случаѣ“. Это былъ *манифестъ Императрицы Екатерины* подтвержденный Павломъ I мъ и Александромъ, на предметъ появленія въ какой-нибудь губерніи подобнаго несчастія. Въ этомъ манифестѣ на ряду съ подробнымъ указаніемъ необходимыхъ мѣръ, какія въ семъ случаѣ принимать предписывается, между прочимъ сказано: Губернаторъ, въ губерніи котораго появится моровое повѣтріе, долженъ немедленно донести о томъ сенату, сообщить во всѣ сосѣдственныя губерніи для принятія предосторожности, распустить судей, запереть присутственныя мѣста и остановить теченіе всякаго рода дѣлъ. Буде же изъ какихъ либо видовъ онъ того не учинитъ, то подвергается жесточайшему наказанію (лишенію чиновъ и орденовъ). А ежели члены правленія о такомъ его поступкѣ умолчатъ и не донесутъ сенату, то всѣ безъ изъятія подвергнутся еще вящему наказанію. Мнѣ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ, написавъ о томъ донесеніе, послать въ сенатъ съ отправлявшеюся въ тотъ же день почтой. Вотъ причина гоненія *кн. Циціанова* на меня до самой его кончины. Онъ не доносилъ о болѣзни императору и не намѣренъ былъ того сдѣлать, надѣясь укротить свирѣпость сей болѣзни предполагаемыми имъ мѣрами. Это объясняется тѣмъ, что предосторожности отъ этой болѣзни давно были ему предписаны и суммы на учрежденіе карантиновъ были отпущены. Онъ же не успѣлъ привесть того въ исполненіе, какъ чума начала свирѣпствовать.

Присутственныя мѣста и вмѣстѣ квартира кн. Циціанова находились за городомъ, какъ я предъ симъ о томъ сказалъ. Возвратясь оттуда, нашелъ я всѣ площади наполненными народомъ, который кричалъ и грозилъ употребить силу. Приблизившись къ толпамъ, сказалъ я народу, чтобы онъ избралъ двухъ или трехъ представителей и прислалъ ко мнѣ. Я выслушаю ихъ просьбу и непремѣнно буду стараться удовлетворить ихъ желаніе. Слова сіи возымѣли свое дѣйствіе. Народъ разошелся, представители явились и объявили мнѣ просьбу народа, которая состояла только въ томъ, чтобы выпустить ихъ изъ города. На сіе отвѣчалъ я, что не могу сего сдѣлать, не учинивъ надлежащаго къ тому распоряженія и не доложивъ напередъ главнокомандующему. Впрочемъ просилъ ихъ обождать и поѣхалъ прямо къ нему.

Дѣятельность Тучкова во время чумы.

Едва успѣлъ я выговорить, что долженъ выпустить жителей, какъ онъ закричалъ: «что вы дѣлаете? Они разнесутъ чуму по всей Грузіи“. „Нѣтъ, отвѣчалъ я ему,—мѣры противъ того уже мною предположены. Рѣка Кура, протекающая въ Тифлисѣ, образуетъ за городомъ большой островъ, называемый *Ортачала.* Вамъ извѣстно, что на ономъ большая часть обывателей имѣетъ свои сады, время благопріятствуетъ прибыванію тамъ. Продовольствіе

жителей можно будетъ устроить при помощи лодокъ по правиламъ карантиннымъ. Но что касается до самаго выпуска, то отъ воротъ до самой переправы на островъ я расположу казацкіе полки, дабы никто не могъ удалиться въ сторону. Выпускъ послѣдуетъ по билетамъ въ одни ворота, гдѣ будутъ собраны всѣ медицинскіе чиновники, и очищены ближайшіе дома, въ которыхъ будутъ всѣхъ осматривать. Здоровые пойдутъ на островъ; а которые хотя мало окажутся сомнительны, тѣ останутся въ городѣ. Медицинскіе чиновники въ свое время должны будутъ посѣщать островъ Ортачалъ. И если и затѣмъ покажутся у кого признаки сей болѣзни, тѣхъ отправлять на другой островъ, неподалеку отъ онаго находящійся".

Выслушавъ сіе довольно терпѣливо, сказалъ онъ мнѣ: „дѣлайте, какъ вы находите лучшимъ, я даю вамъ полную власть и не буду въ то мѣшаться. Но знайте, что всѣ непріятныя послѣдствія останутся на вашей отвѣтственности".

Я былъ весьма доволенъ его отвѣтомъ, поѣхалъ въ городъ и объявилъ все мною сказанное представителямъ, которые были еще больше меня обрадованы.

Тотъ же часъ приступлено было къ распоряженію. Я приказалъ заготовить нѣсколько тысячъ билетовъ и собраться народу по частямъ къ моему дому на другой день. Я самъ раздавалъ билеты, въ которыхъ означалось число душъ мужского и женскаго пола всякаго хозяина дома. И три дня занимался тѣмъ отъ самого разсвѣта до глубокой ночи. Всѣ мѣры осторожности, дабы не заразиться самому были употреблены и все происходило въ довольномъ порядкѣ. Но на третій день почувствовалъ я небольшой ознобъ, слабость въ глазахъ и ногахъ; а сѣвъ за обѣдъ, лишился совсѣмъ вкуса, такъ что не могъ различить сахаръ отъ соли. Не говоря о себѣ ничего, спросилъ я у случившагося при томъ лакея о сихъ признакахъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это предвѣстіе чумной болѣзни. Черезъ часъ упалъ я со стула, и меня въ обморокѣ безъ чувствъ перенесли въ особую комнату. Нѣсколько часовъ былъ я въ совершенномъ безпамятствѣ. По вечеру, уже придя въ себя и открывъ глаза, увидѣлъ я сидящаго вдали *кн. Циціанова* и почти всѣхъ чиновниковъ. Я началъ говорить. Лѣкарь, приблизившись ко мнѣ съ осторожностію, нашелъ меня въ сильномъ жару. Всѣ средства были употреблены, и я, на третій день, освободившись отъ сего припадка, чувствовалъ только остатки слабости. Медики увѣряли меня, что приступъ чумы былъ не довольно силенъ, и что, сверхъ того, скорымъ выздоровленіемъ обязанъ я крѣпости моего сложенія.

И такъ, выпустивъ всѣхъ здоровыхъ людей, остался я съ больными, зараженными чумой, съ полиціей и медицинскими чиновниками въ городѣ. Изъ нихъ большая часть принесла въ жертву жизнь, исполняя свою должность. Изъ прислуги моей умерло въ три мѣсяца только два человѣка, въ городѣ же умирало отъ 10 до 40 человѣкъ каждый день.

Строго приказано было навѣдываться о вновь заболѣвающихъ. Но такъ какъ свирѣпствовали еще и другія болѣзни кромѣ чумы, то не только полиція, но иногда и медицинскіе чиновники, обманываясь вслѣдствіе поспѣшности, соединяли сихъ несчастныхъ съ чумными. И они дѣлались чрезъ то жертвою иногда необходимыхъ ихъ ошибокъ. Въ предотвращеніе этого учредилъ я особый домъ, подъ названіемъ *домъ сомнительныхъ*. Всякаго заболѣвшаго приказано было проводить въ оный, гдѣ лекаря, осмотря съ прилежностію признаки ихъ болѣзней, раздѣляли ихъ на незаразительныхъ и чумныхъ. Это не мало избавило людей отъ преждевременной смерти.

Нищіе, которыхъ довольно въ Тифлисѣ, ходя вездѣ и принимая все отъ подающихъ, размножали чуму. Для устраненія этого я не имѣлъ почти никакихъ казенныхъ суммъ въ моемъ распоряженіи и потому принужденъ былъ сдѣлать подписку. Собравъ деньги, учредилъ я богадѣльню и запретилъ нищимъ бродить по улицамъ.

Свирѣпствовавшая въ Грузіи чума раздѣлялась на три степени, которыя всѣ начинались горячкою съ ознобомъ по временамъ. Первая, не столь опасная, состояла въ *бобонахъ* или опухоляхъ, появившихся подъ мышками и въ пахахъ. Если больной имѣетъ довольно силы къ перенесенію воспаленія, причиняемаго нарывомъ, и ежели оный дозрѣетъ и прорвется,—то больной по большей части выздоравливалъ. Медики помогали этому пластырями, припарками и разрѣзываніемъ, такъ что больныхъ только половина умирала. 2-я состояла изъ *карбункуловъ*, или небольшихъ чирьевъ, появлявшихся въ разныхъ мѣстахъ на тѣлѣ. Хотя употребляли и на оные разныя пластыри, но изъ 10 человѣкъ умирало по семи и болѣе. 3-я, отъ которой ни одинъ не выздоравливалъ, состояла въ появленіи по всему тѣлу мелкихъ *черныхъ и красныхъ пятенъ*. Степени прилипчивости не можно было опредѣлить: иные смѣло обращались съ больными и ничего къ нимъ не приставало; другіе же, напротивъ, заражались почти безъ прикосновенія. Я приведу здѣсь одинъ весьма странный случай, достойный вниманія медиковъ.

Странный случай.

Должно сказать, что не всѣ жители, кромѣ больныхъ, вышли изъ Тифлиса; оставалась еще нѣкоторая часть бѣдныхъ людей, которые сами не хотѣли оставить городъ. Въ одну ночь обходъ моихъ гренадеръ нашелъ подкинутую, недавно рожденную дѣвочку. Это было неподалеку отъ моего дома. Я далъ кормить ребенка одной солдаткѣ моего полка, мужъ которой былъ слесаремъ и почти съ самаго появленія чумы не былъ на своей квартирѣ, занимаясь въ мастерской казенной работой. Жена его, кормившая своею грудью помянутаго ребенка, чрезъ нѣсколько недѣль умерла чумой. И такъ какъ жила она одна, то узнали о томъ лишь тогда, когда полицейскій обходъ, проходя мимо ея

хижины, сталъ стучать и, не получивъ никакого отвѣта, вошелъ въ ея комнату. Найдя ее мертвою, крайне удивлены они были, увидя ребенка, сосавшаго еще ея грудь. Люди сіи, вытащивъ тѣло съ нѣжною осторожностію, взяли ребенка, обмыли въ уксусѣ, окурали и привесли ко мнѣ. Сія бѣдная дѣвочка нѣсколько дней пробыла на моемъ дворѣ, гдѣ одинъ старый солдатъ вормилъ ее рожкомъ. Она была здорова, выросла, вышла замужъ, живетъ и понынѣ, имѣя много дѣтей.

Кн. Цицiановъ, поручивъ мнѣ начальствованіе надъ Грузіей, предъ наступленіемъ осени пошелъ съ войскомъ осаждать персидскій городъ Ганжу. Я долженъ былъ доставить ему все необходимое. Сверхъ того предписалъ онъ мнѣ сдѣлать заготовленія для моего полка и другихъ войскъ по дорогѣ въ Имеретію, которые, по взятіи Ганжи, подъ начальствомъ моимъ туда послѣдуютъ.

Взятіе персидскаго города Ганжи.

Между тѣмъ кн. Цицiановъ, осадивъ персидскій городъ Ганжу, предложилъ владѣльцу онаго Жеванъ-Хану такія жестокія условія, что онъ никакъ не могъ согласиться на сдачу города. Я уже и прежде сказалъ, что онъ старался показать молодому императору Александру I воинскія свои способности, и для того искалъ кровопролитія. Хотя Жеванъ-Ханъ самъ видѣлъ, что онъ не въ состояніи противиться, но былъ столь оскорбленъ дерзкимъ отзывомъ кн. Цицiанова, что рѣшилъ лучше умереть, нежели предать себя его власти.

По нѣкоторомъ безуспѣшномъ дѣйствіи устроенныхъ предъ городомъ батарей, рѣшилъ главнокомандующій предпринять штурмъ. Крѣпость Ганжинская окружена каменною стѣною и рвомъ безъ правильной обороны: къ тому же стѣны во многихъ мѣстахъ отъ времени были разрушены. Хотя онѣ и были поправлены наскоро, но непрочно.

Въ числѣ жителей почти половина состояла изъ армянъ, на которыхъ, какъ на христіанъ, не могъ ханъ много полагаться. Все способствовало начатому предпріятію. Ночью городъ былъ взятъ, почти всѣ жители истреблены, а Жеванъ-Ханъ убитъ, сражаясь на стѣнѣ.

Кн. Цицiановъ не оставилъ тогда же меня о томъ увѣдомить. Я, поздравляя его съ побѣдой, поздравилъ вмѣстѣ и съ прекращеніемъ чумы въ Тифлисѣ. Я донесъ ему, что жители послѣ надлежащаго очищенія введены въ ихъ дома, и что онъ безъ всякой опасности можетъ съ войскомъ своимъ вступить въ городъ.

Чрезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Тифлисъ. Холодный его пріемъ обнаружилъ мнѣ нѣкоторое его неудовольствіе. Въ тотъ же день онъ мнѣ сообщилъ, что такъ какъ, по представленію его императору, назначенный на мѣсто мое правителемъ Грузіи генералъ-лейтенантъ *князь Волконскій* имѣетъ скоро при-

быть, то чтобы я, сдавъ должность вице-губернатору статскому совѣтнику Тарасову, выступилъ со ввѣреннымъ мнѣ полкомъ на границу Имеретіи. Тамъ долженъ былъ я ожидать дальнѣйшихъ его повелѣній, и въ то же время обратить вниманіе на исправленіе дорогъ, ведущихъ внутрь этой страны, и приготовить все, потребное къ переходу чрезъ хребетъ горъ, отдѣляющихъ сіе государство отъ Грузіи.

Итакъ, выступивъ въ назначенный путь и дойдя до пограничнаго мѣстечка Сурама, расположился я тамъ, въ ожиданіи его повелѣній.

Елизаветполь. Я долженъ сказать, что кн. Цицiановъ, по взятіи Ганжи, переименовалъ сей городъ въ честь супруги Александра I, *Елизаветполемъ* и сдѣлалъ самое великолѣпное донесеніе о семъ подвигѣ храбрости отличившихся при томъ чиновниковъ и вообще всѣхъ, бывшихъ на штурмѣ. Онъ награжденъ былъ за то орденомъ св. Александра, чиновники же разными орденскими знаками и чинами, а солдаты по рублю на человѣка. Но въ тоже время прочиталъ онъ въ издаваемыхъ ежедневно Высочайшихъ приказахъ, что войска, бывшія въ одинъ день при разводѣ въ Петербургѣ, за исправность получили также по рублю на человѣка. Цицiановъ столько былъ симъ тронутъ, что имѣлъ дерзость представить императору просьбу, чтобъ позволено было нижнимъ чинамъ, бывшимъ при штурмѣ Ганжи, на полученныхъ ими рубляхъ сдѣлать скважины и на какихъ-нибудь ленточкахъ носить ихъ при мундирахъ въ знакъ отличія отъ полученныхъ другими за разводъ. Сей поступокъ его остался безъ отвѣта.

Онъ сдѣлалъ также представленіе о чиновникахъ, участвовавшихъ въ прекращеніи чумы въ Тифлисѣ. Всѣ, начиная съ митрополита и до послѣдняго полицейскаго офицера, были награждены, исключая меня. Высшее же правительство не удостоило даже спросить, что же дѣлалъ въ сіе время губернаторъ и гдѣ находился?

Обиды, причиняемыя мнѣ кн. Цицiановымъ, симъ не кончились, какъ то можно будетъ увидѣть изъ дальнѣйшаго.

Чрезъ нѣсколько недѣль по прибытіи моемъ въ Сурамъ, появилось въ ономъ моровое повѣтріе. Поэтому я, оставивъ городъ, расположился съ полкомъ моимъ въ окрестныхъ селеніяхъ, принялъ всѣ мѣры предосторожности и донесъ о томъ кн. Цицiанову. Но и тутъ въ одной деревнѣ, занимаемой батальономъ *полковника Симановича*, открылась между жителями сія опасная болѣзнь, и нѣсколько человѣкъ изъ нижнихъ чиновъ оною заразились. Тогда велѣлъ я помянутый баталіонъ вывести въ лагерь, хотя было то еще въ исходѣ февраля мѣсяца.

За нѣсколько времени предъ тѣмъ прибылъ ко мнѣ изъ Петербурга *полковникъ кн. Козловскій*. Онъ служилъ все время въ гвардіи и былъ уже полковникомъ гвардіи Преображенскаго

полка. Но, наскучивъ тамъ заниматься одними пустыми строями и желая испытать себя въ войнѣ, просился въ Грузію съ опредѣленіемъ во ввѣренный мнѣ гренадерскій полкъ.

Кончина императора Павла I-го

Мы скоро познакомились и обрѣли взаимную довѣренность. Поэтому въ одинъ день разсказалъ онъ мнѣ одно обстоятельство, касающееся кончины императора Павла I-го, которое можетъ быть немногимъ извѣстно.

Я зналъ, что печальный конецъ сего государя извѣстенъ всѣмъ россіянамъ и довольно вѣрно сообщенъ свѣту нѣкоторыми иностранными писателями. Но участвовалъ ли въ заговорѣ противъ отца старшій его сынъ, нынѣшній императоръ Александръ I-й, и согласенъ ли онъ былъ лишить его жизни? Многіе еще сомнѣваются. Поэтому надѣюсь я, что приводимое здѣсь справедливое повѣствованіе объ этомъ происшествіи можетъ рѣшить сей вопросъ.

Всѣ знаютъ, что императоръ Павелъ I былъ великій охотникъ до военныхъ строевъ и каждый день оными занимался. При этомъ онъ наказывалъ, поощрялъ и награждалъ отличившихся. Хотя поступалъ онъ въ сихъ случаяхъ съ великимъ своенравіемъ, такъ что иногда наилучшій строй привлекалъ его гнѣвъ и неудовольствіе на чиновниковъ, получавшихъ за то выговоры и аресты, а нерѣдко и другія важнѣйшія наказанія; но за то въ другое время терпѣлъ онъ ошибки и за весьма посредственно представленный строй награждать и осыпать благодарностью.

Къ чести сего государя можно сказать, что гнѣвъ его былъ всегда временный, а награды оставались навсегда. Это однако совсѣмъ противно правиламъ и характеру его наслѣдника.

За день, или лучше сказать за нѣсколько часовъ до кончины Павла I, *полковникъ Козловскій*, бывшій тогда капитаномъ гвардіи, вмѣстѣ съ прочими, поутру, при разводѣ, представлялъ ему свою роту. И хотя она была въ совершенной исправности, но императоръ былъ недоволенъ, и Козловскій получилъ отъ него жестокій выговоръ съ угрозами.—Надобно сказать, что со времени Павла I и донынѣ въ Петербургѣ гвардія выводитъ всегда въ разводъ больше войска, нежели потребно для занятія караула во дворцѣ. Въ присутствіи императора начинаетъ она ученье, по окончаніи котораго излишніе солдаты возвращаются въ свои казармы. Офицеры же остаются до тѣхъ поръ, пока назначенные для караула, исполняя заведенные въ такомъ случаѣ обряды, пойдутъ для занятія своихъ постовъ. При этомъ не вступающіе въ караулъ офицеры остаются зрителями и стоятъ особо. Во время сего послѣдняго дѣйствія огорченный Козловскій стоялъ съ прочими. *Александръ*, проходя мимо, сказалъ ему съ веселымъ видомъ: „Здравствуй, кн.! Отчего ты такъ скученъ"?—Онъ отвѣчалъ ему съ чувствительностью: „Какъ не быть скучному, когда мы употребляемъ всевозможное стараніе, чтобъ угодить родителю вашему, но видимъ только неудовольствіе его и гнѣвъ".

Александръ взялъ его за руку и сказалъ тихо: *„Потерпи немного, потерпи, скоро все перемѣнится“*.—Послѣ сихъ словъ, отойдя нѣсколько шаговъ, возвратился онъ къ Козловскому и спросилъ его: „Знакомъ ли онъ съ генераломъ *графомъ Паленомъ*?

Козловскій отвѣчалъ, что знаетъ его, какъ военнаго губернатора столицы.—„Этого не довольно“,—продолжалъ Александръ: „Я бы совѣтовалъ вамъ короче съ нимъ познакомиться, онъ въ великой милости у государя“.

Козловскій, не вѣдая ни о чемъ, не зналъ, чему приписать сіи слова. Но, возвратясь домой, нашелъ на столѣ билетъ отъ *графа Палена*, которымъ приглашаетъ онъ его къ себѣ на вечеръ и ужинъ. Удивленіе его увеличилось. Но проснувшись того дня рано и утомясь ученьемъ, онъ легъ отдохнуть послѣ обѣда.—Предъ вечеромъ пришелъ къ нему одинъ изъ его пріятелей, капитанъ гвардіи, и спросилъ его: „поѣдетъ ли онъ сегодня къ гр. Палену. „Я имѣю отъ него билетъ,—отвѣчалъ Козловскій, но признаюсь, что весьма не хочется мнѣ туда ѣхать“.—Отчего-жъ?—сказалъ ему капитанъ.—„Ты знаешь,—продолжалъ Козловскій,—что я не люблю большихъ собраній и знакомства съ неравными мнѣ“.—Какъ можно отказать такому знатному человѣку?—возразилъ его пріятель.—Знаешь ли ты, что чрезъ то можешь имѣть много непріятностей?—„Знаю,—отвѣчалъ онъ,—и потому, хотя и противъ желанія, но долженъ буду ѣхать“.

Собраніе у гр. Палена.

Въ назначенный часъ Козловскій прибылъ въ домъ ген. Палена. Стоявшій у дверей швейцаръ, разсмотрѣвъ съ большимъ прилежаніемъ его билетъ, далъ знакъ, по которому вышелъ лакей и проводилъ его по лѣстницѣ. Войдя въ комнаты, увидѣлъ онъ превеликое собраніе генераловъ, полковниковъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и многихъ другихъ чиновниковъ, которые всѣ были пьяны. Ген. Паленъ, лишь только его примѣтилъ, какъ закричалъ: „А, Козловскій,—ты долженъ поравняться съ нами!“—И подлинно, нѣсколько кубковъ шампанскаго вина поравняли его съ прочими.—Тутъ хозяинъ, взявъ его за руку, повелъ въ особую комнату, гдѣ увидѣлъ онъ на столѣ премножество разнаго оружія. При этомъ сказалъ ему ген. Паленъ: „Знаешь ли ты, что мы сей ночью готовимся перемѣнить участь Россіи и низвергнуть съ престола тирана? Выбирай себѣ оружіе, которымъ ты лучше умѣешь дѣйствовать“. Козловскій пришелъ отъ того въ такое замѣшательство, что не отвѣчая ничего, взялъ пару пистолетовъ и положилъ къ себѣ за пазуху. „Осторожнѣе“—промолвилъ Паленъ: „Они заряжены и слишкомъ исправны“.— При сихъ словахъ вошли въ комнату многіе изъ заговорщиковъ и спрашивали его, какъ поступить имъ съ императоромъ? На это отвѣчалъ онъ имъ французской пословицей: *Quand on fait une omellette on casse les oeufs. Когда дѣлаютъ яичницу, то бьютъ яйца.* Къ ужасу и сожалѣнію,

пословица сія въ буквальномъ смыслѣ совершилась съ несчастнымъ императоромъ Павломъ І-мъ.

Тутъ заговорщики раздѣлены были на разныя группы, въ одну изъ которыхъ причисленъ былъ Козловскій. Всѣ они пошли отъ ген. Палена разными улицами къ Михайловскому замку.

Послѣдствія сего извѣстны свѣту. Остается мнѣ сказать, что супруга Павла І-го, *Императрица Марія*, и сынъ его *Константинъ*, ничего этого не знали. Но что касается до Александра, то въ ту же минуту, когда отецъ его окончилъ жизнь, всѣ заговорщики пошли въ извѣстную имъ комнату, въ томъ же замкѣ находящуюся, тутъ нашли *Александра* одѣтаго въ полный мундиръ, хотя было то уже далеко за полночь.[1]) Они поздравили его императоромъ, вышли съ нимъ на главный дворъ замка, на которомъ собрано было нѣсколько баталіоновъ гвардіи. Они также провозгласили его государемъ и учинили присягу. *Павелъ* І-й имѣлъ нѣкоторое предвѣстіе о заговорѣ противъ него, и лдя того послалъ онъ за ген. *Аракчеевымъ*, который тогда былъ удаленъ отъ двора и жилъ въ своей деревнѣ. Но гр. Паленъ, свѣдавъ о томъ, именемъ императора, какъ военный губернаторъ, далъ приказъ на всѣ въѣзды не пропускать его въ городъ. Это и было исполнено: ибо за нѣсколько часовъ предъ симъ происшествіемъ, былъ онъ у заставы, и караульные не впускали его въ городъ. Зная непостоянный характеръ Павла І-го, Аракчеевъ не былъ удивленъ отмѣной приказанія и поѣхалъ назадъ. Но если бы сего не было, и онъ успѣлъ бы прибыть въ Петербургъ, то по ужасному его жестокосердію онъ не пощадилъ бы не только всѣхъ заговорщиковъ, но и самого Александра. Однакожъ достойно примѣчанія то, что по вступленіи его на тронъ знатнѣйшіе изъ заговорщиковъ, какъ-то: два брата графы *Зубовы*, ген. *Талызинъ* и многіе другіе скоро умерли, почти скоропостижно. Аракчеевъ же сдѣлался у него въ великой довѣренности, которая и по сіе время продолжается.

Походъ въ Имеретію. Съ наступленіемъ весны кн. Цыціановъ прислалъ ко мнѣ повелѣніе, выступить со ввѣреннымъ мнѣ полкомъ изъ настоящаго расположенія и стать лагеремъ при деревнѣ Али, на границѣ Имеретіи. Близъ этой деревни идетъ довольно большая дорога, ведущая въ сію землю. Такъ какъ заразительная болѣзнь въ баталіонѣ полковника *Симановича* прекратилась, то, соединивъ всѣ три баталіона, расположился я на берегу рѣки Куры при помянутой деревнѣ. Нахо-

[1]) Указаніе на активное участіе Александра въ заговорѣ, сдѣланное Тучковымъ со словъ кн. Козловскаго не сходится съ показаніями Саблукова и особенно кн. Чарторыйскаго, который, въ своихъ запискахъ опровергаетъ это обвиненіе. Вообще къ отзывамъ Тучкова объ императорѣ Александрѣ, къ которому какъ видно онъ относился недоброжелательно, слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Ред.

дясь тамъ, узналъ я, что четыре баталіона егерей пришли въ Сурамъ, о чемъ *кн. Цицiановъ* не увѣдомилъ меня, равно какъ и о поѣздкѣ своей въ Имеретію. Но проѣзжая туда, долженъ онъ былъ ночевать въ одной деревнѣ, неподалеку отъ моего лагеря. Я, свѣдавъ о томъ, послалъ ему почетный караулъ и пріѣхалъ самъ къ нему съ начальниками баталіоновъ. Онъ принялъ насъ съ большою холодностью и на другой день весьма рано отравился въ Сурамъ, гдѣ взявъ егерскіе баталіоны, вступилъ съ оными въ предѣлы Имеретіи.

Черезъ три дня получилъ я отъ него повелѣніе отрядить одинъ баталіонъ подъ начальствомъ надежнаго чиновника въ Имеретію. При этомъ я долженъ предписать этому чиновнику, чтобъ онъ, по вступленіи своемъ туда, старался приводить жителей къ присягѣ на вѣрность и подданство императору Россійскому. Буде же встрѣтитъ онъ какое-либо препятствіе, немедленно донесъ бы мнѣ, а я, вступивъ туда съ оставшимися двумя баталіонами, принудилъ бы ихъ къ тому силою оружія.

Я послалъ туда полковника *Козловскаго* съ его баталіономъ, отъ котораго на другой день получилъ донесеніе, что два большія селенія добровольно учинили присягу, и что онъ ожидаетъ того же и отъ прочихъ. Но въ тотъ же день прибылъ ко мнѣ нарочный отъ *кн. Цицiанова* съ увѣдомленіемъ, что царь имеретинскій присягнулъ на подданство, и чтобы я поэтому возвратилъ къ полку своему отряженный на сей предметъ баталіонъ. Это и было тогда же исполнено.

Возвратясь изъ Имеретіи и остановясь въ городѣ Гори кн. Цицiановъ приказалъ мнѣ прибыть къ нему. Онъ принялъ меня весьма ласково, разсказалъ о дѣлахъ Имеретіи и о намѣреніи своемъ идти въ Персію и овладѣть городомъ Эриванью. При этомъ прибавилъ, что устрашенные судьбою города Ганжи, персіяне его боятся. Въ доказательство этого показалъ онъ, мнѣ письмо эриванскаго хана, которымъ увѣдомляетъ онъ что по прибытіи его съ войскомъ готовъ онъ отворить ему ворота и сдать городъ. Разговоръ сей кончился тѣмъ, что онъ предложилъ мнѣ принять на себя должность министра при дворахъ имеретинскомъ и мингрельскомъ. Но такъ какъ сіи государства находятся въ войнѣ другъ съ другомъ, то я долженъ стараться ихъ провѣрить, опредѣлить между обоими демаркаціонную линію, чтобъ безъ воли Россійскаго правительства ни та, ни другая держава не могла оную преступать. И наконецъ я долженъ найти средства завладѣть турецкою крѣпостью Поти, лежащею на Черномъ морѣ, не охлаждая однакожъ союза между дворомъ россійскимъ и портою оттоманской.

Для этого должно мнѣ сдать полкъ старшему по себѣ, взять изъ онаго на выборъ 20 гренадеръ, одного штабъ и 2-хъ оберъ-офицеровъ, для составленія почетнаго караула и моей свиты, и получить отъ него пять тысячъ рублей и драгоцѣнный кинжалъ для подкупа *Потинскаго паши*. Ежели жъ средство сіе не удастся,

то чтобъ я выпросилъ у паши позволеніе расположиться гренадерамъ моимъ въ крѣпости. Они же пусть завяжутъ дружбу съ янычарами (несмотря на то, что ни одинъ изъ нихъ не зналъ по турецки), уговорить ихъ подъ предлогомъ прогулки выйти изъ крѣпости; а самимъ въ это время занять оную. Или уговорить пашу ѣхать съ собою на охоту и предложить, чтобъ онъ янычаръ своихъ взялъ съ собою,—а самому съ гренадерами поспѣшить овладѣть крѣпостью. Буде же и то не удастся, то возмутить народы имеретинскій и мингрельскій и, соединясь съ ними, напасть на упомянутую крѣпость и взять силою оружія. Когда же Порта оттоманская будетъ спрашивать у меня о причинѣ таковаго поступка, то отвѣтствовать, что я, преслѣдуя хищническую лезгинскую партію, нашелъ крѣпость оставленною и потому занялъ ее, оставить же оную не могу безъ воли высшаго правительства.

Удивительно покажется всякому, что сіи нелѣпыя предпріятія и наставленія присланы были кн. Циціанову отъ министерства россійскаго. А еще удивительнѣе, что онъ, будучи дѣйствительно прежде человѣкомъ умнымъ и зная всѣ обстоятельства, могъ дать мнѣ на то повелѣніе! Еслибы я и мои гренадеры имѣли всѣ способности самого Магомета, то въ нынѣшнія времена не могли бы въ томъ успѣть.

Не оставалось для меня ничего больше, какъ только сказаться больнымъ. И такъ, исполнивъ сіе, поручилъ я начальство надъ моимъ полкомъ старшему по мнѣ полковнику *кн. Козловскому*.

По прибытіи своемъ въ Тифлисъ кн. Циціановъ прислалъ повелѣніе моему полку слѣдовать и расположиться лагеремъ по близости сего города. Итакъ я, оставаясь одинъ въ пограничной деревнѣ Али, написалъ къ нему письмо, прося позволенія пріѣхать въ Тифлисъ для пользованія себя у тамошнихъ медиковъ. Онъ согласился на сіе. Но такъ какъ болѣзнь моя довольно долго продолжалась, то и посланъ былъ на мѣсто меня въ Имеретію статскій совѣтникъ *Литвиновъ* совсѣмъ съ иными порученіями, какъ я о томъ узналъ послѣ.

Походъ въ Персію.

Оправившись отъ болѣзни, принялъ я начальство надъ моимъ полкомъ, которому въ тотъ же день велѣно было выступать и слѣдовать въ предѣлы Персіи. Кн. Циціановъ, пославъ полкъ мой впередъ, самъ съ корпусомъ, состоящимъ изъ одного драгунскаго полка, 8 баталіоновъ пѣхоты, двухъ казачьихъ полковъ и до трехъ тысячъ конно-вооруженныхъ грузинъ, выступилъ тремя днями послѣ. Такимъ образомъ я находился всегда за три перехода впереди его, чего никогда не дѣлается ни съ какимъ авангардомъ. Онъ не далъ мнѣ нисколько конницы, и даже казаковъ для открытія, и притомъ не сдѣлалъ никакихъ наставленій. Я даже не зналъ, какъ поступить мнѣ, когда я встрѣчу персидскія войска, поелику явнаго разрыва съ сею державою и манифеста о войнѣ не было.

Все его повелѣніе состояло только въ томъ, чтобы я, дойдя до соединенія рѣки Арпачая съ рѣкою Залгой, ожидалъ тамъ его прибытія съ корпусомъ.

Черезъ два перехода вступилъ я въ предѣлы древней Арменіи. Все представляло тамъ необитаемую пустыню; разоренные замки, церкви, селенія представляли жалкій видъ великаго опустошенія и съ давнихъ временъ забвенія. Земля сія наполнена высокими и каменистыми горами, соединяющимися съ отраслями Кавказа и Арарата. Между ними раскинулись пространныя и, какъ видно, довольно плодородныя, никѣмъ не занимаемыя долины. Два каменные моста, чрезъ которые случилось мнѣ переходить, устоявшія противъ насилія народовъ и времени, заслуживаютъ вниманія путешественниковъ. Одинъ на рѣкѣ Кшѣ, а другой на Алгетѣ. Первый построенъ изъ тесанаго гранита, а другой изъ мрамора. Построеніе сего послѣдняго приписываютъ великому *Помпею*

Я шелъ пять дней, не встрѣчая никого на пути моемъ, кромѣ дикихъ звѣрей. Въ шестой день, остановясь для отдохновленія съ лагеремъ на высокихъ горахъ Арменіи, примѣтилъ я разъѣзжающихъ вдали двухъ человѣкъ верхомъ. Они, казалось, хотѣли приблизиться къ намъ, но чего то опасались. Я приказалъ дѣлать имъ разные знаки, по которымъ они, осмѣлясь, пріѣхали ко мнѣ. Это были два грузинскіе татарина, посланные развѣдать о приближеніи моего полка отъ генералъ-маіора *Леонтьева*, стоявшаго съ двумя баталіонами въ провинціи Козахской на границѣ персидской. Они подали мнѣ отъ него маленькую записку, въ которой увѣдомляетъ онъ, что предписано ему соединиться съ моимъ полкомъ, но онъ не знаетъ, скоро-ли онъ прибудетъ. Притомъ со всѣхъ сторонъ окруженъ онъ непріятелемъ и не можетъ оставить крѣпкаго мѣста, въ горахъ имъ занимаемаго, до моего приближенія. Чрезъ сихъ же татаръ увѣдомилъ я его, гдѣ нахожусь и когда могу съ нимъ соединиться. На другомъ переходѣ встрѣтили меня три присланные имъ казака съ подробнѣйшими увѣдомленіями о его положеніи.

Соединеніе наше долженствовало быть при рѣкѣ Арпачаѣ гдѣ назначено мнѣ было ожидать прибытія главнокомандующаго. И такъ, чрезъ два перехода спускаясь съ высокихъ горъ на пространную долину, орошаемую небольшою рѣкою Арпачаемъ, примѣтилъ я въ горахъ палатки генерала Леонтьева. Я подалъ ему знакъ тремя пушечными выстрѣлами, послѣ которыхъ палатокъ не стало уже видно. Но персидская конница разсыпалась по всей равнинѣ и, подъѣзжая по одиночкѣ довольно близко, смотрѣла на мой походъ. Они видѣли, что у меня нѣтъ ни одного кавалериста, и потому были такъ смѣлы. Я, устроя карэ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ шелъ на назначенное мнѣ мѣсто. И когда началъ я занимать лагерь, то персіяне меня оставили, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Скоро услышалъ я барабаны г. Леонтьева ,и онъ часа черезъ три соединился со мною, имѣя

съ собою два баталіона пѣхоты, 4 пушки, 70 казаковъ и до 100 человѣкъ вооруженныхъ конныхъ армянъ, которые были слугами двухъ находящихся при немъ армянскихъ архіепископовъ.

Расположившись оборонительнымъ лагеремъ, принуждены мы были составить военный совѣтъ, что въ такомъ случаѣ предпринять? Число находящагося противъ насъ войска было намъ неизвѣстно, равно и намѣренія онаго. При томъ оба мы не имѣли никакихъ повелѣній отъ кн. Циціанова на счетъ военныхъ дѣйствій. Прибывшій же въ нашъ лагерь *архіерей* объявилъ мнѣ, что семь тысячъ армянскихъ семействъ, удалившихся изъ Персіи, дабы поселиться въ Грузіи и вступить въ подданство Россіи, находятся не въ далекомъ отъ насъ разстояніи, что видимый нами корпусъ персидскаго войска пришелъ ихъ возвратить или всѣхъ истребить. И это неминуемо послѣдуетъ, если мы замедлимъ ихъ защитить.

Лишь только поставлены были изъ казаковъ и армянъ передовые посты, какъ персіяне, сыскавъ таковые же отряды, поставили противъ оныхъ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Я приказалъ своимъ отступить нѣсколько къ лагерю, а персіяне приблизились. Тогда на извѣстномъ разстояніи, подкрѣпивъ слабыя мои конныя отдѣленія отрядами пѣшихъ стрѣлковъ, велѣлъ я коннымъ начать пальбу. Персіяне начали съ нами перестрѣливаться. Наши, отступая, наводили ихъ на пѣшіе отряды, что продолжалось до самой ночи, почти безъ всякаго урона съ нашей стороны. Во время сего дѣйствія, прискакалъ изъ персидскаго лагеря и спасся отъ преслѣдованія вплавь черезъ рѣку одинъ, давно захваченный, плѣнный грузинъ. Онъ объявилъ, что видимое нами войско состоитъ изъ восьми тысячъ отборной персидской конницы, подъ начальствомъ *шаха Зады* то есть старшаго сына и наслѣдника персидскаго императора Баба-хана или *Фетъ Али-хана*. Самъ же онъ служилъ при немъ въ должности *кафеджи*, то есть *кафешенка*, и захотѣлъ воспользоваться прибытіемъ войскъ нашихъ, чтобъ освободиться изъ неволи и возвратиться въ свое отечество.

Сообразивъ сіи обстоятельства, рѣшился я атаковать непріятеля на другой день по утру и для того въ ночь устроилъ на лагерномъ моемъ мѣстѣ вагенбургъ. Оставивъ для прикрытія онаго четыреста человѣкъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ большого калибра, съ разсвѣтомъ дня выступилъ я двумя колоннами, имѣя 1,200 человѣкъ пѣхоты, и пушки и помянутую выше конницу. Первая колонна шла слѣва, а вторая справа, и конецъ первой равнялся въ нѣкоторомъ разстояніи съ головою второй. Сей простой маневръ весьма полезенъ противъ азіятскихъ войскъ.

Лишь только персіяне примѣтили мое движеніе, какъ, оставивъ свой лагерь, заняли лежащія на пути моемъ высоты. Потомъ, бросившись съ нихъ съ великою поспѣшностію, окружили меня со всѣхъ сторонъ. Но скорое построеніе изъ колонъ двухъ карэ въ положеніе перекрестныхъ выстрѣловъ, и картечныхъ и

ружейныхъ, очень скоро ихъ опрокинуло. Они отступали, собирались, нападали, ретировались и такъ водили меня съ мѣста на мѣсто, до самаго вечера. Я не имѣлъ конницы и потому не могъ ихъ преслѣдовать. Однѣ только пушки заставляли ихъ часто отступать. Наконецъ, остановился я на одной горѣ, а персіяне противъ меня на другой. Между сихъ горъ была довольно пространная и глубокая лощина, по которой текла небольшая рѣчка. Необходимость воды для обоихъ войскъ поддерживала перестрѣлку; но сіе не рѣшило бы ничего, еслибъ не былъ посрединѣ небольшой курганъ, никѣмъ не занятый. Я примѣтилъ, что непріятель, собираясь за онымъ почти по одиночкѣ, небольшими толпами проѣзжалъ вправо, внизъ по лощинѣ, неизвѣстно куда и назадъ не возвращался. Дабы открыть причину таковаго его движенія, послалъ я къ помянутому Курчану отрядъ казаковъ. Непріятель, увидя сіе, отдѣлилъ противъ нихъ сильный отрядъ конницы. Я подкрѣпилъ моихъ казаковъ пѣхотой при одной пушкѣ. Персіяне же обратились всею своею силой на сіе отдѣленіе,—тогда и я съ обоими карэ спустился внизъ. Нѣсколько минутъ продолжалось сраженіе, какъ увидалъ я, что мимо кургана идетъ дорога чрезъ узкій дефиле къ ихъ лагерю, который съ сей точки былъ у меня въ виду. Поэтому поспѣшилъ я прежде ихъ вступить въ сіе дефиле, окруженное превысокими, утесистыми горами. Тщетно покушалась, по справедливости сказать, славная ихъ конница пробиться сквозь два карэ, идущіе одинъ за другимъ прямо на ихъ лагерь. Боковые фасы шли отъ горъ въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла и потому не было возможности проѣхать мимо. Итакъ, рѣшились они, поднявшись на высоты, упредить меня объѣздомъ. Но горы были слишкомъ круты и объѣздъ даленъ. Не взирая на то, взобрались они на оныя и почти въ одно со мною время прибыли къ лагерю. Однако же, успѣлъ я на одномъ изъ двухъ построить одно продолговатое карэ и тѣмъ занять всю средину лагеря. Трикратно начинали они сильную атаку, но каждый разъ были опрокинуты. Наступившая темная ночь прекратила сраженіе. Непріятель ретировался, оставя намъ въ добычу весь свой лагерь, до ста человѣкъ плѣнными, 20 армянскихъ семействъ, у нихъ въ плѣну находившихся, множество лошадей, скота и разныхъ военныхъ запасовъ.

Я ночевалъ въ ихъ лагерѣ и на другой день по утру примѣтилъ приближающійся къ оному непріятельскій отрядъ. Бывъ окруженъ посланнымъ отъ меня войскомъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и состоялъ изъ одного чиновника и 150 человѣкъ рядовыхъ.

Исполняя повелѣнія начальника моего ожидать его прибытія при соединеніи рѣкъ Арпачая и Залги, возвратился я къ моему вагенбургу и сталъ въ предписанномъ положеніи. Кн. Циціановъ, услышавъ сильную пушечную пальбу, цѣлый день продолжавшуюся, крайне былъ встревоженъ моимъ положеніемъ, а

еще болѣе потому, что въ тотъ день ни одинъ изъ посланныхъ имъ не могъ ко мнѣ доѣхать, такъ какъ я со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ персидскою конницею. Полученное отъ меня донесеніе о пораженіи непріятеля его успокоило.

Надобно сказать, что предъ симъ сдѣлалъ онъ на меня представленіе императору, что я ослушался его повелѣнія и не поѣхалъ для министерскаго порученія въ Имеретію, а самовольно съ полкомъ своимъ пошелъ подъ Эривань. Но сіе представленіе отправлено было по обыкновенной почтѣ. Донесеніе же о моей побѣдѣ послано было съ нарочнымъ, прибывшимъ въ то время изъ Петербурга. Поэтому то и другое пришло почти въ одно время. И я за сіе сраженіе получилъ только одну благодарность отъ императора.

На третій день главный корпусъ соединился съ моимъ отрядомъ. *Кн. Циціановъ*, раздѣлилъ все войско на три части: авангардъ поручилъ онъ генералъ-маіору *Портнягину*, всю пѣхоту и артиллерію мнѣ, а арьергардъ *ген. Леонтьеву*.

Въ семъ порядкѣ продолжали мы свой походъ по необитаемымъ мѣстамъ нѣсколько дней, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Знаменитая гора Араратъ открылась взору нашему. Не доходя пяти миль до лежащаго при подошвѣ ея армянскаго монастыря именуемаго *Эчміадзинъ* [1]) остановились мы для дневки. *Кн. Циціановъ* собравъ къ себѣ генераловъ, сказалъ намъ: „Завтра будемъ мы имѣть весьма трудный походъ. Пять миль по высокимъ и каменистымъ горамъ должны мы сдѣлать въ одинъ день; при сильныхъ жарахъ на пути нашемъ нѣтъ ни одного источника, поэтому прикажите запастись водою. Трудно намъ будетъ, но зато отдохнемъ на другой день. Въ Эчміадзинскомъ монастырѣ осталось только три монаха. Я займу домъ патріарха. Г.г. генералы помѣститесь въ архіерейскихъ, а солдаты въ кельяхъ. Говорятъ, что ихъ такое множество, что достаточно будетъ для всего нашего корпуса.

Не доходя двухъ съ половиной миль до монастыря, надлежало намъ спускаться съ горъ на пространную долину, орошаемую рѣками Залгой и Араксомъ и составляющую славную плодородіемъ своимъ Эриванскую провинцію. Но по справедливости сказать можно, что она славна больше трудолюбіемъ своихъ обитателей, нежели благодѣтельностью природы. Сія провинція состоитъ изъ равнины, окруженной съ сѣвера, такъ называемыми Гесабускими горами, чрезъ которыя мы шли; съ полудня горою Араратомъ съ не весьма возвышенною цѣпью горъ, соединяющихся разными отраслями съ Кавказомъ и рѣкою Араксомъ; съ востока такъ называемыми Кизицкими или Козахскими горами, составляющими границу Грузіи, а съ запада рѣкою Арпачаемъ, отдѣляющей Анатолію отъ Персіи.

---

[1]) Эчміадзинъ, древній армянскій монастырь въ Эриванской губ. мѣстопребываніе Католикоса, Епископа всѣхъ армянъ.

Лѣсовъ здѣсь вовсе нѣтъ, исключая находящихся въ городѣ, принадлежащихъ сему владѣнію. Почва покрыта тонкимъ слоемъ шафровой породы камня, растрескавшагося въ мелкіе четвероугольники, изъ разсѣлинъ котораго произростаетъ одна простая полынь *Absintium Vulgare*. Съ начала апрѣля мѣсяца до октября никогда не бываетъ здѣсь дождя. Это обстоятельство приписываютъ высокимъ горамъ, оную съ трехъ сторонъ окружающимъ. Но жители нашли средство завести прекраснѣйшіе въ свѣтѣ сады и обогащать себя обильнымъ произрастаніемъ пшеницы, сорочинскаго пшена, хлопчатой бумаги и шелководства. Для сего съ давнихъ временъ сдѣлали они большое водохранилище, весьма искуссно каменными плотинами и стѣнами укрѣпленное. Оно находится въ части горъ Кизикскихъ, имъ принадлежащихъ, при урочищѣ Кирхъ-булакъ, что значитъ сорокъ источниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, множество источниковъ природою и искусствомъ тамъ соединены. Вода удерживается и скопляется, а въ потребномъ случаѣ открываются шлюзы, и всѣ равнины сей провинціи покрываются водою. На нихъ растетъ сорочинское пшено и хлопчатая бумага, прочія же произведенія наводняются по мѣрѣ потребности. Со всѣмъ тѣмъ всѣ ровныя мѣста нѣсколько разъ въ лѣто покрыты бываютъ стоячею водою, отчего воздухъ при жестокой жарѣ становится весьма тяготителенъ для людей и заводится множество ядовитыхъ насѣкомыхъ, какъ-то: тарантуловъ, скорпіоновъ, фалангъ или скорпіоновъ-пауковъ и проч.

По сей причинѣ всѣ жители въ лѣтнее время оставляютъ селенія, въ низменныхъ мѣстахъ находящіяся, и удаляются въ горы, такъ что почти всегда въ сей провинціи находится по два селенія одного названія: одно въ горахъ, а другое въ долинахъ, гдѣ живутъ они во время зимы.

Персіяне знали задолго о прибытіи нашемъ и успѣли дать шлюзамъ своимъ другое направленіе, и провинція не была наводнена. За то, кромѣ рѣки Залги и колодезей въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, почти нигдѣ не было воды.

Не доходя съ милю до помянутаго монастыря, войско наше весьма ослабѣло, переходя при сильныхъ жарахъ покрытыя каменьями довольно крутыя и высокія возвышенія и претерпѣвая недостатокъ въ водѣ. Въ сіе время услышали мы въ Эчміадзинскомъ монастырѣ колокольный звонъ, что было предъ вечеромъ. Кн. Циціановъ сказалъ мнѣ: „Насъ готовятся встрѣчать со крестомъ". И съ авангардомъ, состоящимъ изъ драгунъ, казаковъ, баталіона егерей и двухъ легкихъ пушекъ, поспѣшилъ онъ къ монастырю.

Но едва потеряли мы ихъ изъ вида, какъ услышали ружейную пальбу. И посланный за посланнымъ пріѣзжали ко мнѣ отъ главнокомандующаго съ повелѣніемъ, чтобъ я какъ можно скорѣе поспѣшилъ прибыть съ пѣхотой и артиллеріей.

Предъ захожденіемъ солнца прибылъ я къ монастырю и сое-

динился съ авангардомъ, имѣя при знаменахъ полковъ не болѣе какъ по 80 и по 100 человѣкъ, прочіе же отъ изнуренія лежали по дорогѣ. Аріергардъ же едва прибылъ на другой день.

Эчміадзинскій монастырь, о которомъ буду я имѣть случай говорить впослѣдствіи, окруженъ высокими каменными стѣнами изъ тесоваго гранита, украшеннаго по мѣстамъ мраморомъ. Онъ занятъ былъ тогда персіянами, которые, по приближеніи нашего авангарда, открыли пальбу.

При немъ на одномъ небольшомъ каналѣ находилась мельница на возвышенномъ мѣстѣ, а предъ нею на камняхъ башня. И въ тотъ вечеръ не была она еще занята непріятелемъ. Въ окрестностяхъ сего главнаго монастыря находятся еще четыре, не столь обширные, отстоящіе отъ него въ разстояніи отъ 4-хъ до 5 верстъ. Но монастыри сіи были тогда пусты.

Кн. Циціановъ расположилъ войско свое лагеремъ въ одну линію, правымъ флангомъ къ главному монастырю, разстояньемъ отъ онаго на пушечный выстрѣлъ. И въ ту же ночь онъ далъ повелѣніе готовиться съ разсвѣтомъ дня штурмовать монастырь. Для сего назначены были два батальона гренадеръ, одинъ моего полка и одинъ, составленный изъ гренадеръ *Саратовскаго* и *Тифлисскаго полковъ*, и одинъ полкъ егерей. Но не только не было приготовлено лѣстницъ, но даже не сдѣлано было никакого рекогносцированія.

На другой день, едва начало разсвѣтать, главнокомандующій прислалъ сказать мнѣ, чтобъ пѣхота, назначенная на штурмъ, выходила, а прочія были бы въ готовности. Лишь только приступилъ я къ исполненію сего повелѣнія, какъ увидѣлъ со стороны скачущихъ нашихъ казаковъ съ передовыхъ постовъ съ извѣстіемъ, что персіяне со всѣхъ сторонъ идутъ насъ атаковать. И подлинно не замедлили мы открыть вдали многія непріятельскія колонны, поспѣшающія къ нашему лагерю.

Такъ какъ отрядъ, приготовленный къ штурму, былъ выведенъ на мѣсто прежде другихъ, то *кн. Циціановъ* взялъ его и пошелъ впередъ противъ непріятеля, не давъ мнѣ никакого повелѣнія.

Оставшись начальникомъ, устроилъ я войско свое въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ. Два баталіона гренадеръ моего полка составили карэ на правомъ флангѣ. Два баталіона пѣхоты подъ начальствомъ генерала *Леонтьева*, устроили карэ на лѣвомъ флангѣ. Драгунскій полкъ я поставилъ въ линію между обѳими карэ, а баталіонъ *Саратовскаго* полка, находившійся въ аріергардѣ и едва пришедшій по отбытіи уже кн. Цицiанова, составилъ карэ позади линіи. Наличнымъ же карауламъ преподано было собирать повозки и строить изъ оныхъ вагенбургъ между линіей и заднимъ карэ.

Едва только приступили къ строенію вагенбурга и не сняли еще палатокъ, какъ главнокомандующій, попавъ съ отрядомъ своимъ между двумя малыми монастырями, которые персіяне

успѣли занять, и будучи съ трехъ сторонъ окруженъ непріятелемъ, прислалъ ко мнѣ, чтобъ я немедленно отправилъ къ нему въ помощь драгунскій полкъ, что и было исполнено. Вслѣдъ за симъ прибылъ другой отъ него посланный, дабы я отрядилъ генерала Леонтьева съ его карэ, влѣво къ находящемуся предъ линіей небольшому монастырю разстояніемъ версты въ четыре. Лишь только выступилъ Леонтьевъ, какъ третій посланный пріѣхалъ съ приказаніемъ, чтобъ я съ моими гренадерами поспѣшилъ къ нему. Едва тронулся я съ мѣста, какъ наконецъ четвертый, *подполковникъ Чуйко*, правящій должность генералъ-квартирмейстера, прискакалъ ко мнѣ сказать именемъ главнокомандующаго, чтобъ я къ нему не шелъ, а обратился вправо и занялъ позицію между главнымъ монастыремъ и мельницей. И такъ пошелъ я туда, оставивъ лагерь и обозъ не убранными; а для прикрытія его остался всего только одинъ баталіонъ пѣхоты. Но такъ какъ монастырь и мельница заняты были непріятелемъ, то и принужденъ я былъ очистить мельницу, чтобъ имѣть по крайней мѣрѣ хотя съ одной стороны точку опоры. Мельница скоро была занята моими, и я расположился на показанномъ мнѣ мѣстѣ, гдѣ не замедлилъ открыть большую непріятельскую колонну, идущую мимо меня. Не зная точнаго направленія оной, началъ я дѣйствовать изъ пушекъ, чѣмъ принудилъ непріятеля удалиться на разстояніе внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Но съ высоты, занимаемой мельницей, примѣтилъ я, что сія колонна, равно какъ другая таковая же, прошедшая мимо отряда *Генерала Леонтьева* и еще третья сзади устремились всѣ на нашъ лагерь. Тутъ едва успѣлъ я подоспѣть къ спасенію онаго, ибо персіяне были уже между нашихъ палатокъ. Я приказалъ ударить въ штыки и при помощи остававшагося тамъ баталіона, прогналъ ихъ изъ лагеря. Между тѣмъ успѣли они взять всѣхъ плѣнныхъ и нѣсколько палатокъ. Впрочемъ денежная казна, стоянки главнокомандующаго и другихъ генераловъ, провіантъ и запасъ военныхъ снарядовъ были сохранены.

Собравъ палатки и построивъ вагенбургъ, оставилъ я въ ономъ вышеупомянутый баталіонъ съ тремя пушками, а самъ съ карэ моимъ занялъ высоту, находившуюся на правомъ флангѣ того мѣста, гдѣ была наша линія. Оттуда могъ я видѣть всѣ направленія непріятельскихъ колоннъ. Въ сіе время кн. *Циціановъ* оказался столь окруженнымъ непріятелемъ, что до самаго конца сраженія не получалъ я больше отъ него никакихъ повелѣній.

Персіяне въ семъ мѣстѣ не замедлили сильно атаковать меня своею конницею со всѣхъ четырехъ сторонъ. Должно представить себѣ здѣсь всю быстроту ихъ кавалеріи, въ числѣ по крайней мѣрѣ въ шесть разъ превышающемъ мой отрядъ. Они скакали во всю прыть при безпрерывной пальбѣ изъ короткихъ своихъ ружей и сопровождали стрѣльбу ужаснѣйшимъ крикомъ.

Можно сказать, что земля тряслась отъ топоту, а пыль, подобно густой и мрачной тучѣ, затмила совсѣмъ сіяніе солнца. Но картечные выстрѣлы нашихъ 1/2 пудовыхъ единороговъ и успѣшное дѣйствіе мелкаго оружія скоро разсѣяло сіе страшное зрѣлище. Непріятель отступилъ съ урономъ, а у меня ранено только 10 человѣкъ рядовыхъ.

Потомъ выдержалъ я еще два подобныхъ нападенія, но успѣхи непріятеля всякій разъ были слабые. Нѣсколько часовъ провели мы спокойно, какъ предъ наступленіемъ вечера увидѣлъ я большую колонну съ знаменами впереди, скачущими прямо къ моему карэ. Я почелъ сперва всѣхъ за непріятелей и приготовился встрѣтить картечными выстрѣлами. Но съ приближеніемъ ихъ я разсмотрѣлъ, что это были знамена и литавры нашего драгунскаго полка съ обыкновеннымъ ихъ прикрытіемъ, отрѣзанные и преслѣдуемые непріятельскою конницею. Тутъ удалось мнѣ воспользоваться мѣстоположеніемъ. Они скакали подлѣ одной довольно глубокой лощины, простирающейся до моего карэ, почему и послалъ я въ оную отрядъ надежныхъ стрѣлковъ. Непріятель не могъ примѣтить сего движенія, и открылъ ихъ только тогда, когда они, пропустивъ драгунъ, начали по нимъ стрѣлять съ большимъ успѣхомъ. Сія неожиданность обратила персіянъ назадъ. И знамена съ ихъ прикрытіемъ успѣли между тѣмъ вступить въ карэ.

Предъ наступленіемъ ночи увидѣли мы отступающимъ нашего главнокомандующаго съ бывшимъ при немъ отрядомъ. Онъ пробился сквозь непріятельскія силы и ретировался, отстрѣливаясь. А персіяне, слѣдуя въ нѣкоторомъ разстояніи за нимъ, при играніи на трубахъ стрѣляли ему въ тылъ. Положеніе мѣста позволило мнѣ поставить на одно возвышеніе 4-1/2-пудовыхъ единорога и, пропустивъ своихъ, начать пальбу по непріятелю. Это его остановило, и тѣмъ кончилось сраженіе.

Кн. Циціановъ, приближаясь къ одному ручейку, сталъ при ономъ лагеремъ, и устроилъ карэ, въ которое вступилъ я, по его повелѣнію, составивъ изъ отряда моего правый флангъ онаго. Когда я прибылъ къ нему, то сказалъ онъ мнѣ: „Я бы долженъ былъ васъ благодарить за то, что вы спасли пользу государственную и имущество всѣхъ насъ; но вы въ продолженіе всего сраженія дѣйствовали самовольно, оставивъ постъ, на которомъ приказано было вамъ находиться. Вы счастливы тѣмъ, что вамъ удалось исполнить полезное дѣло; а еслибъ послѣдовала малѣйшая неудача, то подверглись бы вы строгой отвѣтственности“. Тщетно возразилъ я ему, что въ продолженіе всего сраженія не получалъ я отъ него никакихъ повелѣній и не имѣлъ способа посылать къ нему съ донесеніями о дѣйствіяхъ непріятеля, а потому и рѣшилъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Онъ не оставилъ однакожъ точно въ такомъ видѣ представить о томъ государю, что стало началомъ его ко мнѣ неблагорасположенія, которое онъ оказывалъ во всѣхъ случаяхъ. Этого я сперва

не могъ замѣтить, полагая причиною приниженія заслугъ моихъ тайныя замѣчанія кн. Циціанова на мой счетъ внушаемыя государю. Но я узналъ впослѣдствіи, что императоръ Александръ точно почитаетъ вреднымъ и даже опаснымъ свойствомъ рѣшительность подчиненнаго генерала,—а особенно ежели примѣтитъ притомъ нѣкоторыя его способности, какими бы успѣхами ни была эта рѣшительность сопровождаема. И онъ лучше терпитъ уронъ отъ безпрекословнаго повиновенія, нежели выгоды отъ рѣшительности. Сіе правило распространяетъ онъ и на главнокомандующихъ. И только въ одно время, когда *Наполеонъ* началъ уже приближаться къ Москвѣ, предоставилъ онъ свободу генераламъ дѣйствовать рѣшительно, а самъ не мѣшался ни въ какія распоряженія, доколѣ французская армія не была уже за предѣлами Россіи. Тогда явился онъ, возобновилъ всегдашнюю свою систему и всѣ строгія взысканія за всякія мелочи, до пуговокъ, крючковъ и тому подобнаго относящіяся.

ГЛАВА 12-я.

Сраженіе съ персами.—Осада Эривани.—Гибель подполковника Монтрезора.—Снятіе осады.—Монастырь Эчміадзинъ.—Отступленіе.—Усмиреніе кавказскихъ горцевъ.—Отставка Тучкова.—Полковникъ Карягинъ.—Захватъ Эчміадзинскихъ сокровищъ.—Счеты по сдачѣ полка.—Походъ кн. Циціанова противъ г. Баку.—Смерть кн. Циціанова.—Отъѣздъ Тучкова изъ Грузіи.

Сраженія съ персами.

Послѣ сего сраженія, на другой день, весьма рано персіяне атаковали насъ со всѣхъ сторонъ. Сраженіе продолжалось до самой ночи. Мы стали неподвижно въ карэ, имѣя внутри онаго слабую нашу конницу. Они перестрѣливались съ нами на дальнемъ разстояніи, такъ что едва ихъ ружейныя пули могли достигать къ намъ почти безъ вреда. Артиллерія наша рѣдко имѣла случай дѣйствовать, потому что они сгущенными толпами старались не приближаться на пушечный выстрѣлъ, а продолжали перестрѣлку разсыпавшись. Одна ихъ конная артиллерія (если только можно такъ назвать фальконеты, возимые на верблюдахъ) иногда намъ вредила. Но она не могла долго держаться противъ нашихъ батарей. Легкой или замѣняющей конную артиллерію у персіянъ являются продолженные фальконеты, по большей части желѣзныя, отъ 1 до 2 фунтовъ калибра, изъ которыхъ стрѣляютъ они свинцовыми ядрами. На сѣдлѣ верблюда передняя лука сдѣлана изъ весьма толстаго дерева, укрѣпленнаго со всѣхъ сторонъ желѣзомъ. По рединѣ ея находится скважина, въ которую вставляется желѣзный стержень, раздвоенный вверху, и пушка утверждена запорами своими посрединѣ онаго такъ, какъ обыкновенно утверждаютъ фальконеты на корабельныхъ бортахъ. Ее можно оборачивать во всѣ стороны, возвышать и опускать дуло. При каждомъ сѣдлѣ утверждено маленькое красное знамя, по сторонамъ кожаныя сумы съ зарядами, а на сѣдлѣ канониръ, имѣющій въ рукахъ пальникъ и прочую принадлежность. Они обыкновенно по нѣскольку десятковъ слѣдуютъ одинъ за другимъ въ одинъ рядъ, довольно скоро занимаютъ назначенныя имъ мѣста. Когда остановятся, то канониры дергаютъ своихъ верблюдовъ за особые шнуры, при уздахъ укрѣпленные, отчего всѣ верблюды ложатся на землю, подогнувъ ноги подъ брюхо. Тогда канониры съ нихъ сходятъ,—ложатся за верблюдами, заряжаютъ свои пушки и дѣйствуютъ.

Сіи животныя довольно стойко выдерживаютъ пушечныя ядра, такъ что если убьютъ одного верблюда, другой, находящійся подлѣ его, остается неподвижнымъ. Но гранаты весьма ихъ пугаютъ, и нерѣдко случалось, что отъ одной удачно пущенной гранаты цѣлая такая батарея разсѣивалась по всему полю, оставя своихъ канонировъ на мѣстѣ.

Съ наступленіемъ ночи непріятель насъ оставилъ въ покоѣ. Но затѣмъ на другой день предъ разсвѣтомъ атаковалъ онъ въ третій разъ. Около шести часовъ утра примѣтили мы, что вода въ находившемся близъ нашего лагеря ручьѣ совсѣмъ исчезла. Персіяне вверху онаго, при мельницѣ, что близъ главнаго монастыря, сдѣлали плотину, заперли воду и поставили въ томъ мѣстѣ батарею о трехъ небольшихъ пушкахъ. Во время жесточайшей жары, войско наше цѣлый день было безъ воды. Сраженіе по обыкновенію продолжалось до самой ночи, съ наступленіемъ которой непріятель пошелъ въсвой лагерь.

Въ сію ночь *Кн. Циціановъ* не принялъ никакихъ мѣръ, дабы помочь изнуренному жаждой его войску. Съ наступленіемъ дня, какъ персіяне опять насъ атаковали, хотя они привезли съ собою двѣ большія пушки, но дѣйствіе ихъ столь было худо, что ни одно ядро не могло попасть въ наше карэ. Въ шесть часовъ пополудни войско наше, томимое жаждой, начало выходить изъ послушанія. Нѣсколько человѣкъ гренадеровъ моего полка, составлявшаго правый флангъ, вышли изъ линіи и пошли впередъ. Я догналъ ихъ и спросилъ: „куда вы идете?“—„За водой“,—отвѣчали они мнѣ. Тутъ пришло мнѣ въ мысль происшествіе, недавно случившееся въ отрядѣ *полковника Карягина.* Онъ былъ атакованъ персіянами между Ганжей и Шушей, терпѣлъ въ провіантѣ великій недостатокъ. *Поручикъ* ввѣреннаго ему егерскаго полка, а именно *Носенко-Бѣлецкій* командовавшій ротой, въ которой находилось тогда не болѣе 80 человѣкъ, получивъ отъ полковника приказаніе занять одну высоту бывшую впереди, вышелъ изъ линіи, пошелъ прямо и отдался со всей своей ротой непріятелю. Тамъ приняли его съ великими выгодами. Къ несчастію, происшествіе сіе не могло быть скрыто въ нашемъ войскѣ и извѣстно было каждому солдату. Чего-жъ не можно было ожидать при такой крѣпости и отъ всего нашего корпуса? На отвѣтъ—„за водой“ сказалъ я моимъ гренадерамъ: „такъ-ли ходятъ за водой?“—„А какъ же?“—возразили они.—„Постройтесь въ колонну“, отвѣчалъ я имъ.—Васъ мало, я прибавлю еще людей, офицеровъ, барабанщиковъ и самъ укажу вамъ дорогу“. При сихъ словахъ выступившіе изъ линіи, коихъ было до 150 человѣкъ, остановились. Я построилъ ихъ въ колонну, прибавилъ еще одну съ капитаномъ и офицерами и велѣлъ штурмовать батарею и разрыть плотину. Стоявшій подлѣ меня полковникъ егерскаго полка присоединилъ ко мнѣ еще двѣ роты егерей. Кн. Циціановъ, подъѣхавъ ко мнѣ, закричалъ: „Кто послалъ за водой?“ „Я“,—отвѣчалъ я ему.—„Какъ осмѣлились вы пове-

лѣвать въ моемъ присутствіи?“ Подъѣхавъ къ нему поближе, сказалъ я ему: „Солдаты вышли уже изъ повиновенія, и прежде нежели могъ бы я вамъ о томъ донести, все войско легко могло бы послѣдовать сему примѣру. Сверхъ того неизвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ можетъ быть и всѣ двинулись бы впередъ. Поэтому рѣшился я поступить повелительно въ присутствіи вашемъ, и готовъ за то отвѣтствовать по всей строгости; но знаю, что спасаю тѣмъ цѣлость всего корпуса“. Тутъ перемѣнилъ онъ голосъ и началъ мнѣ при всѣхъ давать выговоръ, для чего я не такъ распорядился при сей командировкѣ, и для чего не придалъ къ сему отряду нѣсколько конницы, которая однакожъ не была подъ моимъ начальствомъ. И онъ приказалъ тотчасъ двумъ эскадронамъ драгунъ и одному полку казаковъ слѣдовать туда же.

Непріятельская батарея скоро была взята, но пушки успѣли персіяне увезти. Плотина была разрыта, и войско получило воду. Не сомнѣваюсь я, что сей поступокъ мой представленъ былъ императору слишкомъ рѣшительнымъ.

Въ сей день персіяне ранѣе обыкновеннаго окончили сраженіе и на другой день насъ не атаковали. Поутру, послѣ развода, весь генералитетъ и штабъ-офицеры собрались къ главнокомандующему. Разсуждали о дѣйствіяхъ и намѣреніи непріятеля,— всякій предлагалъ свое. А я съ моей стороны представилъ главнокомандующему, что почитаю за лучшее перемѣнить теперешнее мѣсто лагеря, и расположиться на берегу рѣки Залги, отстоящей отъ насъ не далѣе 12 верстъ. Тамъ не будемъ мы въ опасности другой разъ лишиться воды, будемъ ближе къ Эривани, слѣдовательно, удобнѣе черезъ шпіоновъ можемъ узнать о положеніи и состояніи сего города. И наконецъ, развѣдавъ точно, гдѣ и въ какомъ разстояніи находится лагерь персіянъ, мы можемъ идти атаковать ихъ самихъ.

Сіе предложеніе одобрено было княземъ *Цицiановымъ*, и онъ того же дня далъ повелѣніе готовиться къ походу. Итакъ на другой день весьма рано выступили мы съ великою осторожностью. Весь корпусъ построенъ былъ въ карэ, артиллерія по угламъ и въ срединѣ фасовъ, а всѣ патронные, палочные ящики и прочія повозки внутри карэ въ 24 линіи. При каждой таковой линіи находилось по одному офицеру верхомъ съ нѣсколькими казаками и по одному барабанщику. Послѣднее на тотъ случай, что ежели въ какой-нибудь линіи обоза сдѣлается какое-либо повреждение, то барабанщикъ долженъ ударить отбой. Это повторится во всѣхъ полкахъ, и цѣлое карэ остановится, доколѣ поврежденное исправится и барабанщикъ не начнетъ бить походъ. Легко можно себѣ представить, сколько такой маршъ затруднителенъ. Едва послѣ остановки за одной линіей тронутся съ мѣста, какъ слышенъ отбой въ другой линіи. Притомъ шли мы по каменистому и неровному мѣстоположенію, каждая линія имѣла свое направленіе, и ни одна повозка не могла повернуть ни

влѣво, ни вправо, чтобы на пути не встрѣтиться съ другой. И потому поврежденія въ обозѣ были бы весьма часты. Здѣсь долженъ я признаться въ моей нескромности, что я уподобилъ сіе движеніе походу *фельмаршала Миниха* въ войнѣ его противъ турокъ, гдѣ возили въ карэ бочки съ водой, а передъ линіями несли на плечахъ рогатки,—и назвалъ я оное черэпашьимъ маршемъ.

Выступя весьма рано, совершили мы наконецъ по вечеру двѣнадцати-верстный переходъ, въ продолженіе котораго люди весьма нуждались въ водѣ. Во время похода нашего непріятель, хотя показывался по сторонамъ, но насъ не атаковалъ. Намъ надлежало остановиться на берегу рѣки верстахъ въ четырехъ ниже Эривани, но вблизи сего мѣста находился старинный замокъ, занятый непріятелемъ.

Нѣсколько удачно пущенныхъ бомбъ и ядеръ нашей артиллеріи и приближеніе пѣхотныхъ колоннъ принудили его оный оставить. Посланный для того отрядъ занялъ замокъ, а прочіе расположились лагеремъ на берегу рѣки Залги, по прежнему построившись въ карэ.

Дабы атаковать непріятеля въ его лагерѣ, надлежало намъ переправиться черезъ помянутую рѣку. Но не было у насъ понтоновъ, и потому *кн. Цициановъ* приказалъ дѣлать плоты, а по неимѣнію лѣса ломать каменныя стѣны замка и вынуть деревянныя связи, внутри стѣнъ находящіяся. Сія работа продолжалась дней восемь, пока успѣли спустить два небольшихъ плота.

Во время нашего тамъ пребыванія пришелъ къ намъ армянскій монахъ изъ Эчміадзинскаго монастыря и донесъ кн. Цицианову, что персіяне оставили оный и что въ ономъ находится небольшой запасъ провіанта. Онъ былъ весьма симъ обрадованъ, ибо близкій недостатокъ въ продовольствіи уже предвидѣлся. И потому онъ тотъ же часъ послалъ *маіора Сенминута* съ двумя ротами пѣхоты и двумя малаго калибра пушками занять монастырь. Это и было исполнено безъ препятствія

Наконецъ наступилъ день переправы черезъ рѣку и нападенія на непріятельскій лагерь. Весь корпусъ раздѣленъ былъ на четыре карэ, въ которыхъ заключались конница и пѣхота. Первое карэ состояло изъ егерей, долженствовавшихъ, по открытіи непріятеля, дѣйствовать разсыпавшись, второе—изъ гренадеръ подъ начальствомъ моимъ; въ третьемъ состояла конница и пѣхота подъ начальствомъ самаго главнокомандующаго; а четвертое составляло аріергардъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты подъ командою *ген. Леонтьева*. Всѣ сіи карэ должны были слѣдовать одно за другимъ, а потому шесть фасовъ остались безъ дѣйствія.

По переправѣ егерей черезъ рѣку, надлежало переправляться моему полку. Но по величинѣ калибра моихъ артиллерійскихъ орудій не могъ я больше одной пушки поставить на плотъ, что произвело бы великую медленность. Къ счастью, бывшіе при мнѣ

казаки въ нѣсколькихъ саженяхъ ниже переправы открыли такой бродъ, что не только пушки, но даже ящики съ зарядами можно было перевесть безъ всякаго поврежденія. Итакъ всѣ воспользовались моимъ открытіемъ и скоро переправились, оставивъ плоты, стоившіе восьмидневной работы, безъ всякаго употребленія.

Слѣдуя вышесказаннымъ порядкомъ, оставили мы Эривань въ лѣвой сторонѣ верстахъ въ пяти и, не доходя одной довольно высокой и крутой горы, открыли непріятеля, расположеннаго наверху оной. Намъ надлежало проходить мимо сей горы, лѣвымъ флангомъ, подъ его выстрѣлами. Поэтому *кн. Циціановъ* отрядилъ полковника Козловскаго съ двумя баталіонами штурмовать помянутую гору. Прочіе же слѣдовали у подошвы оной по дорогѣ, ведущей на сію высоту и выходящей по правому флангу непріятельской линіи. Едва Козловскій успѣлъ взойти на гору, какъ егеря, слѣдуя по дорогѣ, появились съ права. Персіяне, увидя сіе, съ поспѣшностью отступили къ своему лагерю и начали собирать палатки. Между тѣмъ мое и прочія карэ съ артиллеріею всѣ взошли на сію высоту. Я съ егерями и гренадерами пошелъ впередъ на непріятеля; но кн. Циціановъ, прибывъ самъ, остановилъ насъ у одного ручья. Казаки успѣли захватить нѣсколько палатокъ и навьюченныхъ верблюдовъ. Персіяне же ретировались и тѣмъ окончилось сраженіе. Мы остались ночевать при томъ ручьѣ. Ночью услышалъ я нѣкоторый шорохъ около моей палатки. Вставъ и посмотрѣвъ черезъ полы, увидѣлъ я двухъ верблюдовъ съ пушками на сѣдлахъ. Я приказалъ часовому кликнуть солдатъ и ихъ взять. Болѣе десяти таковыхъ вооруженныхъ верблюдовъ, такимъ же образомъ намъ доставшихся, представлено было нашему главнокомандующему. Онъ приказалъ помѣстить оные въ число трофеевъ. Сіи животныя, испугавшись, какъ я предъ симъ сказалъ, нашихъ гранатъ, разбѣжались, бродили потомъ по мѣсту сраженія и пришли въ нашъ лагерь.

Кн. Циціановъ на другой день велѣлъ отправить благодарственное молебствіе за одержанную побѣду, и послалъ пышную реляцію, возвыся подвиги тѣхъ, которымъ хотѣлъ онъ наградъ. Эта реляція съ ужасными прибавленіями напечатана была въ россійскихъ и иностранныхъ вѣдомостяхъ. Императоръ *Александръ* принялъ то за истину и наградилъ чинами и орденами многихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые вовсе ничего не дѣлали и не подвергались ни малѣйшей опасности.

Осада Эривани.

Тотчасъ послѣ молебствія пошли мы къ городу Эривани, на берегу рѣки Залги, въ надеждѣ, что устрашенный нашей побѣдой, ханъ сего города отворитъ ворота и приметъ насъ съ покорностью. Но вмѣсто того раньше встрѣтили насъ изъ предмѣстія ружейными выстрѣлами. Кн. Циціановъ приказалъ пѣхотѣ приблизиться и ломать каменныя стѣны, окружающія крайніе дворы оного. Жители, увидя сіе, отступили и собрались около главной мечети и Караванъ-сарая или гостин-

наго двора; но и тутъ они недолго сопротивлялись и ушли всѣ въ крѣпость.

Предмѣстіе Эривани довольно велико, имѣетъ нѣсколько мечетей, изъ которыхъ главная весьма обширна и хорошо построена, преизрядный гостинный дворъ или Караванъ-сарай, небольшой загородный ханскій домъ съ прекраснымъ садомъ и множество обывательскихъ домовъ въ одинъ и два этажа. Впрочемъ, по обыкновенію азіатовъ всѣ строенія изъ камня и кирпича, съ плоскими двойными крышами, исключая однакожъ мечетей, оканчивающихся кверху куполами. Дворы и сады окружены небольшими каменными стѣнками. Множество излучистыхъ и весьма тѣсныхъ улицъ и переулковъ, къ которымъ не скоро можно привыкнуть, составляютъ сіе предмѣстіе. Оно отдѣляется отъ крѣпости эспланадой, или ровнымъ мѣстомъ простирающимся на дальній ружейный выстрѣлъ.

Ближайшія къ крѣпости строенія, съ лѣвой стороны оной, начинаются отъ самаго берега рѣки Залги и продолжаются въ сказанномъ разстояніи, нѣсколько не доходя праваго фланга крѣпости. Тамъ оканчивается предмѣстіе довольно просторнымъ поемъ, также до берега рѣки простирающимся.

Кн. Циціановъ расположилъ свою линію осады за первыми стѣнами разныхъ строеній, примыкающихъ къ эспланадѣ крѣпости, слѣдующимъ порядкомъ. Съ праваго фланга нашей линіи отъ берега рѣки начиналась такъ называемая дистанція *полковника Симоновича;* подлѣ оной — *ген.-маіора Портнягина*. въ которой находилась и главная квартира, за нею—моя; за моею *полковника Козловскаго,* а за оною на лѣвомъ флангѣ ген.-маіора *Леонтьева*. Но такъ какъ строенія предмѣстья съ лѣваго нашего фланга не достигали до рѣки, а находилось довольно пространное поле, о которомъ я выше упомянулъ, то для соединенія линіи построено было два редута, соединенные постами. Для сообщенія отрядовъ съ главной квартирой приказано было сломать стѣны дворовъ, садовъ и домовъ. А гдѣ проходящіе поперекъ улицы или переулки открыты были крѣпостными пушками, тамъ построить траверсы изъ фашинъ и земли. Составивъ такимъ образомъ коммуникаціонную линію, батареи расположили по дистанціямъ; каменныя стѣны непріятельскихъ домовъ, въ которыхъ подѣлали мы амбразуры, послужили намъ брустверомъ.

Непріятель, какъ видно, совсѣмъ не имѣлъ намѣренія удерживаться въ предмѣстіи, потому что не только не нашли мы ничего въ домахъ, но даже двери и оконницы во многихъ были вынуты.

Крѣпость Эриванская есть неправильный многоугольникъ, обведенный каменными стѣнами съ башнями по угламъ. Она состоитъ изъ двухъ продолговатыхъ четвероугольниковъ, соединенныхъ между собою, изъ которыхъ правый уже лѣваго.

Со стороны рѣки она слабо укрѣплена, и сверхъ этого, высота, находящаяся на противномъ берегу, въ недалекомъ разсто-

яніи, превышаетъ укрѣпленіе. Впрочемъ съ трехъ сторонъ окружена она двойными каменными стѣнами съ рвами. Внѣшняя стѣна нѣсколько ниже внутренней и ровъ предъ оною не столь глубокъ. За сей стѣною находится довольное пространство, каковое персіяне имѣютъ во многихъ крѣпостяхъ и называютъ ширасъ. За симъ ширасомъ слѣдуютъ ровъ, болѣе глубокій, и стѣна выше первой. Такимъ образомъ ежели осаждающіе вознамѣрились штурмовать, не сдѣлавъ брешей въ первой стѣнѣ, то они должны имѣть двойныя лѣстницы. И взойдя по короткимъ на первую стѣну, они должны перетаскивать чрезъ нее долгія, чтобъ утвердить ихъ при второй стѣнѣ.

При занятіи нами предмѣстія непріятель сдѣлалъ на насъ изъ крѣпости нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ съ ядрами, не причинивъ однакожъ никакого намъ вреда. Передъ вечеромъ, поставили мы пушки свои по батареямъ и открыли пальбу, которую также скоро прекратили. По утру на другой день увидѣли мы нѣсколько человѣкъ, вышедшихъ изъ крѣпости съ бѣлымъ знаменемъ. Это были чиновники, посланные отъ хана, которыхъ и проводили прямо къ *кн. Циціанову.* Представляясь ему, во первыхъ, поздравили они его отъ имени своего хана съ благополучнымъ прибытіемъ; во вторыхъ, просили извиненія, что народъ отмѣлился сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ противъ войска императора Россійскаго, и присовокупили, что ханъ,—по извѣстной необузданности азіатской черни,—съ опасностью собственной жизни едва успѣлъ прекратить сіе дѣйствіе. И, въ третьихъ, они сообщили, что ханъ намѣренъ сдать крѣпость, какъ о томъ прежде писалъ, но проситъ три дня для составленія кондицій. Кн. Циціановъ на сіе согласился и отпустилъ посланныхъ.

Три дня прошли спокойно, а четвертый провели мы въ напрасномъ ожиданіи посланниковъ и потому передъ вечеромъ открыли мы опять пальбу со всѣхъ батарей. Крѣпость отвѣчала намъ только нѣсколькими выстрѣлами, а на пятый день по утру явились переговорщики. Они сказали, что ханъ готовъ принять отъ кн. Циціанова тѣ условія, которыя онъ предпишетъ, что всѣ его чиновники на то согласны, но народъ колеблется и для склоненія его ханъ проситъ еще два дня. Кн. Циціановъ, согласившись на то, написалъ кондиціи и отдалъ посланнымъ.

При столь многихъ случаяхъ перестрѣлки съ непріятелемъ, началъ у насъ оказываться недостатокъ въ пушечныхъ зарядахъ и патронахъ. Для доставленія ихъ посланъ былъ отъ полка моего *капитанъ Снышковъ* съ потребнымъ прикрытіемъ въ крѣпость Караклисъ, отстоящую отъ Эривани миляхъ въ пятнадцати. При этомъ взяты были всѣ мѣры, чтобы осажденные о томъ не вѣдали.

Протекли положенные два дня, и изъ крѣпости никто не показался. Принуждены мы были опять начать пальбу. И только на третій день пришли посланные съ донесеніемъ кн. Циціанову, что все готово было къ сдачѣ, но духовенство, свѣдавъ о томъ, отвратило народъ отъ сего намѣренія. Однакожъ ханъ надѣется

оное подкупить, требуя на то еще только два дня. Главнокомандующій весьма разсердился, и сказалъ, чтобы отвѣтъ былъ черезъ два часа, въ противномъ случаѣ рѣшится онъ на штурмъ и не пощадитъ никого, и ханъ будетъ первой жертвой. И въ тоже время отдалъ приказъ дѣлать во всѣхъ отрядахъ штурмовыя лѣстницы. Принялись за работу; но по неимѣнію лѣсовъ, должны было ломать каменные дома, и выбирать изъ нихъ потребное къ тому дерево. И потому работа производилась медленно.

Наканунѣ сего послѣдняго посольства *генералъ Портнягинъ*, расположенный съ отрядомъ своимъ въ ханскомъ саду, вздумалъ дать обѣдъ для главнокомандующаго. На этотъ обѣдъ приглашены были всѣ генералы и полковники, по прибытіи которыхъ *кн. Циціановъ* не замедлилъ туда явиться. Едва сѣли мы за столъ, накрытый подъ однимъ преогромнымъ абрикосовымъ деревомъ, защищавшимъ болѣе шестнадцати особъ отъ солнечнаго зноя, какъ прибѣжали къ намъ съ извѣстіемъ, что неизвѣстно какая конница, напавъ на наши табуны, пасущія за нашей линіей, болѣе 200 лошадей отогнала; причемъ 40 человѣкъ убито изъ числа пасущихъ и прикрытія. Во все это время не примѣтно было, чтобъ въ большомъ количествѣ выходили вооруженные люди. Да и не могли бы они пройти мимо нашихъ постовъ безъ сопротивленія. И потому, кн. Циціановъ не могъ домыслиться, какое то было войско? Онъ надѣялся узнать о томъ на другой день отъ переговорщиковъ, долженствовавшихъ по условію явиться.

Но тщетно. Изъ крѣпости никто не показывался. И мы возобновили пальбу, хотя съ большою бережливостью. Однако она ни къ чему не послужила; осажденные хотя иногда намъ отвѣтствовали выстрѣлами, но также безъ успѣха.

Недостатокъ въ провіантѣ началъ оказываться и солдаты получали уже только половинную порцію, выдаваемую всегда на три дня, а четвертый проходилъ въ требованіи и пріемѣ. Болѣе всего чувствительно было неимѣніе соли, которую старались сыскивать въ персидскихъ конюшняхъ, потому, что персіяне имѣютъ обыкновеніе въ стѣнахъ оныхъ подлѣ яслей вмазывать куски такъ называемой каменной, изъ земли добываемой, соли. Но и сей было весьма недостаточно. Уксусу и воды вовсе не было. За провіантомъ же всякій день посылали отрядъ въ Эчміадзинскій монастырь и брали понемногу изъ найденнаго тамъ небольшого запаса. Сей монастырь отстоялъ отъ насъ только въ полутора миляхъ. Но какъ для удобнѣйшаго дѣйствія по крѣпости, такъ и для вседневной переправы помянутаго отряда, построенъ былъ на противномъ берегу рѣки Залги редутъ, съ тремя большими орудіями, и поставленъ въ ономъ баталіонъ пѣхоты.

Такъ какъ при квартирѣ моей, сверхъ состоящихъ на батареѣ орудій, находилась одна трехфунтовая пушка, то и брали оную всякій день для посылки въ монастырь. Отряды же пѣхоты и казаковъ производились изъ полковъ по очереди. Они возвращались всегда передъ вечерней зарей.

Спустя два дня послѣ нападенія неизвѣстнаго непріятеля на наши табуны, возвратившійся изъ монастыря отрядъ съ провіантомъ донесъ, что видѣлъ вдали непріятелей, въ великой силѣ, судя по пыли идущихъ, и что можно различить подъѣзжающихъ къ нимъ издали конновооруженныхъ людей. Но при семъ донесеніи было и разногласіе: иные увѣряли, что видѣли войско, а другіе утверждали, что то были стада деревенскихъ жителей, при которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ всегда находится по нѣскольку конныхъ людей для всегдашней безопасности. Послѣднее имѣло нѣкоторое подобіе правды: если, по словамъ ихъ, предполагаемый непріятель состоялъ въ великомъ числѣ, то почему же бы не осмѣлился онъ сдѣлать нападенія на малый отрядъ фуражировъ, тѣмъ болѣе, что подъѣзжавшіе къ нимъ могли видѣть ихъ число? Какъ бы то ни было, однакоже *кн. Цицiановъ* въ вечернемъ приказѣ предписалъ осторожность и велѣлъ наскоро сдѣлать позади его линіи небольшой редутъ, окруженный, вмѣсто вала, простымъ ложементомъ и поставить въ ономъ баталіонъ пѣхоты.

Послѣ пробитія вечерней зари и по возвращеніи всѣхъ адъютантовъ съ приказами къ своимъ отрядамъ, потребованы были они опять въ главную квартиру. Они, прибывъ обратно, привезли намъ извѣстіе, что *капитанъ Снышковъ* благополучно возвратился и привезъ достаточное количество пушечныхъ зарядовъ и ружейныхъ патроновъ, что онъ находится за рѣкой подлѣ нашего праваго фланга, и что кн. Цицiановъ приказалъ немедленно послать команды отъ всѣхъ отрядовъ принимать заряды и наискорѣе разносить ихъ по дистанціямъ и батареямъ. Сіе повелѣніе исполнено было всѣми съ отмѣнною скоростью; ибо при пушкахъ находилось уже не болѣе какъ отъ 10 до 15 зарядовъ, да и ружейныхъ патроновъ развѣ нѣсколько больше. Со всѣмъ тѣмъ, по темнотѣ ночи, не успѣли раздѣлить оные по ящикамъ и сумамъ и принуждены были положить на батареяхъ и въ дистанціи кучами на постланныя солдатскія шинели и въ видѣ осторожности покрыть таковыми же.

Часа за полтора до разсвѣта услышали мы на одномъ передовомъ посту лѣваго нашего фланга ружейную пальбу. Но сіе показалось намъ сперва мало значущимъ, ибо таковые выстрѣлы нерѣдко производимы были часовыми по выходящимъ ночью изъ крѣпости для набиранія фуража. Однако же пальба часъ отъ часу начала увеличиваться и открылась на всѣхъ постахъ. Съ крѣпости же начали тогда бросать къ намъ бомбы, сильно стрѣляя изъ пушекъ и ружей. Тутъ узнали мы, что сзади атакованы во всѣхъ пунктахъ персидской арміей подъ предводительствомъ самаго шаха Баба-Хана, или Феть-Али-Хана. И въ это же время послѣдовали изъ крѣпости три вылазки. Одна ударила на правый нашъ флангъ и прошла до квартиры главнокомандующаго, гдѣ въ тотъ разъ въ караулѣ ввѣреннаго мнѣ полка гренадеры дали сильный отпоръ ружейнымъ огнемъ. Непріятель, по темнотѣ ночи, счелъ сей караулъ за большой отрядъ и потому, обратив-

шись нѣсколько влѣво, вошелъ въ гостинный дворъ. Но, къ счастію, собраны были тамъ всѣ грузинскія повозки, взятыя нами предъ выступленіемъ въ походъ подъ провіантъ. При нихъ находились и ихъ хозяева, то есть крестьяне грузинскіе, вооруженные однакоже, по обычаю страны, ружьями, пистолетами и кинжалами. Сіи люди, услышавъ вблизи ихъ пальбу, приготовились и встрѣтили персіянъ изъ-за своихъ повозокъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Сія вторая неудача побудила ихъ еще принять налѣво. И они попали на отрядъ *полковника Симоновича*; это привело ихъ въ такое замѣшательство, что они рѣшили пробиваться назадъ. Между тѣмъ начало разсвѣтать. Гренадеры прогнали ихъ за свою линію; а вооруженные грузины преслѣдовали ихъ почти до самой крѣпости и, несмотря на пальбу изъ оной, поражали ихъ нещадно.

Второй отрядъ вылазки покусился сдѣлать нападеніе на линію нашу между моей и *полковника Козловскаго* дистанціями, но былъ отраженъ картечными выстрѣлами съ нашихъ батарей.

Третья была удачнѣе прочихъ. Она, учинивъ нападеніе на нашъ лѣвый флангъ, при помощи атакующихъ съ тылу войскъ Баба-хана овладѣла обоими нашими редутами. При семъ находившіеся въ оныхъ отряды безчеловѣчнымъ образомъ были умерщвлены и ни одинъ человѣкъ не былъ пощаженъ. Но чрезъ нѣсколько часовъ оба помянутые редуты, опять съ немалымъ кровопролитіемъ взяты были нашими штурмомъ.

Сраженіе продолжалось цѣлый день и состояло въ стрѣльбѣ съ крѣпости, въ нападеніи непріятеля и отпора нашихъ въ разныхъ пунктахъ. Этому не мало способствовали тѣсныя улицы, окруженныя каменными стѣнками дома, сады, неровность мѣстоположенія предмѣстья и достаточное количество снарядовъ, такъ счастливо за нѣсколько часовъ до сраженія къ намъ привезенныхъ.

Сказываютъ, что послѣ сего сраженія Баба-ханъ велѣлъ повѣсить своего шпіона, донесшаго ему, что у насъ мало пороху. Это вѣроятно; но могъ ли онъ успѣть узнать, что транспортъ съ зарядами прибылъ въ то время, когда Баба-ханъ выступилъ изъ лагеря своего насъ атаковать? Разсчитывая время сіе, непремѣнно должно было такъ быть. Если бы успѣлъ онъ атаковать насъ наканунѣ, то неминуемо доведены мы были бы до отчаянія и учинились, можетъ быть, всѣ жертвою совершенно проиграннаго сраженія...

По окончаніи сего сраженія, непріятельское войско, окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, расположилось лагеремъ въ разстояніи отъ нашей линіи на дальній пушечный выстрѣлъ. Но въ семъ положеніи находилось оно только три дня, потомъ отступило за полъ-мили, какъ видно для выгоды. А на прежнихъ мѣстахъ поставилъ Баба-ханъ до семи пикетовъ, каждый изъ тысячи человѣкъ, и такимъ образомъ совершенно насъ блокировалъ.

Въ семъ состояніи пробыли мы близко шести недѣль, ста-

раясь напрасно сдѣлать бреши въ стѣнахъ крѣпости, ибо артиллерія наша была къ тому недостаточна. Голодъ сдѣлался несносенъ. Едва четвертая часть хлѣба солдатамъ была выдаваема и то всегда на три дня, а четвертый, иногда и пятый проходили въ проволочкѣ. Лошадиное мясо безъ соли, совершенное неимѣніе крѣпкихъ напитковъ, жары августа мѣсяца въ Персіи, и нездоровая вода рѣки Залги, которую сами жители тѣхъ мѣстъ рѣдко пьютъ, а довольствуются проведенной посредствомъ трубъ изъ горъ, которыя однако давно уже были пресѣчены,—все сіе произвело въ нашемъ войскѣ множество больныхъ и умирающихъ. *Кн. Циціановъ* относилъ сіе по большей части къ тому, что солдаты, не имѣя довольно хлѣба, съ жадностью ѣдятъ разные садовые плоды, а особливо незрѣлые. И потому онъ строго сіе запрещалъ. Но я нашелъ способъ, по крайней мѣрѣ для моего полка, употребить въ пользу множество плодовъ изъ садовъ, вблизи насъ находящихся. Я посылалъ нарочно команды, приказывая собирать кислые и незрѣлые плоды, которые приносили ко мнѣ. Ихъ крошили мелко, варили въ водѣ и получали весьма острый квасъ. Къ счастію, росло вблизи насъ множество особаго рода полевого хрѣну, котораго листья имѣютъ сильную горечь и летучую остроту.

Собирали сіи листья, сушили, толкли и потомъ, насыпая въ извѣстномъ количествѣ въ солдатскія манерки, наливали помянутымъ квасомъ и зарывали ихъ въ землю въ такомъ мѣстѣ, гдѣ солнце ударяетъ. Такимъ образомъ чрезъ два дня получался весьма острый и крѣпкій напитокъ, укрѣпляющій желудокъ. И я каждый день давалъ моимъ солдатамъ по утру и предъ обѣдомъ по манерочной крышкѣ. Польза была очевидна; и хотя я объявилъ то главнокомандующему и всѣмъ, не многіе въ томъ мнѣ послѣдовали.

Гибель подполковника Монтрезора.

Спустя недѣли три послѣ прибытія Баба-хана и послѣ того, какъ онъ окружилъ нашъ отрядъ, когда Циціановъ, предвидя могущій скоро послѣдовать совершенный недостатокъ въ продовольствіи, послалъ *подполковника Монтрезора* въ крѣпость Караклисъ для доставленія провіанта. При этомъ онъ далъ ему три легкія пушки, 600 человѣкъ отборныхъ солдатъ отъ разныхъ полковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ по сту патроновъ, всѣхъ вооруженныхъ грузинъ человѣкъ до 3 тыс. человѣкъ и съ нимъ предводителя грузинскаго дворянства, нашего *генералъ-маіора* кн. Ивана *Орбеліанова.* Сей отрядъ выступилъ во время темной ночи. Надѣялись, что непріятельскіе пикеты его не откроютъ, ибо грузины обѣщали провести оный скрытыми дорогами. Но персіяне, давъ оному пройти миль восемь для того единственно, чтобъ намъ не слышно было пальбы, окружили его со всѣхъ сторонъ. Подполковникъ Монтрезоръ, устроивъ отрядъ свой въ карэ, продолжалъ походъ свой, отстрѣливаясь безпрестанно сряду нѣс-

колько дней. Персіяне дали знать между тѣмъ царевичу Александру, который съ 10 тыс. войска отправленъ былъ Баба-ханомъ въ Грузію, дабы произвести тамъ возмущеніе. Онъ поспѣшилъ возвратиться изъ предѣловъ Грузіи и встрѣтилъ Монтрезора, не доходя три мили до Караклиса. Тутъ персіяне, обще съ царевичемъ, сдѣлали на него сильное нападеніе. Не стало у солдатъ патроновъ и зарядовъ при пушкахъ. Однако несмотря на безмѣрное превосходство непріятеля, ударили они въ штыки, какъ отчаянные. И всѣ почти до одного погибли, исключая нѣсколькихъ грузинъ, спасшихся бѣгствомъ, двухъ тяжело раненыхъ офицеровъ, и человѣкъ десяти рядовыхъ, которыхъ персы пощадили и взяли въ плѣнъ. Подполковникъ Монтрезоръ и всѣ прочіе офицеры были убиты, орудія достались непріятелю, кн. Орбеліановъ былъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Долго не знали мы о семъ несчастіи и недоумѣвали, чему приписать то, что чрезъ нѣсколько времени по отбытіи сего отряда увидѣли мы на стѣнахъ крѣпости множество выставленныхъ знаменъ. Музыка играла въ нѣсколькихъ мѣстахъ, при чемъ гарнизонъ стрѣлялъ изъ пушекъ и ружей холостыми выстрѣлами. Съ наружной же стороны стѣнъ одинъ конный человѣкъ съ небольшимъ прикрытіемъ возилъ мертвую голову, воткнутую на пику. Это была голова несчастнаго Монтрезора, и торжество это обозначало истребленіе его отряда, о чемъ они задолго прежде насъ узнали.

Наконецъ и мы получили подробное извѣстіе о семъ несчастіи отъ коменданта Караклисской крѣпости. Онъ нашелъ средство увѣдомить главнокомандующаго чрезъ одного армянина, прошедшаго тайно мимо непріятельскихъ постовъ. Онъ также донесъ о томъ, что царевичъ Александръ съ отрядомъ персидскихъ войскъ, послѣ сего сраженія, вошелъ опять въ Грузію.

Огорченный симъ извѣстіемъ, кн. Циціановъ скрылъ оное въ тайнѣ и собралъ военный совѣтъ. Я не прощаю себѣ моей нескромности, ибо, прибывъ въ главную квартиру, сказалъ я нѣкоторымъ моимъ знакомымъ: „какъ мы похожи на докторовъ: когда больной умираетъ, тогда собираются они на консиліумъ". Я не сомнѣваюсь, что сіи слова переданы были кн. Циціанову.

Когда всѣ собрались, то главнокомандующій далъ намъ для прочтенія всѣ бумаги, извѣщающія насъ о крайности нашего положенія, и присовокупилъ, что со всевозможнымъ уменьшеньемъ имѣли мы продовольствія не болѣе, какъ на три дня. Онъ предложилъ намъ рѣшить, что въ такомъ случаѣ дѣлать, штурмовать ли крѣпость, или снять осаду и ретироваться за предѣлы Грузіи.

Не трудно было рѣшить сію задачу. Всякій здравомыслящій легко можетъ разсудить, какъ можно думать о штурмѣ, когда осталось у насъ подъ руками не болѣе 4 т. слабыхъ и изнуренныхъ голодомъ солдатъ, когда крѣпость сильно укрѣплена противъ штурма, какъ я предъ симъ уже оную описалъ; когда

находится въ ней гарнизону до 6 т., и притомъ всѣ жители вооружены, и наконецъ, когда позади насъ въ самомъ близкомъ разстояніи находится шахъ персидскій съ 60 т. войска.

Голосъ кн. Циціанова и нѣсколькихъ особъ былъ штурмовать. Но большая часть бывшихъ на томъ совѣтѣ, въ томъ числѣ и я, предлагали отступить. И такъ дѣло рѣшалось большинствомъ голосовъ.

По окончаніи совѣта предложилъ я главнокомандующему слѣдующее. „Мы имѣемъ еще провіанта на три дня, которые пройдутъ въ принятіи надлежащихъ мѣръ къ снятію осады. Потомъ, отступивъ до Эчміадзинскаго монастыря, всего 12 верстъ, найдемъ мы тамъ еще небольшой запасъ и при бережливости можемъ съ онымъ дойти до границъ Грузіи, откуда могутъ намъ вывезти провіантъ на встрѣчу. А потому, дабы не подать вида отступленія и показать предъ высшимъ начальствомъ, что всѣ средства къ овладѣнію крѣпостью были употреблены,—не прикажете ли отъ сего же дня поставить брешь-батарею на правомъ флангѣ нашей линіи. Находящаяся на эспланадѣ мечеть, на близкій ружейный выстрѣлъ отъ крѣпости отстоящая, много этому способствуетъ“.

Кн. Циціановъ принялъ сіе предложеніе. Въ тотъ же вечеръ батарея была готова и начала бить брешь, хотя не съ большимъ успѣхомъ.

Послѣ сего моего предложенія спросилъ онъ у меня: „Какъ же думаете вы отступать?“ На сіе отвѣчалъ я ему, что чрезъ нѣсколько часовъ могу представить ему на бумагѣ нѣсколько маневровъ сего дѣйствія для избранія лучшаго. Онъ симъ оскорбился и сказалъ, что знаетъ тактику не хуже моего. Затѣмъ послѣдовалъ другой вопросъ: „Скажите“,—продолжалъ онъ,—„скажите, какъ опытный генералъ, можетъ ли Высочайшее именное повелѣніе остаться безъ исполненія?“—„Какое повелѣніе?“—спросилъ я.—„Мнѣ велѣно взять Эривань непремѣнно“.—“Назначено ли вамъ для того время?“—отвѣчалъ я ему на то.—„Нѣтъ; но хотя точно время не опредѣлено, я буду въ отвѣтственности, ежели не исполню воли Государя“,—былъ его отвѣтъ. Тутъ началъ я ему предлагать слѣдующее: „Сами видите вы невозможность при нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ овладѣть крѣпостью. Отступимъ, пробьемся сквозь непріятеля, пойдемъ въ Грузію,—укомплектуемъ тамъ полки, запасемся провіантомъ и военными снарядами, придемъ ранней весной и употребимъ всѣ мѣры къ исполненію воли Императора.“

На сіе возразилъ онъ: „Развѣ не знаете вы, что мы въ самомъ Тифлисѣ окружены шпіонами, и что всякое наше предпріятіе, прежде нежели приступимъ мы къ исполненію его, извѣстно внутри Персіи. И въ будущую кампанію можетъ съ нами то же случиться, что и нынѣ“. „Правда,—продолжалъ я,—но я думаю, что для сего потребно будетъ сдѣлать развлеченіе непріятельскихъ силъ. Для сего же, полагаю я, должно будетъ вооружить

эскадру въ Астрахани на Каспійскомъ морѣ, посадить на оную достаточное число десанта и войска, велѣть оной идти къ Астрабаду, лежащему въ срединѣ Персіи, бомбардировать сей городъ и, буде можно, сдѣлать высадку. Предпріятіе сіе не подвержено никакой опасности, потому что персіяне не имѣютъ флота."

Молчаніе князя Циціанова было знакомъ его согласія на то, какъ увидимъ это впослѣдствіи.

Между тѣмъ долженъ я упомянуть здѣсь о трудности для войска россійскаго покорить силою оружія крѣпость Эриванскую. По отбытіи моемъ уже изъ Грузіи и по кончинѣ кн. Циціанова, главное начальство принялъ тамъ фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, весьма опытный генералъ. Но покушеніе его взять сію крѣпость было тоже неудачно, и онъ долженъ былъ отступить съ урономъ.

Предъ симъ довольно уже сказалъ я, сколь сильно крѣпость сія укрѣплена противъ штурма.

Открыть траншеи, дѣлать бреши, хотя бы и было возможно, но мы не имѣли въ Грузіи осадной артиллеріи: по трудности дорогъ почти нельзя оную доставить туда. Принудить же крѣпость къ сдачѣ бомбардированіемъ единороги наши мало къ тому способны.

Блокада, по многочисленности персидскаго народа, могущаго въ непродолжительномъ времени собрать многочисленную армію, почти невозможна. Но такъ какъ давно то принято мнѣніе, что нѣтъ непобѣдимой крѣпости, то и сіе съ значительнымъ пожертвованіемъ можетъ быть взято. Но будетъ ли пріобрѣтеніе оной и потомъ содержаніе стоитъ необходимо потребныхъ издержекъ?

Снятіе осады.

День 3 сентября назначенъ былъ къ снятію осады Эривани и отступленію. По пробитіи вечерней зари, начали свозить пушки въ батареи. А дабы непріятель не могъ нечаянно на насъ напасть, учреждено было до 80 малыхъ извѣщательныхъ постовъ въ разныхъ улицахъ и переулкахъ предмѣстья, о положеніи которыхъ заблаговременно дано было мнѣ знать,

Отступленіе должно было начаться съ лѣваго фланга, за онымъ слѣдовалъ правый. Я же, начальствовавшій срединой линіи, долженъ былъ дождаться, пока войско праваго фланга пройдетъ много миль, потомъ собрать всѣ вышеупомянутые посты, присоединить ихъ къ своему отряду и составить аріергардъ.

Ночь была весьма темная, въ крѣпости царствовала великая тишина и ничего не было примѣтно, кромѣ того, что по временамъ, въ разныхъ мѣстахъ, опускали мы въ ровъ большіе подсвѣты. Вѣроятно, услышавъ движеніе и стукъ колесъ на батареѣ, подумали они, что не готовимся ли мы къ штурму?

За часъ до разсвѣта, успѣлъ я собрать порученные мнѣ посты и выступить съ аріергардомъ моимъ изъ предмѣстья Эриванскаго. Въ сіе время нашъ авангардъ встрѣтился съ однимъ непріятельскимъ постомъ, который, какъ видно, примѣтивъ вели-

кое движеніе войска, заключилъ, что мы идемъ атаковать главную ихъ силу. Поэтому, сдѣлавъ только нѣсколько выстрѣловъ, отступилъ къ оной. Мы же продолжали путь свой до рѣки Залги и, переправившись за оную, расположились лагеремъ. Того же дня узнали мы, что непріятель, собравъ свои палатки, напрасно ожидалъ насъ на мѣстѣ своего лагеря. Узнавъ, однако же, настоящее наше намѣреніе, пришелъ онъ ночью на берегъ рѣки и, поставивъ пушки, продолжалъ по насъ пальбу нѣсколько часовъ. Но такъ какъ берегъ, ими занимаемый, несравненно былъ возвышеннѣе нашего, то всѣ его ядра, при темнотѣ ночи, перелетали чрезъ нашъ лагерь, не причинивъ ни малѣйшаго вреда.

На разсвѣтѣ выступили мы къ Эчміадзинскому монастырю, гдѣ предположено было быть дневкѣ, чтобъ нѣсколько отдохнуть и забрать остальной провіантъ, тамъ находящійся. Въ немъ на послѣднихъ дняхъ нашей осады была такая крайность, что я самъ три дня довольствовался особаго рода травой, растущей въ той сторонѣ. Она подобна тонкой спаржѣ и имѣетъ кисловатый вкусъ. Мы варили ее и принуждены были ѣсть безъ соли.

Непріятель, передъ выступленіемъ нашимъ изъ лагеря, успѣлъ переправить ниже насъ по теченію рѣки отрядъ войска и нѣсколько пушекъ. Поэтому, лишь только мы, по обыкновенію нашему, устроившись въ одно карэ, отошли версты съ двѣ, началъ онъ стрѣлять на насъ изъ пушекъ съ лѣвой стороны. Но артиллерія наша заставила ихъ скоро замолчать.

Къ вечеру пришли мы на назначенное мѣсто. Кн. Циціановъ расположился своею квартирой въ самомъ монастырѣ, а насъ поставилъ лагеремъ подлѣ онаго, раздѣливъ весь корпусъ на три карэ. Правое было подъ начальствомъ моимъ, лѣвое г. Леонтьева, а среднее Путятина. Расположившись такимъ образомъ, условился я съ нѣкоторыми штабъ и оберъ-офицерами пойти на другой день осмотрѣть столь славный во всей Азіи армянскій Эчміадзинскій монастырь. Нѣкоторые путешественники называютъ его араратскимъ, потому что находится онъ неподалеку отъ толико извѣстной въ Св. Писаніи горы Араратской. Но поутру непріятель сдѣлалъ нападеніе на фуражировъ нашихъ, запасавшихся травою въ степяхъ противъ средняго нашего карэ. Мы потеряли до 10 человѣкъ; однако же, высланные отъ насъ отряды уничтожили дальнѣйшее покушеніе непріятеля и принудили его отступить.

Сіе небольшое сраженіе кончилось поутру въ 9 часовъ. Итакъ, имѣлъ я время съ нѣкоторыми офицерами осмотрѣть Эчміадзинскій монастырь.

Эчміадзинскій монастырь.

Эчміадзинъ значитъ на армянскомъ языкѣ *первый исходъ*. Преданіе о немъ простирается до всемірнаго потопа, и утверждаетъ, яко бы Ной, вышедши первый разъ изъ ковчега своего, остановившагося на горѣ Араратской, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ находится вышеупомянутый монастырь, принесъ тамъ жертву Всевышнему. Преданіе сіе суще-

ствуетъ во всей Азіи и во многихъ странахъ Европы. Поэтому всѣ народы имѣютъ большое почитаніе къ оному,—не только разныхъ сектъ христіане и магометане, но даже и евреи.

Монастырь сей окруженъ высокою стѣною, съ башнями по угламъ, изъ темнаго дикаго камня, съ карнизами и другими украшеніями изъ мрамора и разноцвѣтнаго камня. Въ срединѣ находится главная церковь изъ высѣченнаго гранита готической архитектуры; она высока, пространна и соразмѣрность во всѣхъ частяхъ хорошо соблюдена. Площадь, окружающая оную, вымощена плитами изъ бѣлаго мрамора. Ее окружаютъ патріаршіе дома, монашескія кельи и прочія принадлежащія къ монастырю строенія. Отъ оныхъ до самой церкви насажено нѣсколько аллей изъ абрикосовыхъ и гранатныхъ деревьевъ. Для этого въ помянутомъ мраморномъ помостѣ просѣчены около каждаго дерева довольнаго пространства круглыя отверстія, въ которыя видна зеленѣющая трава. Сверхъ того, подлѣ рядовъ изъ деревьевъ высѣчены въ помостѣ, но не до самой земли, небольшіе каналы. Они, для освѣженія воздуха, наполняются проточной текучей водой, проведенной изъ ближайшей высоты. Патріаршій домъ построенъ въ два этажа, а прочіе въ одинъ,—изъ камня, смѣшаннаго съ кирпичемъ, и прекрасно оштукатуренъ снаружи и извнутри. Въ этомъ каменщики сей части Азіи, равно какъ и въ высѣканіи камня, весьма искуссны. Они выдѣлываютъ на мраморѣ и другихъ камняхъ разные узоры, на подобіе самого тонкаго кружева.

Мы хотѣли войти въ церковь, но она была заперта. Монахъ сказалъ намъ, что должно просить на то позволенія у армянскаго архіепископа Іоанна, прибывшаго съ нами изъ Тифлиса. Поэтому пошли мы къ нему. Не взирая на то, что онъ былъ со мною знакомъ въ Грузіи, весьма удивило насъ то, что онъ началъ учинять нѣкоторыя затрудненія, чтобъ приказать отпереть для насъ церковь. Но когда я повторилъ ему свою просьбу и не скрылъ удивленія моего въ отказѣ его въ первый разъ, то онъ, отведя меня особо, сказалъ:

— Вамъ извѣстно, что оба патріарха, Даніилъ и Давидъ, ушли отсюда и увезли съ собою всѣ монастырскія сокровища. Однако же извѣстіе сіе не совсѣмъ справедливо: часть оныхъ еще скрыта въ главной церкви; и кн. Иаціановъ приказалъ оныя достать,—теперь занимаются тамъ сей работой.

— Тѣмъ лучше,—отвѣчалъ я ему.—Мы увидимъ церковь и хотя часть тѣхъ сокровищъ, о которыхъ столь много говорятъ вездѣ.

Сіи слова убѣдили его приказать отпереть церковь, и онъ пошелъ туда съ нами.

Главная церковь. Церковь внутри довольно пространна и свѣтла, вымощена мраморными плитами. Стѣны украшены изрядною живописью, съ позолоченными карнизами Въ числѣ образовъ, есть нѣсколько экземпляровъ хорошей итальянской работы, присланныхъ венеціанскими ар-

мянами. Хотя въ армянскихъ церквахъ, на подобіе римско-католическихъ, нѣтъ иконостасовъ, какъ въ греческихъ, и алтарь открытъ, но стѣна за онымъ имѣетъ обыкновенно многія приличныя украшенія, какія дѣлаются на иконостасахъ. И она, можетъ быть, по смыслу греческаго слова, названа иконостасомъ, поставленнымъ не предъ алтаремъ, какъ у грековъ, но за онымъ. И такъ, иконостасъ въ сей церкви совсѣмъ особаго вкуса. Вмѣсто рѣзьбы и позолоты, наполняющей, по обыкновенію, пространства, находящіеся между образами, все покрыто полированной черепахой, украшенной разными вырѣзками, въ которыхъ съ довольнымъ искусствомъ вездѣ вставленъ перламутръ. Каѳедра патріарха, архіепископская и мѣста для другихъ особъ, равно клиросы и перила предъ алтаремъ покрыты также черепахою и перламутромъ. Не знаю что тому причина, но и въ домашнихъ потребностяхъ въ домахъ патріаршихъ и архіерейскихъ находилъ я много такихъ украшеній.

Архіепископъ Іоаннъ показалъ намъ посреди церкви складенную въ большую кучу разную золотую и серебряную утварь, жемчуги и драгоцѣнные каменья, сказавъ:

— Вотъ что патріархи при побѣгѣ своемъ не успѣли съ собою взять; но еще не все вынуто.

Между тѣмъ, какъ мы занимались разсматриваніемъ украшеній церкви, вошелъ кн. Иціановъ съ другой стороны въ оную и, увидѣвъ меня, сказалъ:

— Вы любопытствуете, видно, что имѣете для этого довольно празднаго времени.

— Такъ,—отвѣчалъ я ему,—на сей разъ, окончивъ всѣ дѣла, до службы касающіяся, осталось для меня нѣсколько свободнаго времени, чтобъ посмотрѣть столь знаменитое зданіе.

Сокровища Эчміадзина.

— Вы находите свободное отъ службы время,— продолжалъ онъ,—а я ни минуты не имѣю. И потому извольте собрать всѣ сокровища, здѣсь находящіяся, прикажите ихъ увязать въ тюки, запечатайте моею, вашею и архіерейской печатью и подъ прикрытіемъ вашего полка доставьте ихъ въ Тифлисъ.

Я спросилъ его, прикажетъ ли онъ сдѣлать опись.

— Когда этимъ заниматься?—отвѣчалъ онъ.—Мы завтра выступаемъ и, можетъ быть, будемъ атакованы непріятелемъ. Но я пришлю вамъ на то письменное повелѣніе.

Сказавъ сіи слова, вышелъ онъ изъ церкви и черезъ нѣсколько минутъ прислалъ чрезъ адъютанта своего повелѣніе на бумагѣ, чтобъ я взялъ всѣ вещи безъ описи, и чтобъ до разсвѣта были оныя помѣщены на вьючныхъ лошадей и находились бы въ моемъ лагерѣ.

Я послалъ еще за нѣсколькими офицерами, мастеровыми и рабочими моего полка, и принужденъ былъ этотъ день и ночь заниматься собираніемъ вещей, увязкою и печатаньемъ тюковъ.

Мы нашли большой запасъ восковыхъ свѣчей и, имѣя ихъ въ рукахъ по нѣсколько, ходили по церкви, искали по всѣмъ угламъ и забирали всѣ вообще драгоцѣнности. Казалось, что не оставалось уже ничего больше, какъ въ одномъ темномъ углу я нашелъ предъ иконой Спасителя большую золотую лампаду, украшенную каменьями.

— Вотъ что мы еще забыли!—сказалъ я архіерею.

Лампада Надиръ-шаха.

— Не трогайте этой лампады,—отвѣчалъ онъ.—Если по отбытіи вашемъ придутъ сюда персіяне и оной не найдутъ, то готовы будутъ разорить и церковь и монастырь.

Я спросилъ у него тому причину. Онъ велѣлъ для того отнять мраморную плиту, находившуюся подъ образомъ. За ней находилась небольшая желѣзная дверь. По открытіи оной, вынули серебряный ящикъ, въ которомъ хранилась грамота персидскаго императора Надиръ-шаха, при которомъ была послана сія лампада съ тѣмъ, чтобы завсегда горѣла предъ помянутымъ образомъ.

На издержки, силою той же грамоты, утверждаетъ онъ сему монастырю двѣнадцать армянскихъ деревень въ вѣчное владѣніе.

Архіерей разсказалъ мнѣ потомъ, что Надиръ-шахъ былъ отчаянно боленъ и видѣлъ во снѣ, что кто-то сказалъ ему, чтобъ онъ для возвращенія своего здоровья ѣхалъ въ Эчміадзинскій монастырь и тамъ предъ иконой Спасителя, въ лѣвомъ углу церкви находящейся, принесъ молитву. Католическій священникъ-миссіонеръ, занимавшійся, какъ и прочіе въ Азіи находящіеся, медициной, пользовалъ императора въ его болѣзни. Императоръ разсказалъ ему свой сонъ, и онъ совѣтовалъ непремѣнно то исполнить.

Шахъ-Надиръ раньше не бывалъ никогда въ семъ монастырѣ; но лишь только вошелъ онъ въ церковь,—въ тоже время нашелъ онъ видѣнный имъ во снѣ образъ. Онъ молился и посвятилъ помянутую лампаду. Путешествіе ли, перемѣна ли климата или другія непостижимыя причины, какъ говорилъ архіерей, избавили его отъ болѣзни. Съ тѣхъ поръ лампада сія всегда горитъ предъ образомъ.

Бывшіе при томъ монахи показали мнѣ двѣ доски, о которыхъ увѣрялъ онъ, что онѣ суть остатки отъ Ноева ковчега. Одна изъ оныхъ длиною въ 6, а другая въ 7 футовъ, шириною кажется съ небольшимъ въ одинъ футъ, толщина же дюйма въ три. Изъ коего онѣ дерева,—узнать было невозможно, потому что одна выкрашена коричневой краской и покрыта довольно хорошимъ лакомъ, наподобіе каретнаго. Другая же вся обита голубымъ атласомъ и по срединѣ прибитъ небольшой серебряный крестъ. Всякій можетъ разсудить, что сіи ни на что непотребныя украшенія придуманы незнающими монахами и не соотвѣтственны никакой древности. Со всѣмъ тѣмъ видѣлъ я

нѣкоторыхъ простолюдиновъ изъ армянъ, которые молились, предъ оными, крестились, кланялись, цѣловали и клали деньги.

Предъ наступленіемъ дня исполнилъ я повелѣніе кн. Цицiанова и привезъ въ мой лагерь на одиннадцати вьючныхъ лошадяхъ оставленное патріархомъ богатство Эчміадзинскаго монастыря, состоявшее въ драгоцѣнныхъ камняхъ, жемчугахъ, золотѣ и серебрѣ. А такъ какъ архіерей Іоаннъ долженъ былъ возвратиться съ нами въ Тифлисъ, то и упросилъ я его находиться въ моемъ отрядѣ и вмѣстѣ со мною почасту осматривать цѣлость тюковъ съ сокровищами.

Отступленіе.

Поутру выступили мы тремя карэ лѣвымъ флангомъ; правый, бывшій подъ моимъ начальствомъ, составилъ аріергардъ. Сей порядокъ марша продолжался до самыхъ границъ Грузіи, и исключая узкихъ проходовъ, гдѣ по необходимости должно было слѣдовать колоннами; становились же на лагерь всегда однимъ карэ.

Пожаръ въ степи.

Едва отошли мы нѣсколько верстъ отъ монастыря, какъ непріятель сильно атаковалъ мое карэ. Я отстрѣливался, по временамъ останавливался, удерживалъ стремленіе его картечными выстрѣлами и такимъ образомъ достигъ назначеннаго для лагеря мѣста тогда, когда прочіе отряды успѣли уже отдохнуть, а непріятель оставилъ свое нападеніе.

На другой день послѣдовало то же самое; но на третій персіяне начали показываться только издали. Примѣтивъ же, что отрядъ мой въ самое жаркое время шелъ черезъ степь, покрытую высокой и сухой травой, а вѣтеръ дулъ на нашу сторону,— они, желая воспользоваться симъ обстоятельствомъ, зажгли траву. Густой дымъ и пламя со всѣхъ сторонъ насъ окружали, а трескъ отъ горящей травы совершенно заглушалъ непріятельскіе выстрѣлы, такъ что мы не иначе могли узнать о его приближеніи, какъ по пулямъ, прилетавшимъ къ намъ сквозь дымъ безъ всякаго звука. Трудно было сдѣлать какое-нибудь распоряженіе. Трескъ отъ травы заглушалъ командныя слова, при чемъ дымъ препятствовалъ произношенію оныхъ. Къ тому же для всѣхъ распоряженій имѣлъ я при себѣ только полковника Симоновича и одного адъютанта, прочіе же офицеры, не считая умершихъ, были тяжело больны и отправлены по другой дорогѣ въ Грузію. Въ сей крайности, желая по крайней мѣрѣ увидѣть, близко ли находится непріятель, бросился я верхомъ налѣво и примѣтилъ, что не болѣе какъ въ пятидесяти шагахъ отъ насъ находится довольное пространство степи, на которомъ трава совершенно уже сгорѣла и погасла. Итакъ не оставалось мнѣ ничего больше къ спасенію, какъ, пренебрегши всею опасностью огня, велѣть моимъ гренадерамъ приподнять патронныя сумы, сколь можно выше, и поспѣшнѣе бѣжать сквозь дымъ и пламя на примѣченное мною обгорѣлое мѣсто. Больше всего страшили меня ящики съ зарядами, но и тѣ счастливо туда достигли.

Тутъ устроясь въ боевой порядокъ, началъ я дѣйствовать противъ непріятеля и ожидалъ, когда вся трава на предлежащемъ мнѣ пути сгоритъ. Находящіяся же неподалеку крутыя и каменистыя горы подавали мнѣ надежду на прекращеніе сего пожара.

Сраженіе окончилось только нѣсколькими ранеными съ моей стороны. Но я пришелъ на лагерь тогда, когда прочіе готовились ужъ выступать,—пришелъ съ изнуренными солдатами, паче всего по неимѣнію воды, при несноснѣйшей жарѣ, увеличившейся еще отъ огня.

Тучковъ раненъ.

Гористое мѣстоположеніе не позволяло болѣе идти въ карэ, и потому готовились мы выступить тремя колоннами одна за другой. Лишь только всѣ отряды и артиллерія выступили, а я съ однимъ полкомъ безъ пушекъ оставался еще на мѣстѣ, какъ непріятель успѣлъ поставить три батареи и началъ стрѣлять противъ моей линіи, готовясь атаковать конницею. Кн. Циціановъ, услышавъ сіе, поспѣшилъ прислать ко мнѣ пушки, дѣйствіе которыхъ принудило замолчать ихъ батареи, а конницу отступить. При семъ случаѣ получилъ я легкую рану въ ногу повыше колѣна, но не счелъ нужнымъ рапортовать себя раненымъ.

Хотя непріятель былъ отраженъ и я выступилъ вслѣдъ за другими, но принужденъ былъ съ высылаемыми отъ непріятеля партіями, вести, отступая, безпрестанную перестрѣлку. Эти нападенія его на арьергардъ, подъ начальствомъ моимъ состоявшій, продолжались, считая отъ выступленія нашего изъ-подъ монастыря до самыхъ предѣловъ Грузіи, девять дней безпрерывно. И окончились совершенно тогда, когда остановились мы лагеремъ въ пяти верстахъ отъ пограничной нашей крѣпости Караклиса. Отсюда получили мы достаточное продовольствіе, какъ для людей, такъ и для оставшихся у насъ лошадей, и притомъ обывательскія подводы въ пособіе.

Отъ сего мѣста отправился *кн. Циціановъ* прямо въ Тифлисъ, корпусу же приказалъ идти по полкамъ, каждому въ назначенные квартиры. А мнѣ велѣно было съ гренадерскимъ моимъ полкомъ слѣдовать къ Тифлису, расположиться лагеремъ по близости онаго и ожидать дальнѣйшаго повелѣнія. По прибытіи моемъ въ сію столицу Грузіи узналъ я до какой степени простирается вражда противъ меня кн. Циціанова. Не входя въ подробное изслѣдованіе причинъ, скажу только, что довольно было низкихъ душъ, которыхъ почиталъ онъ себѣ преданными, и которыя всѣ мои разговоры и сужденія съ прибавленіями и часто въ противномъ смыслѣ ему переносили. Недовольно было ему того, что я не получилъ ничего за всѣ мои дѣла въ сей трудной и опасной экспедиціи, тогда какъ многіе были награждены. Открылъ я еще, что кн. Циціановъ изыскиваетъ всѣ способы очернить меня въ мысляхъ Государя и подвергнуть несчастію.

Всѣми мѣрами старались возмутить противъ меня моихъ подчиненныхъ, но не могли въ томъ успѣть. Поэтому, дабы совершенно разстроить мой полкъ, въ которомъ находилось тогда не болѣе 400 человѣкъ рядовыхъ и только шесть человѣкъ офицеровъ, изнуренныхъ необыкновенными трудностями, велѣно мнѣ было въ концѣ октября мѣсяца, когда въ Кавказскихъ горахъ начинается суровая зима, слѣдовать туда. Тамъ долженъ былъ я усмирять волненія, возникшія со времени выступленія нашего подъ Эривань, между народами, тамъ обитающими. По слабости же полка мы должны были оставить знамена въ Тифлисѣ.

Здоровье мое довольно уже было разстроено, а всѣ будущіе виды по службѣ представляли мнѣ одно несчастіе. Я зналъ напередъ, что сколько бы я ни отличился моими подвигами, награжденъ не буду; малѣйшая же ошибка или неудача можетъ совершенно меня погубить. Поэтому, отдавъ кн. Циціанову лично сокровища Эчміадзинскаго монастыря, въ цѣлости мною доставленыя, я объявилъ себя больнымъ и подалъ прошеніе въ отставку. Кн. Циціановъ былъ весьма тому радъ и въ тоже время, надѣясь притѣснить меня при сдачѣ полка, далъ предписаніе, дабы поручилъ я начальство старшему по себѣ. Сдача же полка должна послѣдовать тогда, когда возвратится оный изъ экспедиціи въ Кавказскія горы. За болѣзнію полковника Козловскаго, полковникъ Симоновичъ, принявъ начальство, выступилъ въ назначенный походъ, куда отправился и самъ кн. Циціановъ съ другими войсками, остававшимися въ сію кампанію въ Грузіи.

Усмиреніе кавказскихъ горцевъ.

Во время пребыванія нашего за границей происходили великія неспокойности въ сей землѣ. Жители Теулетинскаго ущелья горъ кавказскихъ и нѣкоторыя осетинскія селенія взбунтовались, отреклись отъ подданства россійскаго, выгнали исправниковъ, пресѣкли сообщеніе съ кавказской линіей и нападали на малые наши отряды. Съ другой стороны лезгины увеличили свои набѣги. Остававшійся тамъ начальникомъ ген.-лейт. *кн. Волконскій* нѣсколько ихъ усмирилъ; но предпріятія посланнаго съ другой стороны ген.-м. Талызина были не столь удачны. Онъ обманомъ мятежниковъ заведенъ былъ въ опасныя мѣста, принужденъ ретироваться и зарыть въ землю пушки, чтобъ не достались въ ихъ руки. Кн. *Циціановъ* весьма недоволенъ былъ распоряженіямъ кн. Волконскаго, а *Талызина* предалъ суду. Онъ принудилъ ихъ обоихъ искать средства удалиться изъ Грузіи, въ чемъ наконецъ и успѣлъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, возвратился кн. Циціановъ съ войсками своими изъ горъ Кавказскихъ.

Отставка Тучкова.

Такъ какъ онъ получилъ уже мою отставку, то и приказалъ мнѣ сдать полкъ полковнику *Симоновичу*, потому что старшій полковникъ *Козловскій* уволенъ былъ въ отпускъ. При этомъ онъ хотѣлъ, чтобъ всѣ недостатки полка, происшедшіе отъ столь трудной экспедиціи,

поставлены были на мой счетъ. Но такъ какъ Симоновичъ противъ того возразилъ, то и приказалъ онъ остановиться ему при этомъ и ожидать прибытія ген.-м. кн. *Маматказина*, назначеннаго на мѣсто меня шефомъ полка. Сей поступокъ его заставилъ меня послать просьбу къ Императору, который повелѣлъ все, чего не доставало въ полку, принять на счетъ казны. Я отставленъ былъ съ позволеніемъ носить мундиръ, или, какъ просто говорится въ ежегодныхъ приказахъ Императора, съ *мундиромъ*. Это нынѣ есть родъ награжденія, тогда какъ со временъ Петра I-го, или съ начала заведенія регулярныхъ войскъ въ Россіи, не только не было сіе награжденіемъ, но напротивъ, требовалось отъ всѣхъ остальныхъ военной службы чиновниковъ и даже солдатъ, чтобъ они въ праздничные дни или въ праздничныхъ собраніяхъ непремѣнно являлись въ своихъ мундирахъ, въ чемъ были при отбывкѣ. Особенно для нижнихъ чиновъ подтверждалось это даннымъ имъ указомъ, къ непремѣнному исполненію. Павелъ I-й за наказаніе лишалъ многихъ мундира при отставкѣ. И подлинно, что можетъ быть обиднѣе для генерала или чиновника, служившаго нѣсколько лѣтъ, какъ не лишаясь чина, лишиться того права, которое предоставлено всякому солдату. Но у Павла I-го это было наказаніемъ; а Александръ I-й обратилъ то въ награжденіе, чѣмъ военный человѣкъ и безъ того по всѣмъ правамъ пользоваться долженъ. И что было наказаніемъ при его отцѣ, то сдѣлалось обыкновеннымъ постановленіемъ для всѣхъ, которые не выслужили опредѣленныхъ лѣтъ, въ какихъ бы чинахъ они ни были.

По прибытіи Маматказина *кн. Цицiановъ* поѣхалъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ Ганжу или Елисаветполь. *Ханъ Шушинской* провинціи бывъ подозрѣваемъ въ измѣнѣ и, опасаясь мщенія Бабахана, или *Фетъ-Али-хана*, шаха персидскаго, рѣшилъ Шушинскую крѣпость отдать русскимъ. Должно было поспѣшать. Но не было въ готовности близко войска, а потому Цицiановъ принужденъ былъ послать подполковника *Лисаневича* съ однимъ егерскимъ баталіономъ. Баха-ханъ, свѣдавъ о томъ, ускорилъ такъ же послать сильный корпусъ, такъ что Лисаневичъ не успѣлъ даже ввести свой обозъ въ крѣпость и вошелъ только съ одними егерями.

Полковникъ Карягинъ.

Посланный вслѣдъ имъ *полковникъ Карягинъ* съ двумя баталіонами былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, тяжело раненъ и едва совсѣмъ не погибъ. Не имѣя ни провіанта, ни воды, принужденъ онъ былъ прибѣгнуть къ военной хитрости. Онъ вступилъ съ персіянами въ переговоры о сдачѣ. Въ то же время онъ просилъ у нихъ позволенія стать при одной небольшой рѣчкѣ въ недалекомъ отъ нея разстояніи и чтобъ прислали ему они провіанту, а до совершенной сдачи сдѣлали бы перемиріе. Персіяне на то согласились, нѣкоторые чиновники пріѣхали въ его отрядъ и доставили продовольствіе. Ка-

рягинъ имѣлъ при себѣ много повозокъ, которые устроены были въ четыреугольный вагенбургъ, изъ-за которыхъ принужденъ онъ былъ обороняться по причинѣ несоразмѣрнаго числа атакующихъ. Съ нимъ было также нѣсколько армянъ, знающихъ хорошо всѣ окрестности. Итакъ онъ съ позволенія непріятеля перешелъ къ сказанной рѣчкѣ и сталъ въ томъ же порядкѣ. Хотя персіяне окружили его своимъ пикетомъ, но не довольно близко. Поэтому онъ, воспользовавшись темнотою ночи, оставя повозки въ линіяхъ, вышелъ тихо съ своими егерями изъ вагенбурга. Армяне провели его до одного древняго замка, лежащаго въ самомъ ущельѣ горъ. Въ семъ замкѣ находилась часть запасовъ персидскаго войска съ малымъ прикрытіемъ. Оно было столь оплошно, что онъ успѣлъ тотчасъ по прибытіи овладѣть симъ укрѣпленіемъ. Тамъ былъ онъ опять атакованъ и, не видя средства къ защищенію, ушелъ ночью съ войскомъ своимъ въ проломъ, примыкавшій къ самымъ неприступнымъ горамъ. Усердные армяне скрытыми дорогами успѣли провести его обратно до Ганжи. Сей храбрый полковникъ умеръ скоро потомъ отъ полученныхъ имъ ранъ.

Кн. Циціановъ, по отбытіи своемъ изъ Тифлиса, оставилъ начальникомъ въ Грузіи генер.-маіора *Портнягина.* Войска же при немъ было только одна рота егерей и до 60 человѣкъ гренадеръ, вышедшихъ изъ госпиталя. Въ семъ состояніи помянутаго города получено было вѣрное извѣстіе, что царевичъ Александръ и Шахъ-Зада, наслѣдники персидскаго престола, съ 40 т. войска идутъ къ Тифлису. Жители Грузіи весьма были тѣмъ устрашены и всѣ начали собираться въ столицу. Г. Портнягинъ, не предвидя ни откуда помощи, составилъ совѣтъ, къ которому пригласилъ и меня. Общая польза и собственная безопасность заставила меня принять воинскую обязанность, хотя я былъ уже въ отставкѣ. Первое предложеніе мое было сдѣлать исчисленіе жизненныхъ припасовъ, въ магазинахъ и во всѣхъ обывательскихъ домахъ находящихся, и сколь можно, запастись оными изъ ближайшихъ селеній. Пороху, свинцу и ядеръ было достаточно. Но надлежало исправить старые лафеты грузинскихъ пушекъ и пристроить къ каменнымъ стѣнамъ города возвышенные платформы. Это принялъ я на себя.

Жители города Тифлиса состоятъ по большей части изъ купцовъ и ремесленниковъ, не говоря о хлѣбникахъ, мясникахъ, садовникахъ, и прочихъ разной промышленности людей, необходимыхъ въ большихъ городахъ. Всѣ они любятъ оружіе, умѣютъ имъ дѣйствовать и почитаютъ щегольствомъ имѣть по возможности хорошее. Ремесленники занимаются своей работой всегда въ своихъ лавкахъ, гдѣ и продаютъ готовыя вещи.

Для обороны мы раздѣлили начальство надъ городомъ на части и, по совѣту моему, приказано было всѣмъ жителямъ, по пробитіи вечерней зари, выходить съ оружіемъ на площадь. Тамъ комендантъ разсчитывалъ ихъ на сотни и десятки и приказывалъ

каждому отдѣленію занимать назначенное ему на городской стѣнѣ мѣсто. Не считая пѣшихъ передовыхъ постовъ и конныхъ разъѣздовъ, всѣ должны были во всю ночь находиться на стѣнахъ. Женщины приносили имъ ужинъ, а они проводили всю ночь въ разговорахъ, музыкѣ и пѣсняхъ. По пробитіи утренней зари оставались одни караулы, по очереди наряжаемые. Прочіе же жители возвращались въ свои дома, гдѣ отдыхали до 10 часовъ утра. Послѣ чего открывались лавки, начинались торговля и ремесла и продолжались до вечера. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней продолжалась вся воинская осторожность безъ особливаго отягощенія для жителей.

Слухъ о нашествіи персіянъ былъ справедливъ. Они вступили въ Борчалинскую провинцію Грузіи, населенную татарами. Эти послѣдніе за годъ предъ тѣмъ обѣщали имѣть для нихъ въ запасѣ достаточное количество провіанта, но по причинѣ неурожая не могли исполнить своего обѣщанія. Раздраженные симъ цесаревичи Александръ и Шахъ-Зада велѣли казнить нѣсколько человѣкъ агаларовъ, татарскихъ наслѣдственныхъ старшинъ, составляющихъ между ними первую степень дворянства, отнеся сіе обстоятельство къ ихъ измѣнѣ. Послѣ этого они намѣрены были возвратиться. Но татары, желая имъ за то отомстить, склонили ихъ продолжать походъ чрезъ ущелья горъ, населенныя армянскими деревнями, обнадеживая ихъ найти въ оныхъ достаточное продовольствіе. Персіяне на то согласились. Они же, уговорясь съ армянами, своими сосѣдями,—дали имъ вступить въ тѣсныя ущелья горъ. Потомъ, напавъ на нихъ нечаянно со всѣхъ сторонъ, произвели сильное пораженье. Царевичъ и Шахъ-Зада едва съ малымъ остаткомъ своего войска успѣли спастись бѣгствомъ. Освободившійся при семъ случаѣ изъ плѣна нашъ генералъ-маіоръ грузинскій *князь Орбеліановъ* привезъ намъ сіе извѣстіе.

Захватъ Эчміадзинскихъ сокровищъ.

Стоявшій съ полкомъ своимъ близъ границы Персіи генералъ-маіоръ *Несвѣтаевъ*, узнавъ, что армянскій патріархъ со всѣмъ богатствомъ возвратился въ Эчміадзинскій монастырь, сдѣлалъ на оный нападеніе. Патріархъ успѣлъ уйти, но Несвѣтаевъ захватилъ всѣ бывшіе при немъ вьюки, монастырскія сокровища и много святынь, изъ которыхъ знаменитѣйшими были,—большая часть животворящаго креста и *копья Логина сотника*, которымъ пронзилъ онъ ребра Спасителя.

Копье Логина сотника.

О сей послѣдней святой достопамятности армянскіе историки повѣствуютъ слѣдующее. Когда Іисусъ Христосъ родился и былъ распятъ, тогда Арменія, хотя и имѣла своихъ царей, но была въ зависимости отъ римлянъ. Логинъ сотникъ, будучи армяниномъ, служилъ въ войскѣ римскомъ и находился при распятіи, какъ упоминается о томъ въ Евангеліи. Устрашенный чудесами, при томъ послѣдовавшими, полу-

чилъ онъ вѣру въ Спасителя Міра, принялъ ученіе апостоловъ, оставилъ воинскую службу и, возвратясь въ отечество, принесъ свое копье. Оно съ тѣхъ временъ хранилось въ основавшейся уже тогда первобытной христіанской церкви.

Изъ той же исторіи извѣстно, что еще прежде сего происшествія армянскій царь Тридатъ писалъ къ Спасителю, прося его посѣтить его страну. Къ нему посланъ былъ *евангелистъ Лука* Итакъ армяне имѣютъ право древностію своего христіанства поставить себя выше всѣхъ европейскихъ народовъ.

Отъ сего копія хранится одно желѣзо. Оно плоское, на подобіе продолговатаго, вверхъ обращеннаго сердца, или сказать эспантона, недавно вышедшаго изъ употребленія въ европейскихъ войскахъ. Длина его невступно одинъ футъ, а широта при нижнемъ концѣ дюймовъ въ пять. Посреди ратовища, какъ видно уже потомъ, изображенъ осьмиконечный крестъ.

Генералъ *Портнягинъ*, начальствовавшій тогда въ Тифлисѣ, не хотѣлъ принять помянутыхъ вещей безъ свидѣтельства знатнаго духовенства, чиновниковъ и дворянства; къ чему приглашенъ былъ и я. Но къ общему удивленію нашлось, что кромѣ святынь, всѣ доставленныя *ген. Несвѣтаевымъ* вещи были весьма малозначущи.

Счеты по сдачѣ полка.

Между тѣмъ узналъ я, что ген. *Маматказинъ* составляетъ вѣдомость о недостаткахъ бывшаго подъ начальствомъ моимъ полка съ большимъ прибавленіемъ противъ настоящихъ. Хотя Императоръ и повелѣлъ принять оные на счетъ казны, но я не хотѣлъ, чтобы такой несправедливый счетъ отнесенъ былъ къ моему несмотрѣнію. Еще вскорѣ по полученіи мною отставки, не сдавая никому моей должности, далъ я приказъ, по которому всѣ ротные командиры, квартирмейстеры и казначеи должны были подать мнѣ вѣдомости о числѣ и состояніи находящихся у нихъ вещей, за ихъ подписаніемъ, съ засвидѣтельствованіемъ всѣхъ штабъ-офицеровъ. Почему и просилъ я г. Маматказина прислать мнѣ его вѣдомость для разсмотрѣнія, такъ какъ найдутся, можетъ быть, въ оной такіе предметы, которые приму я на свой счетъ. Получивъ его вѣдомость и повѣривъ ее съ находящимися у меня, увидѣлъ я, что вмѣсто требуемыхъ имъ 60.000 рублей слѣдуетъ пополнить недостатки съ небольшимъ въ 2.000 руб. Видя такую его несправедливость, отослалъ я вѣдомость его въ Грузинское гражданское правленіе, прося составить мнѣ съ оной засвидѣтельствованную копію съ прибавленіемъ въ оной бѣлой графы для повѣрки. Получивъ обратно обѣ вѣдомости, подвелъ я счетъ, за который отвѣтствуютъ по силѣ находящихся у меня вѣдомостей всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка. По этимъ же вѣдомостямъ полковые недостатки простираются съ небольшимъ только до 2.000. Потомъ я отослалъ къ нему обѣ вѣдомости при моемъ отношеніи. Г. Маматказинъ столь былъ неосмотрителенъ, что по-

слалъ оные къ Императору съ жалобою на меня. Государь по разсмотрѣнію оныхъ, сдѣлалъ ему жестокій выговоръ, послалъ 5.000 руб. серебромъ и присовокупилъ, что если онъ сдѣлаетъ еще какія притязаніи въ пріемѣ полка, то въ то же время присланъ будетъ на мѣсто его другой начальникъ.

Лишь только онъ счетъ получилъ, то тогда же прислалъ мнѣ квитанцію, а *кн. Циціановъ* — подорожную, открытый листъ для конвоя и повелѣнія исправникамъ для доставленія всѣхъ выгодъ во время моего проѣзда чрезъ ихъ округи.

Хотя кн. Циціановъ всегда былъ ко мнѣ неблагорасположенъ, однако-жъ совѣтъ мой, данный ему при осадѣ Эривани, оставался у него въ памяти. И потому съ возвращеніемъ своимъ изъ сей экспедиціи писалъ онъ въ Астрахань, дабы вооружили эскадру на Каспійскомъ морѣ. По повелѣнію его той же весной ген.-м. *Повалишинъ*, бывшій комендантъ въ Астрахани, съ двумя тысячами татарскаго гарнизона, посаженнымъ на фрегаты и военные галеоты, вышелъ въ море. Но вмѣсто того, чтобъ идти къ Астрабаду, предписано ему было имѣть плаваніе только до береговъ Шемахинской провинціи. Проходя мимо приморскаго персидскаго города Баку, требовалъ онъ сдачи крѣпости; но какъ ханъ бакинскій ему въ томъ отказалъ, то и пошелъ онъ далѣе къ Шемахѣ и сдѣлалъ высадку на берегъ оной. Ханъ сей провинціи, собравъ войска, вышелъ ему навстрѣчу, и Повалишинъ, по неудачномъ сраженіи, отступилъ на свои суда. Оттуда пошелъ онъ обратно къ Баку и вторично требовалъ сдачи; когда же и въ другой разъ было ему отказано, то приступилъ онъ къ бомбардированію города. Между тѣмъ персіяне успѣли построить нѣсколько приморскихъ батарей, съ которыхъ открыли противъ эскадры его столь сильный огонь, что онъ съ большимъ поврежденіемъ его фрегатовъ вынужденъ былъ ретироваться на островъ Сару. Отсюда и послалъ онъ донесеніе къ кн. Циціанову о неудачныхъ своихъ покушеніяхъ.

Походъ кн. Циціанова противъ г. Баку. Смерть кн. Циціанова.

Кн. Циціановъ столько былъ тѣмъ раздраженъ, что, произнеся при всѣхъ на счетъ его самыя обидныя слова, сказалъ, что онъ самъ пойдетъ съ двумя тысячами войска сухимъ путемъ и увѣренъ, что чрезъ нѣсколько дней возьметъ Баку. Онъ былъ тогда въ Ганжѣ, и надлежало ему для сего проходить по близости горъ Дагестанскихъ, населенныхъ лезгинами, Эти послѣдніе могутъ въ короткое время поставить до 40 т. лучшихъ всадниковъ, и при томъ они были уже столько имъ оскорблены. А далѣе онъ долженъ былъ проходить черезъ владѣніе Шемахинское, ханъ котораго отразилъ десантъ г. *Повалишина.* Поэтому всѣ отнесли сперва сіи слова кн. Циціанова изступленію его гнѣва. Но они еще болѣе были удивлены, когда онъ, взявъ съ собою двѣ тысячи пѣхоты, 200 казаковъ и нѣсколько полевыхъ пушекъ, выступилъ въ назначенный самимъ себѣ походъ.

Я былъ тогда еще въ Тифлисѣ и ожидалъ кровопролитной встрѣчи при подошвѣ горъ Дагестанскихъ, но, сверхъ всякаго чаянія, прошелъ онъ мимо нихъ безъ малѣйшаго препятствія. Шемахинскій же ханъ встрѣтилъ его съ большими почестями и просилъ его покровительства. Легко можно было догадаться, что въ таковомъ ихъ покорствѣ скрывается опасный ковъ. Но кн. Циціановъ, какъ видно, вовсе о томъ не думалъ, и, придя къ Баку, сталъ лагеремъ въ разстояніи на дальній пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости. Въ первый день его туда прибытія, послѣ полудня, явился въ ставку его персидскій чиновникъ съ ключами крѣпости и съ договоромъ о сдачѣ. Ослѣпленный мнимыми своими успѣхами, кн. Циціановъ съ гордостью спросилъ его: „ты ли ханъ Бакинскій"? „Нѣтъ", отвѣчалъ чиновникъ:—„я его посланный". „Возьми-же,—сказалъ онъ,—твои ключи, поди въ крѣпость и скажи хану, чтобъ онъ самъ подалъ мнѣ ключи и на колѣняхъ просилъ прощенія въ его поступкахъ. А безъ того, взявъ городъ, велю прогнать его сквозь строй". Чиновникъ, взявъ ключи, пошелъ обратно и, возвратился чрезъ нѣсколько часовъ, принеся слѣдующій отвѣтъ.—„Такъ какъ ханъ мой, —говорилъ онъ,— имѣлъ уже намѣреніе воевать противъ войска великаго Александра [1]), то и почитаетъ онъ несоотвѣтственнымъ званію его, не получивъ прощенія, явиться въ непріятельскій лагерь. Если же князь желаетъ непремѣнно, чтобъ онъ самъ подалъ ему ключи и просилъ прощенія, то онъ готовъ сіе исполнить съ тѣмъ, чтобъ назначено было ему для того мѣсто между лагеремъ и крѣпостью и опредѣлено было время, въ которое ему явиться и въ какомъ числѣ людей. Кн. Циціановъ отвѣчалъ ему: „я буду самъ-четвертъ".—„И ханъ мой возьметъ съ собою не больше трехъ человѣкъ"—сказалъ посланный.—Послѣ сего вышли они оба изъ палатки. Князь, указавъ посланному круглое возвышеніе между лагеремъ и крѣпостью, сказалъ: „на этомъ курганѣ, завтра по утру въ шесть часовъ". Выслушавъ сіе, посланый поѣхалъ въ крѣпость.

Гибель кн. Циціанова.

Въ назначенное время *кн. Циціановъ*, взявъ съ собою подполковника грузинскаго *князя Эристова*, однаго адъютанта и одного казака, поѣхалъ верхомъ къ сказанному возвышенію. Едва примѣчено было сіе изъ крѣпости, какъ появились оттуда четыре человѣка, въ числѣ которыхъ былъ и ханъ. Не доѣзжая шаговъ съ пятьдесятъ до кургана, сошли они съ лошадей, ханъ взялъ блюдо и, положа на оное ключи пошелъ пѣшкомъ къ кн. Циціанову. Увидя сіе, сошелъ онъ также съ лошади, что и прочіе сдѣлали, принялъ ключи, отдалъ своему адъютанту и, сказавъ нѣ-

---

[1]) Персіяне въ льстивыхъ и обманчивыхъ своихъ выраженіяхъ всегда называютъ такъ Императора Александра 1-го.

сколько словъ хану,—сталъ садиться на лошадь. Лишь только поставилъ онъ ногу въ стремя, какъ одинъ изъ бывшихъ съ ханомъ, выхвативъ изъ-за пояса пистолетъ, выстрѣлилъ ему въ самый затылокъ. Онъ упалъ подъ лошадь. А выстрѣлъ сей былъ знакомъ для отряда самыхъ легкихъ персидскихъ всадниковъ, которые, бывъ скрыты поблизости въ одной лощинѣ, съ невѣроятною скоростью окружили высоту. Прежде, нежели наши успѣли взяться за оружіе, отрубили они всѣмъ головы, исключая казака, котораго отпустили въ лагерь; тѣла же убитыхъ увезли въ крѣпость.

Г. *Поваличинъ*, соединившійся съ отрядомъ покойнаго кн. Циціанова и принявшій начальство, не зналъ что дѣлать.—Онъ стрѣлялъ по крѣпости, но ему мало отвѣчали; а наконецъ получилъ онъ и повелѣніе отъ прибывшаго въ Грузію фельдмаршала *графа Гудовича* возвратиться со всѣми въ Астрахань.

Послѣ сего происшествія жители города Баку, опасаясь мщенія русскихъ, прибѣгнули къ новой хитрости. Они взбунтовались противъ своего хана, выгнали его изъ города, а правленіе поручили его сестрѣ. Сія женщина, якобы гнушаясь поступкомъ своего брата, отдала городъ и провинцію державѣ Россійской, за что получила отъ оной знатное вознагражденіе; а братъ ея награжденъ былъ въ Персіи и получилъ другое ханство.

Отъѣздъ Тучкова изъ Грузіи.

Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Грузіи *Анна, царица имеретинская*, просила меня, чтобъ я взялъ отъ нея письма и подарки къ Императору Александру и ко всей высочайшей фамиліи. Письма ея состояли въ изъявленіи благодарности за покровительство; а подарки—въ оружіи для государя и въ шаляхъ для государынь. Я, надѣясь найти еще знакомыхъ людей у двора, рѣшился ей въ томъ не отказать.

И такъ въ концѣ 1805 года оставилъ я Грузію. Около ста особъ знатнѣйшихъ жителей проводили меня при выѣздѣ изъ Тифлиса до перваго ночлега, а нѣкоторые изъ нихъ до самыхъ горъ Кавказскихъ. Когда же проѣхалъ уже я границу Грузіи, то нарочно посланный привезъ мнѣ свидѣтельство за подписаніемъ почти всего духовенства, дворянства, граждань и купечества города Тифлиса, состоящее въ томъ, что во время свирѣпствовавшей въ семъ городѣ чумной болѣзни принялъ я всѣ спасительныя мѣры къ сохраненію ихъ жизни и имущества; что отдѣливъ здоровыхъ отъ зараженныхъ и выпустивъ первыхъ въ надежное мѣсто, остался самъ съ одними зараженными чумою, медицинскими и полицейскими чинами и проч.

Я представилъ сіе свидѣтельство куда слѣдовало, но безъ всякаго успѣха. И тогда же я заключилъ, что начали у насъ награждать не по заслугамъ, но по произволу высшей власти.

ГЛАВА 13 я.

Городъ Старый Черкасскъ.—Заботы Александра I о просвѣщеніи.—Характеръ Императора Александра I.—Шкловъ по смерти ген. Зорича.—Потомство ген. Зорича.—Политика Александра I.—Дворъ Импер. Александра I.—Вторичное вступленіе Тучкова въ военную службу.—Военныя занятія Александра I.—Генералъ Апраксинъ.—Графъ Панинъ.—Война съ турками.—Подвигъ храбраго лейтенанта Н.—Генералъ-фельдмаршалъ князь А. Прозоровскій.—Возмущеніе украинской милиціи.—Образъ жизни кн. Прозоровскаго. — Образцовая аммуниція.—Забота кн. Прозоровскаго о развитіи танцовальнаго искусства въ Яссахъ.—Генералъ Голенищевъ-Кутузовъ.—Характеристика нашихъ генераловъ.

Городъ Старый Черкасскъ.

Оставивъ кавказскую линію и переправившись чрезъ рѣку Донъ, нашелъ я въ Черкасскѣ, столицѣ казаковъ, большія перемѣны. Тамъ всѣ заняты были предпріятіемъ *войсковаго атамана Платова* [1]) о переселеніи сего города на правый берегъ Дона, по той причинѣ, что рѣка сія, во время весенняго своего разлитія ежегодно наводняетъ почти весь городъ. Большая часть жителей недовольна была симъ его предпріятіемъ. Жаль было имъ оставить свои домы. Впрочемъ, выгоды Стараго Черкасска противъ новаго состоятъ только въ удобности рыбной ловли, составляющей знатнѣйшую часть промышленности казаковъ. Но она чрезъ небольшое удаленіе отъ ихъ жительства,—ибо Новый Черкасскъ назначенъ былъ только въ 7 миляхъ отъ Стараго, немного могла нанести затрудненія. Намѣреніе отвратить ежегодныя наводненія съ давняго времени стоило обществу казаковъ великихъ издержекъ. Многіе иностранные инженеры и гидравлики симъ занимались, и много употреблено было денегъ безъ пользы. Нѣкоторые изъ нихъ строили плотины, не помышляя о пространствѣ болѣе 150 миль земли, чрезъ которую рѣка сія протекаетъ. Если снять высоту оной отъ ея источника до самаго Черкасска и хотя убавить значительную часть на счетъ ея расширенія и со всѣмъ тѣмъ вѣрно исчислить, то какія ужасныя плотины должно бы было насыпать?

Неудобность для жительства отъ таковыхъ наводненій хотя отвращена была построеніемъ домовъ въ два жилья и высокаго моста черезъ весь городъ, но за то жители по нѣсколько мѣсяцевъ въ году не могли имѣть при себѣ никакого домашняго скота, а держали его за рѣкой.

---

[1]) Впослѣдствіи графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, герой отечественной войны, род. 1756 † 1818 г.

Предпріятіе атамана *Платова* въ теченіе десяти лѣтъ исполнилось до той степени, что большая часть жителей перешла на вновь назначенное мѣсто и построила прекрасный городъ. Но многіе остались въ старомъ, также и лучшія зданія оставались нетронутыми.

Другая перемѣна или новость состоялась въ открытіи въ Черкасскѣ гимназіи. Старый мой университетскій знакомецъ Поповъ, сдѣланъ былъ директоромъ. А такъ какъ, за разлитіемъ рѣкъ, я долженъ былъ нѣсколько дней прожить въ семъ городѣ, то онъ, придя ко мнѣ, просилъ меня посѣтить классы и прибавилъ, что онъ нарочно для того велѣлъ приготовить экзаменъ. Я нашелъ, по новости заведенія, довольные успѣхи учениковъ въ классахъ словесности, исторіи, географіи, математики и нѣкоторыхъ другихъ наукъ. При выходѣ изъ гимназіи, директоръ сказалъ мнѣ:

— Я весьма сожалѣю, что не могъ показать вамъ двухъ лучшихъ классовъ, потому что учитель оныхъ заболѣлъ, а именно: нравственной философіи и естественнаго богословія. Посмотрѣли бы вы, какъ наши молодые казаки въ сихъ частяхъ другъ противъ друга отличаются.

Заботы Александра I о просвѣщеніи.

Слова его произвели во мнѣ ту мысль, что просвѣщеніе открываетъ человѣку его преимущества и права. Императоръ Александръ I въ началѣ своего царствованія великое имѣлъ попеченіе о просвѣщеніи народномъ, учредивъ въ Россіи многія академіи, университеты и гимназіи. Онъ хотѣлъ даже сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ въ Россіи. Но въ семъ его намѣреніи скрывалась цѣль большаго еще утвержденія деспотизма, въ которую дворянство успѣло тогда же проникнуть. О семъ его намѣреніи буду я имѣть случай говорить подробнѣе въ дальнѣйшемъ разсказѣ моихъ записокъ. Скажу только, что и ревность его въ покровительствѣ просвѣщенію обратилась, наконецъ, въ притѣсненіе онаго.

Характеръ Императора Александра I го.

Природныя свойства человѣка, какою бы личиною ни старался онъ ихъ покрывать, рано или поздно появляются. Еще при самомъ вступленіи его на престолъ изъ нѣкоторыхъ его поступковъ виденъ былъ духъ неограниченнаго самовластья, мщенія, злопамятности, недовѣрчивости, непостоянства въ обѣщаніяхъ, обмановъ и желаніе наказывать выше законовъ. Но таковые его поступки оказывалъ онъ наиболѣе противъ однихъ военныхъ людей. Къ тому же старался онъ сколько можно менѣе оные дѣлать извѣстными, и знали объ нихъ только тѣ, которые терпѣли, и свидѣтели ихъ несчастія. Поэтому-то и почитали многіе его достойнымъ воспитанникомъ славнаго *Лагарпа*, покровителемъ просвѣщенія и права человѣчества. Но потомъ всѣ узнали свою ошибку.

Прежде, нежели оставилъ я Донъ,—первенствующій армян-

скій архіепископъ, живущій въ армянскомъ городѣ въ семи миляхъ отъ Черкасска, съ которымъ познакомился я на Кавказской линіи, просилъ меня его посѣтить, по обѣщанію моему и по случаю освѣщенія вновь построенной соборной церкви. Я исполнилъ его просьбу, и нашелъ небольшой, но прекрасно построенный городъ на берегу Дона, населенный одними армянами. Онъ называется Нахичевань. Но его не должно смѣшивать съ древнимъ Нахичеванемъ, лежащимъ при рѣкѣ Араксѣ въ окрестностяхъ горы Арарата. Сей городъ основанъ Екатериной II и населенъ выходцами изъ Арменіи, которымъ дала она особыя привилегіи. Главнѣйшая же изъ оныхъ есть та, что жители управляются чиновниками, избираемыми изъ ихъ общества, безъ вліянія на таковые выборы Россійскаго правительства.

По прибытіи моемъ въ губернскій городъ Харьковъ, имѣлъ я удовольствіе посѣтить тамъ вновь учрежденный прекрасный университетъ, попечителемъ котораго былъ тогда сенаторъ Потоцкій. Я нашелъ его тогда въ семъ городѣ. Хорошія постановленія, снабженіе всѣмъ потребнымъ, а особливо знаніе и просвѣщенная дѣятельность *графа Потоцкаго*, вызвало сіе новое учрежденіе до возможной степени совершенства.

Шкловъ по смерти ген Зорича.

Выѣхавъ изъ Харькова, остановился я на нѣсколько дней въ Шкловѣ. Какую ужасную перемѣну нашелъ я тамъ по смерти генерала *Зорича*. Все опустошено. Вездѣ видны однѣ развалины. Великолѣпное зданіе, въ которомъ помѣщенъ былъ кадетскій корпусъ, на его иждивеніе содержимый, сгорѣло не задолго до его кончины; а кадеты были переведены сперва въ Смоленскъ, потомъ въ Гродно и наконецъ заведеніе сіе вовсе уничтожилось. Огромная оранжерея, въ залахъ которой ежедневно принимаемо было множество гостей и прекрасный театръ, почти совсѣмъ обрушились. Большое деревянное строеніе, въ которомъ помѣщалось много пріѣзжающихъ, извѣстное подъ названіемъ стараго замка, сгорѣло. Родственники покойнаго, жившіе при немъ съ великими выгодами, остались безъ дневного пропитанія. Учреждена опека для уплаты долговъ. Но оные годъ отъ году увеличивались, и неизвѣстно куда дѣвались доходы. Наконецъ, вынужденнымъ нахожусь я сказать, что безпечность г. Зорича повергла родственниковъ его и тѣхъ, которымъ обѣщалъ онъ благотворить во всю ихъ жизнь, въ крайнюю бѣдность. При жизни своей не отказывалъ онъ имъ во всѣхъ потребностяхъ, но никогда не хотѣлъ слышать о смерти. А большая часть изъ нихъ были столь добры, что не хотѣли просить его, дабы утвердилъ онъ имъ навсегда какое ни есть имущество, и довольны были ежегоднымъ отъ него содержаніемъ, которое пресѣклось съ его кончиной.

Г. Зоричъ не былъ женатъ; но по склонности его къ женщинамъ имѣлъ многихъ побочныхъ дѣтей, о будущей участи которыхъ столько же онъ помышлялъ, сколько объ участи и прочихъ родственниковъ

Потомство генерала Зорича.

Извѣстный добродѣтельной своей жизнью старикъ, шкловскій *аптекарь Матушъ*, человѣкъ женатый и не имѣвшій своихъ дѣтей, по желанію г. Зорича принималъ въ домъ свой его побочныхъ дѣтей со дня рожденія. Правда, что на содержаніе ихъ было все отпускаемо, но съ возрастомъ ихъ Матушъ все свое стараніе прилагалъ къ доставленію имъ хорошаго воспитанія: кромѣ учителей, которымъ платили, и самъ онъ былъ человѣкъ свѣдущій и просвѣщенный. По пріѣздѣ моемъ въ Шкловъ сей почтенный старецъ пришелъ ко мнѣ, ведя съ собою трехъ мальчиковъ и двухъ молодыхъ дѣвицъ. Онъ упалъ съ ними передо мной на колѣни, говоря: „вотъ дѣти покойнаго Зорича, они не имѣютъ другого покровителя, кромѣ васъ. Я дѣлалъ для нихъ все, что могъ, и долгомъ поставляю продолжать мои о нихъ попеченія; но оныя не могутъ простираться далѣе. Вамъ извѣстны законы россійскіе. Я ничего не говорю о дѣвицахъ. Я старался внушить имъ правила добродѣтели и льщу себя, что въ томъ успѣлъ, а потому надѣюсь, что Провидѣніе благословитъ ихъ хорошею участью, и даже супружество составитъ имъ состояніе. Но юноши,—къ какому состоянію людей должны они принадлежать? И какую фамилію могутъ они принять? Уже старшему, какъ вы видите, время помыслить объ избраніи состоянія. А вы знаете, какъ это для такихъ людей въ Россіи трудно. Я теряюсь при моей старости и не могу ничего примыслить". И тутъ сквозь слезы едва могъ онъ промолвить: „не оставьте ихъ"... Тронутый участью сихъ несчастныхъ дѣтей, не зналъ я, что ему отвѣчать. Мысль просить Императора о причисленіи ихъ къ роду Зоричей казалась мнѣ невозможной. Первое, отецъ ихъ при жизни своей о томъ не просилъ. Второе, Зоричъ имѣетъ близкихъ родственниковъ за-границей, и будутъ ли тѣ на сіе согласны? И третье, угрюмая несклонность Императора къ благотвореніямъ въ тотъ же мигъ оную истребила. Поднявъ и поцѣловавъ сіе прекрасное семейство, сказалъ я имъ: „надѣйтесь на Бога, не оставляющаго никогда сиротъ, и будьте спокойны, милые мои друзья. А мнѣ дайте подумать, что могу я сдѣлать въ пользу вашу".

Состояніе ихъ повергло меня въ великое безпокойство. Наконецъ вспомнилъ я, что всѣ члены грузинскаго царскаго дома въ Петербургѣ, они всѣ мнѣ знакомы и нѣкоторые почитали меня своимъ другомъ. И такъ сказалъ я имъ:—„Одна надежда остается мнѣ въ дружбѣ. Вамъ надобно имѣть какое-нибудь право,—русское или иностранное въ Россіи въ одинаковомъ значеніи. Пусть это останется въ тайнѣ между нами. Можетъ быть, грузинскій царскій домъ мнѣ въ томъ поможетъ". Успокоивъ ихъ тѣмъ нѣсколько и получа небольшую сумму изъ пансіона, опредѣленнаго женѣ моей по смерти ген. Зорича изъ доходовъ его имѣнія, поѣхалъ я въ Москву.

Прибывъ въ сію древнюю столицу Россіи, нашелъ я тамъ мать мою и сестеръ, отецъ мой скончался въ бытность мою на

кавказской линіи—и одного брата моего, женатаго, съ семействомъ. Прочіе же—одинъ старшій и двое младшихъ—находились въ разныхъ мѣстахъ Россіи на службѣ: два генерала и одинъ въ чинѣ полковника, съ котораго женою въ первый разъ я познакомился. Она оставалась въ Москвѣ въ домѣ родителя своего г. Нарышкина.

Толико почитаемый между всѣми московскими жителями *графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ* желалъ со мною познакомиться. Я былъ имъ принятъ весьма ласково или, лучше сказать, дружески. Онъ былъ уже въ глубокой старости, хотя довольно бодръ, веселъ и одаренъ памятью; но я не долго пользовался его знакомствомъ: смерть его, послѣдовавшая на другой годъ, лишила меня сего удовольствія.

Грузинская исторія царевича Давида.

Пробывъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, поѣхалъ я въ С.-Петербургъ. Грузинскій *царевичъ Давидъ* старшій сынъ послѣдняго царя, узнавъ о моемъ туда пріѣздѣ, сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе и привезъ пять экземпляровъ сочиненной имъ и посвященной мнѣ книги подъ названіемъ: „*Краткая Грузинская Исторія*“, напечатанной при С.-Петербургской Академіи. Я, надѣясь получить отъ него болѣе, раздарилъ ихъ моимъ знакомымъ и просилъ у него еще. Онъ далъ мнѣ только два экземпляра, сказавъ, что у него самаго мало осталось. Такъ какъ небольшая сія книга довольно любопытна, то тщетно старался я купить нѣсколько такихъ же экземпляровъ въ книжныхъ лавкахъ. Полагая, что всѣ экземпляры оставлены имъ по какимъ ни есть видамъ въ академической типографіи, поѣхалъ туда, но и тамъ ихъ не нашелъ. На вопросъ же мой, куда царевичъ употребилъ всѣ экземпляры его книги, типографъ отвѣчалъ мнѣ: „когда наборка оной приходила къ окончанію, то спрашивалъ я царевича: сколько экземпляровъ прикажетъ онъ отпечатать,—полный заводъ или половину; т. е., 1,200 или только 600“. На сіе царевичъ сказалъ: „пятьдесятъ, не болѣе; этого количества довольно для меня и для моихъ пріятелей“. Теперь, когда я сіе пишу, царевичъ скончался, а у меня находится только одинъ экземпляръ, котораго постараюсь я при удобномъ случаѣ сдѣлать второе изданіе.

Но обратимся къ сиротамъ Зорича. Царевичъ зналъ, что я былъ тогда женатъ на ближайшей родственницѣ сего генерала, просьбу мою о нихъ принялъ онъ съ большимъ усердіемъ. Я постараюсь, сказалъ онъ мнѣ, склонить членовъ царскаго дома, чтобы они дали имъ свидѣтельство, что происходятъ они отъ дворянства грузинскаго. А что принадлежитъ до фамиліи, то, дабы существующіе нынѣ не могли со временемъ быть на то въ неудовольствіи, постараюсь я поискать въ моихъ историческихъ книгахъ такихъ, коихъ родъ уже пресѣкся. И подлинно, чрезъ нѣсколько дней, прислалъ онъ ко мнѣ двѣнадцать таковыхъ фа-

княжн на выборъ. Женѣ моей понравилось по произношенію прозванье Ларадзіевыхъ. И такъ послалъ къ нему ихъ имена. А онъ велѣлъ написать на грузинскомъ языкѣ свидѣтельство, что поименованные въ ономъ точно происходятъ отъ роду Ларадзіевыхъ.

Родъ Ларадзіевыхъ.

Свидѣтельство сіе было подписано и утверждено печатью у царицы Дарьи, супруги покойнаго *царя Ираклія* царевичемъ Вахтангомъ, сыномъ того же царя, или *Давидомъ*, какъ старшимъ сыномъ и бывшимъ наслѣдникомъ послѣдняго грузинскаго царя, и нѣкоторыми другими царевичами. Я велѣлъ старшему сыну *Зорича*, назвавъ себя *Ларадзіевымъ*, подать прошеніе въ иностранную коллегію, чтобъ съ прилагаемаго при ономъ свидѣтельства за скрѣпою сей коллегіи выданъ былъ ему съ онымъ вмѣстѣ переводъ на россійскій языкъ. Когда же все сіе было исполнено, то я велѣлъ ему просить объ опредѣленіи его въ военную службу. Императоръ повелѣлъ принять на основаніи россійскаго дворянства, а младшій его братъ, по другому прошенію, опредѣленъ былъ въ морской кадетскій корпусъ. И такъ первый служитъ теперь капитаномъ въ пѣхотѣ, а второй во флотѣ лейтенантомъ. Благодѣянія царевича Давида къ симъ несчастнымъ сиротамъ вѣчно останутся въ моей памяти. Хотя онъ зналъ, что сіе есть не что иное, какъ подлогъ, но умѣлъ разсудить, что виноватъ отецъ, а не дѣти, безпечность родителей которыхъ привела ихъ въ столь трудное положеніе. И потому нисколько не останавливался извлечь ихъ изъ онаго.

Съ прибытіемъ моимъ въ Петербургъ помышлялъ я, какъ доставить мнѣ письма и вещи Императору и высочайшей фамиліи. Для того просилъ я генералъ-адъютанта *Уварова*, чтобъ онъ доложилъ Государю, кому прикажетъ онъ принять отъ меня оные? Онъ повелѣлъ мнѣ чрезъ него же подать оные самому. Итакъ послѣдовали представленія за представленіями, начиная отъ Императора и Императрицъ до великихъ князей и княженъ.

Въ то время былъ военнымъ министромъ *генералъ Вязмитиновъ*, состарившійся въ военной службѣ, но всегда больше занимавшійся внутренней организаціей войскъ, нежели настоящимъ военнымъ дѣломъ; впрочемъ, онъ былъ лучшихъ правилъ и весьма дѣятельный. Онъ былъ мнѣ знакомъ еще и прежде; а жена его была совоспитанница моей и въ дружественной связи отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Сіи обстоятельства заставили меня почти ежедневно бывать въ его домѣ. Но я долженъ былъ удѣлить время на посѣщеніе прежняго моего начальника и друга, почтеннаго генерала Философова. Я нашелъ его тамъ членомъ Государственнаго Совѣта, и, хотя въ глубокой старости, но съ прежними его добродѣтелями и правилами, основанными на истинѣ и просвѣщеніи.

Я былъ принятъ у двора весьма благосклонно и хотя былъ

въ отставкѣ, но былъ приглашаемъ въ Эрмитажъ и прочія собранія.

Перемѣны въ Петербургѣ.

Теперь скажемъ о перемѣнахъ, найденныхъ мною въ сей столицѣ сѣвера. Съ кончиной Императора Павла I послѣдовало множество преобразованій, какъ въ правительствѣ, такъ и въ войскѣ. Хотя *Императоръ Александръ* и сказалъ въ манифестѣ своемъ, изданномъ при вступленіи его на престолъ, что онъ во всемъ послѣдуетъ по стопамъ великой Екатерины, но политика, внутреннее правленіе государства и устройство войскъ—все было переиначено. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ непостоянствомъ Александръ I слѣдовалъ то внушеніямъ англійскаго кабинета, то волѣ Наполеона. Со стороны же правленія показывалъ онъ въ началѣ великую склонность къ вольности и конституціи, но и это была одна личина. Духъ его деспотизма обнаруживался въ войскѣ, что многіе почитали сперва необходимымъ для сохраненія дисциплины.

Вступя на престолъ, въ началѣ возвратилъ онъ всю власть сенату; но учрежденіе министерствъ, государственнаго и верховнаго совѣтовъ и множество независящихъ ни отъ кого, кромѣ него, разныхъ комитетовъ—вовсе оную уничтожило. Введено было въ обыкновеніе, что на всѣхъ именныхъ указахъ каждый министръ, по части котораго этотъ указъ былъ выданъ, подписывалъ: „Контрассигновалъ министръ". Странное подраженіе англичанамъ,—безъ всякаго значенія.

Извѣстно, что тамъ министры утверждаютъ своею подписью или контрассигнуютъ конфирмаціи короля. Но они же и *отвѣтствуютъ* за несправедливость рѣшенія, и ничего не должны подписывать, что противно законамъ. Хотя король имѣетъ право отрѣшать министровъ, но приказать, принудить его подписать что-либо противу законовъ онъ не можетъ, поелику министръ отвѣтствуетъ за то предъ парламентомъ. Но у насъ такое контрассигнованіе вовсе ничего не значило, развѣ только служило свидѣтельствомъ, что указъ подписанъ собственною рукою государя.

Но вотъ что заслуживаетъ примѣчанія. Прежнія правительственныя мѣста, бывшія при Екатеринѣ и Императорѣ Павлѣ I, какъ то: сенатъ и разныя коллегіи, достаточныя для государства, оставлены Императоромъ Акександромъ I во всей ихъ полнотѣ. Сверхъ же оныхъ прибавлены совѣты, министерства и разные отдѣльные комитеты, несравненно превосходящіе числомъ членовъ, чиновниковъ и содержаніемъ прежнія.

А сіе, равно какъ значительное прибавленіе войскъ, перемѣны въ мундирахъ, разныя затѣи, вовсе ни къ чему въ войнѣ не потребныя, войны больше по внушеніямъ чужестранныхъ кабинетовъ, нежели по необходимостямъ государства предпринимаемыя, заграничные конгрессы, на которыхъ всегда Императоръ находился, и утѣсненіе торговли—произвели наконецъ великій недостатокъ въ звонкой монетѣ.

Дворъ Имп. Александра I-го.

Видъ двора Россійскаго въ мое время претерпѣлъ двѣ великія перемѣны. Всѣмъ извѣстно, сколь блистателенъ былъ оный въ царствованіе Екатерины II. При Павлѣ I хотя утратилъ онъ много блеску и болѣе походилъ на сборище военныхъ людей, нежели на что иное, но сохранялась нѣкотораго рода пышность, похожая на старинныя рыцарскія времена. Его фаворитки [1]), которыя хотя не имѣли особаго вліянія на дѣла, были какъ имъ, такъ и многими уважаемы. Но при Александрѣ дворъ его сдѣлался почти совсѣмъ похожъ на солдатскую казарму. Ординарцы, посыльные, ефрейторы, одѣтые для образца разныхъ войскъ солдаты, съ которыми проводилъ нѣсколько часовъ, дѣлая замѣтки мѣломъ своею рукою на мундирахъ и исподнихъ платьяхъ,—наполняли его кабинетъ вмѣстѣ съ образцовыми щетками для усовъ, сапоговъ, дощечками для чищенія пуговицъ и другими подобными мелочами.

Императоръ Александръ показывалъ склонность къ мистическимъ книгамъ, обществамъ и особамъ, симъ занимавшимся. Переводы на россійскій языкъ твореній Эккартсгаузена и другихъ подобныхъ, при всей его бережливости, щедро награждались. Но и это, мнѣ кажется, было въ немъ не иное что, какъ духъ подражанія. Онъ подражалъ въ томъ отчасти Наполеону и занялъ у него сіе, какъ эполёты, тамбуръ-мажора [2]) и другія подобныя мелочи.

Въ бытность мою тогда въ Петербургѣ возвратился извѣстный Убри [3]) съ подписаннымъ отъ Наполеона мирнымъ трактатомъ. Но только былъ оный объявленъ верховному совѣту, какъ въ первый и послѣдній разъ его правленія, дерзнули члены онаго тому воспротивиться. Они представили Императору весь вредъ, могущій послѣдовать отъ того невыгоднаго договора. Хотя многимъ извѣстно было, что *Убри* поступилъ во всемъ согласно съ наставленіями, данными ему Государемъ, но послѣдній всю вину

---

[1]) О фавориткахъ Имп. Павла, вообще, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ единственно извѣстная, какъ таковая Анна Петровна *Лопухина* (впослѣдствіи княгиня Голицына) пользовалась его расположеніемъ въ послѣдніе полтора года его жизни и лично на дѣла вліянія не имѣла; что касается другой особы, пользовавшейся его расположеніемъ, а именно, извѣстной фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой, то дружба эта, какъ теперь уже давно доказано, носила чисто платоническій характеръ. Е. И. Нелидова, удостоенная расположенія и дружбы Императрицы Маріи Θеодоровны, какъ извѣстно, вліяла самымъ благотворнымъ образомъ на вспыльчивую натуру императора Павла. Она скончалась въ глубокой старости и пользовалась глубокимъ уваженіемъ Имп. Николая I и всей царской семьи. Ред.

[2]) Барабанщикъ или солдатъ, одѣтый въ пестрое платье и имѣющій въ рукахъ своихъ большую палку съ мѣднымъ набалдашникомъ. Идя въ строю предъ музыкантами, онъ дѣлаетъ ею разные выверты, бросаетъ на воздухъ и ловитъ на лопатѣ.

[3]) Тайн. Сов. Петръ Яковл. Убри (Oubrie). Род. 1775 † 1847. Въ 1803 г. былъ пов. въ дѣлахъ въ Парижѣ.

возложилъ на него. Трактатъ былъ разрушенъ, а Убри высланъ за границу, какъ иностранецъ [1]).

Послѣ сего, занялись увеличенiемъ арміи, въ то же время дано было повелѣніе о формированіи восьми новыхъ дивизій и о составленіи милиціи. Она, по силѣ выданнаго Императоромъ манифеста, должна была по окончаніи войны съ французами быть уничтожена, а люди отпущены въ свои дома, съ приличнымъ воздаяніемъ, какъ добровольные защитники отечества.

Вторичное вступленіе Тучкова въ военную службу.

Въ сіе время со стороны Императора и другихъ знатныхъ особъ дѣлались мнѣ предложенія о вступленіи опять въ военную службу. Но какъ я испыталъ уже въ оной многія неприятности и несправедливости высшаго правительства, то отговаривался я разстройствомъ моего здоровья, ибо не могъ представить другихъ причинъ. Наконецъ Императоръ велѣлъ мнѣ сказать, что если не хочу я командовать дивизіей или по крайней мѣрѣ бригадою солдатъ, то принужденъ буду начальствовать толпою поселянъ, поелику дворянство не оставитъ меня выбрать въ число начальниковъ милиціи, и трудно будетъ отказаться при такихъ обстоятельствахъ. На сіе отвѣчалъ я, что ежели служба моя потребна Государю и отечеству, то я готовъ принять всякое назначеніе,—что предоставляю я волѣ Императора. И такъ принятъ я былъ безъ прошенія съ моей стороны, какъ то обыкновенно бываетъ, и назначенъ къ формированію одной *пѣхотной бригады 16-й дивизіи*. Она должна была быть составлена изъ полковъ камчатскаго и мингрельскаго, расположенныхъ въ Смоленской губерніи.

Военныя занятія Александра I.

Нельзя умолчать о мелочахъ, коими Императоръ Александръ занимался при томъ критическомъ состояніи Россіи. По возвращеніи моемъ изъ Грузіи, окончилъ я сочиненіе одной книги подъ названіемъ: *„Записки, касающіяся земель между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, въ особенности же о Грузіи и проч.* [2]) и счелъ нужнымъ поднести оную Государю. Но какъ я не хотѣлъ лично того исполнить, то ген.-ад. Уваровъ взялъ на себя подать оную Императору. Онъ принялъ благосклонно мое предложеніе и отнесъ его самъ въ свой кабинетъ. На другой день при разводѣ сдѣлалъ онъ мнѣ знакъ, чтобъ я къ нему приблизился. Тогда началъ онъ мнѣ говорить, что я принимаюсь за новое для меня дѣло, то есть формировать войско. Я отвѣчалъ на то, что еще при императрицѣ Екатеринѣ II

---

[1]) Убри былъ высланъ въ деревню, вышелъ въ отставку, но затѣмъ, вернулся на службу въ м-во ин. дѣлъ и занималъ должности посланника въ Неаполѣ, Мадридѣ, Франкфуртѣ и Дармштатѣ. Въ эпоху конгрессовъ, онъ былъ вызванъ въ Верону.

[2]) Сіи записки изданы были мною потомъ въ Петербургѣ въ 1816 г и помѣщены въ 4 части моихъ сочиненій.

сформировалъ я одинъ бомбардирскій баталіонъ и роту конной артиллеріи, и за послѣднюю награжденъ былъ знакомъ отличія. „Такъ,—продолжалъ Государь,—*но вы еще не знаете, съ какимъ непріятелемъ будете вы имѣть дѣло и потому внутите солдату, что ружье не для того изобрѣтено, чтобъ имъ только дѣлать на караулъ.* Это было всегда первымъ моимъ правиломъ, чтобъ внушить рекрутамъ, что оружіе дается ему для нападенія и обороны, и научать ихъ управлять онымъ". Разговоръ сей пресѣкся тѣмъ, что онъ примѣтилъ, что гвардія его при марширваніи недовольно опускаетъ внизъ носки сапоговъ. „Носки внизъ!"—закричалъ онъ. Потомъ: „не затягивай ногу" и побѣжалъ къ флангу и началъ замѣчать наималѣйшія мелочи.[1])

На другой день пришелъ я къ разводу, который былъ собранъ въ экзерциргаузѣ, то есть обширный залъ, нарочно для обученія солдатъ построенный, потому что это было зимою. Зала сія не довольно свѣтла, и я, войдя въ оную, примѣтилъ въ концѣ ея человѣка, стоящаго, расширя ноги, на возвышеніи при каминѣ. Онъ качался безпрестанно съ ноги на ногу, какъ маятникъ у часовъ, и повторялъ безпрестанно слова: *«разъ-разъ»*—во все время, какъ солдаты маршировали. Это продолжалось близко часа. Я, сочтя издали сего человѣка за простого солдата, спросилъ у двоюроднаго моего брата, служившаго капитаномъ гвардіи и тутъ случившагося:—„Скажи мнѣ, всегда ли вы ставите при маршированіи особаго человѣка, который бы безпрестанно вслухъ повторялъ голосомъ всякій шагъ?" — „Тише!" — отвѣчалъ мнѣ братъ:—„Это самъ императоръ". Подойдя поближе, удостовѣрился я къ сожалѣнію въ истинѣ.

Императоръ позволилъ мнѣ для полка моего и бригады набирать офицеровъ изъ отставныхъ, изъ другихъ полковъ и изъ кадетъ, назначенныхъ въ офицеры. Я набралъ таковыхъ до двадцати человѣкъ, и всѣ они, чрезъ отдаваемые имъ приказы, объявлены были служащими въ разныхъ чинахъ моей бригады. Въ то время было строгое приказаніе, дабы полиція смотрѣла, чтобъ ни одинъ военный человѣкъ не смѣлъ нигдѣ показываться безъ мундира. Принятые изъ отставки и выпущенные изъ кадетъ не имѣли мундировъ, потому что не знали, какой мундиръ имъ носить; ибо для новой моей бригады не былъ оный еще утвержденъ Государемъ. Это заставило меня доложить ему о томъ, чрезъ

---

[1]) Изъ приведенныхъ авторомъ словъ Императора Александра, уже можно заключить, насколько несправедливы усиленныя обвиненія, возводимыя имъ на этого государя, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Несомнѣнно, что на молодомъ Александрѣ не могло не отразиться пагубное вліяніе „Гатчинской муштры", особенно повліяшей на в. к. Константина, всюду примѣнявшаго пріемы аракчеевской шагистики; но видѣть въ Александрѣ, государѣ, безспорно выдающагося ума, высоко образованномъ, глубокомъ политикѣ, исключительно фрунтовика—обвиненіе неосновательное и несправедливое, объяснимое только личною непріязнью автора. Ред.

ген.-ад. его, графа Ливена. Подумавъ нѣсколько, сказалъ онъ, чтобъ я посмотрѣлъ рисунки, находящіеся въ его кабинетѣ. Найдя тамъ мундиръ моего полка, велѣлъ я себѣ сшить точно такой, и на другой день явился въ ономъ во дворецъ.

Императоръ, посмотрѣвъ на меня весьма пристально въ лорнетъ, велѣлъ сказать мнѣ чрезъ *графа Ливена*, что онъ придумалъ сдѣлать перемѣну въ обшлагахъ моего мундира, и чтобъ я приказалъ, вмѣсто зубчатой вырѣзки клапанца, сдѣлать прямую. Такъ я и велѣлъ передѣлать. Послѣ этого, увидя меня, долго и съ большимъ примѣчаніемъ разсматривалъ онъ мой мундиръ и, подумавъ довольно, сказалъ, чтобъ я вмѣсто трехъ пуговицъ на обшлагѣ велѣлъ посадить таковыхъ пять. Я думаю, что сіи перемѣны не скоро бы окончились, еслибъ не должно мнѣ было поспѣшить выѣздомъ къ моему назначенію.

Увидя также, что въ арміи Наполеона офицеры, генералитетъ и онъ самъ имѣютъ сзади остриженные волосы, приказалъ онъ сдѣлать то же и въ своей. Но самъ долгое время пряталъ косу свою подъ воротникъ и не скоро рѣшился исполнить надъ собой таковое предпріятіе.

Оставя Петербургъ, прибылъ я въ Москву, гдѣ примѣтилъ нѣкоторую разницу въ обращеніи со мной знатнаго дворянства, противъ того какъ я принятъ онымъ былъ, находясь въ отставкѣ. Сему причиною было не что иное, какъ множество низкаго состоянія людей, не имѣющихъ никакихъ достоинствъ, но возведенныхъ на высокія степени воинскаго званія Императоромъ Павломъ, а еще болѣе Александромъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, отправился я въ Смоленскъ и явился къ *генералу Апраксину*, главному начальнику нашей дивизіи, подъ командою котораго состоялъ нашъ дивизіонный начальникъ генералъ-лейтенантъ *Ртищевъ*.

Генералъ Апраксинъ.

Генералъ Апраксинъ былъ тогда вмѣстѣ и военнымъ губернаторомъ Смоленска. Онъ единственный сынъ извѣстнаго *фельдмаршала Апраксина*, начальствовавшаго Россійскою арміею во время семилѣтней войны противъ Фридриха II. Человѣкъ онъ весьма богатый, съ довольнымъ свѣдѣніемъ тактики и потребныхъ къ тому наукъ, былъ почти во всѣхъ войнахъ, въ продолженіе службы его происходившихъ. Но неизвѣстно, по какимъ причинамъ не имѣлъ счастья предъ высшимъ начальствомъ. Выучить солдата, хорошо его одѣть, представить строй въ порядкѣ и расположить маневръ,—это было его дѣломъ и особливой охотой. Въ царствованіе Павла и Александра множество людей безъ всякихъ другихъ способностей сдѣлали тѣмъ свое счастье. Нѣкоторые говорили о немъ, будто бы онъ недовольно храбръ предъ непріятелемъ. Но это, кажется, не могло бы тому препятствовать, ибо въ царствованіе помянутыхъ Императоровъ храбрость не почиталась особливымъ достоинствомъ, какъ и трусость—порокомъ, чему множество видно примѣровъ.

Графъ Панинъ. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, познакомился я съ графомъ *Панинымъ* [1]), сыномъ извѣстнаго министра Панина. Онъ служилъ съ отличностію при дворѣ и по части дипломатической. Я полагалъ его въ отставкѣ живущимъ, какъ то и было, въ Смоленской губерніи, гдѣ имѣетъ онъ большое имѣніе. Сей Панинъ выбранъ былъ отъ дворянства Смоленскаго губернскимъ начальникомъ милиціи. Но, такъ какъ имена всѣхъ избранныхъ для оной чиновниковъ должно было представить на утвержденіе Государю, то онъ, получа списокъ дворянъ, вычеркнулъ своей рукою имя графа Панина. Огорченный симъ, графъ написалъ къ нему письмо и просилъ позволенія, хотя въ званіи простого воина, участвовать въ защитѣ отечества. Но письмо его возвращено ему было съ наддраніемъ, что весьма меня, какъ и многихъ, удивило. Графъ Панинъ, столь извѣстный знатностію своего рода, заслугами своихъ предковъ, собственными своими достоинствами, способностями, знаніями, просвѣщеньемъ и усердіемъ къ отечеству, такъ былъ оскорбленъ! Наконецъ узналъ я тому причину отъ самыхъ достойныхъ вѣроятія людей.

Толико извѣстный въ Европѣ министръ графъ Панинъ, отецъ сего Панина [2]), воспитывалъ въ самыхъ еще молодыхъ лѣтахъ покойнаго Императора Павла I-го. По смерти же его остался сей его сынъ въ малолѣтствѣ. Онъ получилъ превосходное воспитаніе, много путешествовалъ и по возвращеніи въ Россію взятъ былъ ко двору и находился при Александрѣ еще во время царствованія Екатерины II-й, и при отцѣ его. Поэтому нынѣшній Императоръ, до вступленія своего на престолъ, оказывалъ ему великое дружество. Правила, усвоенныя имъ во время непродолжительнаго воспитанія его Лагарпомъ, и образъ мыслей молодого графа Панина, казалось, утвердили ихъ дружество; тѣмъ больше, что оба они знали о заговорѣ противъ Павла I.

И такъ Панинъ, по согласію съ Александромъ, для обезпеченія будущаго его правленія, началъ составлять конституцію для народа Россійскаго. Такое сочиненіе, конечно, требовало и времени и размышленія, а больше всего великой тайны. И для того-то Панинъ въ домѣ своемъ подъ самой крышей имѣлъ особую комнату и тайный ходъ въ оную изъ своей спальни, равно какъ и другое, также тайное сообщеніе съ сосѣдственнымъ домомъ. Въ сей потаенной комнатѣ занимался онъ по ночамъ своимъ сочиненіемъ и Александръ почти каждою ночью могъ, не бывъ никѣмъ примѣченъ, къ нему приходить и совѣтоваться объ ономъ. При чемъ далъ онъ Панину честное слово, что коль

---

[1]) Графъ Никита Петровичъ Панинъ († 1837 г.), одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ событіи 11 марта 1801 г. Негодованіе Императора Александра по отношенію къ нему вполнѣ естественно. Ред.

[2]) Невѣрно. Воспитателемъ цесаревича Павла былъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, дядя Никиты Петровича, отецъ котораго гр. Петръ Ивановичъ генералъ-аншефъ и членъ Госуд. Совѣта род. 1721 † 1789 г.

скоро вступитъ на престолъ, то непремѣнно подпишетъ сію конституцію. Сочиненіе было кончено, Александръ вступилъ на престолъ. Но когда графъ Панинъ предложилъ ему утвердить оное своею подписью, тогда началъ онъ день за день откладывать и, наконецъ, наскуча напоминаніями графа, отставилъ его отъ службы и велѣлъ ему въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга и жить въ своемъ имѣніи. Вотъ какъ поступилъ въ первые дни своего царствованія онъ, казавшійся тогда столь кроткимъ, справедливымъ и любящимъ права народовъ государемъ.

Получа потребныя наставленія отъ генерала Апраксина, отправился я въ бригадную мою квартиру, бывшую тогда въ городѣ Рославлѣ Смоленской губерніи.

Я долженъ здѣсь сказать, что доброе расположеніе ко мнѣ генерала Апраксина было отчасти причиною многихъ несчастій, въ продолженіе службы моей послѣдовавшихъ. При самомъ же началѣ оно противопоставило мнѣ дивизіоннаго начальника генерала Ртищева, не имѣвшаго ни свѣдѣній, ни способностей воинскихъ. Онъ самъ не рѣдко говаривалъ мнѣ, что онъ въ царствованіе Екатерины II десять лѣтъ управлялъ полкомъ, и ни одного разу въ жизни своей не командовалъ *на караулъ!* Этимъ обязанъ онъ былъ своимъ покровителямъ, которые при производствѣ въ бригадиры помѣстили его членомъ въ военную коллегію; зато, служа болѣе тридцати лѣтъ, не имѣлъ онъ никакихъ знаковъ отличія. Въ числѣ покровителей его въ сіе время былъ находившійся тогда военнымъ министромъ генералъ Вязмитиновъ.

Здѣсь не могу умолчать и объ открывшейся еще въ характерѣ Александра I чертѣ жестокости и злопамятства. Эти качества его простирались даже на такихъ людей, которыхъ онъ вовсе не зналъ и которые ни въ чемъ предъ нимъ не были виновны. А также нужно упомянуть и объ особой его склонности и внутреннемъ удовольствіи продолжать, сколько можно, несчастья человѣка.

Въ началѣ марта мѣсяца 1807 года, для формированія ввѣренной мнѣ бригады, прибыли ко мнѣ изъ Сибири два баталіона, изъ которыхъ долженъ я былъ составить шесть, дополня недостающее число солдатъ рекрутами. Квартирмейстеръ явился ко мнѣ съ нѣсколькими унтеръ-офицерами и рядовыми. Солдаты были хорошо одѣты и казались весьма расторопными. Но больше всѣхъ возбудилъ во мнѣ вниманіе одинъ, имѣвшій тогда отъ роду лѣтъ тридцать. Благородный его видъ заставилъ меня спросить его, изъ какого онъ состоянія и какъ прозывается? „Я дворянинъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, а прозываюсь Шишкинъ“. Шишкинъ! Фамилія извѣстная. Давно ли ты въ службѣ?—„Двѣнадцать лѣтъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ,—и при семъ словѣ подалъ мнѣ письмо. Распечатавъ, нашелъ я, что оное было ко мнѣ отъ бывшаго его начальника генерала Пѣвцова. Содержаніемъ онаго была просьба сего генерала, чтобъ я употребилъ все стараніе помочь сему не-

счастному человѣку, который поведенiемъ своимъ конечно сiе заслуживаетъ. При этомъ генералъ присовокуплялъ, что всѣ его о немъ ходатайства были безуспѣшны, и что онъ желаетъ, чтобъ я въ семъ случаѣ былъ счастливѣе его.

Сiе обстоятельство заставило меня узнать исторiю Шишкина, и потому я долженъ пресѣчь здѣсь собственное мое повѣствованiе.

Въ первый годъ царствованiя Павла Шишкинъ служилъ капитаномъ въ полтавскомъ пѣхотномъ полку и находился съ онымъ въ Москвѣ. Имѣя нужду въ деньгахъ, занялъ онъ изъ артельной суммы, принадлежащей солдатамъ его роты, 300 руб. Скоро послѣ сего прибылъ отъ Императора инспекторъ и, осмотря полкъ, началъ повѣрять артельныя деньги солдатъ. Шишкинъ былъ о томъ предваренъ и потому занялъ у одного знакомаго помянутыя деньги. Но какъ онѣ были въ ассигнацiяхъ, то, положа ихъ въ карманъ и поспѣшая въ строй, онъ потерялъ. При оказавшемся недостаткѣ признался онъ во всемъ инспектору, прибавя, что онъ въ состоянiи въ тотъ же часъ оную пополнить. Инспекторъ на то ему ничего не отвѣчалъ; но представилъ о поступкѣ его въ самомъ худомъ видѣ Императору. Павелъ I й, безъ всякаго изслѣдованiя и суда, повелѣлъ Шишкина, лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. Воля его была исполнена, и Шишкинъ отвезенъ былъ въ Нерчинскъ. Но генералъ, начальствовавшiй надъ рудокопнымъ заводомъ и надъ преступниками, узнавъ о маловажности вины съ его словъ, тронулся его положенiемъ и приказалъ ему жить въ его домѣ и считаться при его канцелярiи.

Въ семъ состоянiи находился Шишкинъ нѣсколько лѣтъ, пользуясь благодѣянiемъ сего добродѣтельнаго начальника. Императоръ Александръ I-й, вступивъ на престолъ, хотя и издалъ манифестъ, что онъ прощаетъ всѣмъ преступникамъ, находящимся въ Сибири кромѣ смертоубiйцъ, но въ то же время послалъ указъ къ сибирскому губернатору, что присланъ будетъ къ нему именной списокъ тѣхъ, которые должны быть освобождены. Ожидали нѣсколько мѣсяцевъ. Списокъ былъ полученъ, но, къ несчастiю, имени Шишкина въ ономъ не нашлось. Генералъ, начальствовавшiй Нерчинскимъ заводомъ, видя его отчаянiе, въ утѣшенiе сказалъ ему: „я вижу, что настоящiе преступники освобождены, а ты почти безвинно страждешь. А потому не могъ я ничего иного изъ того заключить, какъ только то, что имя твое пропущено по ошибкѣ. Напиши письмо къ Императору, которое я берусь доставить“.

Александръ I-й, получа просьбу Шишкина, въ которой не оставилъ онъ изобразить маловажность вины и несоразмѣрность наказанiя, прислалъ указъ слѣдующаго содержанiя: „Шишкинъ всемилостивѣйше прощается и опредѣляется на службу въ Екатеринбургскiй мушкетерскiй полкъ *рядовымъ*“.

Шефъ полка употреблялъ его въ разныя должности, гдѣ

имѣлъ онъ случай показать честное свое поведеніе, дѣятельность и усердіе къ службѣ. И наконецъ представлялъ два раза Императору о возвращеніи ему прежняго чина, но не получилъ никакого отвѣта.

Хотя я весьма короткое время былъ въ отставкѣ, но едва не попалъ самъ въ великую отвѣтственность по невѣдѣнію, желая помочь несчастному. Извѣстно, что всякій шефъ полка въ россійской службѣ, когда оные существовали, имѣлъ право по усмотрѣнію своему производить рядовыхъ въ унтеръ-офицеры, несмотря на то, изъ какого бы званія они ни были. Шишкинъ лишенъ былъ дворянскаго достоинства, и такъ какъ онъ прощенъ, то слѣдовательно получилъ прежнее достоинство. Хотя чинъ ему не возвращенъ, но званіе рядового солдата не препятствуетъ быть дворяниномъ, да и въ полковыхъ спискахъ писали его дворяниномъ. Итакъ произвелъ я его въ унтеръ-офицеры. Къ счастію моему, не прошло нѣсколько дней, какъ пріѣхалъ къ намъ дивизіонный начальникъ ген. Ртищевъ. Я разсказалъ ему жалостное приключеніе Шишкина и мой поступокъ. Но какъ я былъ удивленъ словамъ генерала, который, выслушавъ все, сказалъ мнѣ: „ради Бога поспѣшите уничтожить вашъ приказъ и оставьте его попрежнему въ званіи рядового". „Почему же,—сказалъ я ему,—не имѣю я права произвесть въ унтеръ-офицеры дворянина, когда могу дать сей чинъ всякому, несмотря на его происхожденіе? Шишкинъ же, хотя и былъ лишенъ дворянства, но прощенъ, дворянство ему возвращено, и въ указѣ ничего не сказано о томъ, чтобъ его не производить въ чины"?—„Развѣ вы не знаете,—продолжалъ онъ,—что бывъ разжалованъ государемъ, то никто не можетъ дать ему никакого чина, какъ бы онъ того ни заслуживалъ, кромѣ его самого"?—„Покажите мнѣ этотъ законъ"!—сказалъ я ему.—„Закона никакого нѣтъ, но это есть воля государя",—сказалъ онъ.—„Гдѣ же она и кому объявлена"?—спросилъ я.—„Нѣтъ этого нигдѣ на письмѣ, но всякій генералъ въ семъ случаѣ долженъ знать и соображаться съ волей государя; безъ того можетъ онъ самъ пострадать", — сказалъ мнѣ ген. Ртищевъ. А прибывшій тогда же ген. Апраксинъ подтвердилъ мнѣ то же самое. И такъ долженъ я былъ уничтожить отданный мною приказъ.

По соединеніи дивизіи на границѣ Молдавіи, г. Апраксинъ, осматривая полки и донося объ исправности оныхъ, просилъ Императора о возвращеніи чина Шишкину, представляя объ отличномъ его усердіи и дѣятельности въ исправленіи офицерскихъ должностей, въ которыхъ употребляемъ онъ былъ по недостатку оныхъ. Но на это также не получилъ онъ никакого отвѣта.

Когда фельдмаршалъ князь Прозоровскій принялъ командованіе арміей за границею, противъ турокъ, тогда по неосмотрительному распоряженію, сдѣланному въ Петербургѣ, послѣдовалъ въ войскѣ великій недостатокъ въ продовольствіи. Встревоженный симъ, Александръ I-й писалъ къ фельдмаршалу, чтобы онъ употребилъ все

средства къ отвращенію сего несчастія и послалъ бы надежнаго генерала, придавъ ему таковыхъ же помощниковъ, въ польскія губерніи, въ чемъ полагается онъ на его дѣятельность. При этомъ государь присовокуплялъ, что употребленные имъ къ тому чиновники, послѣ успѣшнаго окончанія своего порученія, не останутся безъ награжденія.

Князь Прозоровскій избралъ для сего находившагося при немъ гвардіи капитана Паскевича, предоставивъ ему избрать себѣ помощниковъ. Паскевичъ въ числѣ прочихъ взялъ съ собою Шишкина. По окончаніи съ великимъ успѣхомъ своего порученія, а особенно обнаруживъ большую бережливость въ деньгахъ,— что при скупости Александра I. есть сама по себѣ великая предъ нимъ заслуга,—представилъ, между прочимъ, что онъ большею частію обязанъ расторопности и усердію къ службѣ Шишкина. Фельдмаршалъ не оставилъ въ донесеніи своемъ государю засвидѣтельствовать о добромъ его поведеніи и просить награжденія. Но за это не только онъ, но и Паскевичъ и его бывшіе съ нимъ чиновники оставлены безъ вниманія.

По кончинѣ фельдмаршала князя Прозоровскаго, принялъ начальство надъ арміей генералъ князь Багратіонъ. Онъ также неоднократно просилъ государя возвратить Шишкину чинъ,— но безъ успѣха.

Когда генералъ князь Багратіонъ смѣненъ былъ генераломъ графомъ Каменскимъ и военныя дѣйствія противу турокъ увеличились, тогда представилъ онъ, что въ одномъ сраженіи Шишкинъ, предводительствуя охотниками, разбилъ сильную непріятельскую партію, и взялъ большой плѣнъ и знамя. По статуту, учинившіе таковой подвигъ заслуживаютъ орденъ св. Георгія, съ которымъ соединяется и преимущество чина. Но, напротивъ, Шишкинъ награжденъ былъ только солдатской серебряной медалью съ надписью: *за храбрость.*

Война съ турками.— Подвигъ храбраго лейтенанта Н.

Ген. Михельсонъ, получа донесеніе о взятіи Сулинской горы, предписалъ капитану Попандопуло послать съ надежнымъ офицеромъ шесть военныхъ баркасовъ и двѣ канонерскія лодки въ городъ Галацъ, лежащій на лѣвомъ берегу Дуная и занятый уже тогда нашими войсками. Исполненіе сего порученія труднѣе было, нежели самое занятіе помянутаго пролива, ибо отрядъ сей долженъ былъ идти вверхъ противъ быстраго теченія Дуная мимо крѣпостей Тульчи и Измаила. Храбрый лейтенантъ Н. отправился съ симъ отрядомъ. Онъ остановился, нѣсколько не доходя до крѣпости Тульчи, и, дождавшись попутнаго вѣтра, пустился на всѣхъ парусахъ и веслахъ мимо Тульчи. Не взирая на усиленную пальбу сей крѣпости, прошелъ мимо оной благополучно. Но ему надлежало обойти мысъ острова Чатала, лежащаго предъ крѣпостью Измаильской въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Дунай начинаетъ раздѣляться на Килійское и Сулинское гирла изъ протока.

Обходя сей мысъ, вышелъ онъ изъ вѣтра и долженъ былъ остановиться предъ самой крѣпостью, поелику ни буксиръ, ни гребля не могли уже дѣйствовать противъ сильнаго теченія и противнаго вѣтра. Тутъ встрѣченъ онъ былъ ядрами со всѣхъ набережныхъ бастіоновъ крѣпости, сильнымъ отрядомъ турецкой флотиліи и множествомъ лодокъ, вооруженныхъ стрѣлками. Пегливанъ, увидя, что онъ отчаянно защищается, велѣлъ прекратить пальбу и послалъ сказать сему лейтенанту, что онъ самъ, какъ морской офицеръ, долженъ видѣть невозможность не только пройти мимо крѣпости, но и возвратиться назадъ. А потому онъ совѣтуетъ ему сдаться военноплѣннымъ. Лейтенантъ Н., вмѣсто отвѣта, началъ бомбардировать крѣпость. Паша приказалъ усилить пальбу съ крѣпости и флотиліи, и скоро почти всѣ баркасы помянутаго отряда пошли на дно, исключая флагманскаго, т. е. начальничьяго. Тутъ послано было еще къ нему предложеніе о сдачѣ. Но онъ, не взирая на полученныя имъ весьма тяжелыя раны, отвергъ оное и продолжалъ защищаться. Тогда Пегливанъ приказалъ всей своей флотиліи идти на абордажъ одного небольшого военнаго баркаса, у котораго большая часть экипажа была уже убита. Въ нѣсколько минутъ несчастное сіе судно съ начальникомъ отряда было взято и приведено къ Измаилу.

Паша приказалъ его представить къ себѣ. Но когда ему отвѣтили, что онъ не можетъ быть приведенъ по причинѣ тяжелыхъ его ранъ, то паша пошелъ самъ къ нему, велѣлъ призвать своего лѣкаря, поручилъ ему осмотрѣть его раны и стараться объ его излѣченіи. Но лѣкарь, исполняя его повелѣніе, сказалъ, что раны сего офицера таковы, что онъ не можетъ прожить болѣе трехъ дней. Паша на то не положился и, собравъ всѣхъ бывшихъ тамъ врачей, велѣлъ еще его освидѣтельствовать. Но когда и тѣ подтвердили то же, то онъ послалъ парламентера къ г. Михельсону, написавъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

„Я знаю, что въ Россіи просвѣщеніе и наука достигли далеко высшей степени, нежели въ моемъ отечествѣ, а паче врачебное искусство. Лейтенантъ Н. находящійся теперь у меня въ плѣну, въ глазахъ моихъ оказалъ безпримѣрную храбрость и неустрашимость, но, по несчастію, сей достойный всякаго уваженія чиновникъ весьма тяжело раненъ, что всѣ мои врачи никакой надежды не полагаютъ въ его жизни. Но я увѣренъ, что вы имѣете гораздо искусснѣйшихъ въ вашей арміи, и потому въ уваженіе храбрости прошу прислать мнѣ одного искусснаго лѣкаря.

Но когда *ген. Михельсонъ* отказалъ ему въ его просьбѣ, тогда онъ велѣлъ еще собрать совѣтъ изъ всѣхъ своихъ врачей и приказалъ имъ дать ему рѣшительный отвѣтъ на счетъ его ранъ. Они сказали ему, что жизнь его никакъ не можетъ продлиться болѣе 24 часовъ. Выслушавъ сіе, сказалъ онъ: „Какъ жалко, что такой храбрый человѣкъ предъ смертію своей долженъ еще

столько страдать. Велите поскорѣе отрубить ему голову". Какое варварское почитаніе доблести! *)

Во время всѣхъ сихъ происшествій ген.-лейт. *Милорадовичъ* со ввѣреннымъ ему корпусомъ занялъ городъ Бухарестъ, столицу Валахіи, и тѣмъ предохранилъ оный отъ разоренія турокъ, поспѣшавшихъ туда въ значительныхъ силахъ. Они, узнавъ, что уже россійскія войска тамъ находятся, обратились назадъ.

Генералъ-фельдмаршалъ князь А. Прозоровскій.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1807 года прибылъ къ намъ въ Могилевъ, что на Днѣстрѣ, назначенный главнокомандующимъ арміею противъ турокъ генералъ-фельдмаршалъ *кн. Прозоровскій.* Онъ былъ уже тогда въ глубокой старости; но превосходное его воспитаніе, знаніе свѣта, науки, чтеніе, соединенное съ наисчастливѣйшей памятью, и опыты долговременнаго служенія въ значительныхъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ должностяхъ, моральнымъ образомъ подкрѣпили необходимый упадокъ его тѣлесныхъ силъ.

Князь Прозоровскій происходилъ отъ владѣтельныхъ князей россійскихъ и немало занятъ былъ знатностью своего рода. Но при томъ онъ не былъ гордъ, и слѣды древней любви къ отечеству нерѣдко являлись въ поступкахъ его и отношеніяхъ къ деспотической власти. Сія смѣлость противъ самодержавія, происходящая отъ любви къ истинѣ и отечеству и украшавшая иногда древнихъ вельможъ, часто его не оставляла.

При добромъ разумѣ, образованномъ науками и опытностью, былъ онъ довольно откровененъ, что служило иногда къ его невыгодамъ. Не смотря на свою старость, былъ онъ весьма дѣятеленъ, трудолюбивъ и храбръ на войнѣ, свойства, которыя еще болѣе украшали его въ молодости. Наслѣдственное и отъ щедротъ монарховъ полученное имъ большое имѣніе, а можетъ быть и природная его добродѣтель, не только дѣлали его некорыстолюбивымъ, но даже непримѣтно въ немъ было свойственнаго старости порока, то есть скупости. Нерѣдко говаривалъ онъ въ шутку: „я имѣю фельдмаршальское имѣніе, да княжескіе долги. Они простираются больше милліона; у меня одна только дочь; за уплатою долга останется ей еще два милліона; о чемъ же думать? Станемъ жить, пока можемъ. Грѣхи меня оставили, а чрезъ то и расходы мои уменьшились".

Онъ служилъ штабъ-офицеромъ еще во время семилѣтней войны противъ Фридриха II-го, короля прусскаго, въ отношеніи подчиненныхъ ему былъ не только строгъ и взыскателенъ, но даже вспыльчивъ, требуя отъ нихъ той же дѣятельности, неутомимости, усердія и честности, каковыя самъ себѣ поставилъ пра-

---

*) Въ своихъ Запискахъ о Турецкой войнѣ 1806—1812 г.г. графъ Ланжеронъ упоминаетъ объ этомъ случаѣ и раскрываетъ псевдонимъ «храбраго лейтенанта Н. Это былъ *мичманъ Ивановъ.*

Ред.

виломъ. При всемъ томъ не хотѣлъ онъ и всегда старался избѣгать случаевъ сдѣлать кому бы то ни было несчастья по службѣ. Въ наградахъ же не только былъ разборчивъ, но даже скупъ въ сравненіи съ прочими начальниками, поставляя всегда на видъ пользу отечества и обязанность каждаго жертвовать оной своими способностями.

По прибытіи своемъ въ Могилевъ, что на Днѣстрѣ, сказалъ онъ *генералу Апраксину* что хочетъ на другой день, осмотрѣвъ новоформированную нашу дивизію, поѣхать послѣ того въ Яссы. Апраксинъ былъ весьма тому радъ и велѣлъ приготовить солдатамъ по нѣскольку холостыхъ патроновъ, чтобъ представить маневръ съ пальбою.

Я не могу умолчать здѣсь о новомъ замѣшательствѣ, притомъ смѣшномъ и отчасти жалкомъ; приключеніи съ генераломъ *Ртищевымъ*. Онъ былъ тогда въ квартирѣ фельдмаршала, когда разговоръ былъ о представленіи дивизіи, и успѣлъ уже явиться къ нему въ видѣ начальника оной. Сказаться больнымъ было бы поздно, и невозможно также предложить отмѣну смотра. А командовать въ строю предъ лицомъ стараго генерала, извѣстнаго тактическими познаніями, притомъ охотника до строевъ и маневровъ и настоящаго его начальника, это значитъ не то, что дѣлать небольшое замѣшательство при смотрѣ, представленномъ *князю Куракину*. И потому-то весь тотъ вечеръ и ночь провелъ онъ въ великомъ безпокойствѣ.

Переночевавъ въ лагерѣ, вывелъ я поутру въ строй всю дивизію. Ген. Ртищевъ былъ въ городѣ, и вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ лагерь, онъ отправился въ квартиру фельдмаршала, который съ гр. Апраксинымъ и съ нимъ прибылъ, наконецъ, къ лагерю. Командуя всей дивизіей, отдалъ я честь и встрѣтилъ фельдмаршала, по обыкновенію, на правомъ флангѣ, гдѣ расположена была моя бригада. Онъ, увидя меня, спросилъ:

— Это ваша дивизія, господинъ генералъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.—Ваше сіятельство изволите видѣть съ праваго фланга бригаду, которую я имѣю честь начальствовать.

Взглянувъ на оную, онъ сказалъ.

— Если-бъ я не зналъ, то никакъ не повѣрилъ бы, что это не старые солдаты.

При чемъ велѣлъ мнѣ приказать, чтобъ солдаты взяли на плечо. Я поскакалъ на средину линіи исполнить его повелѣніе, между тѣмъ, какъ онъ съ генераломъ ѣхалъ потихоньку вдоль фронта и смотрѣлъ на солдатъ. Въ сіе время Апраксинъ началъ спрашивать у него позволенія начать маневръ.

Ртищевъ отговаривался холодною и вѣтреною погодой и просилъ отмѣнить. *Фельдмаршалъ* обоимъ имъ ничего не отвѣчалъ, но, доѣхавъ до лѣваго фланга, сказалъ:

— Дивизія хороша, благодарю васъ, гг. генералы, и не оставлю донести о томъ Государю. Но правда, что вѣтеръ слишкомъ силенъ, велите распустить людей, а я заѣду съ вами въ палатку обогрѣться.

Обрадованный симъ, ген. Ртищевъ опрометью прискакалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Маневръ отмѣненъ; поѣдемъ на завтракъ къ Апраксину, приготовленный для фельдмаршала.

— Да надо напередъ распустить дивизію,—отвѣчалъ я ему.

— Поѣзжайте себѣ въ лагерь, а я теперь самъ буду командовать.

Лишь только я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ онъ, вернувъ меня, спросилъ:

— Какъ надобно командовать, къ ногѣ или съ плеча, направо или налѣво— кругомъ.

— Съ плеча гораздо будетъ короче,—отвѣчалъ я ему,—впрочемъ, командуйте, какъ вамъ угодно.

И такъ, Ртищевъ поспѣшилъ на средину, а я поѣхалъ на лѣвый флангъ. Мы оба были на персидскихъ лошадяхъ, но лошадь Ртищева еще меньше была пріучена къ фронту, нежели онъ самъ. По командѣ: *съ плеча, разъ!* когда солдаты въ одно мгновеніе ударили руками по двѣнадцати тысячъ ружей, сдѣлала лошадь его крутой курбетъ. Когда же произнесъ онъ слово: *два* и послѣдовалъ еще сильнѣйшій ударъ, тогда бросилась она въ сторону, и генералъ упалъ въ грязь. Я былъ уже отъ него далеко; увидя сіе, я сразу поскакалъ подать ему помощь. Но, разсудивши, что верхомъ не такъ удобно, соскочилъ я съ лошади и побѣжалъ къ нему пѣшкомъ. При этомъ я забылъ, что лошадь моя пріучена ходить за своими вожаками.

Прибѣжавъ, подалъ я ему руку: но лошадь моя, идущая вслѣдъ за мною, заставила меня обернуться назадъ. Она, не будучи въ состояніи скоро остановиться, наступила мнѣ на ногу. Ртищевъ больно ушибся и весь вымазался въ грязи. А я, оставя лошадь, съ трудомъ пришелъ въ палатку, гдѣ ожидали насъ завтракать. На вопросъ, что я такъ замедлилъ и почему нѣтъ Ртищева, я разсказалъ имъ наше приключеніе; они жалѣли и смѣялись.

Послѣ сего обѣдали мы всѣ у фельдмаршала, который за столомъ вспомнилъ покойнаго моего отца и сказалъ, что онъ былъ съ нимъ знакомъ въ Пруссіи во время семилѣтней войны, въ Турціи и, наконецъ, въ Петербургѣ.

Князь Прозоровскій представилъ *Императору* о поспѣшномъ формированіи и о хорошемъ состояніи нашей дивизіи. За это генералъ *Ртищевъ,* по предстательству военнаго министра, Вязьмитинова, получилъ орденъ св. Анны 1-й степени, а я, наряду съ прочими, долженъ былъ остаться довольнымъ однимъ монаршимъ благоволеніемъ.

Кн. Прозоровскій, на третій день послѣ пріѣзда своего въ Могилевъ, выѣхалъ въ Яссы и принялъ новое начальство надъ такъ называемою тогда молдавскою арміею россійскихъ войскъ. Въ сіе время дѣла оной находились въ слѣдующемъ положеніи: крѣпости Хотинъ, Бендеры, Килія и Акерманъ, сдавшіяся почти

безъ всякаго сопротивленія, были въ рукахъ нашихъ. Всѣ города Молдавіи, Большой и Малой Валахіи заняты были нашими войсками. Во власти турокъ на лѣвомъ берегу Дуная были только крѣпости: Измаилъ, Браиловъ и Журжа. Между обѣими арміями продолжалось перемиріе, заключенное предмѣстникомъ фельдмаршала кн. Прозоровскаго *генераломъ Мейендорфомъ*. Вся россійская армія въ сей части состояла тогда едва изъ 50 тыс.

Вскорѣ послѣ отъѣзда кн. Прозоровскаго, ген. Апраксинъ потребованъ имъ былъ въ Яссы. Ген.-лейт. *Ртищеву* предписано было отправиться для освидѣтельствованія госпиталей и провіантскихъ магазиновъ на Днѣстрѣ, въ Молдавіи и Валахіи. Мнѣ же велѣно принять начальство 16 дивизіею, два полка которой потребованы были въ Молдавію.

Возмущеніе украинской милиціи.

Въ началѣ декабря мѣсяца того же года, получилъ я отъ *кн. Прозоровскаго* чрезъ нарочно посланнаго предписаніе. Извѣщая меня о возмущеніи и явномъ неповиновеніи украинской милиціи, расположенной на лѣвомъ берегу р. Днѣстра, повелѣваетъ онъ мнѣ, уполномочивая меня совершенно и даже возлагая на меня въ семъ случаѣ всю свою власть, приступить наискорѣе къ усмиренію оной и разслѣдованію истинныхъ причинъ сего мятежа.

Да позволено мнѣ будетъ здѣсь изложить прямо правила, которыми я всегда руководствовался въ подобныхъ случаяхъ. Нѣтъ дѣйствія безъ причины, а потому должно съ самаго начала открыть причину и разсмотрѣть, справедлива ли она или ложна. Въ первомъ случаѣ должно сообразоваться съ правами народа, состояніемъ и образомъ правленія. Хотя причина и справедлива, но всякое возмущеніе есть не что иное, какъ самоуправство, а поэтому непозволительно. И прежде, нежели приступить къ мѣрамъ насилія, нужно доказать мятежникамъ неправость ихъ поступка и, смотря по обстоятельствамъ, невозможность исполненія ихъ предпріятія. Во второмъ же случаѣ, только объяснить имъ несправедливость причины, чтобъ обратить ихъ къ должному повиновенію.

На сей предметъ потребовавъ отъ ген. Платова три казацкихъ полка и взявъ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты, отправился я сперва въ городъ Балту, а потомъ въ Дубосары, какъ въ главное мѣсто сборища мятежниковъ. Высшимъ начальникомъ сей милиціи былъ тогда ген. *гр. Самойловъ*. Онъ и всѣ его подчиненные начальники не подали ни малѣйшей причины къ сему возмущенію; но они, опасаясь строгой отвѣтственности безъ всякаго разсмотрѣнія, могущей послѣдовать, находились въ крайнемъ замѣшательствѣ. Успокоивъ ихъ, насколько возможно, въ семъ случаѣ, открылъ я, что причиною сего мятежа былъ манифестъ императора Александра I. Этимъ манифестомъ всенародно объявлено было, что сія милиція собрана единственно на предметъ вторженія войскъ французскихъ въ предѣлы Россіи,

но что по миновании опасности всѣ сіи ратники будутъ возвращены въ свои дома. Всякій, не смотря ни на какія обстоятельства, безъ очереди, охотно спѣшилъ въ составъ сего войска. Но когда опасность и потребность сія миновала, то другимъ указомъ велѣно было всѣхъ ихъ размѣстить въ полки арміи и заверстать въ рекруты почти для безсрочной службы.

Причина справедлива,—но самоуправство непозволительно, притомъ, по принятымъ правиламъ *Александра I*, ни на какія его обѣщанія не должно было полагаться. Одна неограченная власть уничтожала, по его своенравію, всѣ прежнія его повелѣнія и обѣщанія. Внушивъ мятежникамъ о непозволительности самоуправства, о неограниченной власти Императора и о невозможности исполненія ихъ предпріятія съ горстью людей противъ полумилліонной арміи, сими убѣжденіями склонилъ я ихъ оставить свое намѣреніе, дать присягу въ повиновеніи высшей власти и вступить въ полкъ по назначенію. Это было тогда же исполнено, и только нѣкоторые изъ зачинщиковъ сего возмущенія были наказаны.

Кн. Прозоровскій, при отправленіи моемъ для сего порученія, предписалъ мнѣ, по укрощеніи мятежа и по окончаніи слѣдствія, прибыть къ нему въ Яссы для подробнѣйшаго объясненія по сему дѣлу. И такъ, въ исходѣ того же мѣсяца выѣхалъ я за границу и на третій день повечеру прибылъ въ Яссы, остановясь въ квартирѣ ген. Апраксина.

Ген. Апраксинъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать того же вечера вмѣстѣ съ нимъ къ фельдмаршалу, потому что онъ нетерпѣливо ожидаетъ моего прибытія. Мы нашли его одного въ кабинетѣ за чаемъ. Объясняя въ короткихъ словахъ существо и окончаніе даннаго мнѣ порученія и подавая ему мои бумаги, я присовокупилъ, что его сіятельство подробно изволитъ усмотрѣть изъ нихъ все существо и ходъ дѣла. Князь, положивъ оныя на столъ, сказалъ мнѣ ласковымъ образомъ:

— Садитесь, генералъ, напейтесь съ нами чаю, а завтра поутру пожалуйте ко мнѣ, я разсмотрю ваши бумаги и скажу вамъ мое мнѣніе.

— Когда на другой день явился я къ нему, почтенный старецъ сей, вставъ со стула, поклонился мнѣ въ поясъ и, назвавъ меня по имени и отчеству, сказалъ:

— Отъ искренняго сердца благодарю васъ, что вы благоразумными дѣйствіями своими успокоили мою старость, избавивъ меня отъ раскаянія и угрызеній совѣсти. Я принималъ это дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ и можетъ быть по заочности многіе сдѣлались бы жертвою несправедливаго заключенія моего объ немъ. Я представлю Государю, что вы поступили въ семъ случаѣ съ отличнымъ благоразуміемъ и не оставлю просить о заслуженномъ вами награжденіи. Останьтесь на нѣсколько дней здѣсь, я велю показать вамъ мое донесеніе.

Чрезъ два дня читалъ я его докладъ къ Государю о семъ

дѣлѣ. Подлинно, нельзя было лучше изобразить мое усердіе, дѣятельность и дать цѣну таковой заслугѣ. Но фельдмаршалъ обманулся въ своей надеждѣ; донесеніе его принято было не только холодно, но какъ бы съ нѣкоторымъ негодованіемъ; можетъ быть потому, что по характеру *Александра I* или по внушеніямъ жестокосердаго его любимца графа Аракчеева, мало представилось жертвъ мщенію. Я узналъ о томъ послѣ.

Кн. Прозоровскій подъ разными предлогами удерживалъ меня слишкомъ десять дней въ Яссахъ. Но когда я представилъ ему, что новоформированная моя бригада требуетъ моего присутствія для приготовленія къ дальнѣйшему движенію, да и дивизія остается безъ начальника, тогда позволилъ онъ мнѣ возвратиться въ Могилевъ.

Въ первыхъ числахъ января 1808 г. прибылъ я туда. За неприбытіемъ ген.-лейт. *Ртищева,* началъ я приготовлять всю дивизію къ походу, зная, что повелѣніе о томъ должно скоро послѣдовать. Между тѣмъ, пріѣхалъ къ намъ гр. Апраксинъ, проѣзжая въ Смоленскъ къ прежней своей должности военнаго губернатора. Тутъ узналъ я, что извѣстный своей хитростью и пронырствомъ генералъ *Голенищевъ-Кутузовъ,* бывшій тогда кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, склонилъ перепиской фельдмаршала *кн. Прозоровскаго* просить Государя, дабы онъ посланъ былъ къ нему въ качествѣ помощника. Впослѣдствіи увидимъ, сколько неосмотрительность сія стоила престарѣлому фельдмаршалу.

Того же года, апрѣля 15, велѣно мнѣ было со всей дивизіей выступить заграницу и расположиться дивизіонной квартирой въ мѣстечкѣ Кишиневѣ [1]), что въ Бессарабіи, полки же должны были занять ближайшія къ нимъ селенія.

Не лишнимъ почитаю упомянуть здѣсь о чрезвычайномъ непостоянствѣ климата сей земли, почитаемаго всѣми теплымъ; на него начальствующіе войсками должны всегда обращать особенное вниманіе.

Осень 1807 года была весьма теплая. Въ началѣ декабря выпалъ снѣгъ, при сильномъ морозѣ, послѣ 6 января 1808 г. послѣдовала столь теплая погода, что всякая осенняя одежда казалась излишней. Теплота сія постепенно увеличивалась до половины апрѣля и деревья начали уже распускаться. Апрѣля 16-го переправился я съ начальствуемой мною дивизіей чрезъ рѣку Днѣстръ и ночевалъ на правомъ берегу онаго въ мѣстечкѣ Атакахъ, давъ повелѣніе полкамъ слѣдовать на другой день далѣе. Но сколь велико было мое удивленіе, когда поутру увидѣлъ я Бессарабскую степь покрытою глубокимъ снѣгомъ, при морозѣ свыше 25 град. съ жестокимъ вѣтромъ. При этомъ была столь необыкновенная мятель, что въ нѣсколькихъ шагахъ не можно было различить никакихъ предметовъ. Сіе обстоятельство

---

[1]) Нынѣ областной городъ Бессарабской области.

заставило меня остановить походъ, а такъ какъ нѣкоторые полки уже выступили, то послать конныхъ и возвратить ихъ въ ближайшія селенія. Въ такомъ расположеніи оставался я съ дивизіею четыре дня, не смотря на то, что мнѣ назначены были числа, въ какихъ мѣстахъ, въ какое время долженъ я находиться. Сія рѣшительность спасла солдатъ и доставила мнѣ благодарность фельдмаршала.

Не доходя Кишинева, въ мѣстечкѣ Оргеѣ получилъ я отъ него письмо, которымъ онъ просилъ меня принять должность дежурнаго генерала при немъ. Зная, что Императоръ больше всего цѣнитъ наружность фронтовой службы, я полагалъ, что военные подвиги въ глазахъ его имѣютъ цѣну, по крайней мѣрѣ, неотъемлемой по законамъ награды, рѣшился я просить фельдмаршала уволить меня отъ предлагаемой должности, подъ предлогомъ, что вновь сформированная мною бригада не доведена еще до желаемаго мною совершенства. Но я еще ошибся въ заключеніи моемъ о *Государѣ*. Никакія заслуги не были имъ уважаемы, а напротивъ, если кто по наружности ему понравится, тотъ безъ заслуги, безъ всякихъ способностей и даже не смотря на свои недостатки и пороки, бываетъ возводимъ на высшія мѣста и даже получаетъ его довѣренность. Впрочемъ, о послѣднемъ можно усумниться, ибо по свойству своему онъ не имѣлъ не только ни къ кому, но даже и къ самому себѣ никакой довѣренности, и не только отрекался отъ своихъ словъ, но даже отъ актовъ, въ цѣломъ свѣтѣ объявленныхъ.

Скоро по прибытіи моемъ въ Кишиневъ, пріѣхалъ дивизіонный нашъ начальникъ ген.-лейт. *Ртищевъ*. Я, оставаясь при одной моей бригадѣ, получилъ предписаніе фельдмаршала, дабы, поручивши оную старшему по себѣ, явился въ Яссы, для принятія должности дежурнаго генерала, и что объ утвержденіи моемъ въ семъ званіи представлено Его Величеству.

Въ то время не было при арміяхъ ни начальниковъ главнаго штаба, ни интендантовъ. Дежурный генералъ съ своимъ бригадъ-маіоромъ, правителемъ канцеляріи, адъютантомъ и дежурнымъ офицеромъ, исправлялъ должность начальника штаба и вмѣстѣ дежурнаго генерала.

Прибывъ въ Яссы, нашелъ я генерала *Кутузова* въ великой довѣренности у фельдмаршала. Мнѣ на первый разъ поручено было привести въ порядокъ дѣла дежурства, находившагося въ великомъ запущеніи.

Образъ жизни кн. Прозоровскаго.

Я почитаю приличнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о свойствахъ и образѣ жизни въ послѣднее время фельдмаршала князя Прозоровскаго, когда неотлучно находился я при немъ. Сей достойный всеобщаго почтенія мужъ, при концѣ дней своихъ велъ, можно сказать, искусственную жизнь. Въ первый разъ, когда я, по должности своей, пришелъ къ нему съ утреннимъ рапортомъ, крайне былъ я удивленъ, найдя переднюю его наполненною офицерами

и чиновниками разнаго званія. Они разговаривали между собой и ходили по комнатѣ безъ всякой осторожности, какъ бы никого въ домѣ не было, не смотря на то, что фельдмаршалъ спалъ въ другомъ только покоѣ. Камердинеръ его стоялъ у дверей спальни, которая была немного отворена. Я спросилъ его:

— Что значитъ такая неосторожность? Они могутъ разбудить его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ мнѣ слуга,—хотя бы здѣсь били въ нѣсколько барабановъ, такъ и то его не разбудить.

Онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Князь велѣлъ разбудить себя въ восемь часовъ, еще нѣсколько минутъ не достаетъ, подождите немного и вы увидите, какъ онъ пробуждается.

Когда наступило время, камердинеръ отворилъ двери настежъ. Я увидѣлъ человѣка, лежащаго на постели и совершенно похожаго на мертвое тѣло; едва на открытой его груди примѣтно нѣкоторое дыханіе. Два лакея, съ щетками и съ тарелками съ уксусомъ и спиртомъ явились изъ другихъ дверей. Они сбросили съ него одѣяло, начали тереть его щетками, обмоченными въ уксусѣ, а спиртомъ мыли голову, терли виски, за ушами, подъ носомъ и давали нюхать. Минуты черезъ двѣ-три онъ глянулъ, охнулъ, сѣлъ на кровати, потомъ всталъ, шатаясь на ногахъ, поддерживаемый слугою, подошелъ къ столику и сѣлъ въ кресло. Тутъ довольно твердымъ голосомъ сказалъ онъ:

— *Подай мнѣ горькаго.*

Не знаю, что такое было поднесено ему въ большой рюмкѣ. Выпивъ всю, принялся онъ за приготовленный на томъ же столѣ чай: выпивъ двѣ чашки, съ прибавкой рому, велѣлъ принять. Потомъ онъ принялся за бумаги, началъ читать, писать, спрашивать о пришедшихъ по должности, посылать за другими, отдавать повелѣнія, распоряжаться,—и все съ твердостью и совершеннымъ присутствіемъ духа. Онъ имѣлъ необыкновенную память не только о дѣлахъ, давно прошедшихъ, что свойственно всѣмъ престарѣлымъ, но и о томъ, что случалось или что онъ приказывалъ наканунѣ или за нѣсколько дней. Даже самое маловажное весьма рѣдко забывалъ онъ.

Если не было надобности выѣхать куда-либо ранѣе, то занимался такимъ образомъ до 11 и до 12 часовъ. Потомъ одѣвался въ мундиръ, съ лосиными исподними и ботфортами, выходилъ въ залу, принималъ посѣтителей, и затѣмъ прогуливался верхомъ или пѣшкомъ. Обѣдалъ онъ всегда въ два часа; столъ его приготовлялся на 40 или на 60 особъ. Раздѣленъ онъ былъ на два,—за первымъ сидѣлъ онъ съ почтеннѣйшими гостями, а за другимъ, изъ тѣхъ же блюдъ состоящихъ, обѣдали ординарцы, караульные и дежурные офицеры, съ чиновниками канцеляріи. Передъ обѣдомъ пилъ онъ большую рюмку водки, закусывалъ соленой рыбой, балыкомъ, икрой и тому подобнымъ. Столъ его

состоялъ изъ многихъ, весьма лакомыхъ блюдъ, но жирныхъ и приправленныхъ острыми и горячительными веществами. Онъ ѣлъ много и обыкновенно выпивалъ полбутылки доброй мадеры, рѣдко, однако же, употреблялъ другія вина. Бывши всякій день непремѣнно приглашаемъ къ его столу, примѣтилъ я, что онъ за обѣдомъ почти всегда былъ веселъ, любилъ много говорить, и разговоры его полны были хорошаго знанія свѣта, а иногда учености и острыхъ шутокъ.

Послѣ обѣда прогуливался онъ съ полчаса времени въ каретѣ, потомъ спалъ не болѣе часа и пробуждался не съ тѣми трудностями, какъ по утрамъ. Если не было особенно важныхъ занятій, то вечеромъ принималъ онъ посѣтителей и бывалъ, особливо въ Яссахъ, въ публичныхъ собраніяхъ.

Князь Прозоровскій былъ точенъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, храбръ, некорыстолюбивъ и справедливъ, взыскателенъ и строгъ по службѣ, но доброе его сердце никогда не доводило подчиненныхъ его до совершеннаго несчастія. Онъ былъ твердъ и настоятеленъ предъ высшимъ начальствомъ, а особливо въ случаяхъ, касающихся общей пользы отечества. Я приведу здѣсь такіе случаи, которыхъ я самъ былъ свидѣтелемъ.

Войска, расположенныя въ крѣпости Киліи, крайне претерпѣвали отъ болѣзней, и много людей умирало. Это относили къ нездоровому воздуху сего низменнаго и болотистаго мѣста, окруженнаго камышемъ. *Кн. Прозоровскій* поѣхалъ самъ туда, приказалъ на довольное пространство очистить камыши, возвысить турецкія строенія, въ которыхъ помѣщались солдаты, и въ особенности госпиталь. Въ пищу всѣмъ давать свѣжее мясо, приправленное черемшою или дикимъ чеснокомъ и другими пряностями. По утрамъ давать по чаркѣ водки, съ настойкою изъ травъ извѣстнаго *доктора Трахимовскаго*, — въ обѣдъ уксусъ и по кружкѣ хрѣноваго пива. Такое содержаніе не только спасло людей отъ болѣзней, но и смертность прекратилась. Когда дано ему было почувствовать, что такое средство стоитъ многихъ издержекъ, то онъ написалъ Государю: *„Русскій солдатъ дороже серебрянаго рубля“*.

Образцовая аммуниція.

Государь прислалъ однажды образцоваго солдата съ ремнями, поддерживающими на плечахъ его объ вѣсную аммуницію, т. е. ранецъ, шинель и манерку. Широкіе, твердые ремни, туго застегнутые подъ мышками рукъ, удерживали оную на плечахъ. При чемъ повелѣно было непремѣнно учредить сіе такъ во всей арміи. Фельдмаршалъ, призвавъ къ себѣ солдата, приказалъ принести ружье и велѣлъ ему прицѣлиться для выстрѣла. Бѣдный солдатъ едва могъ соединить руки свои. И не смотря на то, что онъ былъ человѣкъ сильный, не могъ и полминуты продержать оное; послалъ оное къ Государю съ замѣчаніемъ, что онъ, видя неопытность ген. *Аракчеева*, приказалъ дежурному генералу найти

другой способъ. Этотъ новый способъ и ввелъ онъ въ употребленіе во ввѣренной ему арміи и совѣтуетъ принять оный и въ прочихъ войскахъ.

Забота кн. Прозоровскаго о развитіи танцовальнаго искусства въ Яссахъ.

Не могу умолчать объ одномъ странномъ случаѣ, доказывающемъ уваженіе, а можетъ быть, по наружности доброе къ нему расположеніе Государя. *Кн. Прозоровскій* хотѣлъ, чтобы въ Яссахъ въ зимнее время, по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, были публичные балы и маскарады, а въ посты концерты, на которыхъ проводилъ онъ почти всегда часа два. Одинъ разъ на балу, сидя подлѣ меня, сказалъ онъ:

— Взгляни, какое здѣсь множество прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ, но жаль, что онѣ всѣ неправильно танцуютъ. Не забудь мнѣ напомнить объ этомъ завтра при утреннемъ рапортѣ.

Едва скрылъ я свое удивленіе, но долженъ былъ исполнить приказаніе.

На другой день, послѣ доклада по дѣламъ службы, сказалъ я ему:

— Ваше сіятельство приказывали напомнить о дамахъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—я уже написалъ о томъ Государю.

И, подавая мнѣ письмо, прибавилъ:

— Отдай это отправляющемуся сегодня фельдъегерю.

Прошло нѣсколько недѣль, какъ я, по обыкновенію, придя по утру къ нему, нашелъ въ его передней человѣка во фракѣ и башмакахъ.

— Кто вы?—спросилъ я его.

— Императорскаго театра танцмейстеръ Банишовъ, присланный по высочайшему повелѣнію для обученія здѣшнихъ дамъ танцовальному искусству,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я доложилъ о немъ. Князь, поговоривъ съ нимъ, какъ знатокъ, объ его искусствѣ, прибавилъ:

— Дежурный генералъ велитъ отвести тебѣ квартиру, и ты будешь здѣсь имѣть довольно практики.

Выйдя съ нимъ изъ комнаты, не оставилъ я предварить его, чтобъ онъ не сказывалъ никому больше, что онъ присланъ въ Яссы по высочайшему повелѣнію, а я обѣщалъ доставить ему выгодное для него занятіе. И такъ, нѣкоторыя ясскія дамы получили тогда первыя правила танцовальнаго искусства.

Но обратимся къ важнѣйшимъ происшествіямъ того времени. Фельдмаршалъ всячески старался прервать перемиріе между россіянами и турками. Хитрый *генералъ Кутузовъ*, извѣстный потомъ подъ именемъ князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, не только не казался къ тому равнодушнымъ, но и старался даже удерживать отъ того фельдмаршала. Около сего времени прибыли въ Яссы посланники отъ Порты. Цѣлью ихъ прибытія было желаніе продолжать перемиріе. *Кн. Прозоровскій*, находя

полномочія ихъ несовершенными, хотя и отослалъ ихъ назадъ почти безъ всякаго отвѣта, однако же не рѣшился нарушать перемирія.

Армія наша расположена была тогда слѣдующимъ образомъ. Генералъ *Кутузовъ*, находясь при фельдмаршалѣ, начальствовалъ войсками въ окрестности Яссъ; ген. *графъ Ланжеронъ* наблюдалъ крѣпость Измаильскую, начальствуя корпусомъ, находившимся близъ селенія Табакъ, въ 40 верстахъ отъ помянутой крѣпости; генералъ *Милорадовичъ* въ Бухарестѣ съ корпусомъ, расположеннымъ въ Большой Валахіи; а казацкій *генералъ Исаевъ* съ отрядомъ въ Малой. Въ то же лѣто армія усилилась прибытіемъ изъ Италіи 15 пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ ген.-лейт. Маркова.

Генералъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Ген. Кутузовъ, располагавшій всегда свои мысли, слова и дѣла по обстоятельствамъ къ личной своей пользѣ, вообще невыгодно отзывался на счетъ ген. Милорадовича. Но впослѣдствіи увидимъ, какъ онъ единственно для того, чтобы повредить фельдмаршалу, старался поселить въ немъ доброе о немъ мнѣніе.

Князь Прозоровскій, видя армію свою безъ дѣйствія, предпринялъ движеніе для собранія большого лагеря на правомъ берегу рѣки Серета, не въ дальнемъ разстояніи отъ Браилова. Онъ двинулъ туда для соединенія четыре дивизіи и нѣсколько отрядовъ, съ наблюденіемъ всѣхъ тактическихъ правилъ, производя маневры на походѣ. Ген. Кутузовъ, подъ предлогомъ болѣзни, остался въ Яссахъ.

Характеристика нашихъ генераловъ.

Я умалчиваю здѣсь, сколько генералы наши, занимаясь одними только наружными мелочами въ отношеніи одежды солдатъ, а другіе, какъ напримѣръ, ген. *Ртищевъ*, только бумагами и табелями, отвыкли отъ настоящаго военнаго искусства. На каждомъ переходѣ, въ каждомъ движеніи, въ постановленіи лагеря и въ выступленіи изъ онаго всякій разъ находилъ фельдмаршалъ самыя грубыя и непростительныя ошибки. Я приведу здѣсь только одинъ случай при постѣ Перескифъ. Главная квартира расположена была въ семъ селеніи, армія же раздѣлена была на три корпуса и стала въ нѣсколькихъ верстахъ отъ оной. Во время дневки, ген. Ртищевъ пріѣхалъ къ фельдмаршалу и просилъ его, чтобъ онъ посѣтилъ его лагерь и удостовѣрился, въ какомъ отличномъ порядкѣ расположены его корпуса. Прозоровскій, зная его, долго отговаривался, наконецъ, согласился и пошелъ. Нельзя повѣрить, какъ на всякомъ шагу, во всѣхъ отношеніяхъ означилось, что онъ (Ртищевъ) не имѣлъ ни малѣйшаго познанія о тактикѣ и даже о должномъ порядкѣ, наблюдаемомъ въ лагерѣ. *Фельдмаршалъ* крайне былъ разсерженъ и, наговоривъ множество обидныхъ словъ на счетъ главнаго подчиненнымъ начальникамъ, возвра-

тился довольно поздно въ свою квартиру. Ген. *Ртищевъ* послѣдовалъ за нимъ, но остался за дверью комнаты. Князь, призвавъ меня и начальника по части квартирмейстерской *полковника Хоментовскаго*, сдѣлалъ имъ распоряженія къ походу на другой день. Я отдалъ его приказаніе со всевозможною точностью дежурнымъ корпусовъ, а Ртищевъ лично получилъ оный чрезъ меня. Между прочимъ, велѣно было, чтобъ въ 4 часа поутру сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ пушки, стоявшей при корпусѣ фельдмаршала, по которому должно бить генеральный маршъ во всѣхъ корпусахъ. Спустя полчаса сборъ и послѣ онаго немедля выступать по данному плану. Для лучшей точности, повѣдалъ я приказаніе о выстрѣлѣ изъ пушки корабельному офицеру и свѣрилъ его часы съ моими.

Едва легъ я и заснулъ въ моей землянкѣ, находившейся въ неблизкомъ разстояніи отъ караула фельдмаршала, какъ прибѣжалъ адъютантъ, требуя меня къ нему. Онъ, увидя меня, спросилъ:

— Который часъ?

Я отвѣчалъ:

— Два часа.

— Позовите ко мнѣ корабельнаго офицера,—сказалъ онъ.

Лишь только офицеръ явился, онъ спросилъ его:

— Въ которомъ часу приказалъ тебѣ дежурный генералъ стрѣлять изъ пушки?

— Въ 4 часа,—отвѣчалъ офицеръ.

— А теперь который?—продолжалъ фельдмаршалъ.

— Два часа,—сказалъ онъ.

— Какъ же ты осмѣлился не исполнить приказанія генерала?

— Послѣ приказа, отданнаго дежурнымъ генераломъ, пришелъ ко мнѣ дивизіонный начальникъ ген. Ртищевъ и велѣлъ выстрѣлить въ 2 часа, чтобъ войска лучше могли приготовиться къ выступленію предписаннымъ порядкомъ,—сказалъ офицеръ.

— Сейчасъ, г. дежурный генералъ, поѣзжайте въ лагерь Ртищева,—сказалъ онъ мнѣ.—Откажите ему отъ начальства. Если войско выведено, введите людей въ палатки, дожидайтесь выстрѣла, который я самъ прикажу сдѣлать. Вижу, что никто ничего не знаетъ; на сегодняшній день поручаю я вамъ командованіе арміей, сдѣлайте этотъ переходъ въ томъ порядкѣ, который вамъ извѣстенъ, и я буду смотрѣть за точностью исполненія. Ген. *Кутузовъ* меня оставилъ, будьте вы моимъ помощникомъ на сіе время.

Я поскакалъ въ лагерь, и на второй день фельдмаршалъ былъ доволенъ исполненіемъ его приказанія.

